

HAL
open science

Каролингская империя: Преемственность и новаторство в контексте смены исторических парадигм

Dmitry Starostin

► To cite this version:

Dmitry Starostin. Каролингская империя: Преемственность и новаторство в контексте смены исторических парадигм. 2020. <halshs-02540793>

HAL Id: halshs-02540793

<https://shs.hal.science/halshs-02540793>

Preprint submitted on 11 Apr 2020

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Каролингская империя: Преемственность и
новаторство в контексте смены исторических
парадигм

Старостин Д. Н.

Оглавление

Оглавление	ii
Введение	1
1 Преимущество власти в королевстве франков, проблема легитимности Каролингов и смена исторического мировоззрения	11
Образы прошлого и представления о власти в каролингскую эпоху .	11
2 Империя, королевство и семья: Парадигмы власти в королевстве франков в период его создания под властью Каролингов	53
Коммуникация и компромиссы: Дар в системе власти королевства франков	53
Каролингская система власти и разделы королевства	78
3 Система компромиссов или распад: Структуры власти после Верденского раздела	108
Образ власти и традиции: Хинкмар Реймский и место Каролингов и двора в системе власти	108
Правящая династия, знать и формирование территориальных княжеств	118
4 Наследие Каролингов в X в.: Хроника Рихера Реймского как взгляд с севера	169
Короли и знать: формирование баланса власти в конце IX–X вв. (по «Хронике» Рихера Реймского)	169

Карл III Простоватый, Людовик IV и формирования в Западно-франкском королевстве группы магнатов при короле . . .	197
Королевская «жалоба» как часть нарратива о королевской власти . . .	204
Заключение	207
5 Адемар Шабаннский и значимость каролингского наследия	213
«Хроника» Адемара Шабаннского и ее возникновение	213
Исторический метод Адемара и история королевства франков	219
История графских династий на юге Франции в первой половине IX в.	232
1000 год от Р. Х. в изображении Адемара Шабаннского	241
Адемар и история церкви	265
Заключение	286
6 Заключение	298
Список сокращений	300
Источники	302
Список литературы	306

Введение

В настоящем исследовании будет предпринята попытка разработать для периода правления каролингской династии систему критериев для оценки преемственности и инновации во структурах властных связей и в системе их репрезентаций в контексте исторических «циклов длительной протяженности» в истории королевства франков. В нем ставится задача найти закономерности развития взаимоотношений во власти как циклы, в той или иной мере могущие быть поставленными в соответствие «циклам длительной протяженности» в истории Средиземноморья и западной Европы.¹ Исследование этих циклов длительной протяженности в контексте создания каролингской власти, а затем ее трансформации и адаптации к процессу роста территориальных княжеств является важнейшей задачей для современного положения дел в области исследования этого периода.

Актуальность проблемы определяется тем, что изначально сложившаяся дихотомия усиления власти при Карле Великом и ослабления власти при его потомках в области описания процессов становления династии и удержания ей влияния была сильно модифицирована благодаря целому ряду современных работ.² Так, идея о ключевом переломе во всех областях с приходом Каролингов была недавно оспорена идеей о длительном сохранении еще «тацитовской» схемы деления власти на два, а точнее на три типа, в течение всего правления не только Меровингов, но также и Каролингов.³ Широкая распространенность ритуального насилия в каролингском обществе, выражавшаяся через ритуализацию войны, говорит о нестабильности социального пространства франкского королевства в правление этой династии.⁴ Поэтому в этом исследовании будет изучен процесс формирования власти новой династии не в ее традиционном противопоставлении

меровингской династии и в описании ее как источника перелома в области создания стабильной структуры власти по всей Европе, а как пример наследования и передачи традиций легитимности власти. Процесс создания исторической репрезентации передачи власти от одной семейной группы к другой и сохранения этой другой группой своего влияния с учетом роста центробежных тенденций будет рассмотрен с учетом противоборства двух современных школ исторической интерпретации, школы «перелома» и школы «континуитета». Более того, будет показано, что в правление каролингской династии сложилась практика власти, преемственность которой чувствовалась даже в конце XI в.⁵

В рамках этих задач будет подчеркнуто, что некоторые аспекты власти меровингской династии не были забыты сразу и не оказались неактуальны с приходом к власти Пипина III (751-768) и Карла Великого (768-814), а также при передаче последним власти своему сыну Людовику Благочестивому (814-840). Таким образом, главная задача состоит в том, чтобы в отличие от традиционного подхода показать важность наследия практики власти варварских королевств для дальнейшего развития королевства франков при распространении его власти на всю Европу. Как особый момент будет подчеркнуто, что практика формирования вокруг правящей семьи аристократических групп региональной знати, каждой со своей стратегией выживания и своими привилегиями в рамках средиземноморского и около-средиземноморского миров, была общей для Меровингов и Каролингов, но что парадоксальным образом, у потомков Пипина II было не так мало проблем с легитимностью их власти. Будет исследовано, какие особенности исторического мировосприятия возникли или были созданы специально для компенсации определенных недостатков легитимности Каролингов и проблем с признанием их власти, которые отличали эту династию от Меровингов. Будут предложены способы оценить факторы преемственности и новизны при переходе от одной династии к другой. Будет показано, что несмотря на уверенность в полном согласии всех значимых людей на принятие Каролингов в качестве единственной легитимной власти, которая пронизывала Эйнхарда, на самом деле вторая династия франкских

правителей заимствовала много для своего образа из тех символов власти, которые сформировались в раннее Средневековье при Меровингах. Более того, будет показано, что Каролингская династия имела специфические проблемы с признанием своей легитимности, которые происходили в ее случае в первую очередь из-за отсутствия какого-либо следа от прямой преемственности с властью Римской империи (в виде имперского диплома о признании консулом, например, а не коронации в присутствии римского папы), но которых, однако, было достаточно в само-репрезентациях меровингской династии.

В результате работ историков раннего Нового, Нового и Новейшего времени создалась устоявшаяся традиция видеть в приходе Каролингов перелом в истории королевства франков, причем с этим соглашались даже те исследователи, которые отказывались видеть в этом приходе перелом сугубо династического характера.⁶ «Триумф» создания властного центра в Европе под эгидой правителей из новой династии, происходившей из пограничного к границам бывшей Римской империи региона, в течение долгого времени являлся главной темой исследований.⁷ В созданных в каролингскую эпоху взаимосвязях внутри властного слоя стали видеть практически «новое слово» в плане организации власти. «Слабые Меровинги» стали неизменным образом истории раннего Средневековья,⁸ а приход Каролингов стал рассматриваться как перелом в истории королевства франков, в результате которого оно приобрело, как считалось, новый импульс к развитию.⁹ Однако в последующих рассуждениях ставится задача показать, что нет оснований считать принципы организации королевства франков в период правления Каролингов значительно отличающимися от принципов организации в меровингский период. Таким образом, в данного исследования будет попытка деконструировать мифологическую по сути концепцию «каролингского триумфа» как антитезы «слабым Меровингам» посредством обращения к проблемам изображения действий власти в правление Каролингов. В частности, будет уделено внимание тем сложностям, с которыми столкнулось королевство франков при Пипине III и Карле Великом, и в особенности, будет подчеркнуто, что даже на пике своих успехов правители из этой семьи

придерживались тех же правил ведения дел, что и их предшественники. Будет показано, что особенности описания королевства франков при Каролингах были связаны с значительно изменившейся парадигмой истории, проистекавшей из ключевого переустройством в области восприятия исторического времени и церковных календарей. В частности, будет показано, что близкое совпадение даты коронации Карла Великого и 6000 г. от сотворения мира в рамках тех календарей, которые были доступны в королевстве франков в результате адаптации их несколькими мыслителями, в частности Григорием Турским, привело к панике в кругах образованных клериков и к необходимости значительных и концептуальных изменений в мировоззрении.

Новым в подходе настоящего исследования является то, что в истории каролингского периода нас будет интересовать не столько он сам как отдельный период истории королевства франков, сколько сложности в создании его полноценной и убедительной исторической картины. Более того, история каролингского периода будет отсчитываться не столько от внутренних процессов франкского королевства, сколько, наоборот, от внешних процессов в Средиземноморье и в Европе, т. е. в первую очередь как часть определенной тенденции в рамках «времени длительной протяженности», либо части определенного периода, либо его конца или начала. Беря за основу «тацитовскую» схему двух, а на самом деле трех типов или «ветвей» власти, которые, как было показано, были весьма действенны как рабочая модель представлений меровингской и каролингской эпохи,¹⁰ эта часть исследования будет исходить из замеченной исследователями преемственности этой модели, которая функционировала как в меровингскую, так и в каролингскую эпоху и, таким образом, будет выступать в пользу консервативной оценки нововведений семьи Пиппинидов-Каролингов в области устройства власти и ее репрезентаций. В частности, несмотря на сложности в положительной аргументации концепции технологических изменений как главной движущей силы изменения в организации общества и власти в каролингскую эпоху, она тем не менее будет использоваться как одна из отправных точек для оценки этого периода. В

частности, изменения в технологиях ведения военных действий, а также изменения в технологиях поддержания и производства знания будут рассматриваться как основные тенденции «longue durée», от которых будет отсчитываться характер других изменений в области организации власти и культуры в королевстве франков в правление Каролингов.¹¹ Также консервативно будет оценен характер нововведений в области создания христианского образа власти, что даст возможности непредвзято оценить, где именно, в исторических реалиях, или же только в их репрезентациях, было больше всего изменений с приходом к власти Каролингов.

Таким образом, будет предпринята попытка не развивать эсхатологическую оценку каролингского периода как разрыва с прошлым, а, наоборот, рассмотреть те аспекты преемственности образа власти, которые напрямую проистекали из заимствования Каролингами практики власти королей из семьи Меровингов. Цель последующих глав двоякая. Показывая элементы преемственности в области понимания властных отношений, мы поставим вопрос о субъективных аспектах и причинах возникновения чувства новизны во время правления Каролингов. Контекстом, в котором будут рассматриваться власть Каролингов и ее репрезентации были захват значительной части Средиземноморья мусульманами, что привело к перераспределению взаимоотношений властных центров между югом и севером, а также к значительной смене социальных отношений в силу необходимости создания конных отрядов, необходимых для отражения атак сарацинов. Контекстом в области субъективных представлений будет значительное изменение восприятия истории и в особенности, исторического времени.

Главным исторической тенденцией каролингского периода можно считать переориентацию основных цивилизационных тенденций в силу распространения ислама в Средиземноморье. После публикации работы А. Пиренна «Магомет и Карл Великий» в 1937 г., впервые обратившей внимание на распространение мусульманства в Средиземноморье как на главную причину распада еще позднеантичных экономических связей, историки стали постепенно опираться на ее выводы и датировать распад Римского уклада и

системы экономических, властных и социальных взаимосвязей более поздним периодом, в качестве главного кандидата на который стало время конца VIII – начала IX вв., т. е. правления Пипина III и Карла Великого.¹² Это стало в особенности очевидным после работ, совместивших в своей методологии подходы истории и археологии. Результаты анализа археологических данных показали, что именно к моменту коронации Пиппина III, а в каком-то смысле именно к моменту начала военных кампаний Карла Великого наблюдался наибольший кризис речной торговли в королевстве франков, потому что карты археологических данных показывают, что весь центр Галлии на тот момент потерял связь на уровне перевозки артефактов с устьями основных рек, Сены, Луары, Роны и Гаронны.¹³

Хотя путь создания работы Пиренна был достаточно сложен и окончательный результат был не столько авторским текстом, сколько результатом работы его ученика Ф. Веркотерена над подготовкой к окончательной публикации книги своего учителя, она тем не менее постепенно приобрела значительное влияние для историков. Несмотря на то, что в ней А. Пиренн свел доказательство своей идее к ряду очень узких тем наличия или отсутствия в Западном Средиземноморье привезенного из Восточного Средиземноморья золота, специй, шелка и папируса, его идея тем не менее и по сей день заставляет исследователей уделять ей внимание. Историки подметили, что некоторая узость доказательной базы имела своей причиной сложный процесс создания монографии, и что современные исследователи имеют право смотреть на эту работу чуть более широким взглядом и развивать ее идеи без обязательного обращения к конкретным доводам Пиренна. В частности, стало понятно, что некоторые мысли, который исследователь не выразил явно, можно тем не менее увидеть в его работе, а также найти доказательства для возможности построить на его основе концепции более широкую точку зрения. Основная идея Пиренна была намного шире, и она состояла в том, что только с приходом ислама Средиземноморье изменилось настолько, что стало возможным говорить о «падении» если не самой Западно-Римской империи, то хотя бы тех экономических и социальных структур, на которых в течение долгого

времени было построено доминирование Рима в Средиземноморье. Таким образом, А. Пиренн полностью отверг идею об распаде средиземноморского уклада жизни в провинциях Западной Римской империи после появления на ее территории варваров в V в. Соответственно, из его работы непосредственно прочитывалось, что только появление Каролингов совпало по хронологии с пиком разрыва единства Средиземноморья, и что Меровинги застали только начало процесса распада единства Средиземноморья, почему и ушли в историю. Таким образом, Меровинги виделись как династия, максимально сохранявшая традиции Поздней Античности, а Каролинги в этой системе представлений имели функцию правителей, пришедших к власти, чтобы нейтрализовать отрицательные эффекты и сдержать процесс хаотического распада созданных еще в Поздней Античности связей. Более того, его работа в значительном смысле оправдывала деятельность Меровингов, потому что она показывала, что в ослаблении власти Галлии была не только их вина.

Настойчивый поиск А. Пиренном доказательств сохранения римского уклада жизни в мелочах хозяйственного устройства заставляет думать о разительном контрасте уклада королевства франков в правление Каролингов с укладом до прихода мусульман на Иберийский полуостров. Это происходит потому, что перед глазами исследователя сразу встают ставшие классическими в результате появления работ Н. Д. Фюстеля де Куланжа представления о распространении новой формы вертикальной зависимости, бенефициев, которые уже не имели ничего общего с какими-либо формами уклада в бывшем диоцезе Римской империи Галлия. После Пиренна суть ослабления Меровингов и причины прихода к власти Каролингов нужно искать не в экспансии по Европе и не в подчинении регионов Европы франкскому двору, а в том, как эти правители пытались сдержать распадающуюся систему провинциальной власти и провинциального уклада.

Соответственно, целью настоящего исследования является изучение основных парадигм сознания современников в отношении власти королевства франков в правление Каролингов, и в особенности репрезентации тех ее сторон, где проблемы легитимности выявлялись в наибольшей степени, т. е.

сторон, которые могут быть соотнесены с трехчастной моделью власти, сложившейся ранее в период Поздней Античности и в варварских королевствах V—VIII вв. Мы обратим внимание прежде всего на наличие в историческом самосознании чувства преемственности при Меровингах и Каролингах и пути появления в культуре чувства «нового исторического времени» с приходом Каролингов. Мы также попытаемся понять, где его корни.

Стоит обратить внимание на наличие в историографии восприятия исторического процесса и новизны каролингской эпохи парадоксальной ситуации, потому что одновременно с больши количеством работ, посвященных традиционному историописанию, отечественные историки практически не уделяли внимания вопросу создания исторических воззрений и способов репрезентации истории в источниках другого типа. Этими источниками другого типа являются календарные трактаты, большинство из которых было посвящено тем или иным образом вопросу вычисления даты Пасхи, но также и вопросам установления правильной шкалы отсчета времени от сотворения мира и от рождества Христова. Таким образом, исследования репрезентации власти, как будет показано, были в значительной степени неполны и в каком-то смысле даже основаны на неправильных посылах, потому что как показали современные исследования, сама хронологическая шкала в это время оказалась под вопросом. В частности, мало исследователей, занимавшихся историческими воззрениями каролингской эпохи, обратили внимание на то, что в силу внесенных христианскими историками и мыслителями «уточнений» в систему христианского летоисчисления 800 год от Рождества Христова попадал очень близко к дате начала «Тысячелетнего царства». Это вызвало подмеченное исследователями беспокойство, которое было характерно для образованных деятелей церкви, окружавших двор Карла Великого. Если учесть, что вопрос о счете лет от сотворения мира был первым в капитулярии Карла Великого, изданного в 805 г., то можно понять, насколько животрепещущей стала эта проблема.¹⁴ Если посмотреть, например, на хронологию, предложенную Григорием Турским, то мы увидим, что она отличалась от более

традиционной примерно на три столетия в сторону уменьшения. Таким образом, 592 г. от рождества Христова был для историка из Галлии 5800 г. от сотворения мира, что предполагало рождение Христа ок. 5200 г. Вероятно, это было связано со страхами, вызванными широким распространением эсхатологических идей о приходе Тысячелетнего царства¹⁵

В исследованиях было показано, что начиная с V в. н. э. христианские теологи и мыслители стали проявлять волнение относительно согласования христианской хронологии от сотворения мира и тех предсказаний, которые следовали из интерпретации в ее рамках эсхатологических текстов Библии, Апокалипсиса Иоанна, евангелия от Луки, и второго послания Петра.¹⁶ В частности, указания на семь тысяч лет как на общий возраст мира и упоминание о тысячелетнем царстве, которое должно было предшествовать окончательному исчезновению мира делало дату в шесть тысяч лет крайне важной. Начиная со времени Августина Блаженного дата стала актуальной, потому что сочинения Иеронима Стридонского и в особенности, его комментарий на книгу пророка Даниила, сделали вопрос о тысячелетнем царстве и связанных с этим событиях крайне болезненным.

Именно на эти аспекты истории этого периода и будет обращено внимание. Главной их целью является показать масштаб изменений в способах репрезентации времени и в историческом сознании в период распространения ислама в Средиземноморье, в период ослабления там позднеантичного уклада, и во время постепенной смены Меровингов Каролингами. Одновременно, целью последующих глав является показать, что эти изменения в репрезентации исторического процесса составляли разительный контраст по сравнению с крайне постепенными и осторожными изменениями в способах организации власти.

¹*Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2e éd. Paris, 1937 ; *Pirenne H.* Mohammad and Charlemagne. London, 1939 ; *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne, and the origins of Europe: Archeology and the Pirenne thesis. Ithaca, NY, 1983 ; *Hodges R.* Dark Age economics: the origins of towns and trade A.D. 600-1000. New York, 1989 ; *McCormick M.* Origins of the European economy: Communications and commerce, A.D. 300-900. Cambridge, 2001 ; и в самом общем случае *Braudel F., Reynolds S.* The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II : in 2 vols. London, 1976.

²*Левандовский А. П.* Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. Москва, 2013 ; *Сидоров А.* В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII–X века. СПб., 2018. С. 27–36.

³*Carozzi C.* Eginard et les trois fonctions de la royauté // Le pouvoir au Moyen Age. Ideologies, pratiques, représentations / sous la dir. de C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi. Aix-en Provence, 2005. P. 252-256.

⁴*Nelson J. L.* Violence in the Carolingian world and the ritualization of ninth-century warfare // Violence and Society in the Early Medieval West / ed. by G. Halsall. Woodbridge, 1998. P. 106–107 ; *Gillingham J. B.* Fontenoy and after: pursuing enemies to death in France between the ninth and the eleventh centuries // Frankland: the Franks and the World of the early Middle Ages. Essays in Honour of Dame Jinty Nelson / ed. by P. J. Fouracre, D. Ganz. Manchester, 2008. P. 264–265.

⁵*Gabriele M.* The last Carolingian exegete: Pope Urban II, the weight of tradition, and Christian reconquest // Church History. Vol. 81, no. 4. P. 810–814.

⁶*Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 40–46.

⁷*Halphen L.* Etudes critiques sur l'histoire de Charlemagne; les sources de l'histoire de Charlemagne, la conquête de la Saxe, le couronnement impérial, l'agriculture et la propriété rurale, l'industrie et la commerce. Paris, 1921 ; *Halphen L.* L'idée d'état sous les Carolingiens // Revue historique. 1939. T. 185. P. 59-69 ; *Halphen L.* Charlemagne et l'empire carolingien. Paris, 1947 ; *Ullmann W.* The Carolingian renaissance and the idea of kingship. London, 1969 ; *Folz R.* Le couronnement impérial de Charlemagne. Paris, 1964.

⁸См. библиографию нас. 59-62 *Gauert A.* Noch einmal Einhard und die letzten Merowinger // Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter: Festschrift für Josef Fleckenstein zu seinem 65 Geburtstag / hrsg. von L. Fenske, W. Rosener, T. L. Zotz. Sigmaringen, 1984. S. 59–72.

⁹*Dopsch A.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. Wien, 1923 ; *Bullough D.* The age of Charlemagne. London, 1965. P. 207 ; *Bullough D.* Europae pater: Charlemagne and his achievement in the light of recent scholarship // English historical review. 1970. Vol. 85. P. 100–105.

¹⁰*Carozzi C.* Eginard et les trois fonctions de la royauté. P. 250-256.

¹¹*White L.* Medieval technology and social change. Oxford, 1962. P. 11–13.

¹²*Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne.

¹³*Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed. P. 20–53, 77–101.

¹⁴*Palmer J.* The Apocalypse in the early Middle Ages. Cambridge, 2014. С. 130–159.

¹⁵*Landes R.* «Millenarismus absconditus» : L'historiographie augustinienne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu'à l'an Mil // Le Moyen Age. 1992. T. 98, n° 3/4. P. 355-377 ; *Landes R.* Sur la traces du Millenium : la «via negativa» // Le Moyen Age. 1993. T. 99, n° 1. P. 5-26.

¹⁶Откровение Иоанна . 19:15, 20:7-10.Ев. Луки. 1:32-33 ; 2 Послание Петра . 3:10.

Глава 1

Преемственность власти и смена исторического мировоззрения

Образы прошлого и представления о власти в каролингскую эпоху

Обращаясь к формированию основных аспектов цивилизации в период, когда франкским королевством правила династия Каролингов, историки традиционно встречают проблему баланса между старым и новым в организации власти и в представлениях о ней. На чем основывалась легитимность Каролингов как династии по сравнению с традиционно описываемыми как «слабые короли» Меровингами? Самой взвешенной характеристикой власти Карла Великого является описание его как катализатора перемен, а не как их единственную движущую силу.¹ Ведь Каролингская эпоха, и в особенности время правления Карла Великого, были полны эсхатологических ожиданий, которые ставили власть под сомнение.² Утверждалось даже, что споры Алкуина с Беатом из Лиебаны, в которых отвергался адопционизм, привели к необходимости обратить внимание на эсхатологический характер поддерживаемого таким образом представления о времени христианской истории. Некоторые исследователи даже считали, что востребованность идеи империи шла от осознания этого представления о начале Тысячелетнего царства.³ Считается, что по этой теме шли настолько острые дебаты, что грамотные люди этого периода даже однажды отказались дальше вдумываться в символическое значение 800 г. от Р. Х. как 6000 лет от сотворения мира, как это получалось по некоторым подсчетам.⁴ Так

называемая «Кёльнская запись» приравнивала 798 г. к 5998 г. от Сотворения мира.⁵ Каролингская империя как ответ на эсхатологические ожидания долго тревожила ума людей даже после того, как последние ее правители стали достоянием истории.⁶ Проблема была в том, что одним из сложнейших испытания для историка в раннем Средневековье было совместить требования христианского календаря к линейности времени от сотворения мира до конца времен и в то же время учесть требования к цикличности и типологической повторяемости событий Ветхого и Нового Заветов в отправлении религиозных обрядов.⁷

Историками был отмечен плюрализм в исторических воззрениях каролингского периода и отсутствие единой концепции, потому что историописание было доступно людям совершенно различных статусов.⁸ Но можно сделать еще более сильное утверждение относительно образа власти в исторических сочинениях. Считалось, что коронация Пипина III означала поворот в области репрезентаций власти, так как потомки майордомов сделали значительное ударение на легитимацию своей власти не посредством своей знатности или правом называть себя хотя бы отчасти наследниками римских порядков в Галлии (это было исключено по причине отсутствия у них земель и титулов, имевших отношений к римской Галлии). Пипин III сразу, как считается, сделал получение санкции от римского папы краеугольным камнем своей политики.⁹ Ранние хроники (т. е. написанные еще в правление Карла Великого, до монументального труда Эйнхарда), в которых отразились события этого времени, дают картину очень слабого проникновения системы представлений о королевской власти Каролингов в систему ценностей знати и свободных франков.

Авторы многих хроник и анналов, т. е. образованные монахи и священники королевства франков, часто имевшие своим происхождение семьи региональной по значению знати, в течение долгого начального периода каролингского господства в королевстве франков не могли точно сформулировать критерии легитимности королевской власти. В частности, только три источника рассказывают о коронации Пипина III в 751 г., причем они довольно сильно расходятся друг с другом в определении того, что

именно произошло в ходе этого события и понимания той роли, которую сыграл римский папа Стефан III (752–757) в этом процессе. Например, оказалось, что в современных событиям источниках, таких, как *Contunuator Fredegarii*, *Annales regni francorum*, и в *Clausula de unctione Pippini* картина прихода к власти Пипина III выглядела совершенно по-разному, причем ключевые события, воспринимаемые современными историками как часть единого ритуала легитимации, для современников не были связаны воедино, потому что присутствовали в совершенно разных источниках. Так, папская санкция на избрание майордома королем от папы и его помазание Бонифацием присутствовала в Лоршских анналах, а *Clausula de unctione Pippini* описывала процесс помазания его на царство уже не вышеупомянутым англо-саксонским миссионером, а самим Римским папой: «Mandavit itaque praefatus pontifex [Zacharias] regi et populo Francorum, ut Pippinus qui potestate regia utebatur, rex appellaretur, et in sede regali constitueretur. Quod ita et factum est per unctionem sancti Bonifatii aei Suessionis civitate».¹⁰ Отметим, что Лоршские анналы упоминали санкцию папы, оставив на совести исследователей сделать конъектуру в отношении имени папы, занимавшего эту должность в 751 г. Но точно известно, что хоть и был папой до 752 г., он не мог быть в Галлии на коронации Пипина III. Предполагалось, что только в 754 г. Стефан II, после длительных договоренностей, смог-таки добраться до Галлии, как об этом сообщает *Clausula de unctione Pippini*.¹¹ Благодаря проверки всех возможных гипотез историки все-таки склонны сходиться во мнениях, что коронация прошла при Стефане II.¹²

В исторических представлениях об основах и начале власти Каролингов ритуалы легитимации власти этой династии описывались историками как берущие начало именно из коронации Пипина III. Именно с этого времени в репрезентации власти во франкских исторических источниках короли стали появляться в образах, которые типологически основывались на царях и пророках из Ветхого завета.¹³ Правда, это не было нововведением, а скорее заимствованием тех тем, которые уже некоторое время назад были разработаны в различных пограничных регионах Европы, в том числе в

Ирландии, Англо-Саксонской Англии и др.¹⁴ Стоит понимать, однако, что даже фигуральная библейская интерпретация образов королевской власти в раннем Средневековье, была всегда многозначна и могла как поддерживать королей, так и снижать их значимость.¹⁵ Тем аккуратнее нужно читать источники по истории Пипина III и Карла Великого. Наличие образов, взятых из библейской экзегезы, при описании их дел не дает возможности считать эти образы однозначной легитимацией их власти. Фактически, эти современные времени Пипина III и Карла Великого источники не имела даже общей хронологии, и даже Эйнхард в 823–823 гг. писал историю так, что в ней нельзя найти сведенного воедино хронологически четкого повествования.¹⁶ Их (небесспорное) сведение в единую канву событий было сделано только во второй четверти XX в. Путь Каролингов к власти был сложным, как показывают исторические компендиумы каролингской эпохи.¹⁷

Таким образом, еще около 800 г. (а возможно, и во время жизни Эйнхарда, Тегана, Нитарда и Астронома) единого исторического нарратива в источниках по истории франкского королевства не существовало. Этот факт ярко показывает, что история и знание о прошлом не сразу стали центральными для процесса легитимации власти королей франков из рода Пиппинидов, потому что даже во время наибольших успехов Карла Великого как правителя общеевропейского масштаба не существовало единой версии истории успеха этого короля франков, как не существовало ее и в эпоху его сына.¹⁸ Исследуя коронацию Карла Великого, историки подмечали, что и во втором случае единообразия исторического нарратива не существовало.¹⁹ Более того, имеющиеся источники при внимательном прочтении позволяют сделать выводы, в какой-то мере противоречащие находящимся на поверхности сведениям. Например, победа над саксами могла быть решающим фактором для коронации Карла Великого.²⁰

Понимание системы представлений о власти, сложившихся в правление королей франков из семьи Пипина III и Карла Великого, может быть достигнуто только путем исследования отношения современников к историописанию, которое было достаточно сложным и разнородным.²¹ Это тем более значимо, потому что некоторые исследователи считают успешной

попыткой усилия нескольких историков по формированию в последующие несколько десятилетий новый исторический нарратив, который появился из этих разрозненных фрагментов исторического знания.²² Однако этот исторический нарратив имел сложную динамику, потому что начавшись с критики Карла Великого при Людовик Благочестивом, он резко ударил и по нему самому, когда в некоторых источниках («Видение бедной женщины из Лана») предполагалось даже стирание имени Людовика из списков спасенных.²³ И после этого критического момента В этой связи крайне важным представляется вопрос об интерпретации тех представлений, которые можно найти у каролингских историков, причем сделать это следует в контексте рассмотрения общих процессов в сфере образованности и культуры. В этой главе предполагается исследовать процесс адаптации каролингских методов историописания к ситуации, когда новые требования к правителям в плане поддержанию своей власти после грандиозного проекта Карла Великого в IX в. совпали с процессами роста интереса к каролингской истории и с поиском в нем идеалов преодоления хаоса. В ней предпринимается попытка оценить основные характеристики каролингского «историзма», в данном случае представлений о месте истории и знаний о прошлом, но рассмотреть этот историзм, в дополнение к уже имеющимся работам, в рамках системы политической самоидентификации и легитимации.²⁴

В частности, ставятся две основные задачи: показать, что консенсус в отношении даже самых значимых исторических событий складывался в каролингском королевстве непросто и путем улаживания очень сложных трений между реально существовавшими альтернативным версиями, и рассмотреть процесс формирования консенсуса в области исторических событий как социальный феномен и как результат необходимости для окружения Карла Великого принимать во внимание те противоположные мнения, которые возникли в среде местной знати как результат отторжения того давления, которое сопровождало почти постоянное ведение Карлом Великим военных кампаний, а потом и память о них. Таким образом, ставится задача подчеркнуть, что пытаясь создать свое видение истории,

каролингский двор вынужден был не просто конструировать повествование о своем видении истории, но достигать согласия с образованной местной знатью в отношении общего видения прошлого в силу того, что из-за завоевательных кампаний Карла Великого в королевстве франков сложилась весьма напряженная ситуация, выразившаяся в появлении альтернативных каролингской версии истории королевства франков.

Известно, что преодоление влияния альтернативных версий истории в пользу версии, нужной именно Каролингам и их окружению, было длительным процессом, закончившимся только после прихода к власти Людовика благочестивого. Классическими примерами событий, которые получили разные и порой противоположные интерпретации, были коронация Пипина III и ряд случаев из истории правления Карла Великого (как-то восстание тюрингов и др.), на основании которых выстраивается определенная модель для интерпретации разногласий в исторической картине каролингской эпохи. Таким же образом формировалась история битвы при Тертри (687), значение которой как ключевого события была разработана только в источниках, связанных с престолом св. Арнульфа в Меце, но приглушена даже в источниках, возникших в иных, пусть и близких к Мецу, монастырях типа Лорша. Это говорит о том, что Каролинги чувствовали себя достаточно ограниченными в возможностях манипулирования историческими дискурсами. Образ власти создавался в каролингскую эпоху как историческая реминисценция, легитимация которой проходила путем коммуникации между правителем и его образованными подданными. В главе предполагается оспорить тезис об ослаблении власти Каролингов в это период как концепции, разделяемой всеми, находящимися у власти.

Далее будет предпринята попытка показать (не только на примере сообщений о приходе к власти и о коронации), как отражались в репрезентациях власти в исторических сочинениях проблемы поиска консенсуса между королем франков и местными магнатами. Будет сделана попытка установить временной диапазон, когда произошло согласование различных версий, и в частности будет выдвинуто предположение о том, что оно произошло позже, в результате первой или первых двух декад правления

Людовика Благочестивого. В настоящем исследовании будет сделана попытка показать, что этот процесс согласования разных версий был результатом попыток легитимации власти посредством обращения как историков при дворе, так и историков в разбросанных по всему королевству франков монастырях к историческому знанию. Особое внимание будет уделено установлению тех способов, которыми единый исторический нарратив создавался в контексте поиска согласия между каролингским двором и региональными магнатами. В частности, создание исторического нарратива будет исследовано как способ коммуникации между историками при дворе и местными историками и знатью, смысл которой состоял в нахождении общего языка власти.

Проблемы календаря и летоисчисления в Каролингскую эпоху и особенности исторического самосознания эпохи

Развитие христианства, религиозности и сопряженных с ними знаний и представлений о мире в каролингском мире как в общем смысле мировоззренческих и теологических положений, так и в частном смысле ритуалов религиозности связывалось исследователями со столкновением во франкском королевстве двух волн распространения христианского мировоззрения и влияния церкви. Одна волна шла из средиземноморских регионов, и в особенности из Рима. Но Римом это влияние Средиземноморья не ограничивалось, потому что христианство пустило довольно серьёзные корни в Испании и в самой южной Галлии. Однако исследователи также обращали внимания на значительное влияние на распространение христианской доктрины и монашеского образа жизни в континентальной Европе из Ирландии и с Британских островов в целом. Родилась даже концепция о своего рода противостоянии средиземноморского варианта христианской организации ирландскому или островному варианту в лице двух самых выдающихся фигур истории церкви этого времени, епископа Меца Хродеганга и англо-сакса Бонифация. Историки подметили, что если судить по географическим соображениям, то можно заметить своеобразное

разделение зон влияния между ними, хотя любые соображения такого рода в раннем Средневековье, безусловно, очень сложно доказать.²⁵

Чтобы учесть все факторы формирования исторического мировоззрения и системы представлений о эпохах и календарях в контексте христианского вероучения, следует обратить внимание на формирование разных традиций эры и пасхального летоисчисления и на постепенное слияние различных традиций воедино. Многие христианские мыслители стремились создать эру для вычисления даты Пасхи, самой известной из них стала эра Дионисия Малого, который привязал начало эры к 532 г., когда весеннее равноденствие солнечного календаря совпало с полнолунием (что является произведением 19 лет лунного цикла на 28 лет солнечного цикла).²⁶ Раздел в области пасхалий произошел в поздней Античности,²⁷ а слияние многих традиций воедино произошло примерно ко времени Беды Достопочтенного, т. е. вскоре синода в Уитби в 664 г. и последовавшего за ним синода 689 г.²⁸ Самым простым, и одновременно поверхностным объяснением причин широкого распространения знаний о календаре в раннесредневековой Европе, например, в виде научных, метафизических трактатов *De natura rerum*, составленных разными авторами, является указание на их использование в рамках необходимости распространения христианства в северной Европе и на Британских островах.²⁹ Однако это лишь частично объясняет причины интереса к вопросам исчисления времени. В целом, общие вопросы метафизики были не главными в системе знаний, наиболее востребованных в этот период. Проблемы восприятия времени и исторического процесса для формирования системы репрезентаций власти были тем «двигателем прогресса», который задавал всю систему ценностей для образованных людей. Главенствующую, хотя и не единственную, как считалось ранее, роль, играла Ирландия, хотя Британские острова не отставали.³⁰ Например, вопросы эсхатологического восприятия исторического процесса видны были не только в ученых трактатах, но даже и в законодательстве в политических образованиях на Британских островах и в Ирландии.³¹ А это по необходимости приводит к обсуждению именно календарей в контексте исследования процесса формирования христианских репрезентаций власти и

исторического мировоззрения в раннесредневековой Европе. История представлений о времени и проблем составления христианских эры и ежегодных календарей в Европе в течение долгого времени увязывалась с развитием и распространением в континентальной Европе ирландского монашества в лице Колумбана и его двенадцати последователей, а также влияние англо-саксонских миссионеров типа Виллибальда и Бонифация, а также Алкуина и ряда других.³² Сложился в каком-то смысле «миф» об ирландской церкви и ирландском монашестве, деяниям которых приписали много особенностей в развитии церкви во время правления Каролингов. Расположенный на самом краю христианской ойкумены остров Ирландия стал местом, где созданные в Средиземноморье способы организации церковной жизни претерпели значительную адаптацию к местным условиям.³³ Но изучение региональных особенностей христианского мировоззрения в области истории и структурирования циклов времени в раннем Средневековье – это не просто один из частных вопросов истории церкви, а серьезная проблема трансформации христианской организации из тайной и ограниченной малым количеством приверженцев в охватывающее все общество церковь, возникающая при изучении процесса перехода от поздней Античности к Средним Векам. Поэтому вопрос изучения христианского календаря позволяет исследовать скорее не специфику регионального развития в эту эпоху, но в целом трансформацию самоидентификации христиан в процессе, начавшемся в позднеантичную эпоху. По сути своей, обращение к вопросам формирования единого восприятия исторического процесса и единого пасхального календаря позволяет высветить не столько региональные различия в раннем Средневековье, сколько увидеть малозаметные аспекты трансформации еще в позднеантичной средиземноморской цивилизации. Изучение ирландского вклада в науку о календарях стало одним из важнейших аспектов направления исследований, потому что именно на островах сложилась полноценная традиция преемственности в области науки о времени и о христианской эре. Как показали эти работы, в интересующем нас регионе Европы сложилось две основных традиции пасхальных циклов — созданные

Викторием Аквитанским и Дионисием Малым.³⁴ Оба типа распространились по всей Европе и даже поделили ирландских монахов на две группы.³⁵

Проблема исторического самосознания историков каролингской эпохи не может быть понята без учета тех проблем, которые в этот момент создало «истекание срока» действующих пасхальных таблиц, которые нуждались в периодическом уточнении. Проблема создания христианского пасхального календаря традиционно возникает как специальный вопрос, связанный со сложностью создания христианской эры и вычисления дат движущихся праздников. Исследователи показали, как в контексте создания христианской эры образованные люди раннего Средневековья выдвигали подчас противоположные точки зрения, стремясь в дискуссии со своими предшественниками и современниками обосновывать свою точку зрения.³⁶ В христианском летоисчислении сложилось большое количество циклов, которые, как правило, делятся по принципу отнесения к 19-летнему лунному и 84-летнему циклам.³⁷ Однако эта проблема имеет прямое отношение к чувству историзма как одной из главных составляющих легитимности власти, которое распространилось в каролингской Европе как средство поддержания уверенности в особой миссии франкских королей из династии Каролингов. Одна проблема состояла в том, что пасхальные календари изначально были неточными и наблюдаемые небесные явления, как-то полнолуния совпадавшие с солнечным затмением или лунным затмением, иногда имели существеннейшие расхождения вплоть до дня с ожидаемой в календаре датой.³⁸ В 725 г. Беда, как считается, убрал один день их пасхального календаря, чтобы адаптировать его к несостыковке, произошедшей намного раньше, в 664 г.³⁹ Автор *De ascensione lunae*, трактата, созданного в начале IX в., отмечал частый характер несовпадений затмений и данных календаря.⁴⁰ Второй проблемой была центральная для христианства тема Апокалипсиса, которая незримо присутствовала как главный аспект экзегезы понятия времени во многих трудах эпохи Каролингов, у Рабана Мавра и Валафрида Страбона.⁴¹

Создание единого календаря пасхальных праздников имело прямое отношение к чувству определенности времени политических событий и к

осознанию своего единства людьми церкви. Проблема заключалась в том, что в поздней Античности сложилось несколько типов пасхальных циклов, что внесло серьезные разногласия и деления в церковь. Некоторое время считалось, что именно в каролингский период был сделан прорыв в области систематизации методов вычисления даты Пасхи.⁴² Если прорыв начался раньше, то все равно в каролингскую эпоху внимание к календарю было крайне актуальным.⁴³ К V в. н. э. в силу естественных причин календари разных христианских общин разошлись достаточно сильно даже несмотря на то, что принятие христианства в качестве государственной религии в 313 г. дало возможность открыто жить в соответствии с требованиями религиозных догматов и ритуалов и праздновать все значимые для христиан даты. С точки зрения деталей это разнообразие состояло в том, что сложность согласования целого ряда факторов, в частности, солнечного и лунного календарей, привели к появлению по крайней мере двух, а на самом деле нескольких крайне отличных друг от друга таблиц с датами Пасхи, которые, однако, могли предоставлять пользовавшимся их алгоритмами полноценные системы дат, в целом соответствующие пониманию праздника Пасхи в Новом завете. Иногда расхождения диктовались обычными ошибками и непониманием процедур вычисления дат, а иногда обуславливались и другими, более серьезными причинами.⁴⁴

Критическая переоценка возникновения христианского летоисчисления в плане исследования датировки возникновения основных надежных пасхальных календарей и их рукописной традиции была сделана в результате появления работы А. Моссхаммера. Он сместил возникновение некоторых известных пасхальных таблиц, которые приписывались исследователями христианам III–IV вв. на более поздний период, а именно, на V в.⁴⁵ Из этого можно сделать вывод о том, что формирование христианского календаря еще не было закончено в поздней Античности, и это формирование шло очень активным образом. В каком-то смысле этот вывод привел к увеличению значимости раннесредневековых пасхалий, потому что оказалось, что за ними стоят не очень давние и хорошо устоявшиеся традиции, а, наоборот, сравнительно недавние эпизоды создания пасхальных таблиц в V в. Т. е.

каждая из раннесредневековых таблиц и рукописей была не просто переписыванием уже устоявшихся моделей, а, наоборот, являлась подчас результатом очень серьезной адаптации имевшихся знаний к новым проблемам вычисления дат Пасхи и создания христианской эры, а подчас и эры от сотворения мира. Таким образом, «латеркус» (а именно, созданная в западном Средиземноморье таблица исчисления дат Пасхи, а также таблицы Виктория Аквитанского и Дионисия Малого стали видеться не как повтор старого, а как современные даже самым «классическим» александрийским циклам. Поэтому можно признать, например, что вклад их авторов в календарную науку был несколько не меньшим, чем вклад александрийских ученых. Самым главным результатом работы Моссхаммера стало то, что связанные с именем Климента Александрийского пасхальные таблицы стали видеться не как более ранний эталон (как это виделось несколькими исследователям, например, Деклерку), а как результат одновременного роста интереса к вычислению даты Пасхи в период больших концептуальных преобразований в христианской церкви в период конца IV – V вв. Это привело к тому, что Александрийские пасхалии стали видеться как создание совершенно других, известных в другом контексте авторами, которые отвечали на теологические проблемы несколько другого рода, что волновали авторов западного Средиземноморья. Таким образом, пропал ореол Александрийских таблиц как единственных, соответствующих христианским представлениям о Пасхе.

Однако эта работа касалась в первую очередь александрийских пасхалий и она свела возникновение некоторых пасхальных таблиц к вопросу о датировке не самих принципов вычисления даты Пасхи, а именно готовых результатов этих вычислений. Что касается традиций западного Средиземноморья, то эта работа свела воедино ряд ранее разрозненных сведений, но ее выводы ограничены хронологически. По-видимому, обращаться к истории пасхальных вычислений, возраста мира и даты от Рождества Христова в период после падения Римской империи не было основной целью автора. Ее выводы, тем самым, не способствовали критической переоценке самого процесса трансформации христианского

летоисчисления и исчисления даты Пасхи на Западе в период с V по VIII в., а также сказали довольно мало о сложностях процесса выработки в Европе своих способов вычисления пасхальных календарей. Более того, в области вычисления сложных дат христианского календаря вопрос о датировке самих рукописей календарей не являлся центральным, потому что они могли как быть слепками с более ранних циклов, а точнее, могли использовать ранее найденные принципы составления пасхалий, даже если рукописей, содержащих эти принципы, либо не дошло до нашего времени, либо не существовало вообще. Однако ее появление способствовало началу использования в отношении исследования христианских пасхальных таблиц более критического отношения к источникам и к их датировкам. Она явилась важным уточнением по сравнению с более ранней работой А. Деклерка.

Исследование пасхальных календарей, имевших влияние на науку составления календарей в каролингский период, стало в последнее время одним из важнейших аспектов исследований современных историков, занимающихся ранним Средневековьем. Это было вызвано тем, что ряд критически важных рукописей был либо вообще неизвестен исследователям, либо не привлекал их внимания в течение долгого времени. В частности, находка т. н. «Падуанского компута», который сейчас называется «падуанский латеркус», в 1980-е гг. сделала все ранее известные представления о календаре и о способах исчисления даты Пасхи в Ирландии неверными и полностью лишенными актуальности. Фактически, само понятие «ирландских» пасхалий потеряло научную ценность, потому что оказалось, что все существующие пасхальные таблицы до VIII в. опирались либо на цикл Дионисия Малого, либо на цикл Виктория Аквитанского, либо на модифицированные варианты т. н. *Supputatio Romana*.⁴⁶ Это показывает, что в Ирландии и на Британских островах не изобрели какого-то своего пасхального цикла, а пользовались одним из тех, который ранее был доступен на континенте. А это, в свою очередь, подчеркивает значимость «автохтонных» для королевства франков традиций в общем спектре традиций составления пасхального цикла, так как оказывается, что многие из казавшихся принесенными извне систем пасхального календаря на самом

деле были известны в качестве рукописей для образованных людей Галлии. Однако стоит упомянуть, что в Ирландии и на Британских островах интерес к календарям привел к поддержанию традиции, что имело критическое значение для передачи знания в каролингскую эпоху и в Высоком Средневековье. Более того, оказалось, что простые дихотомии типа «островная» или «римская» Пасха уже не могут представлять реальным отражением ситуации в области пасхальных календарей, потому что образованные люди раннего Средневековья имели возможность выбирать как минимум из трех (!) вариантов пасхальных таблиц.⁴⁷ А этого говорит о том, что мир специалистов по календарям в раннем Средневековье был намного более сложным.

Однако поскольку исследователи оказались перед проблемой описания совершенно новых для них источников, у них не было шаблона для их описания в рамках существующих условностей (как-то «Римский компут», «компут Дионисия Малого» и т. п.), и поэтому их обсуждения новых для науки календарей остановилось на весьма специфическом и техническом уровне определения использовавшихся их составителями циклов. Одним из вопросов, который поставили исследователи в ряде недавних публикаций, было точное определение особенностей тех или иных календарных традиций, в частности, года добавления дополнительного лунного дня («saltus lunae») и т. п. с учетом всех сложностей оценки их математических и естественно-научных аспектов, и их соотношение и взаимовлияние в самых важных аспектах христианского летоисчисления. Это было вызвано тем, что как показали исследования, расхождения в один день, а также расхождения более значительные, в неделю или больше, были в десятках дат пасхальной таблицы.⁴⁸ В частности, речь в недавних исследованиях шла только о конкретных датах Пасхи, о сдвиге календаря на один лунный день в конце цикла, о том, куда нужно было сдвигать этот день, если он попадал на февраль, и так периодически требовавший добавления одного дня. Фактически, в этих исследованиях вопрос о культурной идентичности, задаваемой календарем пасхальных праздников, полностью исчез. В каком-то смысле, это оказалось оправданно, потому что говорить в данном случае о

«Римском календаре» или об «ирландском календаре» не имеет смысла, раз для самих авторов этих календарей вопрос об их происхождении и культурной значимости в качестве символа самоидентификации даже не вставал.

Однако значительная переоценка культурных взаимовлияний в области узких календарных вопросов оказывает влияние на наше понимание на процессы формирования каролингской «культуры исчисления времени» и создания характерной именно для каролингской эпохи исторической картины всеобщей истории. В частности, совершенно по-другому может восприниматься идея «исключительности» Каролингов по сравнению с их предшественниками Меровингами, если будут установлены новые тенденции в области континуитета или, наоборот, культурного разрыва каролингской эпохи с эпохой предшествующей. Ведь если не имеет исторической подоплеки под собой идея внезапного и сильного ирландского влияния, которая помогла совершить этот культурный поворот, то получается, что историческое мировоззрение в каролингскую эпоху было продуктом внутреннего развития. А это очень сильно меняет отношение к преемственности эпох в историческом мировоззрении эпохи Каролингов, потому что современники этой династии, как, например, Фрекульф из Лизьё, не чувствовали этой преемственности и, наоборот, считали, что Римская империя ушла безвозвратно, а империю Карла Великого считали уже феноменом совершенно новой эпохи. Если подобные изменения в мировоззрении не были связаны со значительным внешним влиянием, то, следовательно, и переоценка Меровингов была результатом некоторой внутренней переоценки ценностей, или даже ценностной аберрации, раз смена династии не была связана с принципиально новыми культурными влияниями.

Главным результатом новых исследований стало утверждение в науке о календарях понимания о сосуществовании в области исчисления даты Пасхи нескольких традиций, в отличие от ранее существовавшей уверенности в том, что труды Дионисия Малого в 530-х гг. н.э. и сведение им 28-летнего и 19-летнего (условно говоря, солнечного и лунного) пасхальных циклов воедино привело к унификации пасхального календаря. Именно современные

исследования показали, что в западной Римской империи сложилось несколько традиций исчисления даты пасхи, одна выраженная в рукописи под названием *Latercus paschalis*, вторая нашедшая свое выражение в трудах Виктория Аквитанского, и третья, наиболее известная, созданная Дионисием Малым. Значительная переоценка ценностей в области понимания процессов формирования исчисления даты Пасхи произошла, когда историки стали глубже понимать происхождение этого третьего способа. В частности, хотя в течение долгого времени он назывался «ирландским» компутом, то теперь для точности его называют только техническим термином компут 84 (14), т. е. компут с циклом в 84 года (т. е. основанный на солнечном цикле) и со сдвигом лунного календаря на один назад, т. н. «saltus lunae» в 14-ом году цикла. Он сменил, как считается, ранее использовавшийся в Риме цикл из 84 лет и со сменой лунной даты в 12 году цикла, т. н. 84 (12), которая традиционно назывался и называется историками *Supputatio Romana*. Цикл 84 (14) был найден в 1985 г. в Падуе (Padua, Bibliotheca Antoniana, MS I, 27, fol. 76r-77v).⁴⁹ До момента нахождения рукописи в Падуе попытки воссоздать т. н. «ирландский компут» ограничивались т. н. «мюнхенским компутом» 719 г., т. е. фрагментом из рукописи Bayerische Staatsbibliothek, MS Clm 14456, fol. 8r-46r. Если учитывать рукописную традицию, то главный теоретический вопрос для специалистов по календарям состоит в том, в чем причина расхождений между *Latercus*'ом из Падуи и т. н. «Мюнхенским компутом», и можно ли расхождения считать осведомленности автора, или, наоборот, его неграмотности.⁵⁰ Сам цикл 84 (14) накапливал ошибку в 1,38 дня, поэтому к 716 г., после чего он был заброшен, расхождение с александрийским циклом составляло пять дней.⁵¹

Эти исследования показали, что на самом деле в раннем Средневековье сосуществовало три типа календаря, и что несмотря на реформы Дионисия Малого, в бывшей Западной Римской империи никогда не наступило единообразия несмотря на претензии папства на руководство единым Западом, вполне нормальной стала ситуация, когда Пасха в различных областях бывшей Западно-Римской империи праздновалась по разным циклам.⁵² Это, однако, не воспринималась как катастрофа со стороны

деятели церкви в силу большой сложности при отходе от однажды просчитанных хорошими христианскими математиками таблиц. Любая смена система вычисления даты Пасхи и попытка перехода на другой цикл или календарь требовала полной смены пасхальной таблицы, что безусловно могло внести хаос в жизнь церкви. Поэтому по сути своей в период с IV по VIII вв. в области использования пасхальных циклов царил плюрализм, что приводило к интересному состоянию среди образованных людей церкви, в рамках которого единство восприятия времени не было главным аргументом в пользу единства церкви.

Каролингские историки и их отношение к историческим представлениям Поздней Античности

Проблема состоит в том, что в течение долгого времени формирование мировоззрения общества раннесредневековой, каролингской Европы рассматривалось как ряд событий «триумфального» свойства, произошедших обвальным образом в течение короткого периода времени и не имевших никаких предпосылок в поздней Античности. Именно так историкам Нового и Новейшего времени виделось «Каролингское возрождение», которое рассматривалось как результат принципиальной смены ценностных ориентиров правителей из семьи Пипина II начиная с Пипина III, что, как считалось, сильно отличало их от их предшественников, Меровингов. На настоящий момент очень разные стороны Каролингского Возрождения хорошо исследованы, но области понимания системы исчисления и представления о времени остался ряд нерешенных задач, которые по-прежнему дают возможность фундаментальных исследований.

Необходимость легитимации власти, которая столь сильно проявлялась у королей —потомков Пипина III, делала все события из истории королевства франков крайне значимыми темами. В этой связи крайне важным представляется вопрос о правильной интерпретации тех представлений, которые можно найти у каролингских историков, а именно поиск возможных «двойных прочтений» и подтекста. Проблема именно каролингского историописания состоит в его кажущейся прагматичности, потому что в

сочинениях авторов этой эпохи можно увидеть в первую очередь описание, и крайне редко, интерпретацию, событий, непосредственно совпадавших в хронологическом отношении с жизнью самого автора. В отличие от историографических сочинений высокого Средневековья,⁵³ в отношении которых современные историки могли ставить глобальные вопросы, как-то смысл философии исторического мирозерцания, или преемственность с образцами позднеантичного историописания, историческое мировоззрение каролингского периода сложнее исследовать. Главная причина состоит в том, что их авторы, как в отличие от своих предшественников типа Григория Турского, так и в отличие от более поздних историков, не ставили никаких вопросов относительно смысла исторического исследования или о значимости истории как особой формы знания. Например, Эйнхард извинялся перед своими слушателями за написание именно истории современных ему событий. Он писал, например, что вряд ли найдется много людей, которые считали бы, что современное положение дел недостойно для того, чтобы его записать в истории:

«Et quamquam plures esse non ambigam, qui otio ac litteris dediti statum aevi praesentis non arbitrentur ita negligendum, ut omnia penitus quae nunc fiunt velut nulla memoria digna silentio atque oblivioni tradantur...».

⁵⁴ Считалось, что это вступление могло быть свидетельством требовательности образованных людей к канонам исторического сочинения.⁵⁵ Однако сама по себе постановка вопроса говорит о том, что могли быть и такие, кто отвергал необходимость писать именно историю Карла Великого, а не просто историю в целом. Таким образом, он чувствовал разницу между «всеобщей историей» как жанром и жизнеописанием пусть важнейшего для истории Европы, но все-таки одного правителя. В особенности это было актуальным потому, что Карл Великий оставил после себя неоднозначное наследство, а слой свободных франков, по-видимому, значительно пострадал от военных кампаний и от попыток имперской администрации взять максимальное количество ресурсов для ведения этих кампаний.⁵⁶

Поэтому историки XX в. искали в каролингской историографии прежде всего «классическую» (в смысле Средневековья) форму исторического повествования, т. е. всеобщую хронику. Отчасти в силу характерного для средневековых историков понимания этой разницы у исследователей XX в. первая волна исследований была посвящена именно общим хроникам как главному жанру, сочинениям в рамках которого историки могли поставить те же вопросы, что и к всеобщим хроникам высокого Средневековья.⁵⁷ Было показано, что в этой области историописания сочинения времени правления королей из династии Каролингов заимствовали из поздней Античности и в этом смысле являли собой пример здоровой преемственности с периодом более высокого по сравнению с ранним Средневековьем развитием культуры.

Это направление исследований было продолжено рядом работ, в которых ставились уже более конкретные вопросы подходов и взглядов на историю историками каролингской эпохи. В частности, для того, чтобы остаться на уровне, характерном для исследований «всеобщих историй» высокого Средневековья, исследователи обратили внимание на заимствования историками каролингской эпохи исторических приемов и методов более ранних авторов историй. В частности, главным вопросом к историческим сочинениям эпохи правления Каролингов было наличие или отсутствие преемственности с историческими приемами, методами и историческими концепциями эпитом, хроник и исторических сочинений поздней Античности, как-то «Жизнь двенадцати цезарей» Светония и др.⁵⁸ Возможно, именно такие вопросы к источникам, как полагали историки, могли помочь им предстать не просто анналами или хрониками, а сочинениями, в которых их авторы выражали сложные концепции знаний о прошлом. Таким образом, вопрос о концептуальности исторического знания превратился в глазах отдельных исследователей в вопрос о знании Античных образцов и о заимствовании из них как концепций, так и способов подачи материала. Остается отдельным вопросом сам факт сведения проблемы исследования исторического мировоззрения каролингской эпохи только к заимствованиям античных образов.

Однако, было также показано, что процесс передачи и формирования исторического знания прошел через ряд крайне существенных преобразований в каролингскую эпоху, и что модель позднеантичного историописания не объясняет те процессы, которые лежали в основе историописания королевства франков в этот период. В частности, ко времени написания своей истории Нитард считал, что прошлое в целом (под которым, вероятно, он подразумевал как прошлое франкского королевства, так и античное прошлое) имеет мало отношения к настоящему, и что современность творится деяниями людей, а не традициями прошлого.⁵⁹ В целом, изучение исторических сочинений и библиотечных каталогов каролингской эпохи показывает, что историки этого периода брали из античных сочинений только фактологическую основу, никогда не беря интерпретаций и объяснений.⁶⁰ Было указано также, что вопрос новизны в каролингском историописании более сложен, чем кажется, потому что характерные для каролингских авторов приемы можно усмотреть уже у Беда Достопочтенного.⁶¹ Таким образом, вопрос об особенностях каролингского историописания стал вопросом о связи Античности и Средневековья, что не покрывает всей сложности проблемы. В особенности болезненным остался вопрос не столько о методах создания исторического нарратива, сколько о том, в чем уникальность исторического мировоззрения каролингского периода.

«Новаторство» историков эпохи Каролингов как проблема исследования исторического мировоззрения

Следовательно, и по сей день вопрос о новаторстве историков каролингской эпохи по сравнению с их предшественниками не решается однозначно, потому что они могли во многом продолжать традиции, заданные их непосредственными предшественниками в более ранние периоды. Таким образом, суть их отношения к прошлому могла быть (и часто была) в значительной степени зависима от таких предшественников, как Беда Достопочтенный и ряда других, что могло делать их историческое мировоззрение повтором уже сложившейся исторической парадигмы. Например, именно это произошло с т. н. «каролингской реформой календаря»,

которая, как было показано, была лишь экстенсивным распространением работ и календаря Беда Достопочтенного среди скрипториев каролингской эпохи без его особой переделки или даже концептуального осмысления.⁶² Однако представляется, что в каролингском историописании есть более интересные моменты, подмеченные историками, однако позволяющие быть развитыми в более широкие концепции. В частности, было отмечено, что сочинения историков времени Людовика Благочестивого и его сыновей в некоторых аспектах отличаются от сочинения Эйнхарда. Хотя говорить о возможности однозначно описать эти изменения сложно в силу того, что и время Карла Великого, и время Людовика Благочестивого были временами значительно схожими, но одновременно весьма отличавшимися, подметить определенные изменения, как представляется автору этой статьи, можно. На основании упомянутых работ можно утверждать только, что во франкском историописании была трансформация в период, который с определенной условностью можно назвать временем между активными периодами творчества Эйнхарда и Нитарда. Историописание каролингской эпохи прошло через значительный разрыв, когда темы франкского начала в истории стали заменяться на темы имперского господства франков.⁶³ Таким образом, исследования показали, что речь не идет о том, чтобы бороться за приоритет каролингских историков в области создания нового исторического мировоззрения и новых подходов. Как было показано, изменилась социальная функция истории, которая по сравнению с предыдущим периодом приобрела новые функции. Интерес к истории в правление Карла Великого и Людовика Благочестивого стал настолько силен, что это привело к формированию совершенно особых представлений о месте представлений о прошлом в системе знаний образованных людей.⁶⁴ В частности, в отличие от историков предыдущей эпохи (Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда Достопочтенный), обращавшиеся к прошлому образованные люди каролингского времени были больше заинтересованы в том, чтобы использовать эту возможность для выражения суждений о власти и для легитимации ее.

На наш взгляд, труды каждого из историков каролингской истории дают основания утверждать не только то, что они отвечали на современные им запросы и не просто копировали античных авторов. Нам представляется, что в дополнение к этому, каждый из историков имел острое чувство «историзма», которое он создавал и конструировал сам. Т. е. для каждого задание исторического периода для рассмотрения и расстановка временных рамок, а также способа конструирования нарратива было индивидуальным делом. О проблемах формирования исторического мировоззрения для правителей, но одновременно и для себя, ученые писали в контексте т. н. «частной истории», которую они считали пишущейся для себя, а не для правителя. В случае Нитарда, который писал о «золотом веке» при Карле Великом и об очевидной деградации королевства при Карле Лысом, считалось, что именно эта часть его сочинения предназначалась для себя и ни в коем случае для короля.⁶⁵ Однако представляется, что подход к этой проблеме может быть и другим, потому что коммуникация между властителями и образованными людьми должна быть рассматриваема не как процесс однозначного согласия со стороны последних, но как процесс поиска компромиса с обеих сторон. При этом формы компромиса могли принимать самые интересные и необычные формы.

Труды Эйнхард показывают, на наш взгляд, что каролингский «историзм» получил в его лице не столько абсолютизацию интереса к истории, сколько, наоборот, интересный пример конструктивной роли забвения в создании образа прошлого как конституирующей функции социума. Интересно отношение Эйнхарда к истории Карла Великого в целом в контексте истории всего королевства франков, потому что именно он предложил отбросить часть прошлого как не представляющее интереса, и таким образом сместил акценты в описании Каролингов по сравнению с тем, как они могли видаться современникам. В начале своего сочинения он извиняется перед теми, кто мог посчитать ненужным написание истории современных для историка событий, т. е. истории Карла Великого, в силу того, что более древняя история могла считаться более интересной и важной. Это заставляет предположить, что после ухода из жизни Карла Великого и

после прихода к власти Людовика Благочестивого произошла значительная переоценка ценностей несмотря на значимость достижений первого императора римлян из королевской семьи Пиппинидов. Дело было в том, что как сторонники Карла Великого, получившие определенные привилегии в период его правления, так и его противники, были в принципе за то, чтобы не тревожить больше прошлое. Для первых это было важно потому, что им не хотелось пересмотра тех событий, в результате которых они получили привилегии за счет других людей и семей. Любое обращение к прошлому могло заставить людей поставить вопрос, на каком основании новое поколение представителей Карла Великого на местах пользовалось владениями, ранее принадлежавшим совершенно другим землевладельцам. А те, кому удалось избежать потери всего, вероятно, не любили вспоминать о компромиссах, на который им пришлось пойти ради сохранения своих владений.

Очень интересное отношение к прошлому можно найти также в словах Эйнхарда, посвященных ранним годам жизни Карла Великого. Он специально оговаривается, что про эти известно очень мало, а поэтому нет смысла их описывать. Вероятно, стоит учесть, что в свои ранние годы Карл Великий был одним из второстепенных претендентов на власть. В частности, его дядя Карломан, брат Пипина III, был крайне значимым человеком, вокруг которого группировался ряд местных магнатов в основных землях каролингского королевства. У Карломана был сын Дрого, который имел столько же прав на власть, как и Карл Великий. Статус короля, который принадлежал Пипину III начиная с 751 г., не мог скрыть того факта, что Карломан долго занимал очень важную позицию посредника между интересами семьи Пиппинидов и знатью севера и северо-востока королевства франков. Кстати, постоянные военные кампании Карла Великого говорят о том, что в его статусе было много от военного предводителя (*dux*), что говорит, вероятно, о том уважении, которое он должен был выказывать обладавшему совершенно другой, более сакральной властью Карломану.

Таким образом, в ранних годах Карла Великого не было почти ничего из того, что свидетельствовало о его успехах и величии впоследствии. Интересно

отметить, что долгота жизни этого короля франков создала интересную ситуацию с исторической памятью. За семьдесят лет, прошедших с момента юности Карла Великого до написания Эйнхардом своего сочинения, поменялось как минимум два, а вероятнее всего, три поколения. Фактически, даже в плане рассказов дедушек и бабушек о своей юности к 830-м гг. (и даже к 823 г., если верить более ранним датировкам Жизнеописания Карла Великого) не осталось практически ничего. Т. е. не было ни одного человека, который мог хотя бы теоретически знать, какое положение в своей семье и в среде знати занимал Карл Великий. А ведь это создавало очень большие возможности для борьбы за историческую легитимацию своей власти среди самых разных групп.⁶⁶ Проблема в том, что Карл Великий не был «первым» среди родственников-мужчин.⁶⁷ Это крайне интересный момент, потому что описываемая Эйнхардом история первого императора их семьи Пиппинидов была историей, основанной только на более поздних событиях. Даже из событий 760-х-780-х гг. автором жизнеописания могло быть взято только то, что он считал наиболее интересным. Поэтому труд Эйнхарда представляет собой исторический взгляд 820-х гг.

Это подчеркивает важность слов Эйнхарда в предисловии, где он оговаривал возможность, что его описание истории может быть не всем интересно. Фактически, он признавался, что он писал совершенно новую историю Карла Великого, которая просто опускала ряд событий из прошлого. Это не значит, что такая история Карла Великого была менее ценна, чем если бы она была написана с учетом всех имевшихся сведений. Эйнхард, представляется, оговаривал новизну своего подхода, состоявшего в написании не просто анналов, а сочинения с отбором информации в соответствии с ее наличием и с попыткой реконструкции того, что могло быть узнано только по очень фрагментарным сведениям.

Кардинальное отличие историков каролингской эпохи от Григория Турского и Беды Достопочтенного (среди других) состояло в том, что соотносясь с «каролингским проектом» и выстраивая свое повествование так, чтобы учесть видение королей и их окружения, они сделали историческое повествование способом найти «общий язык» с местной знатью. Опираясь на

сюжеты, которые являются центральными для каролингской истории, это исследование предполагает показать, как историки, близкие ко двору, относились к восприятию своих сочинений читателями и как они учитывали в этих сочинениях точки зрения, которые могли возникать у образованных представителей местного населения.

Историческое мировоззрение, внутренний мир и конфликты в королевстве франков при Карле Великом

Когда после работ Ф. Гансхофа концепция распада и разложения Каролингской империи стала широко распространенной,⁶⁸ историки стали говорить о том, что несмотря на всю мощь династии и ее военной машины в рамках Каролингской империи тем не менее оставались группы недовольной знати, которые хотя и не могли открыто выступать против франкских правителей, но тем не менее пытались сохранить свою обособленность. То, что недовольные Каролингами были, свидетельствуют ряд исследований, главное из которых было выполнено К. Бруннером.⁶⁹ Среди них можно назвать и дальнего родственника Карла Великого, правителя Баварии Тассилона, и менее известных, но не менее важных в местных делах представителей знати со всего франкского королевства. Правда, «оппозиционность» знати была оспорена, потому что целый ряд исследований показали, что большинство было заинтересовано в поддержании власти франкских королей и поэтому само по себе существование семейных и местных группировок знати не означало их противостояния каролингскому государству.⁷⁰ В связи с этим вопрос о соотношении «официальной» точки зрения на прошлое и альтернативных взглядов на мир в исторических сочинениях остается открытым. Если исходить из общих соображений, то можно предположить, что претензии Пиппинидов/Каролингов на власть не всегда могли восприниматься положительно. Так, Эйнхард подразумевал существование среди своей аудитории таких, кто не хотел бы тревожить историю Карла Великого: «*Et quamquam plures esse non ambigam, qui otio ac litteris dediti statum aevi praesentis non arbitrentur ita negligendum . . .*».⁷¹ Это сочинение датируется 823 г., и в нем хотя бы в качестве литературной

фигуры подразумевается, что желающие записывать исторические события существуют одновременно с теми, кто предпочел бы забыть события правления Карла Великого.⁷²

В источниках, даже во многом выражавших официальную, про-каролингскую точку зрения, были голоса тех, кто не согласился с программой создания общеевропейской империи под властью франков и династии Каролингов.⁷³ Фактически, перед исследователями возникает вопрос о том, насколько наше представление о каролингской эпохе зависит от исторических сочинений и документов, которые отражали взгляд «победителей», т. е. правящей династии, и не упускаем ли мы крайне важные процессы, которые остаются незаметными, если мы обращаем внимание только на официальную пропаганду. Нельзя ли найти в хрониках и исторических сочинениях каролингского периода следы иного, непохожего на официальную пропаганду взгляда на историю франкского королевства особенно актуален в связи с исследованиями социальной структуры каролингского общества?⁷⁴ Сам факт сохранения таких сообщений в хрониках Каролингской эпохи уже был отмечен исследователями.⁷⁵ Фактически, некоторые из них даже позволили себе использовать эти и другие подобные сообщения для того, чтобы пересмотреть представления об успехе распространения власти франкских королей по Европе. В частности, под вопрос была поставлена сама идея о триумфальном шествии империи Карла Великого по Европе. В частности, можно взять пример монастыря Лорш, в анналах которого сохранились разночтения с каролингской точкой зрения в вопросе распространения власти франкских королей к востоку от Рейна. Эти разночтения выражали две принципиально разные точки зрения на земли в области между Лоршем и Фульдой: если для каролингского двора они были частью восточно-франкского королевства, то местная знать продолжала считать себя «тюрингами».⁷⁶ И это несмотря на то, что Лорш был т. н. имперским монастырем, аббат которого отвечал непосредственно королю франков.

В этом исследовании нам хотелось бы указать на то, как обращение к истории и к прошлому было формой коммуникации, посредством которого

власть, т. е. Каролинги и их окружение, стремились найти общий язык с местной знатью и образованными людьми на местах. Многие из последних, стоит отметить, происходили, как это мы знаем в случае Рабана Мавра, из весьма знатных слоев регионального значения. Хотелось бы предложить идею о том, что историческому дискурсу, т. е. системе повествований о прошлом, была отведена функция посредника в процессе коммуникации между двором и знатью регионального значения. В социальном смысле эту функцию посредника выполняли аббаты, которые находились между официальной структурой власти каролингской империи и теми местными сообществами, которые входили в нее. Мы знаем на примере каролингских Лорша и Фульды, что аббаты были не просто главами церковных общин — они, будучи ответственны непосредственно перед королем франков, тем не менее должны были в повседневных делах сталкиваться с представителями местной знати и пользоваться у них определенным авторитетом для того, чтобы те видели в монастыре надежного партнера и жертвовали ему земли. Отношения между аббатами и местными землевладельцами были весьма тесными — например, после того как родственники известного раннесредневекового ученого Рабана Мавра посетили монастырь Фульда в 791 г., аббат Баугольф был описан в грамотах их дарений как «шутник» (*jocundissimus*).⁷⁷ И более того, до того, как стать аббатом, Баугольф был графом, т. е. лицом, обладавшим полнотой светской власти в области монастыря Фульда. Тем самым, аббаты могли (или даже предпочитали) общаться и говорить с местной знатью на их «языке», т. е. использовать общую систему представлений.⁷⁸

Имея в виду столь сердечные и теплые отношения, которые складывались между местной знатью и представителями каролингской иерархии, можно предположить, что тот общий «язык», на котором говорили каролингские чиновники и местная знать, включал в себя также и общее отношение к прошлому. Можно предположить, исходя из общих работ, что история и общее видение прошлого были важны не только для того, чтобы создать единое сообщество валстителей, приближенной к ним знати и образованных людей на самом вершине. По-видимому, общее видение истории

должно было достигать до самого низового уровня региональных социумов, чтобы противоположные официальной каролингской точке зрения видения истории не имели возможности для распространения и для создания альтернативной каролингской системы представлений об истории и, соответственно, о самой династии. Будучи посредниками в делах, касавшихся сбора податей, дарения и передачи земель, аббаты и образованные монахи, которым было поручено составление хроник, фактически могли выступать как своего рода культурные посредники между письменной культурой каролингского государства и местными устными традициями, которые они иногда включали в летописные своды.

Анналы и хроники каролингской эпохи, составлявшиеся в монастырях, являются в данном случае главным источником. Основным современным ранним Каролингам источником были мецские анналы, причинами составления которых ученые считали множество разных факторов, все из которых были связаны с той или иной репрезентацией идеала Каролингской власти. Например, за их составлением могло стоять желание доказать особую связь франкских королей новой династии и папства или объяснить необходимость экспансии в Италию для франкской знати.⁷⁹ Если их суммировать, то можно сделать вывод, что авторы стремились так или иначе описать легитимность или превосходство франкского королевства при Каролингах.⁸⁰ Они фактически первые создали из хроник и анналов меровингского периода связный нарратив, посвященный приходу к власти Каролингов.⁸¹ Казалось бы, что эти анналы были в наибольшей степени посвящены попытке легитимации именно современных для их авторов королей франков.⁸² Однако именно прошлое было тем, что давало больше всего прав на власть. Именно в той части, которая была посвящена Пипину II, Карлу Мартеллу и Пипину III, автор в наибольшей степени манипулировал источниками для создания нужного ему образа франкской монархии.⁸³ Таким образом, именно взгляд в прошлое, а не в настоящее, в котором на тот момент главным состоянием была борьба за продление династии и сохранение единства королевства, был важен для создания легитимности правителей.

Несмотря на согласие со своими предшественниками, современные исследователи посмотрели на известные примеры каролингского историописания с другой точки зрения и поставили ряд новых вопросов. Соглашаясь с общей оценкой, они тем не менее постарались уточнить характер каролингской историографии. В работах вышеупомянутых исследователей были сделаны осторожные попытки сместить акценты в оценке «официозного», «идеологического» характера обращения к истории в каролингскую эпоху. В частности, было показано, что в исторических сочинениях каролингской эпохи можно найти определенный подтекст, отличающийся от той точки зрения, которая выражалась автором в согласии с общим для каролингских властителей и их знати видением. Несмотря на близость Нитарда к королевскому двору Людовика Немецкого, его отношение к раздору между каролингскими соправителями значительно поменялось с заключением Верденского договора 843 г., и что он во многом не смог простить своего патрона Людовика, который пошел на компромисс. В его историческом сочинении проскальзывают личные нотки (и более того, критика своего патрона), потому что, как считает исследовательница, Нитард понес личные потери, после того, как Людовик Немецкий примирился своим сводным братом Карлом Лысым — новые границы между королевствами исключали возможность для Нитарда получить назад поместье, которые он потерял из-за перемещения границ, пока правители мерялись силой.⁸⁴ Вслед за этим зарубежные и отечественные исследователи подчеркнули, что все значительные сочинения каролингской эпохи (как-то сочинения Нитарда, Тегана, Астронома) были не просто абстрактной каролингской пропагандой, а ответом на современные их авторам проблемы, которые казались им наиболее злободневными.⁸⁵

Сражение при Тертри и формирование каролингской точки зрения на историю

В качестве примера можно взять одну историографическую проблему, возникшую с самого начала появления Пипинидов у власти. Сражение при Тертри (687 г., неподалеку от Вердена), является одним из трех великих

сражений, определившими ход меровингской истории, наряду с битвой при Пуатье в 507 г. между фраками и готами, и битвой при Пуатье 732 г. между франками Карла Мартелла и сарацинами. Однако несмотря на большое значение каждого из этих событий, им было уделено разное внимание в историографии. Больше всего полемики было посвящено битве при Пуатье 732 г., поскольку именно в ней франкам под руководством Карла Мартелла удалось остановить проникновение в северную Галлию арабских отрядов, ей также было уделено значительное внимание в связи с тем значением, которое она имела для создания конных отрядов в франкской армии. Сражению при Пуатье в 507 г. тоже уделялось внимание, так как именно благодаря победе франков в этом сражении им удалось распространить власть на всю Галлию, хотя историки отказались считать это сражение великим.⁸⁶ Стоит признать, что битва при Тертри тоже получила свою долю внимания. Однако оценка этого сражения сложилась давно и страдает определенной односторонностью, что делает необходимым снова обратиться к этой теме.

Напомним основные факты из истории меровингского королевства этого периода. VII в. в целом является сложным для оценки, потому что именно на основании событий этого периода историками традиционно делался вывод о меровингских правителях как «слабых» королях. Точкой отчета для одной из эпох в развитии меровингских королевств стало правление короля Дагоберта I, который объединил Нейстрию, Австразию и Бургундию под своей властью. Но ранне-средневековые правители не ставили перед собой задачи объединения королевства, и поэтому после смерти Дагоберта Нейстрия и Австразия продолжили существовать отдельно, в то время как их правителями были сыновья Дагоберта Хлодвиг II и Сигиберт II. Именно в это время появляются первые свидетельства попыток знати подменить Меровингов, как это сделал, например, Эброин. Однако некоторые современные историки подметили значительную взаимоподдержку между последними Меровингами и знатью, обратив внимание на личный состав знати в окружении королей. В частности, статус «*vir inluster*», который имел Пипин III, говорит о том, что даже соперники Меровингов пользовались привилегиями при дворе, которые они использовали в рамках общих для всей

знати правил игры в королевстве. Об этом говорят грамоты, которые давали владения и привилегии майордому, хотя в нарративных сочинениях поддержки от последних Меровингов майордому не было видно.⁸⁷ Таким образом, единой версии истории этого периода нет, потому что нарративные исторические сочинения отличаются по своей информации от материала грамот. В связи с этим любое событие в истории VII в. является проблемой для интерпретации и дает возможность исследовать процесс формирования исторической концепции в среде историков каролингского периода.

Теперь обратимся собственно к сражению. Анналы города Меца, которые содержат наиболее живое описание военных аспектов этого события, к сожалению, стоят наособицу и информация из них не поддерживается данными из других хроник. Поэтому позволим себе отложить обсуждение этих аспектов и обратимся в первую очередь к наиболее надежным свидетельствам. А самый надежный источник скупо сообщает о том, что в 687 г. майордом Австразии Пепин II, сын дочери Пепина I и Ансегизеля, осадил короля Нейстрии Теодериха III в одном из замков Вермандуа. Поскольку, как мы узнаем из "Истории франков к тому времени майордом короля Нейстрии Берхарий был убит в результате дворцовых интриг, то короля Теодериха III защищать было некому, и Пепин захватил его вместе с королевской казной. Самого короля он оставил в Нейстрии, а сам, как сообщает, Продолжатель Фредегара, отбыл в Австразию. Самая краткая версия этого события, содержащая минимум субъективных оценок, находится в сочинении продолжателя Хроники Фредегара, сочинении, которое являлось дополнением ко всемирной хронике Фредегара, автора конца VI или начала VII в. Продолжение это состоит из ряда событий: «Post haec Pippinus Theodorico rege accipiens cum thesauris et domum palatii omnia peragens in Auster remeavit».⁸⁸ Этот эпизод был продолжением давнего соперничества между Нейстрией, Австразией и Бургундией, которые составляли один из постоянных сюжетов истории меровингского франкского королевства. Более того, хотелось бы выдвинуть следующую гипотезу - сражение при Тертри во многом не отличался от ряда других эпизодов столкновений между нейстрийцами и австразийцами.

Отношение современных историков к сражению при Тертри в значительной степени основывается не на самой краткой версии события, а на тех ее вариантах, которые появляются в других хрониках. Благодаря историкам каролингской эпохи мы сегодня обсуждаем это событие как одно из важнейших в процессе смены династий в королевстве франков. Самым главным результатом этого сражения для каролингских историков было возвышения майордома Австразии Пепина II в качестве майордома обоих королевств, Нестрии и Австразии. Основным источником является *Liber historiae francorum*, которая говорит о том, что Пепин II стал «первым майордомом королевства»: «Post haec Pippinus Theuderico rege coepit esse princeps regimine maiorum domus». ⁸⁹ В другом сочинении говорилось даже о том, что Пипин стал главным правителем франкского королевства: «Pippinus Auster maior domus regiae principatum Francorum suscepit». ⁹⁰ В каролингскую эпоху или позже эта история приобрела анахронистическое звучание. В одной из хроник этот эпизод представлен в другом ключе: в ней рассказывается, что в 687 после смерти короля Дагоберта королем стал Пепин: «Dagobertus rex francorum mortuus est, et Pippinus prius maior domus, filius Ansgisi regum francorum optinuit cum regibus suis subiectis». ⁹¹ Для каролингских историков и их наследников 687 г. имел значение поворотного события. Однако стоит отметить парадоксальную на первый взгляд особенность. Хотя можно было бы предположить, что эта точка зрения была настолько выгодна Каролингам, что она должна была бы появляться во всех хрониках и анналах, на самом деле битва при Тертри приобрела характер поворотного события только для анналов Меца, города св. Арнульфа. Во всех остальных анналах этого периода мы находим замечания разной степени драматичности, но нигде нет чувства, что именно это событие изменило ход истории, как это чувствовал анналист из Меца, где память о св. Арнульфе делала город особым для Каролингов местом. Наибольшей активности выпячивание ключевых для Каролингов событий в качестве поворотных (а именно, истории битвы при Тертри) достигло только в Меце, который был для династии сакральным центром, местом, в котором был епископом основатель династии Св. Арнульф. Каролинги понимали значимость историописания для

формирования образа династии, что привело к формированию ряда положительных образов правителей этой династии в исторических сочинениях и анналах. Однако одновременно можно отметить, что при всей своей заинтересованности в создании общего представления о прошлом двор Карла Великого и в особенности образованные люди из окружения короля не стремились к тотальному распространению своего мирозерцания среди всех грамотных людей, находившихся под их властью.

«Историзм» как способ выражения политической культуры и формирования знаковой системы власти для самоидентификации

Развитие исторической мысли привело к серьезной переоценке роли истории в создании репрезентаций власти и социума. Социальные группы конструируют свой образ в мире, опираясь на согласие в отношении своего прошлого.⁹² Любые попытки выражения своей идентичности посредством письменной культуры упираются, как было показано, в обращение к прошлому, к истории, и к созданию представления об истории, которое бы поддерживало поддерживаемую сообществом версию свой собственной идентичности.⁹³ Эта память, создаваемая для самоидентификации сообщества в настоящем, всегда приобретает свою форму посредством коммуникации.⁹⁴ Таким образом, образ власти создавался в каролингскую эпоху в первую очередь как историческая реминисценция, а не как система ценностей, построенная на реалиях настоящего для историка времени без отсылки к прошлому. Процесс восприятия этой реминисценции как нормы самоопределения социума проходил путем коммуникации между членами социума, внутри образованного сообщества и вне. В пользу этого свидетельствует широкое распространение хроник и анналов в это время, в которых фиксировались события из истории королевства франков. Их многочисленность и появление историописания как жанра, занявшего по сравнению с прошлыми периодами одно из главенствующих мест в письменной культуре показывает, что главным способом оценки правителей и значимости исторических событий стало постоянное помещение их в исторический контекст и формирование образа власти именно как результата

исторического развития, а не как данности. Историки, такие как Эйнхард, Нитард, Теган, Астроном, выразившие по сравнению с авторами многих анналов свое личное мнение относительно истории франков, стремились именно через историческое сочинение донести свое видение современной им каролингской власти.⁹⁵ Практически через десятилетие Карл Великий стал не просто еще хорошо помнящимся прошлым, а перенесся в своего рода иное время, «Золотой век», в котором уже не существовало проблем, о которых знали современники.⁹⁶ Даже Эйнхард, который явно заявлял в своем сочинении попытку описать жизнь Карла Великого в терминах, наиболее близких к его реальной жизни, писал свое сочинение через полтора десятилетия после его смерти и фактически признавал, что это больше результат работы памяти, чем повествование, написанное по горячим следам.⁹⁷ Это сочинение датируется 823 г., но даже в этом случае оно представляет собой работу памяти.⁹⁸ Эта особенность каролингского миросозерцания была отмечена исследователями, и она должна быть учтена при анализе представлений о власти этого периода.

Проблема оценки этого периода связана в первую очередь с коренным изменением баланса сил не только в Европе, но и в Средиземноморье и во всей античной ойкумене в целом, что привело к серьезным последствиям для королевства франков как политического образования в одном из регионов, ранее составлявших часть Западной Римской империи. В частности, в эпоху правления Меровингов франкские правители видели себя как наследники Хлодвига и, по-видимому, не пытались превзойти те полномочия как в Галлии, так и в Средиземноморье, которые Хлодвиг имел как патриций и консул, получивший свой титул и звание от императора Анастасия. До конца правления Меровинги видели себя как своего рода наместников империи, функция которых состояла в том, чтобы держать Галлию в рамках традиционного баланса сил в Средиземноморье.⁹⁹ Не стоит забывать о том, однако, что память о Римской империи, хотя и объединяла различные регионы и служила основой легитимности варварских правителей, создавших свои королевства на территориях бывших римских провинций, однако понималась в разных регионах и королевствах по-разному и, фактически,

была значительно фрагментирована.¹⁰⁰ Появление и распространение ислама на Ближнем Востоке и в Средиземноморье привело к тому, что старые экономические связи распались, и очевидно, что распалось также и единство позднеантичного и раннесредневекового баланса власти в западном Средиземноморье. Если до VII в. франкское королевство было частью мира, который был создан еще в V в., в котором варварские правители, занявшие бывшие провинции Западной Римской империи, составляли часть единого сообщества, иногда бывшего под эгидой таких значимых пап, как Григорий I,¹⁰¹ то в VIII–IX вв. коренным образом изменилось не только устройство самого королевства франков, но и его место в системе взаимоотношений Средиземноморья. После распада единства Средиземноморья королевство вынуждено было начать существовать вне контекста, заданного ранее существовавшей структурой власти Поздней Римской империи, и поэтому в VIII в. последовал ряд существенных преобразований в системах и структурах власти. Ответ Карла Мартелла на вызовы нового времени не сразу, но дал свой толчок к изменению взглядов элит на принципы организации власти и привел в долгосрочной перспективе к распространению сначала в самых высших эшелонах власти, а потом и на местах к изменению системы правил для взаимодействия между правителями и местной знатью.¹⁰² Распад баланса сил в Средиземноморье привел к потере баланса сил и в северной Европе, что привело к экспансии королей франков и распространению их власти практически на всю территорию Западной Европы. Поэтому несмотря на триумфальное шествие отрядов Карла Великого по Европе, историческое мирозерцание даже в центральных для династии землях должно было создаваться в процессе постоянной коммуникации и поиска согласия в отношении прошлого с образованными представителями местной знати. Примеры такого «согласия» в отношении прошлого, подчас нелюбимого для Каролингов, можно видеть в одной вставке в историческую энциклопедию при графах Вермандуа, которые при переходе рукописи в их руки при перенесении ее из Реймса в Суассон способствовали появлению в ней очень важной вставки, комментария на историю Каролингов. В частности, на пустых листах были вписаны анналы,

начинавшиеся в 532 г. и заканчивавшиеся смертью Пипина, сына Карла Великого, в Италии в 810 г.¹⁰³

Проблема легитимности в восприятии власти правителей королевства франков из семьи Каролингов была тесно увязана, как было показано, с проблемами исторического восприятия этой эпохи ее современниками. Легитимность возникала как результат процесса сравнительно «длительной протяженности», занимавшего несколько поколений, и формировавшего в третьем поколении правителей традицию восприятия их династической истории в контексте истории Европы и Средиземноморья. Однако стоит отметить, что в процесс формирования исторического знания проблема создания образа правителей и их семьи тесно переплелась с другой, более важной и насущной проблема, которая во многом смешала карты для историков этого периода. В отличие от своих позднеантичных и раннесредневековых предшественников историки и образованные люди церкви столкнулись с проблемой легитимности не просто власти или конкретной династии, а с проблемой легитимности календаря, которой не существовало для историков типа Идация, Орозия, Сульпиция Севера, Проспера Аквитанского, Кассиодора, Иордана, Григория Турского, Исидора Севильского и Беды Достопочтенного. Они, вслед как за своими предшественниками в области светской истории Рима и Средиземноморья, так и вслед за создавшими церковную историю как жанр Евсевием Кесарийским и его учениками, опирались на несколько надежных шкал времени, среди которых были как старые системы отсчета по олимпиадам и от основания города, так и новая система индиктионов, введенная в употребление Константином Великим. Несмотря на сложности создания церковного календаря для исчисления Пасхи, сила инерции календарных традиций была такова, что образованные люди могли всегда опереться на какую-либо, пусть и созданную посредством принципа *ad hoc*, систему исчисления времени. Но после распространения монашества в Ирландии и в северной Европе единая парадигма исчисления времени, даже если это было сакральное время церкви, стала распадаться на различные региональные и культурные традиции.

¹*Bullough D.* The age of Charlemagne. London, 1965. P. 207 ; *Bullough D.* Europae pater: Charlemagne and his achievement in the light of recent scholarship // English historical review. 1970. Vol. 85. P. 59–105 ; *Becher M.* Karl der Grosse. München, 2007 ; *McKitterick R.* Charlemagne: the formation of a European identity. Cambridge, 2008 ; *Hartmann W.* Karl der Grosse. Stuttgart, 2010 ; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian World. Cambridge, 2011. (Cambridge Medieval Textbooks) ; *Weinfurter S.* Karl der Grosse: der heilige Barbar. München, 2013.

²*Czock M.* Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft – Konstruktionen von Zeit zwischen Heilsgeschichte und Offenbarung // ZeitenWelten Zur Verschränkung von Weltdeutung und Zeitwahrnehmung, 750-1350 / hrsg. von M. Czock, A. Rathmann-Lutz. Köln, 2016. S. 122 ; *Palmer J.* The Apocalypse in the early Middle Ages. Cambridge, 2014. C. 130–159 ; *Czock M.* Creating futures through the lens of revelation in the Rhetoric of the Carolingian Reform, ca. 750 to ca. 900 // Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages / ed. by M. Gabriele, J. T. Palmer. Abingdon, Oxon, 2018. P. 115–119 ; *Warntjes I.* The Final Countdown and the Reform of the Liturgical Calendar in the early Middle Ages // Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages / ed. by M. Gabriele, J. T. Palmer. Abingdon, Oxon, 2018. P. 70–75 ; *Corradini R.* Langzeitperspektiven in der Krise. Das Zeitarhiv des Walahfrid Strabo // La productivité d'une crise : Le règne de Louis le Pieux (814–840) et la transformation de l'Empire carolingien. T. 2 / sous la dir. de P. Depreux, S. Esders. 2014 ; *Corradini R.* Die Ankunft der Zukunft. Babylon, Jerusalem und Rom als Modelle von Aneignung und Entfremdung bei Augustinus // Strategies of Identification: Ethnicity and Religion in early Medieval Europe / ed. by W. Pohl, G. Heydemann. Turnhout, 2013. P. 65–142. (Cultural Encounters in Late Antiquity and the Middle Ages ; 13).

³*Bullough D.* Alcuin and the Kingdom of Heaven: Liturgy, theology and the Carolingian age // Carolingian essays: Andrew W. Mellon lectures in early Christian studies / под ред. U.-R. Blumenthal. Washington DC, 1983. C. 232.

⁴*Heil J.* *Nos nescientes de hoc velle manere* - "We wish to remain ignorant about this": Timeless end, or: Approaches to reconceptualizing eschatology after A.D. 800 (AM 6000) // Traditio. 2000. Vol. 55. P. 100–103 ; *Palmer J.* The Apocalypse in the early Middle Ages. C. 130 ; *Reimitz H.* Die Konkurrenz der Ursprünge in der fränkischen Historiographie // Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. (Osterreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse: Denkschriften, 322; Forschungen zur Geschichte des Mittelalters, 8). S. 198.

⁵*Annales Sancti Petri Coloniensis* // MGH Scriptorum. Bd. 16 / hrsg. von Hahn. Hannover, 1859. S. 730.

⁶*Gabriele M.* The last Carolingian exegete: Pope Urban II, the weight of tradition, and Christian reconquest // Church History. Vol. 81, no. 4. P. 810–814.

⁷*Blaudeau P.* Calculs chronologiques en crise : autour des modalités linéaires et circulaires de datations sous le règne de Justinien // Cycles de la Nature, Cycles de l'Histoire De la découverte des météores à la fin de l'âge d'or. Actes des Journées d'étude du Mans (9 Novembre 2012 & 8 Novembre 2013) / sous la dir. d'E. Bertrand, R. Compatangelo-Soussignan. Bordeaux, 2015. P. 233-245. (Scripta Antiqua ; 76).

⁸*Судоров А. И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. (Studia classica). C. 268–269.

⁹*Sot M.* Hérité et pouvoir sacré avant 987 // Annales ESC. 1988. P. 726-729.

¹⁰*McKitterick R.* The illusion of royal power in the Carolingian annals // English Historical Review. 2000. T. 115:460. C. 15–16, 21 ; *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian world. Cambridge, 2004. P. 136 ; *Annales Laurissenses minores* // MGH SS. Bd. 1. 1826. S. 112–123. a. 751 ; Clausula.

¹¹ *Levillain L.* L'avenement de la dynastie carolingienne et les origines de l'état pontifical 745-757 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1933. T. 94. P. 290-295.

¹² *Semmler J.* Der Dynastiewechsel von 751 und die frankische Königssalbung. Düsseldorf, 2003. S. 43–52.

¹³ *Schneidmüller B.* Investitur- und Krönungsrituale. Mediaevistische Ein- und Ausblicke // *Investitur- und Krönungsrituale. Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich* / hrsg. von M. Steinicke, S. Weinfurter. Köln, 2005. S. 479.

¹⁴ *Boyle E.* Biblical Kings and Kingship Theory in Medieval Ireland and Norway // *Speculum Septentrionale: Konungs skuggsjá and the European Encyclopedia of the Middle Ages* / ed. by K. G. Johansson, E. Kleivane. Oslo, 2018. P. 198–199.

¹⁵ *Furry T.* Allegorizing History: The Venerable Bede, Figural Exegesis and Historical Theory. Eugene, Oregon, 2014. (Distinguished dissertations in Christian theology). С. 64–91.

¹⁶ *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 91–92.

¹⁷ Der Weg zum Königtum in historiographischen Kompendien der Karolingerzeit // *Der Dynastiewechsel von 751. Vorgeschichte, Legitimationsstrategien und Erinnerung* / hrsg. von M. Becher, J. Jarnut. Münster, 2004. S. 320–326 ; *Reimitz H.* *Nomen Francorum obscuratum*. Zur Krise der fränkischen Identität zwischen der kurzen und langen Geschichte der *Annales regni Francorum* // *Völker, Reiche, Namen im Mittelalter* / hrsg. von M. Becher, S. Dick. Paderborn, 2011. (MittelalterStudien ; 22). S. 290–296 ; *Reimitz H.* Die Konkurrenz der Ursprünge in der fränkischen Historiographie. S. 198.

¹⁸ *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 92–92, 116, 257–258.

¹⁹ *Levillain L.* Le couronnement impérial de Charlemagne // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1932. T. 18, n° 78. P. 19.

²⁰ *Mayr-Harting H.* *Charlemagne, the Saxons, and the Imperial Coronation of 800 // *The English Historical Review*. 1996. T. 111, № 444. С. 1113–1133.

²¹ *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 267.

²² *Gabriele M.* An empire of memory: the legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. Oxford; New York, 2011. P. 16–17.

²³ *Dutton P. E.* The Politics of Dreaming in the Carolingian Empire. Lincoln, 1994. P. 67–76 ; *Gabriele M.* An empire of memory: the legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. P. 16.

²⁴ Т.е. попытаться с другой стороны посмотреть на те вопросы, которые были поставлены в книге *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего.

²⁵ *Ewig E.* Saint-Chrodegang et la réforme de l'église franque // *Saint Chrodegang : Communications presentées au colloque tenu à Metz à l'occasion du douzième centenaire de sa mort*. Metz, 1967. P. 52-53 ; *Ewig E.* Beobachtungen zur Entwicklung der fränkischen Reichskirche unter Chrodegang von Metz // *Frühmittelalterliche Studien*. 1968. Jg. 2. S. 75–77.

²⁶ *Кузенков П. В.* Христианские хронологические системы: История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014. 213–279, на с. 269-274.

²⁷ *Кузенков П. В.* Хронологические системы. С. 113–212.

²⁸ *Warntjes I.* Victorius vs. Dionysius: the Irish Easter controversy of AD 689 // *Early medieval Ireland and Europe: chronology, contacts, scholarship* / ed. by P. Moran, I. Warntjes. Turnhout, 2015. P. 90–96.

²⁹ *Flint V. I. J.* Thoughts about the context of some early medieval treatises *De natura rerum* // *Ideas in the medieval West: Texts and their contexts* / ed. by V. I. J. Flint. London, 1988. P. 28.

³⁰ *Ó Cróinín D.* The continuity of the Irish computistical tradition // *Computus and its cultural context in the Latin West AD 300-1200*. Vol. 5 / ed. by I. Warntjes, D. Ó. Cróinín. Turnhout, 2010. (Studia traditionis

theologiae). P. 340–347 ; *Warntjes I.* Seventh-century Ireland: the cradle of medieval science? // Music and the stars. Mathematics in medieval Ireland / ed. by M. Kelly, C. Doherty. (Dublin, 2013. P. 68–72.

³¹ *Boyle E.* Eschatology and reform in early Irish law: the evidence of Sunday legislation // Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages / ed. by M. Gabriele, J. T. Palmer. Abingdon, Oxon, 2018. P. 135–138.

³² *Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4 bis 8 Jahrhundert). Wien, 1965 ; *Wood I. N.* The missionary life : saints and the evangelisation of Europe, 400-1050. Harlow, England; New York, 2001. P. 58–66 ; *Bullough D.* Alcuino e la tradizione culturale insulare //. Vol. 20. 1973. (Settimani di studio). P. 592–598 ; *Bullough D.* Alcuin and the Kingdom of Heaven: Liturgy, theology and the Carolingian age ; *Contreni J. J.* The Irish in the Western Carolingian Empire (According to James F. Kenney and Bern, Bürgerbibliothek 363 // Die Iren und Europa im früheren Mittelalter : In 2 Bde. Bd. 2 / hrsg. von H. Löwe. Stuttgart, 1982. S. 758–798.

³³ *Ó Cróinín D.* Early Medieval Ireland, 400-1200. London, 1995.

³⁴ *Кузенков П. В.* Хронологические системы. С. 178–183.

³⁵ *Ó Cróinín D.* The continuity of the Irish computistical tradition. P. 340–347 ; *Warntjes I.* Irische Komputistik zwischen Isidor von Sevilla und Beda Venerabilis: Ursprung, karolingische Rezeption und Forschungsperspektiven // *Viator*. 2011. Vol. 42. P. 30–32 ; *Warntjes I.* Seventh-century Ireland. P. 70–72.

³⁶ *Verbist P.* Duelling with the Past: Medieval Authors and the Problem of the Christian Era, C. 990-1135. Leiden, 2010. (Studies in the early Middle Ages ; 21). P. 10–25.

³⁷ *Кузенков П. В.* Хронологические системы. С. 113–163.

³⁸ *Moreton J.* Doubts about the Calendar: Bede and the Eclipse of 664 // *Isis*. 1998. Vol. 89, no. 1. P. 65 ; *Nothaft C.* Scandalous Error: Calendar Reform and Calendrical Astronomy in Medieval Europe. Oxford, 2018. P. 65.

³⁹ *Moreton J.* Doubts. P. 65.

⁴⁰ De ascensione lunae. In: Liber de computo // Schriften zur Komputistik im Frankenreich von 721 bis 818 / hrsg. von A. Borst. Hannover, 2006 ; *Nothaft C.* Scandalous Error. P. 66.

⁴¹ *Czock M.* Vergangenheit. S. 122 ; *Palmer J.* The Apocalypse in the early Middle Ages. C. 130–159.

⁴² *Borst A.* Die karolingische Kalenderreform. Hannover, 1998. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 46) ; *Englisch B.* Karolingische Reformkalender und die Fixierung der christlichen Zeitrechnung // *Computus and its cultural context in the Latin West AD 300-1200*. Vol. 5 / ed. by I. Warntjes, D. Ó Cróinín. Turnhout, 2010. (Studia traditionis theologiae). P. 250–258.

⁴³ *Mayr-Harting H.* Handschriften der Kölner Dombibliothek in der Zeit Erzbischof Hildebalds und die karolingische Renaissance // Mittelalterliche Handschriften der Kölner Dombibliothek: viertes Symposium der Diözesan- und Dombibliothek Köln zu den Dom-Manuskripten (26. bis 27. November 2010). Bd. 38 / hrsg. von H. Finger, H. Horst. Köln, 2012. (Libelli Rhenani) ; *Warntjes I.* Köln als naturwissenschaftliches Zentrum in der Karolingerzeit: Die frühmittelalterliche Kölner Schule und der Beginn der fränkischen Komputistik // Mittelalterliche Handschriften der Kölner Dombibliothek. Bd. 38 / hrsg. von H. Finger, H. Horst. Köln, 2012. S. 41–96. (Libelli Rhenani).

⁴⁴ *Warntjes I.* The Munich Computus and the 84 (14)-year Easter reckoning // Proceedings of the Royal Irish Academy. 2007. Vol. 107C. P. 75.

⁴⁵ *Mosshammer A. A.* The Easter computus and the origins of the Christian era. Oxford, 2008. (Oxford early Christian studies).

⁴⁶ *Warntjes I.* The Final Countdown. P. 61–63.

⁴⁷ *Dailey E.* Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden, 2015. (Mnemosyne, Supplements, Late Antique Literature). P. 63–64.

- ⁴⁸ *Ó Cróinín D.* The 'lost' Irish 84-Year Easter Table rediscovered // *Peritia*. 1988. Vol. 6/7. P. 240–242.
- ⁴⁹ *McCarthy D. P., Ó Cróinín D.* The 'lost' Irish 84-year Easter table rediscovered // *Peritia*. 1987. Vol. 6/7. P. 228.
- ⁵⁰ *Warntjes I.* The Munich Computus. P. 32–36.
- ⁵¹ *Warntjes I.* The Munich Computus. P. 36.
- ⁵² *Dailey E.* Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. P. 60–64.
- ⁵³ *Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen, Epochen, Eigenart. Göttingen, 1978. S. 55–64 ; *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident medieval. Paris, 1980.
- ⁵⁴ *Einhard.* Vita Karoli Magni / hrsg. von G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae, 1911. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 25). Prologus ; *Эйнхард.* Жизнеописание Карла Великого / под ред. М. Петрова, А. Сидоров ; пер. А. Сидоров. М., 1999. Пролог.
- ⁵⁵ *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 78, 273.
- ⁵⁶ *Reuter T.* The end of the Carolingian military expansion // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / под ред. Р. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. С. 405.
- ⁵⁷ *Brincken A.-D. von den.* Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf, 1957 ; *Kortüm H. H.* Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm // Historiographie im frühen Mittelalter / hrsg. von A. Scharer, G. Scheibelreiter. München, 1994. S. 513 ; *Ondracek C.* Die lateinische Weltchronistik bis in das 12. Jahrhundert // Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung / hrsg. von U. Knefelkamp. Pfaffenweiler, 1992. S. 14 ; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 269–273.
- ⁵⁸ *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 86, 161.
- ⁵⁹ *Innes M.* Teutons or Trojans? The Carolingian and the Germanic past // The uses of the past in the early Middle Ages / ed. by Y. Hen, M. Innes. Cambridge, 2000. P. 249 ; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. С. 187.
- ⁶⁰ *Сидоров А. И.* Сочинения античных, раннехристианских и «варварских» историков в культурном пространстве каролингской эпохи // Средние века. 2008. Т. 69, № 3. С. 79.
- ⁶¹ *Тюленев В. М.* К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 3. «Филология. История. Философия». 2008. С. 180.
- ⁶² *Meyvaert P.* Discovering the Calendar (Annalis Libellus) Attached to Bede's own Copy of De temporum ratione // *Analecta Bollandiana*. 2002. Vol. 120. P. 1–159.
- ⁶³ *Ward G.* Lessons in leadership: Constantine and Theodosius in Frechulf of Lisieux's Histories // The Resources of the Past in Early Medieval Europe / ed. by C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder. Cambridge, 2015. P. 70–71 ; *McKitterick R.* The audience for Latin historiography in the early middle ages: text transmission and manuscript dissemination // Geschichtsschreibung im Frühmittelalter / ed. by A. Scharer, G. Scheibelreiter. Vienna, 1994. P. 99–102 ; *McKitterick R.* Political ideology in Carolingian historiography // The uses of the past in the early Middle Ages / ed. by Y. Hen, M. Innes. Cambridge, 2000. P. 162–174 ; *Frechulf.* Frechulfi Lexoviensis episcopi opera omnia / sous la dir. de M. I. Allen. Turnhout, 2002. (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis ; 169-169A).
- ⁶⁴ *McKitterick R.* Acculturation and the writing of history in the early Middle Ages // Acculturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 104.
- ⁶⁵ *Nithard.* Historiarum libri / hrsg. von E. Müller. Hannover, 1907. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ; 44). Lib. IV. Cap. 7. *Nelson J. L.* Public histories and private history in the work of Nithard // *Speculum*. 1985. Vol. 60, no. 2. P. 293.
- ⁶⁶ *Reimitz H.* Die Konkurrenz der Ursprünge in der fränkischen Historiographie. S. 205–210.

⁶⁷ *Jarnut J.* Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768-771) // Herrschaft, Kirche, Kultur: Beiträge zur Geschichte des Mittelalters. Festschrift für Friedrich Prinz zu seinem 65. Geburtstag / hrsg. von G. Jenal, S. Haarländer. Stuttgart, 1993. S. 170–176 ; *Goosmann E.* Politics and penance: transformations in the Carolingian perception of the conversion of Carloman (747) // The Resources of the Past in Early Medieval Europe / ed. by C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder. Cambridge, 2015. P. 51–67 ; *Becher M.* Drogo und die Königserhebung Pippins // Frühmittelalterliche Studien. 1989. Jg. 23. S. 150–153 ; *Kasten B.* Königsgöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover, 1997. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 44). S. 220–237 ; *MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century. Cambridge, 2003. P. 85.

⁶⁸ *Ganshof F. L.* Charlemagne's failure // F. L. Ganshof, The Carolingians and the Frankish monarchy. Ithaca, 1971. P. 256–59 ; *Ganshof F. L.* The last period of Charlemagne's reign: A study in decomposition // F. L. Ganshof, The Carolingians and the Frankish monarchy. Ithaca, 1971. P. 240–54.

⁶⁹ *Brunner K.* Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien, 1979. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 25).

⁷⁰ *Airlie S.* The aristocracy // New Cambridge Medieval History. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 431–50 ; *Airlie S.* Semper Fideles? Loyauté envers les Carolingiens comme constituant de l'identité aristocratique // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IXe siècle aux environs de 920). T. 17 / sous la dir. de R. Le Jan. Villeneuve d'Ascq, 1998. P. 129–43. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest) ; *Airlie S.* The nearly men: Boso of Vienne and Arnulf of Bavaria // Nobles and nobility in medieval Europe / ed. by A. Duggan. Woodbridge, 2000. P. 25–41 ; *Airlie S.* Bonds of power and bonds of association in the court circle of Louis the Pious // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814–840) / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 191–204 ; *Airlie S.* After empire: Recent work on the emergence of post-Carolingian kingdoms // Early medieval Europe. 1993. Vol. 2. P. 153–61.

⁷¹ *Einhard.* Vita Karoli Magni. Prologus.

⁷² *Tischler M. M.* Einharts "Vita Karoli": Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption. Bd. 1. Hannover, 2001. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 48). S. 78–239.

⁷³ *Davis J. R.* Charlemagne's practice of empire. Cambridge, 2015. P. 202–205.

⁷⁴ *Friese E.* Studien zur Einzugsbereich des Kloster von Fulda // Die Klostersgemeinschaft von Fulda im früheren Mittelalter. 2:3 / hrsg. von K. Schmid, G. Althoff. München, 1978. S. 1003–1269. (Münstersche Mittelalter-Schriften) ; *Innes M.* State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400–1000. Cambridge, 2000. P. 186, 260–262.

⁷⁵ *Brunner K.* Auf die Spuren verllorener Traditionen // Peritia. 1983. Jg. 2. S. 1–22 ; *Innes M.* State and society. P. 186.

⁷⁶ *Annales Nazariani* // MGH Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1829. S. 23–45. Anno 785 ; *Innes M.* State and society. P. 186 ; *Davis J. R.* Charlemagne's practice of empire. P. 179–205.

⁷⁷ *Stengel E. E.* Urkundenbuch des Klosters Fulda: 1,1, Die Zeit des Abtes Sturmi. Marburg, 1913. (Historische Kommission für Hessen und Waldeck ; 10, 1). № 177, 178, 219 ; *Innes M.* State and society. P. 66.

⁷⁸ *Innes M.* State and society. P. 260–262.

⁷⁹ *Haselbach I.* Aufstieg und Herrschaft der Karlinger in der Darstellung der sogenannten Annales Mettenses priores: ein Beitrag zur Geschichte der politischen Ideen im Reiche Karls des Grossen. Lübeck; Hamburg, 1970.

⁸⁰ *Fouracre P., Gerberding R. A.* Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. Manchester, 1996. (Manchester Medieval Sources). P. 340–349.

⁸¹ *Hen Y.* The annals of Metz and the Merovingian past // The uses of the past in the early Middle Ages / под ред. Y. Hen, M. Innes. Cambridge, UK ; New York, 2000. C. 177.

⁸² *Hen Y.* The annals of Metz. C. 190.

- ⁸³*Hen Y.* The annals of Metz. C. 189.
- ⁸⁴*Nelson J. L.* Public histories and private history in the work of Nithard. P. 293.
- ⁸⁵The uses of the past in the early Middle Ages / ed. by M. Innes, Y. Hen. Cambridge, 2000.
- ⁸⁶*Mathisen R. W.* The first Franco-Visigothic war and the prelude to the battle of Vouillé // The battle of Vouille, 507 CE: where France began / ed. by R. W. Mathisen, D. Shanzer. Boston, 2012. (Millennium studies ; 37). P. 3.
- ⁸⁷*Reimitz H.* Viri illustres und omnes Franci: Zur Gestaltung der feinen Unterschiede in historiographischen und diplomatischen Quellen der frühen Karolingerzeit // Urkunden – Schriften – Lebensordnungen. Neue Beiträge zur Mediävistik / hrsg. von A. Schwarcz, K. Kaska. Wien, 2014. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 63). S. 150.
- ⁸⁸Fred. cont. Cap. 5 (100).
- ⁸⁹Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum). Cap. 48.
- ⁹⁰Hist. Franc. Sen. S. 364 ; Ercanberti Breviarium // MGH Scriptores. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1829. S. 328.
- ⁹¹Chronica Magni Presb. S. 482.
- ⁹²*Halbwachs M.* Les cadres mémoire de la mémoire. Paris, 1925 ; *Burke P.* The Renaissance sense of the past. London, 1969. P. 18–19 ; *Bloch M.* The historian's craft / trans. by P. Putnam. Manchester, 1992. 26: «The past was so assiduously used as an explanation of the present only in order that the present might be better justified or condemned». *McKitterick R.* History and memory. P. 85.
- ⁹³*Fentress J., Wickham C.* Social memory. Oxford, 1992. Гл. 7.
- ⁹⁴New approaches to medieval Communication / под ред. M. Mostert. Turnhout, 1999. (Utrecht studies in medieval literacy) ; *McKitterick R.* History and memory. P. 85.
- ⁹⁵*McKitterick R.* History and memory. P. 84–173 ; *Barnwell P. S.* Einhard, Louis the Pious and Childeric III // Historical Research. 2005. Vol. 78:200. P. 129–139.
- ⁹⁶*Gabriele M.* An empire of memory: the legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. P. 17.
- ⁹⁷*Einhard.* Vita Karoli Magni. Prologus.
- ⁹⁸*Tischler M. M.* Einharts “Vita Karoli”: Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption. Bd. 1. S. 78–239.
- ⁹⁹*Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 43.
- ¹⁰⁰*Conant J.* Staying Roman: Conquest and identity in Africa and the Mediterranean, 439–700. Cambridge, 2012. P. 1–438. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series).
- ¹⁰¹*Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2e éd. Paris, 1937 ; *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne, and the origins of Europe: Archeology and the Pirenne thesis. Ithaca, NY, 1983 ; *Van Dam R.* The Pirenne thesis and fifth-century Gaul // Fifth-century Gaul: A crisis of identity? / ed. by J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 321–34.
- ¹⁰²*Joch W.* Karl Martell - ein mindberechtigter Erbe Pippins // Karl Martell in seiner Zeit / hrsg. von J. Jarnut, U. Nonn, M. Richter. Sigmaringen, 1994. S. 149–169. (Beihefte der Francia ; 37).
- ¹⁰³*Reimitz H.* The Providential Past: Visions of Frankish Identity in the Transmission of Gregory of Tours' Historiae (Sixth to Ninth Century) // Visions of community: Ethnicity, religion and power in the early medieval West, Byzantium and the Islamic world / под ред. R. P. Clemens Gantner, W. Pohl. Farnham, 2012. C. 26–27.

Глава 2

Империя, королевство и семья: Парадигмы власти в королевстве франков в период его создания под властью Каролингов

Коммуникация и компромиссы: Дар в системе власти королевства франков

Одним из важнейших архетипов социальных взаимодействий, которые мало исследовались на примерах франкского королевства времени правления Каролингов, является практика дара как социального события, призванного создать долгосрочные социальные связи. В связи с эндемичным характером насилия в королевстве франков в правление Каролингов и в в связи с его ритуализацией в рамках конфликтов¹ любые ритуалы поддержания мира и минимизации насилия нуждаются в крайне пристальном внимании. В контексте создания империи при Карле Великом, а затем и в контексте удержания власти Людовиком Благочестивым и его сыновьями и внуками дарения воспринимались в первую очередь как символ слабости.² В частности, раздача монастырей и владений в эпоху Людовика Благочестивого рассматривалась как слабость правителя.³ Историки неплохо исследовали эту тему, подчеркнув, что в процессе передачи значимых и дорогих вещей происходил обмен как материальными, так и нематериальными ценностями.⁴ В частности, как следствие передачи вещей менялся социальный престиж как дарителя, так и одариваемого, причем ни у одного, ни у другого не было

однозначного падения этого престижа, и процесс выстраивания баланса социальных статусов был сложным и взаимозависимым. Интересно отметить, что в случае Людовика Благочестивого одним из первых самостоятельных действий его в качестве короля и императора были именно действия в отношении тех подарков, которые были в свое время принесены его отцу Карла Великому. Можно предположить, что среди них были как добровольные подарки, так и обязательные приношения, которые воспринимались как подать от подчиненных и завоеванных силой областей.

Стоит отметить, что в своем отношении к дарам, которых у Карла Великого в силу завоевательной политики сложилось довольно много, Людовик Благочестивый повел себя интересным образом, причем таким, который позволяет поставить вопросы относительно способов коммуникации властных интенций. В частности, в XX вв. историки подметили, в отличие от своих более ранних предшественников, что в значительной степени процесс властвования зиждется на двусторонней коммуникации между правителями и их подданными.⁵ В развитие этих точек зрения исследователи подчеркнули также, что в рамках этих коммуникаций одним из главных типов передаваемой информации были социальные ожидания.⁶ Действия Людовика Благочестивого после прихода к власти представляли собой именно процесс коммуникации, но какое именно “сообщение” он стремился передать в данном случае? Хотелось бы подчеркнуть, что в его действиях можно найти очень интересную игру социальных ожиданий.

Для понимания типичных ритуалов дара и значения этого социального акта нужно обратиться к сравнительному материалу. Этот материал представляет собой, как правило, материалы саг и других источников по истории средневековой Скандинавии и Исландии. Именно на основании сведений из этих источников и строилась концепция дара. Одной из интересных характеристик социального акта дарения является, как правило, использование в качестве подарков вещей, приобретенных вне сообщества, т. е. добычи. Представляется, что именно объекты, которые не присутствовали в обычной жизни сообщества, представляли собой главную ценность. Вещи, представлявшие собой обиходную жизнь, тоже, конечно, могли быть

подарены, однако можно предположить, что это был немного другой случай. Тем более интересно обратить внимание на то, что одним из первых действий Людовика Благочестивого после въезда в аахенский дворец был осмотр и дарение сокровищ, сохранившихся в сокровищнице его отца Карла Великого. Насколько обычным было для традиционных сообществ практика раздаривания отцовского наследства, правда, полученного в виде подарков? В этом источнике представлена крайне сложная ситуация, потому что в нем описывается акт дарения, возникший в достаточно сложной ситуации.

Уместно поставить вопрос, как обычно обращались с отцовским наследством в традиционных обществах Северной Европы. Представляется, что раздаривание полученного в наследство было не нормой, но скорее значительным отклонением от нее. В частности, от наследника, который принимал “хозяйство” отца и его дом, ожидали роли рачительного хозяина. Раздача полученного как наследство, особенно если это наследство символизировало власть, было, как представляется, практикой экстраординарной и необычной. Про такого наследника могли сказать, что он разбазаривает нажитое своим отцом, и оценить его действия как разрушение домохозяйства. В любом случае, требовалось сначала не просто вступить полностью в права наследования, но и показать себя как хозяина. Представляется, что каким бы ни было решение относительно будущего отцовского наследства, должна была быть временная задержка между принятием на себя прав собственности и любыми действиями в отношении нее.

В случае Людовика Благочестивого, как уже отмечалось, нужно учесть особый характер сокровищ, которые он нашел, став королем после смерти своего отца. Сокровищница была одним из важнейших символов власти.⁷ Так, Григорий Турский приводит в качестве одного из символов успеха Хлодвига то, что тот захватил сокровищницу Алариха II в Тулузе и прибыл с ней в Ангулем.⁸ В другом случае сокровищница стала основным камнем преткновения для Сигиберта и его сына Хлодериха.⁹ Ситуация, когда вещи из сокровищницы дарились сразу и полностью, не отмечается в раннесредневековых источниках. Стоит отметить, однако, что эта

сокровищница создавалась как результат завоевания Карла Великого, и фактически представляла собой добычу, взятую с полдюда.

В отношении этой добычи можно предполагать, что часть ее была взята как дань, а часть добровольно подарена, для того, чтобы откупиться от насилия. То, что проходы войск Карла Великого сопровождались сборами значительного количества дани, подтверждает тот факт, что многие области оказались полностью разорены, а часть свободных землевладельцев потеряла свой свободный статус. Об этом говорит упоминание вдов, сирот, а также упоминание о несправедливостях, творившихся в на местах: *Qui egressi invenerunt innumeram multitudinem oppressorum aut ablatione patrimonii, aux expoliatione libertatis.*¹⁰ Таким образом, сокровища Карла Великого могли, пусть и непрямым образом, состоять из вещей и ценностей, полученных именно таким путем.

Понимание характера сокровищ, доставшихся Людовику Благочестивому, заставляет обратить внимание на характер ситуации в королевстве франков в начале IX в. Историками давно уже было предложено считать, что это период, в отличие от конца VIII в., был неудачным для Карла Великого, и даже более того, временем распада с таким трудом созданной империи.¹¹ Более того, дальнейшие исследования показали, что социум франкского королевства в значительной степени пострадал от постоянных военных действий, потому что даже среди свободных франков была значительная убыль населения.¹² Поэтому понятно, например, что среди вдов и сирот, упоминаемых в этой главе сочинения Тегана, вполне могли быть и те, кто потерял кормильца в военных кампаниях, а также те, кто был лишен собственности в результате ее присвоения каролингскими отрядами в процессе ведения военных действий на удаленных территориях типа Баварии. Таким образом, сокровища несли за собой определенный груз бед социума.

Однако стоит отметить, что процесс раздачи собственности не обозначал признание Людовиком Благочестивым какой-либо вины, потому что значительная часть сокровищ была отослана папе Римскому, а пожертвованное церкви и неимущим вписывалось в традиционные для средневековья порядки, корнями уходившие как в традиции церкви в

Римской империи, так и в традиции варварского общества. Поэтому ни в коем случае нельзя принимать действия сына Карла Великого как признание какой-либо неправомочности действий его отца. По сути своей, видимая современному историку сторона этого дара, состоявшая в компенсации потерявших свою собственность, не обязательно воспринималась как таковая современниками, которые привыкли к войнам. Поэтому вопрос о том, можно ли считать раздаривание отцовской сокровищницы нормой в плане приема под свою ответственность дома отца-короля, остается открытым.

Представляется, что эти действия Людовика Благочестивого, а точнее, их восприятие историком, могут быть описаны в терминах социальных ожиданий и их реализации. Этот подход к интерпретации сюжетов раннего Средневековья практически не использовался историками, которые, используя этот метод, разбирали только сюжеты раннего Нового времени.¹³ Процессы коммуникации исследовались в других контекстах, где они определялись как процесс, в рамках которого определенные знаки использовались для донесения участникам смысла происходящих событий.¹⁴ Однако еще не было сделано попытки обратить внимание на то, что знаки часто использовались властью чтобы выразить свои ожидания относительно ответа подданных. В сочинении Тегана, как представляется, эта сторона используемых знаков очень видна. Представляется, что весь смысл знака, состоявшего в описании раздачи отцовских сокровищ, состоял в его неожиданности. Мы не знаем, насколько он в реальности был неожиданным. Однако текст Тегана, возможно, дает именно такое представление. Представляется, что это вытекает из того факта, что этот историк в целом видел в правлении Людовика Благочестивого разрыв с традиционной варварской практикой передачи власти старшему сыну, и доминирование взамен этого часто появлявшейся в Ветхом Завете практике передачи ключевой роли именно младшему сыну.

Интересно отметить, что первым замечанием автора относительно этого события было то, что сначала, до начала раздачи сокровищ своего отца, Людовик Благочестивый обеспечил своих сестер. Интересно, что даже в ситуации, когда в обществе не только региональном, но и франкском

присутствовало, вероятно, определенное неприятие семьи Карла Великого в силу тягот, которые они причинили населению, обеспечение женщин семьи, а именно, сестер, все равно стояло на первом плане. Стоит обратить внимание, что положение женщин в семье короля франков, ставшего императором, было достаточно непростым. Несмотря на привилегированное положение, они были лишены права выбора в том, что их отец, по сообщению Эйнхарда, не отпустил ни одну замуж.¹⁵ Таким образом, из-за своего происхождения они не только приобрели статус, но и потеряли возможность обосноваться своим собственным домом. Передача им части сокровищ была, фактически, компенсацией за это. Интересно, что такое поведение правителя воспринималось всеми как норма, потому что широко было, по-видимому, распространено также и понимание того, что его дочери были не до конца свободны в выборе. Каковы бы ни были оценки Карла Великого, но право обеспечить дочерей признавалось, по-видимому, всеми. Это дает нам возможность понять один из архетипов сознания каролингской эпохи, имевший непосредственное отношение к власти, а именно семью. Именно она была основной нитью связующей людей друг с другом, и одновременно показателем интегрированности человека в социум в целом. Человеку, обеспечивавший свою семью, заведомо был значимым членом социума, даже если его действия могли вызвать зависть.

Отметим особый характер этих дарений Людовика Благочестивого в отношении папства. В двух случаях Теган отмечал, что король франков одарил папу Римского в три раза больше, чем получил от него подарков. Это утверждение нужно в первую очередь понимать в контексте правовых понятий раннего средневековья. Именно такого типа обмен происходил в момент установления. Это утверждение можно понимать в двух разных смыслах. Во-первых, социальные отношения между дарителями и одариваемыми строились взаимно, потому что и тот и другой одновременно получали определенные социальные ценности и отдавали их. Причем положение обоих было парадоксальным. Получатель подарка мог порадоваться увеличению количества ценностей в своем домохозяйстве, однако одновременно он оказывался зависимым от дарителя если не в

прямом смысле наличия обязательств, то хотя бы в смысле своеобразной ответственности в плане совести. Дарение создавало эмоциональное сообщество, а таковые были основой средневекового общества.¹⁶ Таким образом, одаренный вынужден был думать о возможностях возмещения этого дара в виде эквивалентного дара или в виде других социальных действий. С другой стороны, даритель, несмотря на потерю части своей собственности, становился патроном, потому что он смог хотя бы однажды взять на себя социальную ответственность за другого человека. Именно по этой причине правители и другие значимые люди устраивали пиры и дарили дорогие подарки. Таким образом, в данном случае Людовик Благочестивый показывал свою большую способность взять на себя социальную ответственность, чем Римский папа. Это вполне соответствует той функции, которые начиная с Карла Великого стали брать на себя правители из этого рода, функции покровителей и патронов не просто в абстрактном, а в совершенно конкретном смысле тех, кто мог поддерживать людей материально, причем делать это годами. В частности, Эйнхард в своем предисловии сообщает, что посчитал своей обязанностью написать свое жизнеописание Карла Великого по той причине, что тот много лет держал его при своем дворе и кто все это время поддерживал и буквально кормил его. Если вспомнить нестабильный характер экономики раннего Средневековья, то можно отметить, что такого рода поддержка давалась значительными усилиями.¹⁷ Таким образом, для Тегана Людовик Благочестивый становился своего рода «покровителем» папы Римского, причем таким, чьи дары должны были долго его поддерживать. В ситуации, когда отец короля Карл Великий был, по некоторым сообщениям, коронован именно папой Римским, это имело большой символический смысл.

Эти дарения подчеркивают тот факт, что положение Людовика Благочестивого принципиально отличалось от положения его отца Карла Лысого в силу символизма, связанного с властью последнего. Первый «император римлян» был коронован в Риме 800 г., и есть согласие исследователей в отношении того, что скорее всего, он был коронован папой Римским. Это позволяет говорить о том, что у короля франков в результате

этого акта появилась легитимность власти, которой ему не хватало ранее. Положение его отца Пипина III, несмотря на статус короля, было достаточно сложным. Сам Карл Великий тоже имел определенные ограничения в своем королевском статусе, потому что практически все время был ответственен за военные кампании франков. Это говорит о том, что в его статусе единственным надежным легитимным аспектом был статус «предводителя» (dux). Правда, стоит отметить, что статус предводителя воспринимался таким историком, как Эйнхард, двойко. Наряду с описанием кампаний первого императора римлян из династии франкских правителей, этот историк подчеркивал, парадоксальным образом, что Карл Великий лично участвовал только в двух кампаниях против саксов и в одной кампании против славян, оставляя ведение боевых действий своим графам на местах.¹⁸ Это замечание показывает, что Эйнхард понимал шаткость понятия «предводитель» для короля франков, и подчеркивал наличие у Карла Великого своего собственного надежного статуса настоящего полноценного *emphrex*. Однако видно, что вопрос о том, что в статусе первого императора франков было основополагающим аспектом легитимности, все-таки был. Таким образом, коронация в Риме была действительно важнейшим фактором не просто для обоснования имперских претензий, но даже и для поддержания своего собственного королевского статуса. Королевский статус конечно же был у Людовика Благочестивого, однако его коронация в качестве императора, когда он сам возложил на себя корону, безусловно была совершенно другого значения и не могла восприниматься также, как аналогичный акт в отношении Карла Великого. Таким образом, Людовику Благочестивому приходилось начинать с нуля, потому что самый главный статус для него, статус короля и императора, нуждался в очень значительном закреплении и поддержке. Сам факт, что король в начале своего правления не имел никакого преимущества в отношении легитимности своей власти достаточно сложно представить, однако это был именно такой случай. А это показывает, что надо полностью переоценивать Людовика Благочестивого как «младшего сына великого императора».¹⁹ Хотя в историографии сложилась традиция рассматривать его как «слабого» или «бездеятельного»

короля, на самом деле даже вступление в наследство отца потребовало от него, как представляется, экстраординарных усилий. Раздаривание отцовской сокровищницы говорит о том, что ситуация нового короля франков была крайне сложной. Таким образом, власть Людовика Благочестивого нужно рассматривать не как данную ему по причине наследования отцу, а как изначально созданную своими собственными руками в той мере, насколько это было возможно в раннем Средневековье. Если посмотреть все ритуалы, связанные с приходом нового короля к власти, то можно отметить, что он вынужден был идти на этот компромисс.

Интересно отметить, что в рамках этого ритуала Людовик Благочестивый и папа римский фактически урегулировали один из важнейших потенциальных конфликтов, который мог возникнуть между ними. Эти дарения Людовика Благочестивого в отношении папства могут рассматриваться как действия, которые способствовали урегулированию потенциального конфликта, который мог возникнуть между этими двумя важнейшими представителями власти на Западе. Самостоятельная коронация, предпринятая королем франков по предложению его отца, могла рассматриваться как узурпация папской привилегии служить сакральным главой территорий, ранее входивших в Западно-Римскую империю, несмотря на то, что «Константинов дар» еще не сформировался как единый текст, и идеи о примате папства как о главной объединяющей силе в рамках богоданной власти римских императоров содержались только во фрагментарном состоянии в «Житии папы Сильвестра». В отличие от своего отца, который в отношении с папством выдержал все условности и короновался тем способом, который удовлетворял как римского понтифика, так и византийские властные круги, Людовик Благочестивый не имел того же удачного стечения обстоятельств, который сопутствовал правлению Карла Великого. Таким образом, его титул и статус не был до конца легитимен в смысле следования всем правилам, которые могли требоваться представителями южных, средиземноморских элит. Поэтому Людовик Благочестивый в этом смысле выступал не как избранный в соответствии с представлениями папства император, а как правитель, выпавший из системы

иерархических связей, сложившихся ранее. По причине этого он стал человеком, который должен был заново доказывать свой статус сакрального правителя, достойного императорского статуса. Ведь именно способность концентрировать вокруг себя ресурсы считалась важнейшим аспектом образа верховного правителя, который стал императором благодаря смещению в поздней Античности идей полисной власти и идей эллинистической и восточной монархий. Таким образом, история потомков Пипина III на каждом своем этапе была достаточно драматичной. Это вполне естественно ожидать от прихода к власти Карла Великого, который должен был доказать свою власть после своего отца, который был еще майордомом. Но в случае Людовика Благочестивого такое сложное начало заставляет оценить, насколько власть семьи и ее судьба были непредсказуемыми и насколько много усилий они требовали в каждом поколении, чтобы не просто остаться у власти, а даже просто чтобы взять ее в руки. Карл Великий, если внимательно вчитаться в сочинение Эйнхарда, был не самым престижным из семьи Пипина III и ему пришлось доказывать свою значимость на фоне своего дяди Карломана и его сына Дрогона, а также на фоне своего собственного брата Карломана. Его задача состояла в том, чтобы показать, почему именно он был более успешен как правитель, что он и сделал, постоянно проводя военные кампании. Однако интересно, что Людовик Благочестивый имел не меньше сложностей при приходе к власти, просто немного в другом аспекте правления. Он сразу воспринимался как мирный король, как правитель, более озабоченный поддержанием статус кво и стабильности, чем новыми завоеваниями. Но интересным образом, в этом аспекте властвования ему тоже пришлось доказывать свою нужность и актуальность. Как мирный правитель, он не мог просто полагаться на поддержку папы или церкви, потому что и римскому понтифику, и епископам в королевстве франков нужна была военная защита. Как только его военная функция оказалась в тени, то как мирный правитель он оказался фактически на равных со многими магнатами европейских земель и епископатом. Представляется, что его значительные дарения могут пониматься в сугубо практическом, а не только в символическом смысле, как

необходимость достичь договоренностей путем демонстрации своих ресурсов. Перейдя из статуса славного военного командира, которым всегда был или по крайней мере представлялся Карл Великий, и который был именно по причине своей военной доблести достоин титула императора, в статус правителя-миротворца, он должен был доказывать свой «знатный» статус как человек, имеющий значительные ресурсы. Ведь знатность подразумевала два аспекта, избранность в духе сюжетов, описанных в «Золотой ветви» Дж. Дж. Фрезера, и способность конвертировать эту избранность в благополучие и независимость от стихий. Именно эту избранность, т. е. независимость от ресурсов, как представляется, и продемонстрировал Людовик Благочестивый, который хотел показать себя правителем, готовым отказаться от любых материальных благ в пользу церкви, потому что он не зависел от этих ресурсов. Если он не выступал как харизматический военный лидер, то он должен был себя показать достойным в рамках тех представлений, на которые опирались нестяжательствующие благ земных белое и черное духовество. Поскольку образ как епископата, так и аббатов строился именно на их способности давать т. н. «бедным» слоям поддержку начиная с создания домината, то именно способность отдавать ценности для поддержания социального мира и ценилась среди клира и монашества. Таким образом, в третьем поколении Каролинги приблизились к тому, чтобы взять на себя социальные функции, которые уже давно были освоены церковью и отчасти знатью. Таким образом, история Карла Великого и последующих правителей из его семьи является скорее не триумфом, а очень медленной интеграцией в уже сложившиеся на тот момент структуры социума в качестве полноправных властителей.

Начало правления Людовика Благочестивого было связано с необходимостью доказательства своего права на корону, что было характерным для всех правителей, принимавших власть из рук отца. Однако порядок его действий особенно интересен в контексте королевства франков во время правления Каролингов, которые в эпоху Карла Великого виделись всем исследователям как находящиеся на пике своей власти и не имевшие никаких соперников. Первым символическим действием было прибытие в

аахенский дворец из Аквитании после смерти своего отца и занятие его. Хотя это действие может показаться автоматическим и обычным, указание на это со стороны Тегана говорит о том, что для человека IX в. это не было тривиальным событием. Начнем с того, что даже если королевство франков можно считать замиренным, поскольку активно противостоящих династии групп не было, сам факт довольно сложного путешествия, а затем вход во дворец являлись действиями, для исполнения которых нужно было было показать себя успешным правителем. Дело в том, что дворец являлся символом власти, и появление там без каких-либо противоречий означало, что высшие силы благоприятствуют Людовику. Любые случайности в лице нарушающего покой военного отряда могли произойти. Отметим также, что процесс вхождения во власть характеризовался необходимостью получить подтверждение от трех основных групп, претендовавших на власть. Этими тремя основными группами были знать европейских областей, находившихся под властью короля франков и императора, епископат франкской церкви и папство. Последние рационально отделять один от другого, потому что при всей общности церкви, реальность состояла в том, что интересы епископата формировались в местном контексте, в отличие от интересов папства.

Передача власти от Карла Великого Людовику Благочестивому была оформлена в рамках интересных практик социального бытия и не может рассматриваться как акт королевского волеизъявления, к которому обязаны были прислушаться подданные императора и короля франков. Теган описывает, как Карл Великий собрал свое окружение, светских магнатов и епископов и попросил их оказать доверие своему сыну. Сам по себе этот акт является абсолютно типичным для Средневековья. Но интересно обратить на те ритуалы, которыми он в данном случае сопровождался. Например, Теган пишет, что король франков попросил признать своего сына достойным доверия «с миром и честью» (*pacifice et honeste*). Хотя эти термины, употребленные историком, могут показаться абсолютно обычными, за ними могут стоять ассоциации с очень важной социальной практикой. Мир в традиционном догосударственном обществе был главным аспектом народных собраний и судебных заседаний, и как сообщает Тацит, требовал для своего

поддержания специальных людей, «жрецов», которые обладали всей полнотой власти в отношении наказания тех, кто не подчинялся правилам. Упоминание термина *pacifice*, возможно, намекает именно на этот аспект традиционного общества. Более того, можно отметить, что ударение на мирный характер этого события говорит о попытке Карла Великого выступить не просто в роли короля, а также и в роли этого самого жреца. Это было актуальное требование, потому что у Карла Великого не хватало легитимности по какому-то из аспектов тацитовской схемы власти. Он был сыном Пиппина III, который был знатным человеком, но чье королевское достоинство было очень недавнего свойства. Он хорошо зарекомендовал себя как военный предводитель. Но у него точно не хватало качеств судьи, потому что своей власти он добивался прежде всего военными кампаниями. Восстание тюрингов в 782 г. испортило его образ как миротворца, а определенное напряжение в отношении его постоянных кампаний, безусловно, продолжало сохраняться в течение всего периода его правления. Если учесть, что размеры земельных владений и держаний уменьшились, потому что они стали дробиться, то очевидно, что большое количество свободных франков значительно потеряло в плане земельных владений.²⁰ Поэтому упор на мирный характер собрания говорило о том, что он скорее выступал если не как судья, что уже было вряд ли возможно, а по крайней мере как старейшина, в функции которого по возрасту входило именно увещание людей в поддержании порядка. Нам представляется, что Карл Великий не приказал признать своего сына достойным доверия, а попросил, как-бы в рамках судебного заседания, установить факт, можно ли доверять его сыну.

Более того, употребление термина *honeste* может тоже подразумевать особый аспект этой просьбы. Если «с миром» подразумевает просто любое собрание, а не только судебное заседание, то слова «с честью» подразумевают именно последнее. Честь была неотъемлемой частью как военных кампаний, так и судебных заседаний. Стоит отметить, что двойная функция собрания, которую очень точно подметил Теган, проистекает из практики, отмеченной еще Тацитом в «Германии». Историк каролингской эпохи, не обязательно знакомый с текстом историка, жившего еще в период принципата, отметил,

что собрание значимых людей могло собираться как в случае мирного ведения дел, так и в случае, если социуму что-то угрожало извне или изнутри.²¹ Принципиальная разница состояла в том, что от участников требовались действия разного рода. Для случая, когда непосредственная военная кампания не угрожала, подходил термин *pacifice*, так как Карл Великий в данном случае отмечал, что собрание, им созванное, было мирным и требовало свободного волеизъявления, а не подчинения своей воли высшей необходимости ради будущего социума. В случае мирного собрания, которое по сути было судебным заседанием, король франков просил не просто поддержать своего сына, а каждого ответить «по чести», может ли он верить его сыну. Это не значит, что данное событие нужно рассматривать как показатель сохранения во франкском обществе на тот момент традиций военной демократии. На самом деле, обычных собраний в рамках военной демократии известно мало, потому что короли и знать в течение нескольких столетий были главной определяющей силой властных структур общества. Ни в королевстве франков эпохи Меровингов, ни тем более в королевстве франков эпохи Каролингов, не было «народного собрания» как такового, потому что все следы последнего были надежно уничтожены Карлом Великим.²² Но описываемые события говорят нам о том, как важно было сохранять определенные традиции в области поддержания присутствующих в сознании современников ритуалов. Конечно, эти слова отражали только следование ритуалам, а не реальный факт. Но тем не менее, их наличие в источнике говорят о сохранении этих понятий в системе представлений.

Слово «*pacifice*» могло также означать одно интересное понятие. Тацит сообщает, что среди варваров обычным делом было съезжаться на народное собрание в течение нескольких дней. Это можно было воспринимать как неорганизованность и хаотичность, но простая констатация факта такого рода мало что меняет. Представляется, что этому описанию можно дать и другое истолкование. Затягивание события является в традиционных культурах одним из важнейших способов показать свое положение и власть, потому что это было своеобразным способом достижения договоренностей относительно баланса взаимоотношений. Вероятно, что путем прихода можно

сразу было выразить свое согласие, а путем задержки, наоборот, показать определенный уровень несогласия. «Honeste» могло означать просьбу сразу определить свое отношение к призыву на собрание, либо приходить сразу, либо не приходить вообще. Такого рода просьба могла быть обычным белом при решении серьезных дел. В данном случае, несмотря на то, что мы имеем дело с вероятной интерпретацией, мы тем не менее можем предположить, что подобного рода просьба не затягивать свое решение была действительно актуальна.

Можно отметить, что Теган является одним из историков, на примере которого можно показать значимость новой исторической методологии для интерпретации источника. В частности, в рамках сложившегося в 1990-е гг. консенсуса относительно синтеза методов истории и литературоведения в области анализа источников, можно отметить возможность исследования его сочинения в рамках этих новых концепций. В особенности стоит отметить парадоксальную ситуацию, когда источник IX в. является практически модельным примером для теоретически усложненных подходов к исследованию текста. В частности, хотя Теган писал историю в самом точном смысле этого слова, и нигде не пытался претендовать на написание литературного произведения, но именно методами анализа последних текст этого историка может быть очень глубоко понят. Интересно, что новые подходы к источнику очень точно соответствуют двум критериям обращения с научной истиной, критерию верифицируемости и критерию фальсифицируемости. В случае средневековых источников два подхода, структурализм К. Леви-Стросса и теория литературной критики Н. Фрая, очень удачно выполняют эту функцию. Если первый позволяет прочитать текст источника «между строк» и поставить это в общий культурный контекст описываемой цивилизации, то второй дает очень интересную возможность восстановить культурные табу и понять, что и почему не было сказано автором. Главной идеей его воззрений на то, что с точки зрения историка называется «методологией исследования источников», а с точки зрения литературоведения называлось «литературной критикой», было ударение на то, что в любом тексте можно увидеть не только то, что автор

хотел сказать, но и то, что автор не мог сказать в силу определенных социальных ограничений. Считается общим утверждением то, что автор всегда пишет в определенном историческом и социальном контексте. Но новым утверждением Н. Фрая было ударение не на том, что автор писал в своем тексте, а, наоборот, на том, что он не писал и что могло быть выяснено путем понимания социальных табу на упоминание или раскрытие определенных тем. Эти табу очень ярко видны, когда Теган говорит, например, о приходе к власти Людовика Благочестивого. Для этого автора король франков был, безусловно, вне каких-либо подозрений в плане своей легитимности, потому что весь текст говорит об особой значимости его правления. Историк полностью принимал все действия Людовика Благочестивого в качестве правителя. Однако можно отметить, что дары и достигаемые посредством их договоренности не воспринимались как результат компромиса, а как победа Людовика Благочестивого. Однако современному историку видно, что как раз компромис со знатью был для историка темой, которую по ряду причин, а в особенности по причине общей нестабильности королевства и империи не стоило поднимать.

Такого рода табу в сочинении Тегана можно найти большое количество. Например, кроме вопроса о необходимости поиска согласия табу являются вопросы о принятии Карла Великого в последние годы его жизни и об общем отношении знати франкского королевства к династии. То, что был довольно значимый уровень напряжения в обществе, видно из сочинения Тегана, если мы судим о последних годах Карла Великого, и из сочинения Нитарда, если мы говорим о времени заключения Верденского соглашения о разделе 842-843 гг. Кроме этого, проблемой являются также и сравнения отца и сына, которые явно напрашивались сразу, но говорить о которых было не принято. Одновременно, можно предположить, что проблемы самостоятельной коронации и отношение к этому рисковому папы для многих могли бросаться в глаза.

Другим примером действия против социальных ожиданий является эпизод прихода к власти Карла III Простоватого в 893 г. Он последовал после того, как в 888 г. королем стал Одон, граф Парижа и человек, имевший

чуть больше полномочий, чем просто граф, однако имевший в дополнение к титулу графа упоминавшийся только историками, но не писцами королевских грамот, титул *dux Franciae*. Статус Одона в качестве короля, однако, был оспорен еще до окончания его правления, потому что по достижении 15 лет в 893 г., как пишет Рихер Реймский, он стал жаловаться своему окружению, что не может осуществлять власть в своем королевстве. Интересным и довольно неожиданным является тот факт, что король, по праву наследства претендующий на престол, мог жаловаться, т. е. показывать слабость, а не силу: *Suadebant quoque multiplices adolescentis querimoniae*.²³ Текст Рихера говорит о том, что он жаловался неоднократно, т. е. выступал не столько в качестве сильного харизматичного правителя, сколько наоборот, в роли неудачливого наследника. Однако, как представляется, это не послужило отрицательно его избранию, а наоборот, подтвердило, что даже в его настоящем неполном статусе он был настойчивым человеком. Парадоксальным образом, выражение жалобы в данном случае характеризовало человека как самостоятельного и настойчивого, а не как слабого. Интересно, что в данном случае сам факт привлечения внимания к себе был важнее того способа, которым это привлечение внимания достигалось. Возможно, что правитель из династии Каролингов, которого никто бы не заподозрил в отсутствии бравых предков и в неспособности сражаться, мог позволить себе немного необычное поведение. Интересно также, что такое поведение, странное для современного исследователя Средневековья и рыцарской культуры, наоборот, делало Карла III более доступным для знати, ранее избравшей Одона Парижского. Жалоба, как представляется, была способом показать, что король не будет силой добиваться власти и потом поступать со своей знатью как с узурпаторами. Парадоксальным образом, жалоба была предложением разрешить дело самым мирным способом, и это подчеркивало очень важную роль миротворца, которой не всякий военный предводитель мог добиться, и которую Каролинги стали явно приобретать только после Карла Лысого. Если учитывать, насколько важен был процесс коммуникации между властителями и подданными, то можно понять, что в данном случае власть

выражалась именно через него, т. е. для Карла III, равно как и для его окружения, был важен именно сам процесс достижения договоренности. Именно коммуникация становилась тем способом, который в наибольшей степени отличал Каролингов от окружавшей их знати, потому что в ее рамках представитель королевского рода мог выразить присущую ему легитимность власти, в то время как просто знатные люди могли признать, что их собственный статус сильно зависел от степени их взаимодействия с церковью и от характера последней для конкретного представителя знати или для их группы.

Избрание в качестве короля Западно-франкского королевства парижского графа Одона в 888 г. представляется сложным и неоднозначным событием. Оно традиционно воспринималось историками как временный перерыв в истории правления крайне ослабевшей на тот момент династии. Считалось, что выборы правителя не из Каролингов означал, что династия прекратила оказывать влияние на дела в королевстве франков. В значительном количестве работ, написанных в XIX в., этот эпизод рассматривался как начало конца для потомков Карла Великого. Однако при более внимательном прочтении ситуация оказывается более сложной, потому что писавший в конце X в. Рихер уже менее драматично рассматривал события раннего времени. Разбору его сообщений о событиях столетней давности следует посвятить место, поскольку в них содержится ряд крайне интересных свидетельств об образе власти и политической культуре франкского королевства при последних Каролингах. Интересно, во-первых, само объяснение причин избрания Одона, которое Рихер формулирует в двух аспектах. Во-первых, это необходимость защиты от норманнов, которые именно в это время стали особенно назойливо оказывать давление на королевство франков. Стоит задать обычный для историков вопрос о том, насколько можно поверить тому, что именно в это время атаки викингов стали более агрессивными, чем раньше. Представляется, что это могло быть субъективным объяснением историка. На вопрос, зачем такое субъективное объяснение было нужно, можно ответить, что Рихеру нужно было как-то легитимизировать избрание Одона и объяснить причину отхода от строго

династического принципа выбора короля. Если бы атаки норманнов имели свой обычный характер, то срочно избирать графа Парижа в качестве короля не надо было бы. Поэтому для Рихера критическим фактором было именно экстраординарность тех событий, которые закончились избранием знатного человека, пусть и имевшего весьма значительный статус, в качестве короля. Таким образом, очевидно, что в сознании образованных людей конца X в. правление Одона уже можно было представить как событие, легитимное именно с точки зрения Каролингского франкского королевства. На основании этого, однако, нельзя сделать заключение относительно того, как воспринималось это же событие раньше, современниками или в начале X в. Можно предположить, что Рихер был более лоялен к каролингской династии, как это делали некоторые историки, однако по источникам нельзя выстроить именно такой дихотомии. Однако ударения, которые делает Рихер, показывает, что по крайней мере для его современников была разница между правлением Карла Великого и Людовика Благочестивого как очень успешных или в значительной степени успешных властителей, и временем правления Карла III по причине «династического кризиса» (малости возраста) и других факторов. Но ключевым моментом является то, что даже после ухода Каролингов непрерывная легитимность их власти стала очевидна многим.

Последующие слова Рихера Реймского показывают еще четче, что он не хотел видеть Одона в качестве правителя, который мог составлять конкуренцию в области принятия знатью Каролингам. В частности, он подчеркивает, что Одон не имел возможности особо заниматься урегулированием конфликтов: *Creatusque rex, strenue atque utiliter omnia gessit, preter quod in militari tumultu, raram componendi lites potestatem habuit.*²⁴ Причиной этого он видел условия постоянной военной угрозы со стороны норманнов. Но дело в данном случае не столько в самой военной угрозе, сколько в проявлении в этих словах одной фундаментальной системы ценностей. Если вспомнить Тацита и его классическую и очень емкую формулировку *Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt.*,²⁵ то можно принять во внимание тот факт, что в данном случае у Рихера речь идет, вероятно, об архетипической системе ролей, составляющих структуру власти

традиционного общества. У Тацита в этом пассаже не упоминалось про урегулирование конфликтов, однако известно, что в других местах этот классический римский историк говорил о двух типах судебной власти - тех, кто мог судить поведших себя трусливо во время боя, и тех, кто мог наводить порядок во время народного собрания. Как было исследователями, функция миротворца и судьи была тоже присуща варварским сообществам на римском пограничье, хотя она не была так видима, как функции военного предводителя и короля знатного происхождения и, вероятно, имевшего отдельные сакральные функции. В частности, было предложено считать, что визиготский правитель Атанарих был не королем, а скорее, судьей.²⁶ Эта точка зрения на данный момент в целом укрепилась среди исследователей, потому что в действиях этого правителя и в его образе было много от миротворца, призванного разрешать конфликты, а не от предводителя или короля, способного объединить значительное количество ресурсов для военного отпора врагам. Таким образом, роль миротворца или судьи была третьей важнейшей функцией в дополнение к ролям предводителя и короля, потому что она компенсировала все то, что властители первых двух статусов не могли дать обществу в качестве стабильности. Однако роль судьи, как представляется, была замкнутой в том смысле, что только люди, доказавшие себя в течение долгого времени как носители мира и справедливости, могли претендовать на нее. Если взять историю франкских королей из династии Меровингов, то можно отметить, что они смогли добиться права считаться судьями только в поздний период своего правления, т. е. когда они достаточно зарекомендовали себя в качестве сначала предводителей, а затем настоящих, освященных своей знатностью королей. Для обоснования такой интерпретации следовало бы, конечно, привести определенную систему аргументов, потому что таким образом мало кто рассматривал историю королевства франков. Однако для развертывания подобной системы аргументации требуется большое количество места, что вряд ли может быть достигнуто здесь. Сошлемся на более раннее исследование, в котором выявлены все предпосылки для такого утверждения. Здесь же отметим, что Меровинги виделись в первую очередь в качестве военных предводителей

лимесного типа до начала формирования стабильных семей в 580-е гг., после оформления семей и появления династий они стали все больше видаться как настоящие короли знатного статуса в полном соответствии с определением Тацита. И только в середине VII в. в судебных протоколах, иначе называемых *placita*, стало очевидно, насколько к тому времени Меровинги, потерявшие к тому времени часть своего образа именно как успешные военные предводители, стали и сами стремиться к образу судей и стали восприниматься другими именно как арбитры, посредники и миротворцы, ответственные за поддержание стабильности в обществе.²⁷ Поэтому образ правителя, обладавшего функциями судьи в королевстве франков в правление Каролингов, был крайне важен, но едва доступен. В частности, Карл Великий, например, не мог считаться человеком, обладавшим подобными полномочиями, потому что при созыве знати и епископата для передачи власти Людовику Благочестивому он вынужден был их просить рассудить дело «с миром и честью», т. е. выступал в качестве просителя, а не того, кто мог задавать тон собрания, которое должно было решить вопрос правового по сути плана.²⁸ И в целом, историки говорят о правлении Карла Великого как о времени, когда были установлены новые по сравнению с уже существовавшей практикой достижения согласия между правителями правила ведения дел. Например, они показали, что после восстания тюрингов Карл Великий ужесточил свои отношения с местной знатью и перестал прислушиваться к их мнению при разрешении конфликтов, опираясь в данном случае на силу своего военного присутствия.²⁹ Людовик Благочестивый был человеком и правителем, который изначально вынужден был договариваться со знатью. Однако и он не мог выступать в качестве судьи, потому что его правление изначально было отмечено печатью борьбы, подчас приводившей к жестким результатам, с представителями боковых ветвей своей собственной семьи. Таким образом, из Каролингов мало кто мог претендовать на роль судьи, и наверное, только в четвертом поколении от Пипина III, правители типа Людовика Немецкого и Карла Лысого (но не Лотарь I или Пипин I или Пипин II) могли считаться миротворцами и судьями. Поэтому это была роль, достигнутая долгими трудами и та, которая

должна была постоянно подтверждаться делами по поддержанию согласия в обществе. Именно ее Рихер Реймский не хотел приписывать Одону, который в силу недавности своего правления в принципе не мог претендовать на право разбора споров, хотя ежедневная рутина функционирования королевского двора, безусловно, требовала этого вне зависимости от династического происхождения правителя.

В целом, правление Одона было описано Рихером таким образом, что несмотря на его значительные успехи в военных аспектах своего правления, его власть представлялась ограниченной по сравнению с успевшими создать свой образ и успевшими заручиться поддержкой знати Каролингами. Например, парадоксальным аспектом истории правления Одона в пересказе Рихера является то, что сразу после прихода к власти графа Парижа в качестве короля цены на еду выросли очень значительно. Это важно не только как показатель определенных экономических трудностей, а как комментарий относительно функций, которые Рихер видел в правлении Одона. Здесь следует вспомнить, что одной из функций правителя была его сакральная по сути способность обеспечивать благополучие сообщества. При «удачливом» короле, любимце высших сил, дела у социума ладятся во всех смыслах, но выражалось это, как правило, именно в благополучии повседневной жизни, т. е. в отсутствии критических ситуаций. Наличие такой критической ситуации как раз говорит о том, что Одон не был не только судьей, но, по-видимому, не был так же и сакральным главой социума. Вопрос только в том, какой из функций тацитовской триады соответствовала идея о короле как о человеке, обеспечивавшем связь с высшими силами именно в плане стабильности общества. Представляется, что уместно считать именно функцию избранного по знатности короля в качестве сакральной силы. Дело в том, что знатность в мире Поздней Античности и раннего Средневековья означала, на мой взгляд, способность поддерживать свою семью на протяжении нескольких поколений. А поскольку сделать это было не так просто в силу ограниченности ресурсов и нестабильности положения на лимесе в регионах за его пределами, то именно способность в течение нескольких поколений поддерживать социальный статус семьи, т. е.

инфраструктуру ее существования, должны была расцениваться как главный показатель избранности высшими силами. Важным также является то, что Рихер подчеркнул желание Одона вернуться обратно в Иль-де-Франс только после того, как цена на еду стала бы ниже. Таким образом, из-за своего статуса, который не позволял ему выступать в качестве правителя, приносящего благосостояние социуму, он вынужден был уйти из той части королевства франков, в которой знать его выбрала. Парадоксальность ситуации состояла в том, что по мнению историка Одон как будто был избран только для того, чтобы покинуть Нейстрию. Т. е. имела место ситуация, когда за избранием могла стоять определенная стратегия знати, а не просто случайное решение. Эта стратегия могла быть направлена на то, чтобы несмотря на возможную военную необходимость не допускать до власти тех, кто был равного с ними статуса и таким образом не допускать конкуренции. Это предположение можно сделать, если учесть, что исследователи в настоящее время подчеркивают, что знать была в целом лояльна королям и конкретно Каролингам, и что она могла ценить свою службу королям как привилегию.³⁰ Поэтому несмотря на то, что Рихера можно считать в очень значительной степени пристрастным именно к Каролингам, мы все равно можем предположить, что в его описании была значительная доля исторической истины. А это говорит о том, что выбирая его, нейстрийская знать не отходила окончательно от Каролингов, а делала временный выбор. Говоря о том, что Одон сделал местом своего пребывания Аквитанию, Рихер еще более усиливал впечатление, что избрание графа Парижа в качестве короля Западно-франкского королевства не отдало ему корону в полной мере, а лишь передало ему права на Аквитанию, которая имела свой самостоятельный статус в качестве королевства при Карле Великом, и которая всегда была наособицу.

Таким образом, образ Каролингов, создаваемый историками, следует в очень значительной степени проверять на непротиворечивость. Отметим, что несмотря на крайне значительную поддержку, которую историки оказывали правителям, в их текстах тем не менее можно различить реалии, которые для них самих и для современников казались совершенно естественными, но

которые для нас, воспитанных в традициях про-Каролингской историографии, кажутся производящими диссонанс с общей тенденцией к обрисовке правления Карла Великого и как минимум нескольких его потомков как своего рода триумфа семьи. Здесь не стоит видеть конфликта между исторической реальностью и точкой зрения современных событий историков, потому что противоречие существовало и существует между историческими реалиями и историографической традицией, сложившейся в XIX–XX вв. Поэтому можно утверждать, что для историков, современников Людовика Благочестивого и его сыновей, необходимость доказывать свою легитимность в различных аспектах власти была очевидной, и что описание процессов, которыми эта легитимность достигалась, сознательно ставилось этими историками в качестве основной задачи своих исторических трудов. Таким образом, Каролинги после Карла Великого вовсе не были слабыми королями для современников, хотя в терминах Realpolitik XIX в. они часто передавали привилегии на имевшиеся у них ресурсы, т. е. земли, а часто и движимое имущество в виде сокровищ, своему окружению или людям, много значившим в распределении власти в это время, что могло рассматриваться как ослабление их власти. Наоборот, современные событиям историки видели этих правителей как людей, приложивших много усилий для того, чтобы добиться власти и чтобы ее поддерживать. Это принципиально важно для понимания того, что король виделся современникам как человек, и которого было много важных повседневных дел, причем в каждом случае ему приходилось каждое дело начинать и доводить до конца самому. Т. е. даже раздавая подарки, он должен был озаботиться, чтобы их получатели могли спокойно добраться домой, как это было, например, с папой Римским и некоторыми послами. Т. е. Людовика Благочестивого бездеятельным или слабым королем можно было назвать в последнюю очередь. Это говорит о том, что в контексте новых представлений о повседневности как системе индивидуальных и социальных действий, конституирующих индивидуальную идентичность и социальную реальность, дискуссия о власти Каролингов после Карла Великого может быть закрыта. Эти теории, развитые в трудах П. Бурдье и других исследователей, позволили понять, что власть создается

постоянным приложением усилий со стороны правителей.³¹ А другие работы показали, что только постоянной сверкой социальных ожиданий между элитами и теми, над кем они господствовали, можно было добиться стабильного развития общества.³² Таким образом, при внимательном исследовании правления Каролингов даже при условии недостатка источников представления о практике власти как о создаваемом ежедневно ответе на социальные ожидания окружения, элит и остальных членов общества вполне соответствуют исторической реальности.

Каролингская система власти и разделы королевства

Семья и власть при Карле Великом и разделы королевства

Правление франкских королей, являвшихся наследниками Пипина III и Карла Великого и носящих присвоенное им современными историками название «Каролинги» вызывало у современников и вызывает у современных исследователей вопрос о легитимности их власти и об основаниях, благодаря которым династия практически безраздельно претендовала на власть в течение как минимум одного столетия. Недавние исследования подчеркнули преемственность их власти по сравнению с властью варварских королей V–VIII вв. которая выразилась в том, что сформировавшееся еще в Поздней Античности представление о трех основных функциях власти, военной, сакральной и судебной, было ярко выражено у Эйнхарда и, вероятно, было широко распространено в королевстве франков.³³ Однако столь однозначное утверждение о глубоком принципиальном сходстве между властью раннесредневековых правителей, которая уходила корнями в позднеантичную эпоху, и властью майордомов, завоевавших королевскую власть у Меровингов в новых условиях, сложившихся в Средиземноморье и в Европе после прихода в Северную Африку и на Иберийский полуостров ислама не может быть принято однозначно. Ряд работ, посвященных перелому в истории Европы при правителях из династии Каролингов поставил вопрос о том, было ли в этом периоде больше новизны или преемственности, однако однозначного решения этого вопроса достигнуто не было.

Это сравнение с позднеантичным образом власти напоминает утверждения о «публичном» характере власти Каролингов. Некоторые исследователи в свое время видели в их королевстве и империи «государства», поддерживаемые общественной властью и существующие на принципах административного управления. Термин «публичный» или «государство» в данном случае нужно воспринимать не в терминах современной истории, а просто указание на то, что в глазах некоторых историков власть франкских королей из семьи Каролингов по сути воспроизводила все принципы и способы правления, характерные для

Римской империи в Поздней Античности, и тем самым была полной копией власти Римских императоров. Историки из этой группы оценивали империю Карла Великого как восстановление идеала организации социума, впервые осуществленного в Римской империи.³⁴ Они настаивали, например, что Карл Великий и его преемники руководствовались принципами, далеко выходящими за пределы клановых и семейных интересов. Требуя от графов следовать принципам общественного блага и прикладывая совместные усилия по отражению атак викингов, Каролинги способствовали развитию «государственности».³⁵ Историки отмечали, что хотя наследственность и имела значение при выборе всех правителей в течение IX в., она не разу была названа в качестве причины выбора того или иного короля. Для некоторых современных историков причина этого состояла в том, что семейное право и наследование были настолько устоявшейся практикой, что не они нуждались в упоминании. Другие же подчеркивали роль семейственности и монополии династии на власть как основополагающий принцип их политики и говорили о преобладании семейного принципа, в то же время усматривая положительные аспекты в семейных принципах управления каролингской империей. Например, они подчеркивают, что семейные, братские связи между королевствами создавали особый «régime de confraternité» даже после того, как империя была раздроблена в результате Верденского договора 843 г.³⁶ Более того, в одной из работ было подчеркнуто, что даже раздел 843 г. не выходил за пределы ранее существовавшей «семейной» политики, потому что разделу подверглись только внешние области, т. е. Аквитания, Бавария и др. Внутренние области королевства не делились заново, потому что суть договора 843 г. состояла в том, как утверждает исследователь, чтобы разграничить не территории, а только королевские поместья.³⁷

Идея клановости легко сразу ограничить как всего лишь модель интерпретации, потому что пример Адаларда, сына Бернарда, брата Карла Мартелла, и дяди Карла Великого показывает как взаимоподдержку членов семьи, так и жесткую конкуренцию между ними. Адалард стал аббатом Корби, однако, как сообщает Пасхазий Радберт в его житии, «отверг богатства фараонова двора и ушел в монахи». Эта риторика церковного

писателя говорит о том, как ветхозаветные нарративы могли использоваться для объяснения естественного соперничества между различными ветвями семьи. Если Пипин III и Карл Великий представляли собой «фараонов», обладавших несметной, но несправедливой властью, то образ боковой ветви конструировался как образ праведных аскетов, несмотря на то, что буквально такого образа в Ветхом завете не было.³⁸

Поэтому исследователи предложили считать, что каролингские королевства не были ни государствами, ни семейными кланами, а скорее сетью союзов, образовавшихся вокруг членов династии и поддерживающихся с помощью постоянного поиска баланса интересов.³⁹ Однако исследователями было проведено четкое различие между централизацией всех функций управления при дворе и попытками непосредственной коммуникации Карла Великого со всеми своими представителями на местах, с одной стороны, и стандартизацией, которую это правитель франков никогда не пытался навязать в своем королевстве. Держа все основные проблемы власти под своим контролем, этот король не стремился решать все возникающие проблемы одним и тем же способом.⁴⁰ Было показано, что значительную роль играли т.н. «горизонтальные» союзы между равными по статусу людьми, и что эти союзы очень часто являлись единственной опорой, на которую могли опираться правители и их представители на местах.⁴¹ Таким образом, вопрос о характере власти приобрел еще более сложные оттенки. С уверенностью можно утверждать только, что одной из важнейших структур в обществе раннего средневековья во франкском королевстве была система власти и зависимости, основанная на символических подарках. Это было хорошо показано для англо-саксонских королевств.⁴² Именно эту систему «податей», а скорее обмена дарениями, нужно брать в качестве основы и константы для исследования франкского королевства эпохи Каролингов.

Изучая историю франкского королевства в эпоху правления Каролингов, исследователи часто ставят вопрос о соотношении в порядке управления принципов единства власти и ее удержании в руках одного лица и разделов королевства таким образом, чтобы этим можно было удовлетворить претензии членов семьи. Как может показаться на первый взгляд, в раннем

Средневековые собирание земель и их удержание в руках одного правителя однозначно свидетельствовали, «семья», т. е. все родственники по отцовской линии, и «династия» означали одно и то же для людей Средневековья. Однако недавние исследования показали, что уравнивание этих понятий в правах вряд ли обоснованно, потому что они оба были достаточно гибкими и адаптируемыми к различным ситуациям. В частности, исследования меровингской королевской династии показали, что само понятие «семья» было крайне расплывчатым и что принадлежность к «роду» Меровингов была весьма условным критерием, который современники могли рассматривать в принципиально разном свете.⁴³ Особенностью организации власти с учетом интересов семьи были также способы учета интересов мачех, которые периодически появлялись в семье франкских королей и которые как правило, вносили нестабильность в среде как родственников, так и окружения правящей семьи, хотя могли и компенсировать ее.⁴⁴ В этой связи особенно актуальна проблема соотношения властных полномочий и семейных стратегий в королевстве франков, и проблема раздела королевства франков, практиковавшаяся в течение всего правления династии Каролингов, но наиболее известная на примере Верденского договора 843 г. Эти разделы по-разному оценивались исследователями, но большинство рассматривали их лишь как традицию франкской политики. Однако изменение условий разделов и, соответственно, проявляющиеся в этом случае проблема взаимоотношения между различными ветвями династии и внутри королевских семей при подобного рода разделах особенно актуальны, потому что они дают возможность детально исследовать то, как в раннем средневековье виделось соотношение родства и стремления к единству королевства. В связи с проблемой постоянных разделов королевства хотелось бы обратить внимание на ряд недавних работ англоязычных исследователей, которые постарались подчеркнуть преемственность правления Каролингов в течение всего IX в., состоявшую в том, что они не стремились к стандартизации практики власти во всех регионах одновременно.⁴⁵ Это говорит о том, что разделы между членами семьи не составляли проблемы с точки зрения того идеала управления королевства франков, которого хотели

добиться Карл Великий, Людовик Благочестивый и их потомки. Но вопрос о принципах наследования и передачи власти и земель в королевских семьях остается. В исследованиях о разделах королевства при Карле Великом (*Divisio regnorum*, 806 г.) и при Людовике Благочестивом (*Ordinatio imperii*, 817 г.) ученые затронули вопрос о соотношении между различными представителями династии, в результате чего стало ясно, что наличие семейных связей вовсе не определяло принципы управления королевством, и в частности, не всегда влияло на разделы. В частности, было показано, что в своей попытке раздела королевства франков (806 г.) Карл Великий попытался разорвать с традиционной практикой и разделить не только окраинные земли империи, но и ее франкское ядро. Однако Людовик Благочестивый восстановил традиционную практику, передав своему старшему сыну правление именно над этим ядром и сделав его верховным правителем над всеми представителями династии Каролингов.⁴⁶ Практика взаимоотношения между различными представителями династии рассматривается в этих работах в связи с передачей по наследству прав на правление, однако этот вопрос не был решен до конца.

Рассуждения о способности франкских королей подниматься выше интересов семьи ради общего блага королевства хорошо описывают ситуацию в начале IX в., когда Карл Великий был на вершине своей власти. Империя, которую этот король оставил своим сыновьям, была любопытным образованием, которое совмещало в себе интересы клана и примеры общественного, «государственного» управления.⁴⁷ Однако нужно понимать, что семья Карла Великого была настолько сложным образованием не только с точки зрения средневековой истории, но и с точки зрения антропологии и этнографии, что вряд ли представляется возможным говорить о ней в обычных терминах. Наличие большого количестве полулегитимных отпрысков безусловно делало положение легитимных детей правителя сложным, а статус этих бастардов подчас мог быть более устойчивым, чем статус отдельных представителей знати или клира при дворе. Не случайно, являясь по сути «главой клана» Каролингов, Карл уделял большое внимание тому, чтобы его власть опиралась на поддержку большого числа различных

аристократических семейств. Представители таких важных знатных семейств как Этихониды из Эльзаса, Унрохиды, и многие другие участвовали в проекте создания империи Карлом Великим, становясь его представителями (*missi*) в областях, далеких от своих владений.⁴⁸ Например, Варин из рода Видонидов стал герцогом Сполето. Другой представитель этого семейства, Ги, сын Ламберта, стал маркизом Бретани. Другой Варин стал Людовиком, графом Аквитанским.⁴⁹ Карл Великий также обращал особое внимание на то, чтобы его графы руководствовались в своих действиях не только интересами своего рода или личной вендеттой. Имеются свидетельства того, что он вдохновил церковь обучать знать для того, чтобы помочь им преодолеть простоту нравов.⁵⁰ Исследователи подчеркивают, что империя Карла Великого отличалась от других варварских королевств именно этой способностью короля франков уравнивать в плане неустойчивости статуса свою расширенную семью, с одной стороны, и знать и клир, с другой стороны, для согласованного управления огромной империей. Император пытался ограничить семейственность и клановость в своей политике, и старался гарантировать, чтобы управление королевствами шло независимо от семейных и личных связей. Тем не менее, едва ли можно говорить о Каролингском «государстве». В течение всего периода, когда эта династия оставалась у руля власти, их правление основывалось на запутанной сети личных и семейных связей, а также постоянных попыток нахождения баланса интересов.⁵¹ Возразим тем исследователям, которые считают, что династический принцип был настолько очевиден всем, что упоминать его не было необходимости.⁵² Тот факт, что Хинкмар Реймский практически не упоминал его, говорит скорее о существовании сложного комплекса воззрений, в котором семья и семейственность занимала лишь небольшую часть. Лучше всего рассматривать в виде идеала существование каролингских королевств политику нахождения «согласия» между различными группами знати, королями, и клиром, которая была описана Хинкмаром, епископом Реймса.⁵³

Поскольку отношения между династией Каролингов и знатными семьями можно описать как своеобразные связи между разными кланами

верховных правителей и региональных магнатов, взаимоотношения внутри королевской семьи выходят на первый план для понимания основных тенденций развития отношений внутри родовых и семейных групп. Как было показано, основной тенденцией было постепенное формирование нуклеарной семьи, однако в случае знати его можно датировать только началом X в.⁵⁴ Время создание нуклеарной семьи у Каролингов сложно установить, потому что возникает проблема борьбы между отцом и сыном и между братьями. Было даже предложено видеть в истории Каролингов сознательную попытку создать патрилинейную семью, в которой бы власть передавалась от отца к сыну.⁵⁵ Напротив, можно сказать, например, что соревнование между различными ветвями династии было одной из отличительных черт политической истории IX в., что вряд ли подходит под определение политики «согласия». Идеал единства и «братских отношений» между королями, разработанный летописцами вроде Хинкмара из Реймса, был во многом не более чем пропагандой. Однако часть проблем взаимоотношений внутри семьи, соперничество между отцом и сыновьями в области матримониальных стратегий, хотя и рассматривалась как возможная в трактате *De raptu* Хинкмаром, но осталась только воображаемой.⁵⁶ Борьба за власть в рамках династии является основным определением каролингской политики IX в.⁵⁷ Более того, в это время правила игры среди потомков Карла Великого стали драматичнее и жестче – они разрешили силой смещать и отстранять от власти отца семейства.⁵⁸ Однако у этой «борьбы за власть» была и другая, более конструктивная, сторона. Сыновья часто имели власть, которая фактически делала их соправителями, причем эта власть не нуждалась в дополнительных ритуалах легитимации.⁵⁹ На самом деле, прагматизм, а не абстрактная идея «единства империи» был определяющим фактором взаимоотношений внутри семьи.⁶⁰

Проблема оценки истории королевства франков в правление Каролингов состоит в необходимости решения дихотомии объединения и раздела. С одной стороны, пример Карла Великого дал современникам и историкам представление о возможности в течение долгого времени сохранять власть в одних руках, хотя это могло рассматриваться и как чистое везение. С другой

стороны, над историей королевства франков постоянно довлел сюжет раздела империи и королевства в 843 г., который по большей части виделся историкам как событие крайне негативное для сохранения единства империи. Взаимоотношения внутри королевской семьи и принципы разделения власти между ее членами остаются нерешенной проблемой, потому что само понятие семьи, как было показано, стало формироваться только к концу правления Каролингов.⁶¹ Только после запрета Хинкмара Рейсского Лотарю II (855-869) развестись можно говорить о складывании в глазах по крайней мере церковного сообщества идеи о Каролингах как о людях, связанных со своими супругами церковным браком. Появление грамот от лица мужа и жены в среде знати в начале X в. говорит о том, что моногамная нуклеарная семья стала хотя бы теоретически важным феноменом. Но процесс этот занял много времени, потому что в начале пути лежали сообщества, в которых пересекались чисто семейные и просто соседские начала.⁶²

Борьба за власть в рамках семьи являлась основной тенденцией каролингской политики IX в., и начало этому положил период правления Пипина III.⁶³ Главенство короля над сыновьями было одной из важнейших черт власти, и этот порядок вещей ничем не отличался от организации семьи в традиционных обществах. Карл Великий вряд ли принимал участие в делах своего отца Пиппина III, тем более что тот, по-видимому, находился в довольно значительной зависимости от своей семьи, своего дяди Дрогона и своего брата Карломана. Для Карла Великого на первых порах в делах семьи просто не было места.⁶⁴ Эйнхард отмечал, что не сохранилось никаких документов об этом периоде. Но на самом деле, их, вероятно, и не могло сохраниться, потому что роль Карла Великого была крайне мала.⁶⁵ Тем более вопрос о единстве королевства стоял крайне важно для поздних Каролингов.⁶⁶ Поэтому мнение Хинкмара крайне важно.

Следует отметить, что в этом смысле проблемы, с которыми встретилась королевская семья в IX в., уходят корнями в эпоху Карла Великого. На самом деле, время его правления должно рассматриваться более пристально, чем это делалось раньше, потому что его истинные представления о семье изучены достаточно плохо и даже среди каролингских историков находят

противоположные оценки. Во всей его политике просматривается противоречие, которое начало особенно сильно проявляться в последние годы его правления. Карлу Великому повезло, что его младший брат Карломан умер в 771 после короткого периода совместного правления; он не стоял перед необходимостью доказывать старшинство в семействе. Как сообщает Эйнхард, он настолько любил своих дочерей, что не отдал их замуж, а оставил при себе. Эта политика могла обеспечить консолидацию семьи в том смысле, что у Карла Великого и его сыновей не появилось соперников в виде мужей его дочерей.⁶⁷ Однако в долгосрочной перспективе такое ограничение свободы членов семьи в их матримониальном поведении имело негативный аспект и воспринималось как откровенно противоречащее установленному природой, Богом и человеческим обществом порядков. Эйнхарду как представителю знатного рода было понятно, что из такого ограничения ничего хорошего не произошло бы, потому что оно вызвало бы негативное отношение со стороны женской части семьи. Хотя историк явно не объясняет, почему такое было возможно, можно предположить что функция женщины как продолжательницы рода и как хранительницы его традиций для передачи следующим поколениям была ясна всем представителям знати в королевстве франков, а также и большинству населения. Интересно Его политика в отношении покоренных областей состояла в подрыве независимости местных родов. Наличие трех законных сыновей облегчало задачу Карла Великого, потому что ими он заменял чересчур независимых местных правителей. Но именно в связи с умелым манипулированием этим королем своими отпрысками и возникает вопрос о том, можно ли считать семейную политику Каролингов чем-то отличающейся от политики их предшественников Меровингов.

Можно отметить, что в сознании Карла Великого и его двора наличие большого количества отпрысков ставило под угрозу единство и стабильность империи, так как они, равно как и внуки первого императора из династии франкских мажордомов и затем королей, могли выдвигать притязания на главенство в империи. Поэтому в 806 г. он попытался создать прецедент разделения власти между своими сыновьями и их отпрысками,

зафиксированный в документе по названию *Divisio regnorum*. Этот декрет Карла Великого предлагал способы сотрудничества между различными ветвями династии. В нем он поделил империю среди законных сыновей: Людовик получил Аквитанию, Пиппин Горбатый Италию, а Карл Младший Австрию, Нейстрию, и малые королевства на востоке империи.⁶⁸ Принцип раздела очевиден: первенец Карл Младший получил Нейстрию и Австрию, в которых располагались как личные владения династии, так и наиболее преданные им монастыри. Его братья получили только королевства на южных и юго-восточных окраинах империи. Этот план детально описывал, как должны были бы измениться границы королевств, если бы один из братьев умер. Документ назначал Людовика преемником в Нейстрии и Австрии (которые были ядром каролингских владений) если бы первенец Карл Младший умер. Декрет не останавливался на наследовании в первом колене, и рассматривал все возможные ситуации передачи власти не только среди сыновей Карла Великого, но и среди его внуков.

Первый император и король франков знал, какого накала могут достичь семейные страсти, и поэтому одна из глав *divisio regnorum* специально запрещала его сыновьям устранять племянников с политической арены:

«Ни один из наших сыновей не должен ни при каких обстоятельствах осуждать на смерть, калечить, ослеплять, или постригать в монастырь любого из наших внуков, которого обвинили в его присутствии, без законного суда и расследования».⁶⁹

В целом, политика Карла Великого была нацелена на поддержание равновесия между различными ветвями династии.

Хотя *divisio regnorum* заключало амбиции сыновей Карла Великого в территориальные рамки, это едва ли можно назвать ограничением их полномочий, так как император стремился дать местной знати каждого из королевств одного короля, который служил бы символом господства Каролингов. Карл Великий стремился прежде всего предотвратить ситуацию, при которой знать из разных областей Европы стала бы лично привязанной к каролингскому правителю из другого региона. *Divisio regnorum* создавал способ разделения власти по территориальному признаку, чего не хватало,

например, для более раннего, меровингского периода. *Divisio regnorum* представлял попытку императора и короля франков создать долгосрочный механизм взаимодействия между различными ветвями династии, который бы представлял из себя разительный контраст традиционным способам удаления конкурентов в династической политике.⁷⁰ Несмотря на то, что этот план раздела империи не был осуществлен на практике, он тем не менее обрисовывал возможности сосуществования различных ветвей династии.

Поскольку этот документ подчеркивал необходимость сбалансированного сотрудничества, некоторые ученые даже назвали последующие несколько лет правления Карла Великого, разительно отличавшиеся от идеалов, провозглашенных в *Divisio regnorum*, периодом «разложения» ранее уверенной и смелой политики императора.⁷¹ Ведь эта система согласования интересов групп и ветвей династии, управлявших империей, нуждалась в том, чтобы Карл Великий своим присутствием урегулировал возможные трения.⁷² Однако в последние годы своей жизни, слабея из-за болезней, император уже не мог играть эту роль. Таким образом, если серьезно относиться к планам раздела империи в *Divisio regnorum*, то может показаться, что последний период правления Карла Великого был временем ослабления и распада власти.⁷³

Однако можно обратить внимание и на то, действительно ли этот документ представлял собой реальное намерение раздела королевства, а не иллюзию. Если считать, что это был действительно план к действию, то можно утверждать, что надеждам Карла Великого на упорядоченное управление империей его сыновьями и внуками не суждено было сбыться. Ведь документ 806 г. устарел вскоре после его написания, так как Карл Младший восстал против отца, а Пиппин умер. Но возможно, что этот документ нужно было бы рассматривать прежде всего как намек на возможность раздела королевства, а не реальный план такого раздела. Иллюзорность деления подчеркивают и те исследователи, которые видят в идее раздела ядра франкских земель разрыв с практикой власти, уже сложившейся к тому времени в Каролингской династии.⁷⁴ А вскоре, в 813 г. Карл Великий сделал Людовика Благочестивого, своего сына, который до

этого момента был герцогом Аквитании, старшим в семье и покровителем всех остальных (в том числе и незаконнорожденных) братьев. Для современников было ясно, что император назначил Людовика ответственным за королевство в целом, т. е. фактически отвел ему ту роль, которую сам Карл Великий играл до этого времени. Чтобы продать торжественность этому акту, он посадил Людовика на царство с помощью красивой церемонии в часовне дворца в Аахене.⁷⁵ Правда, стоит отметить, что в соответствии с сообщением Тегана, он всего лишь сделал его соправителем, потому что после церемонии Людовик отправился обратно в Аквитанию, т. е. в свое королевство, отданное ему отцом.⁷⁶ Этим актом Карл Великий показал, что он считал необходимостью существование верховного правителя, который бы являлся арбитром и покровителем всех остальных ветвей династии. А этим правителем, вполне в рамках традиции, уже сложившейся к тому времени во франкском королевстве, был его старший сын.

Проблема семьи и проблема территориального раздела власти проявились в полной мере уже в эпоху Карла Великого. Карлу Великому «повезло», что его младший брат Карломан умер в 771 г., хотя вряд ли можно говорить, что для него самого это не было трагедией. Борьба между братьями, которую описывают источники, воспринималась только как кризис.⁷⁷ Смерть Карла Младшего и Пиппина/Карломана, оставившая только Людовика Благочестивого в линии наследования, тоже воспринималась как трагедия.⁷⁸ Но как будто нарочно, перед Людовиком Благочестивым в 814 г. возникла проблема сводных и не вполне легитимных братьев. Однако парадоксальным образом, «слабый» король смог, как считается, «решить» и этот вопрос династических проблем.⁷⁹ Но его «решение» привело к другим коллизиям, потому что к 818 г. Людовик, покаявшись за смерть племянника Бернарда Италийского, стал для всех «покаянным королем», чья власть покоилась на признании своих прегрешений, даже если они состояли в неказании помощи своему племяннику. Однако исследователи не выделяли именно этот аспект власти Людовика Благочестивого среди всех остальных аспектов, потому что они считали всю культуру власти этой эпохи построенной в фундаментальном смысле на моральном авторитете.⁸⁰ Более

того, культура морального авторитета была построена в целом на идее «равного раздела» вины, что хорошо иллюстрируется в период разлада между различными группами у власти в 820–830 е гг.⁸¹ Поэтому, как считают исследователи, случай с Бернардом Италийским не был исключением, он был лишь частью пристального внимания людей у власти к самим правителям, которые постоянно анализировались на предмет совпадения с моральной нормой. В частности, исследователи выдвинули гипотезу, что само покаяние Людовика Благочестивого было скорее театром, фарсом.⁸² Более того, авторы увидели кризис во власти Людовика только в 833 г, не особенно рассматривая те события, которые привели к нему.⁸³

Однако не согласимся с этой точкой зрения, потому что нелегитимность Бернарда Италийского есть конструкция, выраженная такими историками «победившего» лагеря, как, например, Теган.⁸⁴ Причем в более ранней частей своей работы этот историк вынужден был сообщить, что прямого восстания со стороны Бернарда в момент принятия на себя власти Людовиком не было, и что он повел себя как лояльный член семьи и династии.⁸⁵ Гибель Бернарда представляется событием более значимым и трагичным, нежели это казалось исследователям. Поэтому ни одного приемлемого решения выстраивания ранжирования в семье не было ни в одном поколении, потому что даже в правлении наиболее склонного к компромису во всех делах Людовика Благочестивого мы можем наблюдать сильные потрясения. В этом Каролинги, по примеру Меровингов, убедились к четвертому поколению (если считать от Карла Мартелла) или к третьему (если считать от первого легитимного короля из их рода, Пипина III). Фактически, при переходе в статус королей семья теряла управляемость, так как принадлежность к роду короля сразу делала любого его представителя символом либо настоящей, либо потенциальной, будущей власти.

Поэтому без разделов королевств было не обойтись. Наиболее известным примером раздела королевства франков считался Верденский договор 843 г. Сложилось несколько традиций оценки этого события. В XIX–начале XX вв. раздел признавался как настоящий разрыв между частями ранее единого королевства франков, а взаимоотношения правителей рассматривались как

предмет отношений самостоятельных королей.⁸⁶ Затем историки обратили внимание на то, что причиной этого раздела была не столько семейная свара, сколько конструктивная попытка одного из представителей семьи, Карла Лысого, создать Западно-франкское королевство. Эта попытка должна оцениваться как решение очень сложной задачи, а не прихоть младшего сына Людовика Благочестивого, потому что в реальности полноценного Западно-франкского королевства изначально не существовало.⁸⁷ Затем исследователи постарались увязать раздел королевства франков с общей политикой, которая началась еще при Карле Великом, а именно политикой назначения своих сыновей в качестве соправителей в различные регионы, как-то Аквитанию, Италию, зарейнские земли и т. п.⁸⁸ Было отмечено также конструктивное значение Верденского договора для создания из разрозненных областей Лотарингии как единого королевства.⁸⁹ Более того, подчеркивалось, что Верденский договор рассматривался современниками в контексте сохранения единства, а не в контексте окончательного раздела.⁹⁰

Семена грядущих потрясений франкского государства были заложены в 768 г. в тот самый момент, когда Пипин III сделал будущего Карла Великого и его брата Карломана соправителями. Уже это могло привести к серьезным проблемам в семье.⁹¹ Однако последний ушел из жизни в 771 г., и на большую часть правления Карла, короля франков, а впоследствии и императора пришлось время династической стабильности. Несмотря на это, династические проблемы и соперничество разных ветвей династии всегда присутствовали на заднем плане каролингской истории. В момент смерти Карла Великого его сын Людовик Благочестивый для усиления своей власти первым делом сделал клириками трех своих незаконнорожденных сводных братьев Дрогона (801–855 гг.), Гуго (802–844 гг.) и Рихбода (805–844 гг.). Одновременно он отправил в монастыри Нуармутье и Корби двоюродных братьев своего отца Адаларда (751–827 гг.) и Валу (755–836 гг.), а также всех своих сестер. В 822 г. он приказал ослепить своего двоюродного брата Бернарда, короля Италии (сына Пипина I), и поскольку тот не смог пережить этой экзекуции, стал виновником его смерти. Таким образом, смена власти после Карла Великого несла с собой значительное изменение

практики власти и ужесточение династической политики в отношении возможных претендентов на трон.

От первого брака с Ирмингардой (ум. в 818 г.) у Людовика было три сына: Лотарь (795–855 гг.), Пипин (797–838 гг.) и Людовик (804/805–876 гг.), и уже в 817 г. франкские земли были распределены между ними согласно так называемому «*Ordinatio imperii*». Раздел 817 г. состоял в следующем: императорский титул получил Лотарь, который с этого времени становился соправителем отца, а после его смерти наследовал Франкскую империю. Остальные два сына получили по королевству: Пипин — Аквитанию, которой де-факто уже управлял, Людовик — Баварию и земли, примыкающие к ней на востоке. Оба младших брата должны были подчиняться воле старшего в военной и дипломатической сферах и не могли вступить в брак без его согласия. В случае смерти одного из младших братьев новый раздел не предусматривался, в случае же смерти Лотаря магнаты должны были избрать императором одного из оставшихся. Акт 817 г. был торжественно скреплен присягой всех подданных и благословением папы; в том же году Лотарь был коронован и получил титул «августа». Но 13 июня 823 г. у императора Людовика и его второй жены Юдифи родился сын Карл, будущий Карл Лысый.⁹² Положение младших сыновей не всегда было изначально слабым в династической практике франкских королей. Стоит вспомнить, что именно младший сын от второго брака Хлотаря I (497–561 гг.) король Суассона Хильперик (539–584 гг.) был отцом Дагоберта I (603–639 гг.), который объединил Нейстрию и Австразию в 634 г. Однако наличие сводных братьев являлось дестабилизирующим фактором для династии и оно стало одной из причин существенных трений как внутри династии, так и в структурах власти империи в целом.

Таким образом, надо понимать, что принцип раздела, зафиксированный в «*Ordinatio imperii*» в 817 г, был глубоко контекстуальным. Это был конфликт между двумя возможными нормами наследования, выраженными в двух официальных и признанных знатью капитуляриях, а не просто разницей интересов между отцом и сыном. Правда, стоит задать вопрос, насколько зависимым от исторического контекста был раздел 817 г., который

дал так много Лотарю. По сути своей, историки привыкли считать «*Ordinatio imperii*» своего рода абсолютным выражением принципа раздела королевства, вытекавшего из глубоко продуманных и стоящих на фундаментальном основании принципов. Однако если мы обратим внимание на политическую ситуацию в королевстве франков после прихода к власти Людовика Благочестивого, то увидим, что король и император в этот момент находился в весьма сложных условиях из-за существования большого количества сводных братьев и сестер. Фактически, выбор только одного сына из нескольких в этот момент был обусловлен только желанием показать, что раздел между всеми членами семейства невозможен. Именно по этой причине особенностью *Ordinatio imperii* был тот факт, что в тексте этого документа короля практически не было видно, а все действия были выражением божественной воли. Людовику Благочестивому нужно было учесть мнение знати и церкви, потому что его положение было достаточно сложным.⁹³

Он отличался от династической коллизии времени Хильперика (561 г.) тем, что во франкском королевстве появилась знать, которая имела свои представления о том, как должна быть устроена система власти и как должна функционировать династическая политика в королевском роду. При дворе власть сконцентрировалась в руках Бернарда Септиманского (795–844 гг.), который стал камерарием и воспитателем будущего Карла Лысого.⁹⁴ Отечественный исследователь и один из первых российских медиевистов В. Г. Васильевский считал, что усиление Бернарда произошло только благодаря стараниям Юдифи.⁹⁵ С этой точкой зрения нельзя согласиться, потому что на тот момент Бернард Септиманский был одним из наиболее значительных и известных магнатов юга. Однако не стоит понимать его титул как однозначное казание на приближенность ко двору, потому что «герцоги» на тот момент были достаточно расплывчатой группой, власть которых формировалась в соответствии с политическим контекстом, их окружавших.⁹⁶ Другие магнаты открыто выступили против императора. Так, после поражения в борьбе с маврами Матфрид Орлеанский и Гуго Турский лишились своих титулов и потеряли влияние при дворе, а титул графа Орлеана был отдан Эду, родственнику Бернарда Септиманского. Это явно

было сиюминутным политическим решением, потому что оба служили надежной опорой власти Людовика Благочестивого.⁹⁷ Матфрид и Гуго нашли союзника в лице среднего сына Людовика Благочестивого Пипине, недовольным вмешательством отца-императора в дела его «малого королевства» Аквитании.⁹⁸ К Пипину вскоре присоединился Людовик Немецкий. Всех троих объединяли недовольство Бернардом и попытка восстановить статус, который мог быть утерян из-за действий Людовика Благочестивого.

В 829 г. Людовик Благочестивый выделил своему младшему сыну Карлу земли, состоявшие из Аламании, Эльзаса, Реции и части Бургундии.⁹⁹ Это действие правителя получило крайне противоречивую оценку и в течение долгого времени служило для историков поводом для споров. После этого, как известно, Лотарь выразил недовольство и попытался вернуть свое преимущество. Таким образом, надо понимать, что принцип раздела, зафиксированный в «*Ordinatio imperii*», был глубоко контекстуальным. Таким образом, это был конфликт между двумя возможными нормами наследования, выраженными в двух официальных и признанных знатью капитуляриях, а не просто разницей интересов между отцом и сыном. Считается, что новый раздел, предпринятый Людовиком Благочестивым, шел вразрез с теми принципами, которые он сам сформулировал в «*Ordinatio imperii*» и которые благоприятствовали прежде всего Лотарю. Однако целый ряд исследователей обратили внимание на то, что современные событиям источники крайне по-разному трактуют это вопрос. В частности, было замечено, что этот дар не был нарушением принципов, установленных ранее. Правда, стоит задать вопрос, насколько зависимым от исторического контекста был раздел 817 г., который ддал так много Лотарю. По сути своей, историки привыкли считать «*Ordinatio imperii*» своего рода абсолютным выражением принципа раздела королевства, вытекавшего из глубоко продуманных и стоящих на фундаментальном основании принципов. Однако если мы обратим внимание на политическую ситуацию в королевстве франков после прихода к власти Людовика Благочестивого, то увидим, что король и император в этот момент находился в вусьма сложных условиях

из-за существования большого количества сводных братьев и сестер. Фактически, выбор только одного сына из нескольких в этот момент был обусловлен только желанием показать, что раздел между всеми членами семейства невозможен. В этом разделе не было ничего, что не содержалось бы в «*Divisio regnorum*» 806 г., и таким образом, Людовик в данном случае опирался на те принципы, которые были сформулированы еще его отцом и признаны знатью в качестве возможной практики.¹⁰⁰ Поэтому иногда считается, что выделение этого удела само по себе не стало поводом для того, чтобы считать ранее существовавшую практику раздела королевства нарушенной.¹⁰¹ Считалось, что не само по себе выделение своего собственного королевства, а положение при дворе матери Карла, Юдифи, было главным раздражителем. Однако и это, как было показано, не было главной причиной, потому что только одна анахронистичная запись в *Annales regni Francorum* за 830 г. сваливала всю вину на Юдифь.¹⁰² Но этот раздел империи в первую очередь затрагивал интересы Лотаря. Старший сын Людовика и император был после собрания в Вормсе отправлен в Италию.¹⁰³ Как понимать этот эпизод, и действительно ли это можно назвать ссылкой? Негодование Лотаря было бы вполне понятным, если оно действительно имело место, однако причины его были глубже, чем просто ущемленная гордость. Ведь фактически он получил своеобразное повышение, получив в Италии возможность реализовать свой имперский титул, что было невозможно в самом королевстве франков.¹⁰⁴ Аквитания давала и самому Карлу Великому, и Людовику Благочестивому возможность быть соправителями, а Лотарю быть своего рода «ассоциированным императором», соправителем в полном смысле этого слова.¹⁰⁵ Но она в этот момент подпала под власть Бернарда Септиманского, важность которого для каролингской политике на юге Франции не позволяла легко ограничить его власть династическими комбинациями в духе Карла Великого и его сына Людовика Благочестивого в 813 г.

Историки в XIX в. считали, что именно одно неверное решение Людовика Благочестивого и передача им части земель Карлу Лысому привело к восстанию. Например, В. Г. Васильевский считал, что практически

мгновенно создалась коалиция, состоявшая из представителей королевской семьи и знати, которые выступили против Людовика Благочестивого. Он писал о том, что к Пипину, которого поддержала знать, вскоре присоединился Людовик Немецкий, а Лотарь из Италии также спешил на помощь братьям и своему тестю Гуго. Всех троих объединяли недовольство Бернардом и неприязнь к отцу, вызванная чрезмерным благоволением того к маленькому Карлу.¹⁰⁶ Другие магнаты открыто выступили против императора. Матфрид и Гуго выразили свое недовольство и нашли союзника в лице среднего сына Людовика Благочестивого Пипине, недовольном вмешательством отца-императора в дела его «малого королевства» Аквитании.¹⁰⁷ Так, после поражения в борьбе с маврами Матфрид Орлеанский и Гуго Турский лишились своих титулов и потеряли влияние при дворе. Историки сообщают, что титул графа Орлеана был отдан Эду, родственнику Бернарда Септиманского, однако достоверность этого факта подвергается сомнению, потому что был еще один Бернард, который был графом Пуатье и брат которого мог держать титул графа Орлеана.¹⁰⁸ Это явно было сиюминутным политическим решением, потому что оба служили надежной опорой власти Людовика Благочестивого.¹⁰⁹ Однако, как мы можем заметить, ситуация, связанная с участием представителей знати в семейных по сути конфликтах настолько запутанная, что считать Лотаря главой своеобразного фронта отдельных представителей королевской семьи и знати против нарушения норм «*Divisio regnorum*» 806 г. было бы следовать образам, привнесенным в изучение этого периода еще в XIX в.

Следует отметить, что роль церкви в поддержании Людовика Благочестивого была больше, чем кажется. Пришли в движение механизмы церковной иерархии. В 835 г. на собрании высшего клира в Тионвилле Людовик был оправдан, восстановлен в правах и снова возведен на престол. Там же Эбо Реймский признал низложение и осуждение императора незаконным и, покайсявшись в своем преступлении, сложил с себя архиепископский сан¹¹⁰ Смысл этих действий состоял в том, что клир в данном случае послужил стабилизирующей силой при сложностях внутри семьи. Не следует забывать, что если Людовик Благочестивый все-таки был

избран королем при согласии знати и клира и именно их он просил о поддержке, то ни Лотарь, ни Людовик Немецкий не имели такого рода поддержки и не давали клятвы публично поддерживать клир, монахов, вдов, сирот и т. п. Таким образом, баланс власти зижделся не просто на семейственности, а на тех аспектах власти, которые были подтверждены как легитимные знатью и церковью.

Раздел королевства в 843 г. не был окончательным, потому что на самом деле он только заложил возможность разделения, но не реализовал ее в полной мере. В течение нескольких десятилетий после этого правители постоянно поддерживали контакт, причем особо частыми были встречи в период 844–855 гг. Например, исследователи отмечают, что практика раздела не стала ни «семейственной», при которой все члены семьи находились бы в равном положении и имели бы равные доли, ни «иерархической», при которой один «главный» правитель имел бы право патроната над остальными.¹¹¹ В 855 г. Лотарь I скончался, что привело к временному изменению баланса сил.

Проблемы сосуществования правителей, сыновей Людовика Благочестивого не были значительными, потому что в целом признавалась та иерархия, которая возникла изначально, еще в 818 г. Новым было только то, что Карл Лысый, сын от второго брака, получил долю, которая была сравнима по значимости с долей первородного сына, Лотаря I. Особого противостояния это не вызывало, как это виделось, например, автору Сен-Бертенских анналов, которым, вероятно, был Хинкмар Реймский. Например, в 849 г. Карл Лысый и Людовик Немецкий встречались, после чего первый отправился в Аквитанию ограничивать набеги бретонцев.¹¹² Это говорит о том, что Аквитания, имевшая отдельную легитимность как земля, отданная готам под расселение в 417 г. зятем императора Гонория Константином, нуждалась в братском со-правлении. Таким для Меровингов был Париж после смерти единственного оставшегося на тот момент сына Хлодвига Лотаря I в 561 г. То, что процесс раздела не виделся окончательным, говорят Фульдские анналы, которые рассказывали о попытках Людовика Немецкого якобы поставить правителем Аквитании своего сына Людовика, будущего короля Людовика II Немецкого, в 852 г.¹¹³

Исследователи считают даже, что Людовик Младший провел в Аквитании целый год.¹¹⁴ Однако на наш взгляд, это ничего не меняет, потому что источник в данном случае мог принадлежал перу человека, весьма ангажированного в плане личной преданности Людовику Немецкому, под эгидой которого и находился в тот момент монастырь Фульда. Более того, поскольку Аквитания не была королевством с 817 г., а представляла собой особый регион, куда короли ставили своих сыновей, то большой проблемы в собирании полюдья в этом регионе не было.

Интересно, что Сен-Бертенские анналы дают другую хронологию, потому что по из версии, в 852 г. Карл Лысый и Лотарь встречались без особых трений, а вот про Людовика Немецкого не было упомянуто ни слова.¹¹⁵ Главное событие приписано 853 г., когда, как сообщают и Бертенские анналы, жители Аквитании отправили своих послов и доверенных людей (которых обычно переводят как заложников) Людовику Немецкому Старшему. Заметим, что автор все-таки употребил термин «legatos», что говорит о совершенно другой практике, нежели это предполагал сам Хинкмар своим последующим комментарием. Эти «посланники», среди которых были и «obsides», говорят скорее о засвидетельствовании почтения, нежели о полном переходе под власть другого правителя. В пользу этого говорит и тот факт, что посланники были отправлены не просто сыну короля, а самому правящему королю Восточно-франкского королевства. Т.е. речь об ударе по престижу Карла Лысого все-таки не шла, потому что он считался младшим в семье по сравнению с Лотарем или Людовиком Немецким. Более того, не следует забывать, что в этом же году на восточных границах его королевства появилось сразу две новые угрозы, болгары со славянами и Византийская империя, активные действия которых мгновенно аннулировали то, что могло быть достигнуто в Аквитании. На последнюю могло просто не хватить сил. Поэтому в 853 г. не произошло значительного передела владений, как это казалось некоторым исследователям.

Может показаться, что согласие между членами семьи было нарушено в 861 г., когда Лотарь II (855-869) попробовал официально развестись со своей супругой. Против развода выступил Хинкмар Реймский, но его позиция,

несмотря на его традиционную поддержку Карла Лысого, могла объясняться не просто противостоянием конкретно с Лотарем II. В силу различных аспектов деятельности Хинкмара в качестве архиепископа Реймского можно предположить, что этот прелат ощущал себя, почти как римский папа, вправе указывать королям на необходимые аспекты поведения вполне в духе доктрины о разделении власти между епископатам и императором Константин Великим. Участником в этом деле стал противник Хинкмара, папа Николай I Великий. Процесс затягивался, при том что и Людовик II и современник событий, представитель знати южной части королевства франков, Бозон Вьеннский (ок. 844–887 гг.) не могли выступить ни против, ни за, так как любой выбор был отрицательным для них. Лотарь II ушел из жизни в 869 г. А это означало, что для Карла Лысого настала пора заявить свои права на Лотарингию. При поддержке епископов Меца, Льежа и Тула Карл стал в 869 г. правителем Лотарингии, несмотря на то, что его старший брат был еще жив. Однако это не означало, что он полностью присоединил Лотарингию к своим владениям. Практически сразу он отбыл в Аахен, что было типично для постоянно двигавшихся между различными замками и дворцами королей. В течение года, как это было и в 561 г., его брат выдвинул требования, и Карл Лысый с Людовиком Немецким поделили власть в Лотарингии. Правда, после раздела 843 г. новым по сравнению с 561 г. было то, что территориальные границы обозначались более точно.¹¹⁶

Стоит отметить, что в этот период история Людовика II Немецкого составляла разительный контраст с тем, что происходило в семье Карла Лысого. Будучи сам в постоянных трениях с отцом, Людовиком Немецким, он, став главой семейства, сам получил постоянные трения, потому что сначала недовольным оказался Карломан, потом Людовик Младший, а потом Карл Толстый.¹¹⁷

Однако стоит отметить, что многие из этих ситуаций, кажущихся нам проблемами, на самом деле были просто проблемами «пожилого возраста» среди правителей. Как было показано, современные последним Каролингам авторы уделяли большое внимание возрасту и чувствовали, что от этого

зависит состояние королевства. Т. е. они понимали, что то, что они наблюдали, был не кризис, а естественный процесс смены поколений.¹¹⁸

В 870 г. Карл Лысый, несмотря на его вторичный статус в семье, стал равным по происхождению второму сыну от первого брака Людовика Благочестивого. В 875 г. умер император Людовик II. Таким образом, Карл Лысый смог реализовать свои претензии и уже официально стал императором 25 декабря 875 г., таким образом повторив ритуальные особенности коронации Карла Великого.¹¹⁹ Интересно отметить, что иерархия членов семьи сохранялась до последнего, и что старшинство никуда не исчезло, несмотря ни на какие влияния со стороны церкви или магнатов. Именно этот принцип был заложен и в Кьерсийский капитулярий, которым король франков фактически совершил взаимовыгодный обмен. Дав знати возможность передавать власть своим сыновьям, он, предвидя ряд династических кризисов в своей семье в силу естественных процессов, фактически оговорил и за своей семьей право сохранять власть как территориальных магнатов.

Главное противоречие в правлении Карла Лысого состояло в несовместимости принципов 843 г. и имперских амбиций. С одной стороны, раздел 843 г. только подтвердил, как мы видели, главенство семейной иерархии. Титул императора, который давался только по результатам поддержки папы и местной знати в Италии и был титулом *imperator Romanorum* не давал в этом смысле никаких преимуществ.

Подводя итоги развития Западно-франкского королевства в 806-877 гг., необходимо отметить, что именно в эту эпоху были заложены основы не только для истории королевства франков в X в., при последних Каролингах, но даже и при Капетингах. Разделы 806, 817 и 831 гг. были сбалансированными актами, которые ответили на все вопросы, возникающие при наследовании в рамках довольно сложных династических ситуаций. Равный раздел между сыновьями и внуками, раздел после смерти императора между его сыном и внуками, при которых один становился главным соправителем при своем отце, и раздел при здравствующем отце между сводными братьями и старшем брате-императоре, при том что младший брат (Карл Лысый) получал пусть и необустроенную,

но не такую уж малую долю.¹²⁰ Фактически, именно благодаря действиям Карла были заложены основы средневекового королевства Франция.

На этот династический кризис наслоились проблемы, связанные с усилением власти магнатов, которые стали претендовать на право избирать королей. Например, в 877 г. Людовик II Заика не был признан Бернардом II Готским (Граф Барселоны (865–878 гг.)), и ему потребовалась поддержка ряда аквитанских магнатов, чтобы стать легитимным королем. Слабость Людовика Заики, как правителя подчеркивается также тем, что историк X в. Регино Прюмский вообще не уделил ему места в своей «Хронике», и два года пребывания у власти этого короля просто выпало из поля его зрения. В своем сочинении Регино перешел от смерти Карла Лысого сразу к смерти его сына Людовика Заики.¹²¹ Более того, Регино перепутал год ухода из жизни Людовика Заики, отнеся это событие вместо 879 к 878 г. В 879 г. Людовик умер, и власть перешла к двум его сыновьям Людовику (863–882 гг., король в 879–882 гг.) и Карломану (ок. 866–884 гг., король 882–884 гг.).

Исследователей скорее должен интересовать вопрос не о «порядке» или «хаосе», не о «силе» или «слабости», а о том, как короли могли пытаться конструировать варианты практики власти на примере проблемы наследования власти. Именно такой попыткой создать альтернативу традиции передачи земель и правления в руки старшего сына и было *Divisio regnorum* 806 г. То, что этот план никогда не был воплощен в жизнь, говорит нам не столько о слабости короля, сколько о том, насколько гибкой была их мысль в отношении практики наследования. Эта идея Карла Великого не была реализована, однако именно возможность создавать новую практику наследования, предпринятая им, сделала возможной передачу трона от Людовика Благочестивого его младшему сыну Карлу Лысому.

На фоне правителей, которые должны были сотрудничать друг с другом, выросла роль церковных иерархов, которые стали главным связующим звеном власти в королевстве франков. Во главе этого процесса стоял Хинкмар Реймский, который фактически стал наиболее уважаемым иерархом галло-франкской церкви.

¹*Nelson J. L.* Violence in the Carolingian world and the ritualization of ninth-century warfare // *Violence and Society in the Early Medieval West* / ed. by G. Halsall. Woodbridge, 1998. P. 106–107 ; *Gillingham J. B.* Fontenoy and after: pursuing enemies to death in France between the ninth and the eleventh centuries // *Frankland: the Franks and the World of the early Middle Ages. Essays in Honour of Dame Jinty Nelson* / ed. by P. J. Fouracre, D. Ganz. Manchester, 2008. P. 264–265.

²*Staubach N.* 'Des grossen Kaisers kleiner Sohn': Zum Bild Ludwigs der Frommen in der älteren deutschen Geschichtsforschung // *Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious* / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 701–22.

³*Staubach N.* 'Des grossen Kaisers kleiner Sohn': Zum Bild Ludwigs der Frommen in der älteren deutschen Geschichtsforschung. P. 701–705.

⁴*Mauss M.* Essai sur le don : forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // *Sociologie et anthropologie*. P. 143–279 ; *Гуревич А. Я.* Богатство и дарение у скандинавов раннего средневековья // *Средние века*. 1968. Вып. 31. С. 180–198 ; *Gurevich A. I.* Saga and History: The Historical Conception of Snorri Sturluson // *Mediaeval Scandinavia*. 1971. Vol. 4. P. 42–45 ; *Miller W. I.* Bloodtaking and peacemaking: feud, law, and society in Saga Iceland. Chicago, 1990 ; *Sigurdsson J. V.* Chieftains and power in the Icelandic commonwealth. Odense, 1999. (The Viking collection ; 12). P. 77–78 ; *Судоров А. И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. (Studia classica). С. 72–74 ; *Curta F.* Merovingian and Carolingian Gift Giving // *Speculum*. 2006. Vol. 81, no. 3. P. 695–699.

⁵*Scott J. C.* Domination and the arts of resistance: hidden transcripts. New Haven, 1990. P. 21, 111 ; *Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1997.

⁶*Cerutti S.* Giustizia sommaria. Pratiche e ideali di giustizia in una società di Ancien Régime (Torino, XVIII secolo). Milan, 2003. (Campi del sapere ; 1).

⁷*Barnwell P. S.* Kings, courtiers and imperium: The barbarian West, 565–725. London, 1997 ; *Durliat J.* Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284–889). T. 21. Sigmaringen, 1990. (Beihefte zu Francia).

⁸Grig. Tour. Hist. Cap. 37.

⁹Grig. Tour. Hist. Cap. 40.

¹⁰Theg. Gesta. Cap. XIII.

¹¹*Ganshof F. L.* La fin du règne de Charlemagne, une décomposition // *Revue suisse d'histoire*. 1948. P. 433–51.

¹²*Reuter T.* The end of the Carolingian military expansion // *Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814–840)* / под ред. P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. С. 391–405.

¹³*Cerutti S.* Giustizia sommaria. Pratiche e ideali di giustizia in una società di Ancien Régime (Torino, XVIII secolo).

¹⁴*Althoff G.* Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation für das Verständnis des Mittelalters // *Frühmittelalterliche Studien*. 1998. Jg. 31. S. 373.

¹⁵*Einhard.* Vita Karoli Magni / hrsg. von G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae, 1911. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 25). Cap. 19.

¹⁶*Rosenwein B.* Identity and emotions in the early middle ages // *Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters* / hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 129–38. (Osterreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse: Denkschriften, 322; Forschungen zur Geschichte des Mittelalters, 8) ; *Rosenwein B.* Emotional communities in the early Middle Ages. Ithaca, NY, 2007.

¹⁷*Devroye J.-P.* Elaboration et usage des polyptyques: Quelques éléments de réflexion à partir de l'exemple des descriptions de l'Église de Marseille // *Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese*

in Spätantike und frühem Mittelalter / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 436–72 ; *Devroye J.-P.* Catastrophe, crise et changement social : à propos des paradigmes d'interprétation du développement médiéval (500-1100) // Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne / sous la dir. de L. Buchet, I. Séguy. Antibes, 2008. P. 78.

¹⁸*Einhard.* Vita Karoli Magni. Cap. VIII, XIII.

¹⁹*Staubach N.* 'Des grossen Kaisers kleiner Sohn': Zum Bild Ludwigs der Frommen in der älteren deutschen Geschichtsforschung.

²⁰*Reuter T.* The end of the Carolingian military expansion. C. 405.

²¹*Tacitus.* Cornelii Taciti libri qui supersunt. Bd. 2. De origine et situ Germanorum liber / hrsg. von A. Önnersfors. Stuttgart, 1983. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana ; 2). Cap. VII, XI.

²²*Innes M.* State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400-1000. Cambridge, 2000. P. 108, 196.

²³*Richer von Saint-Remi.* Historiae / hrsg. von H. Hoffmann. Hanover, 2000. (MGH Scriptores ; 28). Cap. 12.

²⁴*Richer von Saint-Remi.* Historiae. Cap. 5.

²⁵*Tacitus.* Cornelii Taciti libri qui supersunt. Bd. 2. Cap. 7.

²⁶*Wolfram H.* Atanarich the Visigoth: Monarchy or judgeship? A study in comparative history // Journal of medieval history. 1975. Vol. 1. P. 278.

²⁷*Fouracre P.* 'Placita' and the settlement of disputes in later Merovingian Francia // The settlement of disputes in early medieval Europe / ed. by W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1986. P. 30, 43.

²⁸Theg. Gesta. Cap. 5.

²⁹*Innes M.* State and society. P. 165–200.

³⁰*MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century. Cambridge, 2003 ; *Bouchard C.* "Those of my blood": Constructing noble families in medieval Francia. Philadelphia, 2001.

³¹*Bourdieu P.* Esquisse d'une théorie de la pratique. Geneve, 1972 ; *Scott J. C.* Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven, 2008 ; *Ginzburg C.* The cheese and the worms: the cosmos of a sixteenth-century miller. Baltimore, 2013 ; *Brewer J.* Microhistory and the histories of everyday Life // Cultural and social history. 2010. Vol. 7, no. 1. P. 87–109.

³²*Cerutti S.* Normes et pratiques, ou de la légitimité de leur opposition // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / sous la dir. de B. Lepetit. Paris, 1995. P. 127-149 ; *Cerutti S.* Giustizia sommaria. Pratiche e ideali di giustizia in una società di Ancien Régime (Torino, XVIII secolo).

³³*Carozzi C.* Eginard et les trois fonctions de la royauté // Le pouvoir au Moyen Age. Ideologies, pratiques, représentations / sous la dir. de C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi. Aix-en Provence, 2005. P. 237-256.

³⁴*Fichtenau H.* Das karolingische Imperium: Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zürich, 1949.

³⁵*Riché P.* Carolingiens : une famille qui fit l'Europe. Paris, 1983. P. 143-144.

³⁶*Doizé J.* Le gouvernement confraternel des fils de Louis le Pieux et l'unité de l'empire (843-855) // Le Moyen âge. 1898. T. 11. P. 285 ; *Halphen L.* A propos du capitulaire de Quierzy // Revue historique. 1911. T. 106. P. 193 ; *Halphen L.* L'idée d'état sous les Carolingiens // Revue historique. 1939. T. 185. P. 69 ; *Halphen L.* Charlemagne and the Carolingian empire. Amsterdam, 1977. (Europe in the Middle Ages ; 3) ; *Krah A.* Die Entstehung der potestas regiaim Westfrankenreich während der ersten Regierungsjahre Kaiser Karls II. : (840 - 877). Berlin, 2000. S. 195.

³⁷*Krah A.* Die Entstehung der potestas regiaim Westfrankenreich während der ersten Regierungsjahre Kaiser Karls II. : (840 - 877). S. 195.

³⁸*Kramer R.* «...Quia cor regis in manu dei est... » : The Pharaoh in Carolingian monastic narratives. 2015. P. 156-158.

³⁹*Nelson J.* Hincmar of Reims on king-making: The evidence of the Annals of St-Bertin // *Coronations* / ed. by J. M. Bak. Berkeley, 1990. P. 18 ; *Nelson J. L.* Kingship and royal government // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 383-430 ; *Nelson J. L.* The Frankish kingdoms, 814-898: The West // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 110-41 ; *Innes M.* State and society. P. 261.

⁴⁰*Davis J. R.* Charlemagne's practice of empire. Cambridge, 2015. P. 294-303.

⁴¹*Nelson J. L.* Peers in the early Middle Ages // *Law, Laity and Solidarities: Essays in honour of Susan Reynolds* / ed. by S. Reynolds. Manchester, 2001. (Manchester Medieval Texts). P. 43-46 ; *Innes M.* State and society. P. 198 ; *Brown W.* Unjust seizure: Conflict, interest, and authority in an early medieval society. Ithaca, 2001. C. 122.

⁴²*Higham N. J.* An English empire: Bede and the early Anglo-Saxon kings. Manchester, 1995. P. 230.

⁴³*Wood I.* Deconstructing the Merovingian family // *The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts*. Vol. 12 / ed. by R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reinitz. Leiden, 2003. (The Transformation of the Roman World). P. 170-171.

⁴⁴*Kasten B.* Stepmothers in Frankish legal life // *Law, Laity and Solidarities: Essays in honour of Susan Reynolds* / ed. by S. Reynolds. Manchester, 2001. (Manchester Medieval Texts). P. 63-68.

⁴⁵*Nelson J. L.* Charles the Bald. London, 1992. (The Medieval World). P. 6 ; *Davis J. R.* Charlemagne's practice of empire. P. 294-298.

⁴⁶*Classen P.* Karl der Grosse und der Thronfolge im Frankenreich // *Festschrift für Hermann Heimpel*. Göttingen, 1972. S. 109-134. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte ; 3) ; *Schneider R.* Die Einheit des Frankenreiches und das Teilungsprinzip // *Lotharingen: Eine europäische Kernlandschaft um das Jahr 1000 (= Une région au centre de l'Europe autour de l'an mil)*. Saarbrücken, 1995. C. 15-30. (Veröffentlichungen der Kommission für Saarländische Landesgeschichte und Volksforschung).

⁴⁷*Riché P.* Carolingiens : une famille qui fit l'Europe. P. 139-142 ; *Goetz H.-W.* Regnum: Zum politischen Denken der Karolingerzeit // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung*. 1987. Jg. 104. S. 188-189 ; *Nelson J. L.* Charles the Bald. P. 6.

⁴⁸*Hummer H. J.* Monastic property, family continuity and central authority in early medieval Alsace and Southern Lotharingia : Thesis / *Hummer Hans Josef*. Los Angeles : University of California, 1997 ; *Hummer H. J.* Politics and Power in Early Medieval Europe: Alsace and the Frankish Realm, 600-1000. Cambridge, 2005. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series) ; *Brown W.* Unjust seizure: Conflict, interest, and authority in an early medieval society.

⁴⁹*Riché P.* Carolingiens : une famille qui fit l'Europe. P. 143 ; *Tellenbach G.* Von karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // *Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters* / под ред. Т. Mayer. Leipzig, 1943 ; *Tellenbach G.* Studien und Vorarbeiten zur Geschichte des grossfränkischen und frühdeutschen Adels. Bd. 4. Freiburg im Breisgau, 1957. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte) ; *Werner K. F.* Bedeutende Adelsfamilien im Reich Karls des Grossen: Ein personengeschichtlicher Beitrag zum Verhältnis von Königtum und Adel im frühen Mittelalter // *Karl der Grosse: Lebenswerk und Nachleben*. 1: Persönlichkeit und Geschichte / hrsg. von H. Beumann. Duesseldorf, 1965. S. 83-142.

⁵⁰*Riché P.* Carolingiens : une famille qui fit l'Europe. P. 143.

⁵¹*Nelson J. L.* Charles the Bald. P. 67.

⁵²*Nelson J.* Hincmar of Reims. P. 18.

⁵³*Nelson J. L.* Charles the Bald. P. 48.

⁵⁴ *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale. T. 33. Paris, 1995. (Histoire ancienne et medievale).

⁵⁵ *C.B. B.* The Carolingian Creation of a Model of Patrilineage // Paradigms and Methods in Early Medieval Studies / под ред. C. Chazelle, F. Lifshitz. New York, 2007. (The New Middle Ages). С. 136, 139–140.

⁵⁶ *Joye S.* Family order and kingship according to Hincmar // Hincmar of Rheims: Life and Works / ed. by R. Stone, C. West. Manchester, 2015. P. 194.

⁵⁷ *Kasten B.* Königsgöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover, 1997. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 44). S. 220–237 ; *MacLean S.* Kingship and politics. P. 162.

⁵⁸ *Schieffer R.* Väter und Söhne im Karolingerhause // Beiträge zur Geschichte des Regnum Francorum. Bd. 22 / hrsg. von R. Schieffer. Paris, 1990. (Beihefte der Francia). S. 161.

⁵⁹ *MacLean S.* Kingship and politics. P. 85.

⁶⁰ *Penndorf U.* Das Problem der Reichseinheitsidee nach der Teilung von Verdun (843). Untersuchungen zu den späten Karolingern. München, 1974. S. 143–144 ; *Erkens F.-R.* Divisio legitima und unitas imperii. Teilungspraxis und Einheitsstreben bei der Thronfolge im Frankenreich // Deutsches Archiv. 1996. Jg. 52. S. 485.

⁶¹ *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995. (Histoire ancienne et medievale ; 33).

⁶² *Wood I.* Deconstructing. P. 170–171 ; *Старостин Д. Н.* Regnum и stirps regia: Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI - первой половины VII вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Т. 8. 2010. С. 120–123.

⁶³ *Kasten B.* Königsgöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit.

⁶⁴ *Reimitz H.* Viri illustres und omnes Franci: Zur Gestaltung der feinen Unterschiede in historiographischen und diplomatischen Quellen der frühen Karolingerzeit // Urkunden – Schriften – Lebensordnungen. Neue Beiträge zur Mediävistik / hrsg. von A. Schwarcz, K. Kaska. Wien, 2014. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 63). S. 140–150.

⁶⁵ *Schieffer R.* Väter und Söhne im Karolingerhause. S. 158, 161.

⁶⁶ *Penndorf U.* Das Problem der Reichseinheitsidee nach der Teilung von Verdun (843). Untersuchungen zu den späten Karolingern.

⁶⁷ «Quae cum pulcherrimae essent et ab eo plurimum diligenter, mirum dictu, quod nullam earum cuiquam aut suorum aut exterorum nuptum dare voluit, sed omnes secum usque ad obitum suum in domo sua retinuit, dicens se earum contubernio carere non posse. Ac propter hoc, licet alias felix, adversae fortunae malignitatem expertus est. Quod tamen ita dissimulavit, acsi de eis nulla umquam alicuius probri suspicio exorta vel fama dispersa fuisset» *Einhard.* Vita Karoli Magni. Cap. 19.

⁶⁸ Divisio regnorum // MGH Capitularia regum francorum. Bd. 1 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. S. 126–130.

⁶⁹ Divisio regnorum. Cap. 18.

⁷⁰ *Schieffer T.* Die Krise des karolingischen Imperiums // Aus Mittelalter und Neuzeit: Gerhard Kallen zum 70 Geburtstag / hrsg. von J. Engel, H. M. Klinkenberg. Bonn, 1957. S. 3.

⁷¹ *Ganshof F. L.* La fin du règne. P. 433–451.

⁷² The annals of St-Bertin / ed. by J. L. Nelson. Manchester, 1991. (Ninth-century histories ; 1). P. 71.

⁷³ *Ganshof F. L.* La fin du règne. P. 451.

⁷⁴ *Classen P.* Karl der Grosse und der Thronfolge im Frankenreich. S. 134.

⁷⁵ *Schieffer R.* Die Karolinger. Stuttgart, 1992. S. 110.

- ⁷⁶Theg. Gesta. Cap. 6.
- ⁷⁷*Jarnut J.* Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768-771) // Herrschaft, Kirche, Kultur: Beiträge zur Geschichte des Mittelalters. Festschrift für Friedrich Prinz zu seinem 65. Geburtstag / hrsg. von G. Jenal, S. Haarländer. Stuttgart, 1993. S. 170–176.
- ⁷⁸*Ganshof F. L.* La fin du règne. P. 450-451.
- ⁷⁹*Nelson J. L.* Charles the Bald. P. 71.
- ⁸⁰*Jong M. de.* The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814–840. New York, 2009. P. 273–9 ; *Stone R., West C.* Hincmar of Rheims: Life and Work. Oxford, 2015. P. 23.
- ⁸¹*Jong M. de.* The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814–840. P. 142–147 ; *Stone R.* Morality and Masculinity in the Carolingian Empire. Cambridge, 2015. P. 333–334.
- ⁸²*Booker C. M.* Past convictions: The penance of Louis the Pious and the decline of the Carolingians. Philadelphia, 2009. P. 108.
- ⁸³*Booker C. M.* Past convictions: The penance of Louis the Pious and the decline of the Carolingians. P. 15–17.
- ⁸⁴Theg. Gesta. Cap. 12, 22, 23.
- ⁸⁵Theg. Gesta. Cap. 12.
- ⁸⁶*Calmette J.* La diplomatie carolingienne du Traité de Verdun à la mort de Charles le Chauve (843-877). Paris, 1901.
- ⁸⁷*Ganshof F. L.* Zur Entstehungsgeschichte und Bedeutung des Vertrages von Verdun // Deutsches Archiv zur Erforschung des Mittelalters. 1956. Jg. 12. S. 330 ; *Classen P.* Die Verträge von Verdun und von Coulaines 843 als politische Grundlagen des westfränkischen Reiches // Historische Zeitschrift. 1963. Jg. 196. S. 34.
- ⁸⁸*Classen P.* Karl der Grosse und der Thronfolge im Frankenreich. S. 134.
- ⁸⁹*Bauer T.* Die Ordinatio imperii von 817, der Vertrag von Verdun 843 und Herausbildung Lotharingens // Rheinische Vierteljahrsblätter. 1994. Jg. 58. S. 24.
- ⁹⁰*Pennendorf U.* Das Problem der 'Reichseinheitsidee' nach der Teilung von Verdun. München, 1975.
- ⁹¹*Jarnut J.* Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768-771). S. 170–176.
- ⁹²BM. № 773a.
- ⁹³*Giese W.* Die designativen Nachfolgeregelungen der Karolinger 714-979 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2008. Jg. 64, Nr. 2. S. 465.
- ⁹⁴*Calmette J.* Observations sur la « montée féodale » à l'époque carolingienne // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1941. T. 85, n° 4. P. 337-341.
- ⁹⁵*Васильевский В. Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 458.
- ⁹⁶*Lewis A. R.* The dukes in the regnum Francorum // Speculum. 1976. Vol. 51, issue 3. P. 410.
- ⁹⁷*Depreux P.* Le comte Matfrid d'Orléans (av. 815-836). // Bibliothèque de l'école des chartes. 1994. T. 152, n° 2. P. 346 ; *Collins R.* Pippin I and the kingdom of Aquitaine // Charlemagne's heir: New approaches to the reign of Louis the Pious / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 379.
- ⁹⁸*Nelson J. L.* The Frankish kingdoms, 814-898. P. 117.
- ⁹⁹Theg. Gesta. Cap. 35 ; *Сидоров А. И.* Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов / под ред. А. И. Сидорова. М., 1999. С. 198.
- ¹⁰⁰*Calmette J.* De Bernardo, sancti Guilhemi filio These latine : thèse de doctorat / Calmette J. Tolosae : Université de Toulouse, 1902. P. 44-45.
- ¹⁰¹*Nelson J. L.* Charles the Bald. P. 87.
- ¹⁰²Annales regni francorum // Annales regni francorum et annales qui dicitur Einhardi. Hannover, 1895. (MGH Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum). Anno 830 ; *Nelson J. L.* Charles the Bald. P. 87–88.

- ¹⁰³ *Annales regni francorum. Anno 829.*
- ¹⁰⁴ *Depreux P.* Le comte Matfrid d'Orléans (av. 815-836). P. 358-359 ; *Depreux P.* Empereur, empereur associé et pape au temps de Louis le Pieux // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1992. T. 70. P. 901 ; *Jarnut J.* Ludwig der Fromme, Lothar I und das Regnum Italiae // *Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840)* / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 349-62.
- ¹⁰⁵ *Lot F., Pfister C., Ganshof F. L.* Histoire du Moyen Âge. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris, 1928. P. 481.
- ¹⁰⁶ *Васильевский В. Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 459.
- ¹⁰⁷ *Nelson J. L.* The Frankish kingdoms, 814-898. P. 117.
- ¹⁰⁸ *Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // *Annales du Midi.* 1906. T. 18, n° 70. P. 145-165. 153, N. 3.
- ¹⁰⁹ *Depreux P.* Le comte Matfrid d'Orléans (av. 815-836). P. 346 ; *Collins R.* Pippin I and the kingdom of Aquitaine. P. 379.
- ¹¹⁰ *Annales Bertiniani* / hrsg. von G. Waitz. Hannover, 1883. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 5). Anno 835.
- ¹¹¹ *Hägermann D.* Reichseinheit und Reichsteilung: Bemerkungen zur 'Divisio regnorum' von 806 und zur 'Ordinatio imperii' von 817 // *Historische Jahrbuch.* 1975. Jg. 95. S. 299.
- ¹¹² *Hlodowicus et Karolus germana caritate convenientes, tanto amoris fraterni vinculo devincti patuerunt, ut alter alteri baculos publice tribuendo regnum, uxorem et liberos superstiti commendaret. . . . Karolus Aquitaniam adgreditur.* Ann. Bert. a. 849.
- ¹¹³ *McKitterick R.* The Frankish Kingdoms under the Carolingians. London, 1999. P. 175.
- ¹¹⁴ *Reuter T.* Germany in the Early Middle Ages C. 800-1056. London, 2013. P. 71.
- ¹¹⁵ Ann. Bert. a. 852.
- ¹¹⁶ *Nelson J. L.* The Frankish kingdoms, 814-898. P. 125.
- ¹¹⁷ *Dutton P. E.* The Politics of Dreaming in the Carolingian Empire. Lincoln, 1994. P. 210-211 ; *Schieffer R.* Väter und Söhne im Karolingerhause. S. 149-157 ; *Dutton P. E.* Beyond the Topos of Senescence: The Political Problems of Aged Carolingian Rulers // *Aging and the Aged in Medieval Europe* / ed. by M. M. A. Sheehan. Toronto, 1990. P. 85-91.
- ¹¹⁸ *Dutton P. E.* Beyond the Topos of Senescence: The Political Problems of Aged Carolingian Rulers ; *Garver V.* Old Age and Women in the Carolingian World // *Old age in the Middle Ages and the Renaissance : interdisciplinary approaches to a neglected topic* / ed. by A. Classen. Berlin, 2007. (Fundamentals of medieval and early modern culture ; 2). P. 123.
- ¹¹⁹ *Nelson J. L.* The Frankish kingdoms, 814-898. P. 126.
- ¹²⁰ *Hägermann D.* *Divisio imperii* von 817 und *Divisio regni* von 831: Überlegungen und Anmerkungen zu "Hausgesetzen" Karls des Grossen und Ludwigs des Frommen // *Herrscher- und Fürstentestamente im westeuropäischen Mittelalter* / hrsg. von B. Kasten. Köln, 2008. (Norm und Struktur ; 29). S. 299.
- ¹²¹ *Regino Prumiensis.* Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50 / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1890. S. 1-196. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi). Anno 878.

Глава 3

Система компромисов или распад: Структуры власти после Верденского раздела

Образ власти и традиции: Хинкмар Реймский и место Каролингов и двора в системе власти

Реймский архиепископ Хинкмар был одним из образованнейших людей каролингской эпохи и видным деятелем каролингского возрождения. Он родился около 806 г. и, вероятно, происходил из знатной семьи. Уже в детстве Хинкмар был отдан в монастырь Сен-Дени и находился там под опекой аббата Хильдуина, пользовавшегося определенным влиянием при дворе и участвовавшим в политической жизни своего времени. В 833 г. Хинкмар отказался последовать приказу аббата Сен-Дени Хильдуина и не поддержал королей Среднего и Восточного франкских королевств и Аквитании Лотаря I (795–855 гг.), Людовика Немецкого (806–876 гг.) и Пипина (797–838 гг.) в их восстании против отца, императора Людовика Благочестивого (814–840 гг.)¹ Эта личная верность императору сделала Хинкмара частью ближайшего окружения Людовика Благочестивого и впоследствии его младшего сына от второго брака с саксонкой Юдифью Карла Лысого (843–877 гг.). При дворе императора Хинкмар стал играть важнейшую роль уже с 830-х годов.² Он был верным и лояльным сторонником Людовика и Карла всю жизнь. Сам он придавал этому большое значение и впоследствии (в 867 г.), окидывая взглядом свое прошлое, писал, что рано стал личным советником императора

и участвовал во многих церковных синодах, по-видимому, именно в этом качестве.³ По выражению самого Хинкмара, он был «иерархом среди иерархов... и одним из первейших иерархов Галлии».⁴ Наибольшее влияние Хинкмар приобрел в правление короля западных франков Карла Лысого. 3 мая 845 г. Хинкмар был рукоположен в сан архиепископа Реймского. В течение почти сорока лет был он одним из главных действующих лиц политической и религиозной жизни Западно-Франкского королевства, находясь в центре всех значительных политических коллизий и церковных споров. Именно при Хинкмаре клир Реймса стал претендовать на роль хранителей духовного наследия Западно-Франкского королевства, которую он будет играть на протяжении всего Средневековья, когда это королевство превратится во Францию.

Наиболее значимым трудом Реймского архиепископа можно считать небольшой трактат «О дворцовом порядке» («*De ordine palatii*»). Следуя сложившейся традиции, Хинкмар, влияние которого на политические и церковные дела не уменьшилось в годы правления наследников Карла Лысого, направил это сочинение молодому королю Карломанну II в 882 г. Трактат посвящен системе государственного устройства Франкской державы и служит ценнейшим источником по структуре власти в королевстве франков. Хинкмар поставил своей целью обрисовать сложную иерархию организации королевского двора, которой пользовались правители франкского королевства в VIII–IX вв. Считается, что в этом сочинении Хинкмар, как и многие другие мыслители этого периода (Иона Орлеанский, Агобард Лионский, Седулий Скотт), выразил стремление церкви найти способ оказывать покровительство светской власти.⁵ Его видение устройства каролингской монархии подразумевало строгую иерархическую схему — король в центре власти, вокруг него двор, который был связующим звеном между властителем и региональными магнатами.⁶

Чтобы понять, как соотносились эти идеи Хинкмара Реймского с реальным положением дел в королевстве франков, рассмотрим исторический контекст. В особенности важным для понимания деятельности архиепископа Реймса является анализ ситуации в Западно-франкском королевстве, потому

что он был связан в первую очередь с делами именно Людовика Благочестивого и его потомства. Уход из жизни Карла Лысого и коронация его сына Людовика II Заики в 877 г. стали временем проверки целостности Западно-Франкского королевства. Несмотря на то, что магнаты в целом не имели ничего против лично Каролингов, они стали использовать формулы королевских документов в своих источниках.⁷ Однако следует понимать, что это не было противостоянием с Каролингами, потому что сначала Бозон Вьеннский отдал свою сестру в качестве конкубины Карлу Лысому, а после смерти последнего сам женился на дочери Людовика II Немецкого.⁸ Он получил достаточно много земель, как-то графство Вьенн, однако эти земли были очень тесно расположены. Интересно отметить, что как сообщает Регино Прюмский, Прованс он считал принадлежавшим Бозону по праву передачи того Людовиком Заикой, а вот Бургундию он отказывался признать перешедшей этому магнату именно как королю Бургундии.⁹ Интересно, что в этом делении можно видеть хорошее знание реалий еще позднеантичной и меровингской эпох, потому что Бургундия являлась самостоятельным королевством, полученным по «федератскому» договору, имела в качестве символа «копье святого Маврикия», и могло принадлежать только правителю из рода завоевавших ее. За счет определенных уступок знати Карл Лысый, его сводный брат Людовик II Немецкий, и сын первого Людовик II Заика смогли удержать власть, и более того, передать ее дальше по линии Карла Лысого.

После смерти Карла Лысого в 877 г., его трон занял его сын Людовик II Заика. Он обеспечил себе благосклонность высшей знати рядом пожертвований. Однако он правил недолго. Слабость Людовика Заики как правителя подчеркивается тем, что историк X в. Регино Прюмский вообще не уделил ему места в своей «Хронике», и два года пребывания у власти этого короля просто выпало из поля его зрения. В своем сочинении Регино перешел от смерти Карла Лысого сразу к правлению его сына Людовика III.¹⁰ В 879 г. Людовик умер, и власть перешла к двум его сыновьям Людовику (863–882 гг., король в 879–882 гг.) и Карломану (ок. 866–884 гг., король 882–884 гг.). Смерть монарха 10 апреля 879 г. открыла новый тур противостояния двух

самых значительных магнатов — маркиза и аббата Гуго и канцлера Гозлена. Было два претендента на престол Западно-Франкского королевства. За Людовиком III (863–882 гг.), сыном прежнего короля, стоял аббат Гуго, а за его соперником Людовиком III, королем Восточно-Франкского королевства, стояли его противники. В конце концов Гуго одержал победу: Людовик III был помазан вместе со своим братом Карломаном II (866–884 гг.) в аббатстве Феррьер. Церемонию провел архиепископ Санский Ансегис.¹¹ По 882 г. Карломан был соправителем, а с 882 и по 884 г. — полновластным королем.

Таким образом, на период с 870-х по середину 880-х годов пришелся странный период повышенной смертности франкских королей, сыновей и внуков западнофранкского правителя Карла Лысого (823–877 гг.) и восточнофранкского правителя Людовика Немецкого (806–876 гг.), причины которой остаются невыясненными. Это был настоящий династический кризис, потому что на протяжении двух столетий секрет успеха Пипинидов-Каролингов состоял именно в способности всегда обеспечивать королевство здоровыми и активными представителями династии.¹² Однако именно в это время вокруг слабых королей сформировался тесный круг западнофранкской знати. Например, в анналах монастыря Сен-Квентэн было записано, что в 882 г., после смерти Людовика III, франки сделали королем его брата Карломана.¹³ На этот династический кризис наслоились проблемы, связанные с усилением власти магнатов, которые начали претендовать на право избирать королей. Например, в 877 г. Людовик II Заика не был признан Бернардом II Готским⁴, и ему потребовалась поддержка ряда аквитанских магнатов, чтобы стать легитимным королем. Самое яркое проявление неповиновения — мятеж Бозона (850-887), герцога Бургундского, целью которого было полное отделение Бургундии от Западно-Франкского королевства. В этот период усилились нападения норманнов, которым удавалось проникать во внутренние области королевства, подвергая их разорению, истребляя и уводя в неволю жителей. При этом попытки королей остановить набеги норманнов не находили поддержки у многих представителей высшей знати. В такое тревожное время в 882 г. на трон вступил юный король Карломан II и с посланием к нему обратился Хинкмар,

бывший на тот момент архиепископом Реймса и считавшийся одним из самых заслуженных иерархов королевства.

Хинкмар воспользовался этим моментом, попытавшись усилить свое влияние при дворе. В 879 г. он написал двум молодым королям письмо, в котором подчеркнул, «что означало их избрание, как должны избираться в короли, и кто имел право избирать их».¹⁴ В 881 г. Хинкмар напомнил Людовику III о той поддержке, которую он оказывал ему со времени избрания королем, и просил не отвечать злом на добро.¹⁵ Он также постарался обеспечить Людовику III и Карломану поддержку их двоюродного брата, восточнофранкского короля Карла III Толстого (839–888 гг.).¹⁶ Однако положение Хинкмара в светской и церковной иерархии власти было сложным, поскольку главным представителем церкви при дворе западнофранкского короля был аббат Гуго.¹⁷ Увенчал эту попытку выразить свое мнение королю трактат «De ordine palatii», целью которого было создать идеальную модель королевской власти и структуры королевства.¹⁸

Хотя мотивы, побудившие Хинкмара взяться за создание трактата достаточно ясны, перед историками, изучающими наследие Реймского архиепископа, возникает ряд проблем. С одной стороны, можно было бы предположить, что «De ordine palatii» представляет собой классический пример воззрений на идеальный порядок функционирования каролингской королевской власти. Однако отметим, что отношение автора к правителям, при которых он служил советником, было неоднозначным. Например, он писал о смерти Карла Лысого в 877 г. таким образом, что это позволило исследователям выдвинуть гипотезу о резко отрицательном отношении Хинкмара к своему давнему патрону. В частности, Хинкмар сообщает, что отвратительный запах не позволил довести останки короля до Сен-Дени, и его пришлось захоронить в Нантоа (Nantua), небольшом монастыре под Лионом. Возможно, Хинкмар описывал смерть Карла Лысого как смерть тирана, и мог негативно относиться к его притязаниям на императорскую корону.¹⁹ Поэтому его чувства к королевской власти в целом и к ее конкретным носителям не было однозначно положительными. Это вызывает вопрос о типичности и значимости трактата для каролингской политической

культуры и о том, насколько воззрения Хинкмара соответствовали реальной политической практике каролингской монархии конца IX в.

Конец IX в. традиционно рассматривается историками как период усиления знати и время создания независимых от центральной власти территориальных княжеств. По письмам и трактатам Хинкмара мы видим, что эти проблемы преследовали не только династию Каролингов. Те из магнатов, на которых могли опираться правители, тоже были подвержены своего рода династическим кризисам, что способствовало не столько усилению королевской власти, сколько ее крайней нестабильности. Магнаты, как и короли, также испытывали превратности судьбы, и их жизненные пути заканчивались быстро, несмотря на все их влияние. Например, в 877 г. в своем трактате «Королю Людовику Заике» («Ad Ludowicum Balbum regem») Хинкмар называл шесть магнатов, с которыми новому властителю, как и его отцу, надо было договориться, чтобы обеспечить стабильность своей власти²⁰, однако уже через два года из этих князей остались в живых только трое, и Людовику III пришлось заново искать опору.²¹

С какой целью Хинкмар написал трактат «О структуре дворца»? Была ли это попытка указать слабым королям, как нужно править королевством с учетом традиций их предков? Можно ли говорить о том, что позиции Хинкмара были настолько сильны, чтобы он мог указывать королям на то, какой именно должна быть структура власти в королевстве франков? Или же трактат Хинкмара был просто выражением традиционных попыток церкви оказать влияние на светскую власть, не связанным с особыми ожиданиями их воплощения в жизнь?

Положение Хинкмара в системе власти западно-франкского королевства не столь однозначно, как кажется. Например, утверждалось, что, несмотря на всю свою помощь Людовику II Заике, Людовику III и Карломану, он фактически ничего не приобрел во время их правления и, более того, сам пострадал от самоуправства королей. В частности, рассматривалась история избрания кандидата Хинкмара, Эдилона, в качестве епископа Нойона (880 г.)²² Тот факт, что король поначалу не признал нового епископа, но смирился с его избранием после письма Хинкмара, истолковывался исследователями

как доказательство шаткости позиций архиепископа Реймса.²³ Эпизод выбора епископа Бовэ, где Хинкмар и Людовик III открыто столкнулись, тоже рассматривался как пример слабости положения епископа и как результат его плохих отношений с королевской властью.²⁴ Считается, что, несмотря на всю поддержку, оказанную реймским архиепископом королю Западно-Франкского королевства Людовику III Заике, тот не дал ему ничего кроме пустых обещаний воспользоваться его советом.²⁵ Таким образом, по мнению исследователей, короли далеко не всегда прислушивались к мнению Хинкмара, и его воззрения были просто примером абстрактного описания того, как могла развиваться политика каролингской монархии.

Посмотрим, однако, на эти события с другой стороны. Архиепископ Реймса смог извлечь большие «дивиденды» из своего положения верного советника деда короля, Карла Лысого. Его стычки с сыном покровителя (Людовиком II Заикой) и его внуками (Людовиком III и Карломаном) показывают, что он сохранил значительное влияние, поскольку в обоих случаях смог противостоять правящему королю и добиться принятия своего решения. Таким образом, в ситуации кризиса светской власти Хинкмар смог наилучшим образом защитить «свободы церкви». Поэтому «*De ordine palatii*», безусловно, представляет собой источник, написанный не опальным клириком, а, наоборот, активным и успешным советником короля. Именно по этой причине при анализе трактата возникает противоречие, связанное с явным несоответствием реального положения королевской власти, которая на тот момент боролась за выживание, и того идеала устройства ее структуры и королевского двора, который архиепископ Реймса стремился описать и, возможно, воссоздать.

В 882 г. практически не было никаких надежд на то, чтобы вернуться к ситуации, описанной в трактате Хинкмара. Карломан не был признан всеми магнатами, и его коронация имела во многом фиктивное значение. Ему нужно было налаживать отношения с магнатами, правителями территориальных княжеств, которые успели приобрести большое влияние. Однако в сочинении Хинкмара внимание уделяется не магнатам, а ближайшему окружению короля, от которого зависело ежедневное

функционирование королевского дома. Представляется, впрочем, что структура дворовых служб короля была не главной заботой Карломана, потому что основной проблемой была сама легитимность его власти.

Возникает вопрос, насколько отвечали этой ситуации и насколько отражали господствовавшие в это время представления воззрения Хинкмара? Они могут показаться отражением широко распространенных взглядов на иерархию власти, возможно, и не имевших большого значения в рассматриваемый период. Однако вопрос об оригинальности его воззрений представляется тем не менее важным, так как в бытность Хинкмара в королевстве франков одновременно сосуществовали весьма несхожие и подчас противоположные по смыслу представления о власти. С начала правления династии в 751 г. появилась практика, в рамках которой собственные, наследственные земли династии, находившиеся в регионе будущей Лотарингии, не делились, а передавались старшему сыну. Попытка создать новые принципы раздела земель Карлом Великим в 806 г. отразилась в появлении капитулярия *Divisio regnorum*, которым предполагался раздел собственных земель династии. Однако эти новые принципы отошли на второй план в 813 г., когда в силу смерти двух сыновей Карла Великого снова возобладал принцип нераздельности собственных земель династии. Этот принцип был подтвержден в 817 г. Людовиком Благочестивым в капитулярии «*Ordinatio imperii*», однако он снова был нарушен самим же королем и императором в 829 г., когда он передал часть важных земель младшему сыну от второго брака с Юдифью. Таким образом, франкские короли имели перед собой две возможности при разделе земель, обе из которых были в значительной степени легитимными и оправданными. Принципиальной разницей в этих двух подходах было то, что в одном случае возникала структура власти, которую можно условно назвать «центр и периферия», а в другом случае возникала система разнозначных королевств, в которых в равной степени присутствовали и центральные по значению, и периферийные земли.²⁶

Проблема структуры королевства в 879-884 гг. напрямую не поднималась Хинкмаром, хотя она подспудно существовала и для Людовика II Заики, и для

его сыновей. Проблема, конечно, была не в Лотарингии как таковой (которая к тому моменту находилась в руках потомков Лотаря I), а в противопоставлении раздела всех областей королевства поровну разделу на центр и периферию. Заметим, что Западно-Франкское королевство представляло собой сложную и рыхлую структуру, в которой не было четко определенного центра и в котором периферия была подчас более сплочена и играла более важную роль. Размытая по своим границам Нейстрия, на которую в первую очередь опирались западнофранкские короли, соседствовала с Аквитанией, в которой давно сложились свои традиции власти.

Хинкмар опосредованно выразил свое мнение относительно принципов раздела в своем трактате «*De ordine palatii*». Архиепископ Реймса выступал за наличие четкого центра в королевстве, магнаты которого составляли своего рода ближний круг правящего короля²⁷ Он активно выступал против любых попыток раздробить королевство на части и передавать их по наследству, как внутри каролингской династии, так и в рамках семей территориальных магнатов.²⁸ Конечно, хотя речь здесь шла о структуре только Западно-Франкского королевства, Хинкмар мог иметь в виду разделение всего королевства франков. Однако на тот момент то, что предлагал Хинкмар, было уже невозможно как в королевстве франков, так и в Западно-Франкском королевстве. Его видение раздела соответствовало принципам его покровителя Людовика Благочестивого и принятого при нем «*Ordinatio imperii*» – с четкими центром и периферией, которых в реальности не существовало. Таким образом, он был против принципов династической политики Карла Великого, разработанных им на пике власти в 806 г. в «*Divisio regnorum*», пусть даже они были потом полностью реализованы главным покровителем Хинкмара Людовиком Благочестивым в 829 г. Воззрения Хинкмара не учитывали династические хитросплетения и тонкости, существовавшие в 879-884 гг. Для него король был центром королевства, однако архиепископ не принимал во внимание то, что сам король был частью семьи, в которой тоже существовала сложная иерархия власти.

Тот факт, что Хинкмар мог рассматривать Карла Лысого в негативном ключе, показывает, что он, по-видимому, не до конца принял решение Людовика Благочестивого передать Западно-Франкское королевство своему младшему сыну и, соответственно, не до конца согласился с идеями Карла Великого, высказанными в «*Divisio regnorum*» в 806 г. и реализованными на практике в Вердене в 843 г. Начав свою карьеру при дворе как советник императора Людовика, правителя единого королевства франков, Хинкмар не смог одобрить новые реалии разделов королевства между членами каролингской семьи, которые были сформулированы еще Карлом Великим. Поэтому нельзя считать, что Хинкмар полностью воспроизвел реалии эпохи Карла Великого, сохранившиеся в трактате Адаларда из Корби, который он взял за основу своего труда.²⁹ Представляется, что его воззрения относились ко времени безраздельного правления Людовика Благочестивого, т. е. ко времени его собственной юности.

Правящая династия, знать и формирование территориальных княжеств

Власть Каролингов и проблема формирования территориальных княжеств

Структура власти королевства франков и образ властителей всегда были для образованных людей каролингской эпохи одной из постоянных тем для размышлений, а особенно в период, когда целостность королевства ставилась под вопрос, поскольку именно путем обращения к этим темам формировалась общая система ценностей и, соответственно, социум как таковой. Одной из таких тем, которая была поднята в первую очередь в связи с глубоким конфликтом в семье, выразившемся в Верденском разделе 843 г., была тема формирования в умах современников представления о том, что каролингское королевство может существовать как система взаимно благоприятных для Каролингов и для региональных магнатов связей. Проблема формирования территориальных княжеств в каролингском франкском королевстве во второй половине IX в. не раз поднималась историками. Приход к власти Конрада Франконского в 911 г., который сменил последнего из имевших отношение к семье Каролингов в Восточно-франкском королевстве Арнульфа Каринтийского, стал началом формирования из восточно-франкского королевства новой политической общности, Германии. Именно это событие многие исследователи обычно оценивали в качестве показателя распада единой Каролингской монархии на королевства, образовавшихся из территориальных княжеств, в главе которых стояли территориальные магнаты (князья). Окончанием этого процесса, как считалось, был переход власти в 987 г. от последнего каролингского правителя Лотаря к Гуго Капету, сыну майордома Нейстрии Гуго Великого. Начало этого процесса видели в Верденском разделе 843 г., который с XIX в. служил в качестве основного доказательства ослабления единой власти в королевстве франков и события, которое привело к фактическому востребованию привилегий со стороны региональных представителей Каролингов, многие из которых являлись одновременно региональными магнатами, в 877 г. в Кьерсийском капитулярии.³⁰ Многие историки в течение долгого времени основывали свое видение каролингской истории на идее «ослабления» и фактического

«распада» власти в середине IX в. и последующего периода. В частности, и в настоящее время исследователи дискутируют по поводу значимости каролингских правителей франкского королевства после Карла Великого, обсуждая вопрос об «ослаблении» каролингской власти в правление сына, внуков и правнуков императора. Однако вопрос об ослаблении власти сам по себе — это вопрос в значительной степени абстрактный, потому что историки всегда дискутировали относительно того, в каких терминах измерять силу или слабость власти. Если обратиться к более серьезным аспектам оценки власти, то нужно взять за основу ряд более практических и реальных критериев. В частности, в последнее время такими критериями стали считать взаимоотношения между правителем, его непосредственным окружением и знатью. Именно представителями местных знатных родов, т. е. люди, обладавшие в рамках местного социума определенным статусом, стали в последнее время рассматриваться как важнейшая сила, которая и составляла основную опору властителей из рода Каролингов.

Однако одной из проблем Каролингской эпохи является соотношение между интересами франкских правителей, воспринимаемых и как носители абстрактной имперской власти и как представители системы знатных родов, и интересами магнатов, их поддерживавших. В IX–X вв. под сенью Каролингов сформировались роды, часть из которых добилась королевского статуса, а другие стали знатью, формировавшей структуры власти в Европе на протяжении всего Средневековья. Капетинги, Бозониды (правители Прованса), Рудольфинги (правители имперской Бургундии) являются наиболее яркими представителями знатного сословия.³¹ Это совпало с началом формирования уже с IX в. территориальных княжеств, во главе которых встали в начале X в. знатные династии, определившие будущее средневековой Европы. На данный момент процесс формирования новых королевских и графских династий изучен достаточно хорошо, но полученные результаты рисуют процесс по-разному в силу формирования двух противоположных традиций оценки этого события.

В конце XIX - XX вв. сложилось два противоположных взгляда на знать каролингской эпохи. К. Бруннер подчеркнул, что в дополнение к знати, верно

служившей императору и королям, были и другие знатные группы, которые не были допущены к власти и составляли своеобразную «оппозицию» этой имперской аристократии.³² Историки стали говорить о том, что отдельные графства и земли каролингской империи в контексте ослабления публичной власти стали превращаться в самостоятельные территориальные княжества, которые не нуждались в верховной власти и могли существовать независимо от западно-франкского или восточно-франкского короля.³³ С одной стороны, историки обращают внимание на Кьерсийский капитулярий 877 г. Некоторые историки предполагали, что интересы королевской династии и знати были прямо противоположны и рассматривали Кьерсийский капитулярий (Quierzy, 877 г.), разрешивший графам передавать свои должности по наследству, как победу знати над королевской властью. Рассматривая существование королевства франков в период, когда основным вопросом его существования было найти способы раздела власти между сыновьями Людовика Благочестивого, исследователи, как правило, утверждали, что только после очевидного ослабления каролингской династии в последние годы правления Карла Лысого, и особенно при Людовике Заике, Людовике III и Карломане II, знать почувствовала слабость правителей и начала присваивать себе прерогативы и власть, ранее принадлежавшие только королям. Результатом формирования новых территориальных княжеств явился переход власти от Каролингов в руки новой территориальной знати. Получила распространение концепция, что магнаты воспользовались ослаблением королевской власти в IX в. и опираясь на наследственные владения, принадлежавшие им в силу собственной знатности, узурпировали публичную власть.³⁴ Важным аспектом этой концепции являлось представление, что средневековая европейская знать возникла в борьбе с распадавшейся каролингской властью и что формирование территориальных княжеств было результатом борьбы с центральной властью и следствием регионального сепаратизма. Иначе говоря, история конца IX - XI вв. рассматривалась как время своеобразной «ротации кадров», давшей возможность прийти к власти совершенно новым лицам, не связанным с каролингским наследием. В качестве примера обычно ссылались

на Бозона Вьенского (850–887), который первый из знати был избран королем в 870 г., не принадлежа напрямую к королевскому роду.³⁵

Опираясь на выдающегося историка и мыслителя Хинкмара Реймского, В. Шлезингер и Г. Телленбах сформулировали идею о существовании т. н. «имперской аристократии», подчеркнув, что знать каролингской эпохи была обязана своим статусом каролинским правителям. Более того, исследуя восхождения на трон каролинских правителей, этот исследователь установил, что знать практически всегда поддерживала династию.³⁶ Эта точка зрения поддерживается исследователями и сегодня, правда, с уточнением, что Хинкмар Реймский, несмотря на свой епископский статус, ясно видел истинное положение дел и действительно не пытался придать королевской династии, как силе, поддерживавшей епископат, больше власти, чем это было на самом деле. Это значит, его описаниям в целом можно верить.³⁷ Посылка о значимости знати и ее согласии с каролингской династией в целом получила свое развитие в работе К.-Ф. Вернера, который подчеркнул, что оставшиеся от Римской империи идеи служения высшей власти в меровингскую и каролингскую эпохи привели к формированию слоя магнатов, власть которых была двоякой. С одной стороны, они обладали властью в силу своего благородного происхождения. Однако истоком благородного происхождения, как правило, была давняя служба каролинским правителям.³⁸ В недавних работах было подчеркнуто, что и фактор существования наследного территориального княжества, и фактор королевской службы были одинаково важны для формирования знати, и что наследные права и земли, как правило, нуждались в подтверждении, лучшим из которых была служба королю.³⁹ Во второй половине XX в. историки стали по-новому рассматривать взаимоотношения между королевской властью и знатью. Во-первых, дальнейшие исследования этой темы дали возможность утверждать, что процесс формирования территориальных княжеств начался еще при Карле Лысом.⁴⁰ Это свидетельствует о том, что усиление территориальной власти представителей местной знати сосуществовало с верной службой королю.⁴¹ Ряд дальнейших публикаций показали, что большинство представителей местной знати не имели принципиальных

противоречий с последними каролингскими правителями.⁴² Более того, на учитывать тот факт, что понятие семьи как социального феномена сформировалось достаточно поздно, и только в начале X в. можно говорить о «графских семьях» в полноценном смысле этого слова. В IX в. даже обладавшие властью графов местные магнаты часто не имели за собой семьи, что конечно же, не давало им возможности.⁴³

Проблема интерпретации истории знатных родов этого периода возникла после появления сравнительно малоизвестной работы А. Бартелеми. Его идеи фактически и по сей день определяют направление дискуссии, хотя с момента написания его работы прошло достаточно много времени и несмотря на то, что его работа использовалась в-основном специалистами по истории средневековой Франции. Французский исследователь взял в качестве примера графскую династию, которая в 987 г. стала королевской, и в которую входили графы Роберт Сильный (?–866), Одон Парижский (король Франции в 888–898 гг.), его брат Роберт, граф и герцог Франции (866–923, король Франции в 922–923 гг.), и Гугон Великий (898–956). А. Бартелеми подчеркивал наличие тенденций к созданию своей собственной династии, однако он подчеркнул, что фактически ни в начале своего подъема к власти при Роберте Сильном, ни даже при Гугоне Великом они не имели в качестве опоры территориального княжества, в котором их власть считалась бы традиционной и в котором у них не было бы надежной поддержки в лице семей других знатных людей.⁴⁴

Однако представляется, что историки мало уделяли внимание тому, как на фоне династических проблем династии в рядах каролингской знати формировались, достигали своего пика и исчезали династии, не все из которых оказались победителями. Представляется, что судьбы знати в каролингскую эпоху не сводятся к простейшей дихотомии «верной службы» каролингским правителям в качестве слуг короны до ослабления последних в последние десятилетия IX в. и «захвата власти» в 880-е–900-е гг. уже в качестве глав собственных династий. Более того, есть сравнительно малоисследованные источники, которые и на настоящий момент могут дать неплохую перспективу для изучения этого вопроса.

Каролинги, регионы и региональная знать

Наши представления об истории европейских регионов в IX-XI вв. складываются, как правило, на основе фрагментарных сведений о военных походах правителей, князей и графов, а также об основаниях монастырей и епископств. Для того, чтобы проследить изменения в структурах власти, появление новых королевских и графских династий, историкам приходится ограничиваться отрывочной информацией и при этом часто делать догадки относительно значения тех или иных событий. Историю Средних веков, и в особенности рассматриваемого нами периода IX-XI вв., нельзя писать сугубо событийно, потому что значимые события, как правило, отделены друг от друга десятилетиями. Соответственно, задачей исследователей этого исторического периода является осмысление того, на что источники только намекают, т. е. поиск глубинных процессов, протекавших во власти, социуме, ментальности. История Аквитании в данном контексте представляет собой интересный пример, потому что в прошлом этого региона переплелись и общие процессы, характерные для всей Европы, и специфически региональные черты.

Аквитания сочетала в своей истории особенности как реального политического образования, так и воображаемого, не получившего окончательного территориального оформления, региона. В меровингскую эпоху ее границы не были точно определены, однако к VII в. возникло представление об исторической цельности этой области. Своего рода столицей Аквитании в это время был г. Тулуза. Данное обстоятельство говорит о том, что меровингские правители попытались поддержать политическую традицию тулузского королевства визиготов. В частности, в правление короля Дагоберта Аквитанию взял под свою власть его младший брат Хариберт. Историки отмечают, что хотя в VII в. этот регион имел собственный суверенитет, меровингские правители тем не менее видели его глубокую связь с франкским королевством. Так Хариберт постоянно обращался к своему старшему брату за помощью, если ему нужны были военные отряды для защиты от народов, проживающих на границе с Пиренеями. Однако после смерти Дагоберта I последовал новый раздел, в

рамках которого Аквитания потеряла свою независимость. Франкское королевство было поделено на три части, Нейстрию, Бургундию и Австразию, и Аквитания по умолчанию стала частью первой. Тем не менее, поддержание местных традиций власти продолжалось до тех пор, пока были живы сыновья Хариберта, т. е. до 670-х гг.

В 781 г. Карл Великий предпринял попытку упрочить управление югом своего королевства, определив границы Аквитании и передав ее своему старшему сыну Людовику, будущему королю Людовику Благочестивому. Аквитания Карла Великого была задумана как южная пограничная часть королевства франков, которая должна была ограждать Север от Испании. Она простиралась от Роны на запад до побережья Атлантического океана, и включала в себя, кроме собственно Аквитании, также и Септиманию.⁴⁵ Историки по-разному оценивают это событие. Некоторые считают, что Карл Великий таким образом признал за Аквитанией самостоятельную значимость, и этот регион перестал существовать только в сознании местной знати и стал цельным властным образованием и одновременно частью королевства франков. Существует распространенное мнение, что к данным действиям короля франков подтолкнуло самосознание аквитанской элиты, которая воспринимала себя прежде всего как носителей давних традиций, а не как часть общекоролевской организации. Однако есть и другие точки зрения на этот вопрос. В частности, предполагается, что решение выделить Аквитанию в отдельную область и расширить ее границы могло быть связано с желанием Карла Великого научить своего старшего сына практике управления большими регионами.⁴⁶

После смерти Карла Великого капитулярий под названием *Ordinatio imperii* (817 г.) («Об устройстве империи») описал принципы раздела власти между Людовиком Благочестивым и его сыновьями.⁴⁷ Документ зафиксировал размеры и границы Аквитании. Она состояла из собственно исторической (готской) Аквитании со столицей в Тулузе, из Гаскони, графства Каркассон и трех графств между реками Луара и Саона — Невер, Отэн и Авалон. Но в рамках этого раздела Аквитания потеряла Септиманию, которая была частью этой области по разделу 781 г., а также испанскую марку, т. е. Каталонию.

Септимания была передана Лотарю, старшему сыну и соправителю Людовика Благочестивого, носившему имперский титул и бывшему королем Италии, которому принадлежал ряд ключевых областей в самом центре Европы (таких как средне-франкское королевство, т. е. будущая Лотарингия, и Бургундия). Таким образом, место Аквитании в системе власти франкского королевства изменилось. Если по разделу 784 г. ее функция состояла в первую очередь в том, чтобы быть пограничным регионом между франкским королевством и Испанией, то в 817 г. она поделила эти функции с Септиманией и в большей степени стала внутренней областью франкского королевства.

Взгляды современников на власть правителя Аквитании были весьма различны. Если верить историку Астроному, он обладал значительными полномочиями и воспринимался как король, обладавший всей полнотой власти. Поэт Эрмольд Нигер (т. е. Черный) считал, что Карл Великий поделил Францию так, чтобы все его сыновья получили равную долю, если бы Пипин и Карл Малый пережили его, а вот королевство Аквитанию подарил именно Людовику Благочестивому. Людовик по смерти отца получил все названные королевства. Интересно, что с точки зрения поэта, Людовик имел право как на часть Франции, так и на Аквитанию. При этом Аквитания рассматривалась Эрмольдом как состоящая из нескольких королевств («*Tempore francorum Caroli dum sceptrum vigeant, Quem celebrat totus orbis nohonore patrem, Francia dum latos sparsisset ubique fragores, Atque suum celebre nomen in orbe foret, Tum Carolus sapiens sceptrorum insignia proli Divisit, procerum conciliante choro: Scilicet aequivoco cessisset Francia sorte, successor tandem si valet esse patris; Italiae regnum Pippino cessit amato; At, Ludovice, tibi regna Aquitania dedit. Partibus aequatis crebrescit fama per orbem, Et Hludowicus ovans credita regna petit*»).⁴⁸

С другой стороны, обращение к грамотам показывает, что представления Эрмольда Нигера о самостоятельности королевства Аквитания были преувеличены. Ни при жизни Карла Великого, ни в первое десятилетие после его смерти, Людовик Благочестивый и его сын Пипин I (797-838) не обладали какой-либо автономией и не могли принимать самостоятельные решения. В частности, Карл Великий сам возглавлял походы на юг и принимал

большинство административных решений в отношении назначения или смещения графов отдельных областей Аквитании.⁴⁹ При Людовике Благочестивом до 827 г. его сын Пипин был значительно ограничен в своих полномочиях в *Ordinatio imperii*.⁵⁰ Он обладал прерогативами использовать королевский фиск, он мог защищать Аквитанию военными средствами, а также осуществлять дарения и давать должности.⁵¹ Однако он не был полноправным правителем, и Аквитания считалась частью владений императора Людовика Благочестивого. Более того, до 827 г. Пипин I не пользовался даже той властью, которая была для него оговорена. В частности, еще в 826 г. Людовик Благочестивый призвал в Аахен знать пограничного региона, *custodios limitibus Hispaniae*, что говорит о том, что именно император и король обладал всей полнотой власти на юге.⁵²

Парадоксальным образом, это собрание знати свидетельствует, что еще в 826 г. император воспринимал юг Франции в терминах 781 г., а не в терминах 817 г. Он видел его как единый пограничный регион в духе Карла Великого. На самом деле, этот регион состоял из Аквитании, Септимании и испанской марки (Каталонии), то есть, на тот момент административное деление не отражало реальной ситуации. Таким образом, Аквитания Пепина I была образованием, соответствовавшим династическим целям, а не частью королевства, подчиненной единой военной или административной функции в рамках франкской системы власти. Напрашивается вывод, что в период правления Каролингов к Аквитании было двойственное отношение. С одной стороны, Карл Великий и Людовик Благочестивый видели необходимость восприятия юга Франции как единого региона, функция которого в рамках королевства франков состояла в защите его южных рубежей от сарацин. С другой стороны, Аквитания рассматривалась ими как исторический регион, напоминавший о позднеримском и раннесредневековом территориальном делении Европы и отличавшимся определенным своеобразием. Владение Аквитанией давало возможность королевским сыновьям носить титул аквитанского короля, но что значил на тот момент этот титул? Можно предположить, что он имел сакральное значение, которое придавало его обладателю определенный ореол, но не предполагало независимой власти.

Король Аквитании в каролингскую эпоху до Верденского раздела 843 г. был в первую очередь Каролингом и это титул даровался ему ввиду его династической принадлежности, а не в силу обладания реальной властью благодаря поддержке местной знати. Примечательно, что императоры Карл Великий и Людовик Благочестивый стремились вести дела с южной и в особенности аквитанской знатью напрямую, оставляя своим сыновьям решение частных вопросов.

В период Верденского раздела династические интересы Каролингов перестали требовать сохранения Аквитании в качестве независимого региона, дававшего возможность носить титул короля одному из членов семьи. Дело в том, что интересы династии на этом этапе изменились. В частности, каролингские правители больше прониклись идеями *Divisio regnorum* 806 г., принятого по инициативе Карла Великого, и стали заботиться о территориальной целостности своих владений и об укоренении принципа прямого наследования от отца к сыну. Когда в 827 г. Пипин I (797-838), средний сын Людовика Благочестивого, начал издавать королевские грамоты от своего собственного имени, его конфликт с отцом и братьями начал разрастаться.⁵³ Причина спора в королевской семье, однако, была не только в этом. У Людовика Благочестивого, кроме Пипина I, Лотаря (795-855) и Людовика (805-875), был еще сын от второго брака Карл (823-877). Поскольку младший Карл, в будущем прозванный Лысым, имел мало шансов на то, чтобы получить самостоятельное владение от своих старших братьев, Людовик Благочестивый озаботился тем, чтобы закрепить за ним западно-франкское королевство. О новой политике создания новых территориальных королевств свидетельствует тот факт, что после смерти своего сына Пипина I, правителя Аквитании, Людовик Благочестивый стал постепенно прибирать к рукам юг Франции, освободив его от влияния своих сыновей Людовика Немецкого (805-875) и Лотаря (795-855), королей восточно-франкского королевства и Лотарингии.

В 820-840-е гг. Аквитания приобрела особую значимость для правителей западно-франкского королевства, потому что именно там Людовик Благочестивый планировал создать опору своей империи на юге, а Карл

Лысый увидел основу для создания сильного королевства, будущей Франции. Рассматривая конфликт, развернувшийся еще при жизни Людовика Благочестивого между его старшими сыновьями и младшим сыном от второго брака, Карлом Лысым, и закончившийся Верденским разделом 843 г., Адемар описывает эту ситуацию весьма нестандартным образом. Попробуем разобраться в его представлениях о месте Аквитании в системе власти королевства франков. Адемар совершенно верно сообщает, что Лотарь был императором Италии, Людовик Немецкий королем Германии, а Карл Лысый в это время стал королем Франции и Бургундии. Но дальше историк дает свою трактовку этой раскладке сил, поскольку считает, что война между братьями, разгорелась из-за Аквитании и Франции. Более того, именно Аквитанию как причину конфликта он ставит на первое место («*Qui pro regno Aquitainie et Francie inter se discordantes, bellum commitunt*»).⁵⁴ Адемар, таким образом, полностью исключал наследные притязания сына Людовика Благочестивого Пипина I и его внука Пипина II, и видел судьбу Аквитании связанной только с Карлом Лысым и Францией. О Пипине II, сыне Пипина I, как о равном участнике внутридинастических отношений он ничего не говорит, хотя тот на момент битвы при Фонтенуа 842 г. считался наследником своего отца и, соответственно, правителем Аквитании.⁵⁵

Более того, говоря об условиях Верденского раздела, Адемар так рисует ситуацию, что это показалось бы странным и средневековым историкам, и современным исследователям. Он пишет, что Карл Лысый и Людовик Немецкий поделили королевство таким образом, что их силы оказались примерно равны, но при этом Карл Лысый взял покровительство над своим племянником Пипином II, чтобы воспитать его и дать ему образование.⁵⁶ Следовательно, Адемар представляет Верденский раздел так, как будто Аквитания сразу стала частью западно-франкского королевства, хотя на самом деле это произошло только по результатам встреч в Кобленце в 848 г., в Меерзене в 851 г. и в Атини в 854 г. К тому моменту Пипин II уже успел отрицательно зарекомендовать себя тем, что поддержал викинга Ярла Оскара, и привлек на свою сторону епископа Бордо Сегуина, который отрекся от императора, дав ему звание герцога Гаскони. Ни о чем из

вышесказанного Адемар не упоминает. Верденский раздел в изображении Адемара Шабаннского выглядит так, как будто он был тождественен разделу 870 г. по договору в Меерзене. Тогда Карл Лысый и Людовик Немецкий поровну поделили наследство Лотаря, т. е. Лотарингию, Бургундию и Прованс, что привело к окончательному оформлению границ королевств Франция и Германия.

Подобное положение дел легко объяснялось бы тем, что Адемар Шабаннский просто не знал основных исторических фактов IX в. Однако заметим, что если бы он ставил своей целью только защиту аквитанских интересов и независимости Аквитании, он обязан был бы больше написать о притязаниях Пипина II и Верденском договоре. Возможно, причиной такого отношения к франкской истории IX в. было то, что единство франкского королевства ценилось Адемаром выше любых попыток региональной независимости. Вскоре после описания этих событий Адемар упоминает, что в результате ситуации, сложившейся после верденского раздела, в 846 г. франки и аквитанцы вместе выступили против бретонцев.⁵⁷ Знаменательно, что кампанию Карла Лысого 846 г. он представляет в первую очередь как символ дружеских отношений и тесного взаимодействия магнатов Нейстрии и Аквитании в борьбе против внешнего врага. Более того, Адемар рассказывает об этой кампании как о закончившейся победой Карла Лысого, хотя на самом деле Карл Лысый окончил ее переговорами с герцогом бретонцев Номиное. И в ряде последующих глав Адемар говорит об успешных военных действиях Карла Лысого против бретонцев, подчас идя против исторической истины.⁵⁸ Он также подчеркивает принципиальное сходство интересов магнатов Нейстрии (Франции) и Аквитании, указывая на происхождение важнейших графских родов Аквитании от каролингских вассалов.⁵⁹ Таким образом, Адемар подчеркивает принципиальное сходство интересов Франции в узком смысле этого слова (Нейстрии) и Аквитании и говорит о совместной победе магнатов и войск двух этих регионов над внешним врагом, бретонцами, под руководством Карла Лысого. Адемар подчеркивает особую роль Аквитании в делах франкского королевства, когда рассказывает о том, что в 855 г. Карл Лысый был коронован и помазан на

царство, став королем Франции, Аквитании и Бургундии.⁶⁰ Таким образом, его интересовала не независимая Аквитания, а Аквитания равная по статусу Франции (Нейстрии), объединенная с последней под властью Карла Лысого.

Формирование княжеств и региональной знати

Поворотной точкой в истории франкского королевства стал ряд событий 830–852 гг., (восстание против Людовика Благочестивого в 830–833 гг., Верденский раздел 843 г., передел в Аквитании 840–850 гг.) приведшие к разделу королевства между сыновьями Людовика Благочестивого. Раздел сохранил статус-кво, в рамках которого старший сын Лотарь остался владельцем центральных земель (будущей Лотарингии), Людовик сохранил за собой восточно-франкские земли, Пипин удержал Аквитанию и другие южные земли, а Карл Лысый получил королевство с неясными границами на севере Франции. Главной проблемой дальнейшего существования стал вопрос о том, что станет с северной и южной Францией. Останутся ли они разделенными между двумя ветвями династии, или же объединятся в единое королевство? Карл Лысый, как свидетельствуют источники, был нацелен на то, чтобы присоединить Аквитанию к полученному им в результате раздела домену. Смерть Пипина I в 838 г. и захват Пипина II в 852 г., казалось бы, сделали планы Карла Лысого возможными.⁶¹

Однако, по-видимому, возникший вакуум власти на юге и отсутствие там представителя каролингской династии привели к последствиям, практически сразу ставшими нежелательными для короля Западно-франкского королевства и на севере Франции. Этому предшествовала обычная попытка создать в потенциально опасных регионах иерархию зависимых лично от короля людей и заменить опасную для Карла Лысого власть сводного брата или племянника. Желая опереться на знать Нейстрии, в 852 г. он приблизил к себе ряд представителей знати, поставив во главе Роберта Сильного. По-видимому, Роберт стал в результате поддерживать хорошие отношения с матерью западно-франкского короля Эрменгардой и был в числе ее сторонников.⁶² Иногда говорят, что он был назначен герцогом Нейстрии и Бретонской марки, однако эти титулы не

подтверждаются современными этому событию средневековыми источниками. В них говорится только о том, что по формальному статусу он был одним из *missi dominici* Карла Лысого в Анжере и Туре.⁶³

Был ли его статус уникальным? Некоторые исследователи, опираясь на Регино Прюмского, говорят о том, что одновременно в 852 г., впервые за много десятилетий, был назначен герцог Аквитании, которым стал Ранульф I (852-866), граф Пуатье: «Nortmanni ora Ligeris fluminis occupantes Namnetensem, Andegavensem, Pictavensem atque Turonicam provinciam iterato crudeliter depopulari coeperunt. Contra quos Ruotbertus, qui marcam tenebat, et Ramnulfus, dux Aquitaniae collecta multitudine aciem dirigunt».⁶⁴ Отметим, что Регино Прюмский четко проводил деление между статусом Роберта, которого он называл маркизом Нейстрии, и статусом Ранульфа, которого он считал герцогом Аквитании. Историки мало обращали внимание на это различие, считая, что предок Гуго Капета и основатель династии РобертиновКапетингов вряд ли мог иметь титул менее важный, чем титул властителя Аквитании. Возникали и другие проблемы при его истолковании, потому что оно было явно вставлено позже, и абзац текста с описанием событий 852 г. находится рядом с записью за 867 г. Это может ставить под вопрос его достоверность, и поэтому чтобы доказать его истинность, историки считали, что это было результатом особых приемов изложения, которые использовал Регино Прюмский. Историки подмечали, что этот автор часто рассказывал о разновременных событиях одновременно, собирая их в единый, но хронологически неточный рассказ.⁶⁵ Мы не будем в данный момент вдаваться в эту проблему, отметив только то, что с точки зрения историка конца IX в. 852 г. был временем, когда статус нескольких представителей знати резко повысился и когда они получили значительные привилегии. Отметим, что сообщение Регино подтверждает значительную роль Роберта и Ранульфа, и тем самым подчеркивает, что с более поздней точки зрения правление маркиза Нейстрии и прадеда Гуго Капета не было уникальным.

Описывая положение знати при дворах каролингских правителей в этот период, историки выдвинули идею о том, что фактически в начале 850-х гг.

при дворе Карла Лысого сложилось несколько «партий». Сам Роберт Сильный, как считалось, принадлежал к окружению Эрментруды.⁶⁶ Другим важным представителем знати был Адалард, брат графа Блуа Одона и, в последующем, дядя Эрментруды, супруги Карла Лысого с 842 г. При попытках определить его положение при дворе и взаимоотношения с Робертом Сильным предполагалось, что он мог быть естественным соперником Роберта Сильного. Будучи сенешалем, он играл значительную роль при Людовике Благодетелем и Карле Лысом.⁶⁷ Тот факт, что после 848 г. источники по истории Западно-франкского королевства молчат о нем, дало возможность некоторым исследователям выдвигать точку зрения, что он вынужден был бежать к Лотарю потому, что попал в немилость у Карла Лысого, как считалось, в связи с усилением Роберта Сильного.⁶⁸ Однако вряд можно согласиться с этим, потому что в источниках по истории Лотарингии нет информации о том, что он полностью перебрался ко двору Лотаря.⁶⁹ Поэтому предполагается, что на самом деле судьба Адаларда и Роберта Сильного были во многом схожи и что они не были соперниками.⁷⁰ Появление сенешаля в Лотарингии было связано не с бегством, а с приглашением его в качестве своего рода душеприказчика Лотаря I в 855 г. в Лорш, чтобы обсудить раздел Лотарингии между сыновьями императора и короля Лотаря и не допустить к этому разделу братьев последнего.⁷¹ Таким образом, можно оправданно утверждать, что его особое положение в качестве члена семьи дало ему возможность участвовать в каролингской семейной политике на более высоком уровне, чем Роберту Сильному, и одновременно преследовать свои интересы в двух частях королевства франков. Отметим, что это особое положение выражалось в должности сенешаля, который по смыслу определений, данных варварскими правдами, был лицом, ответственным за дом короля,⁷² и соответственно мог взять на себя ответственность, чтобы провести раздел наследства Лотаря I.

Таким образом, после рядом исследований было установлено, что Адалард не мог быть главным соперником Роберта Сильного. Однако в то же время была выдвинута идея, что такой все-таки существовал в лице семейного клана Вельфов, сгруппировавшихся вокруг сына Карла Лысого

Людовика Заики.⁷³ Именно этим соперничеством объяснялось восстание Роберта и других представителей знати, пытавшихся вернуть свои полномочия. Сначала аквитанская знать в 856 г. сместила Карла Дитя (847/848–866), сына Карла Лысого, которого он сделал правителем Аквитании, и поставила вместо него Пипина II, не покушаясь, однако, на власть Карла Лысого.⁷⁴ В этом же году знать Нейстрии во главе с Робертом Сильным, согласовав свои действия со знатью Аквитании, восстали против Карла Лысого и призвали Людовика Немецкого стать их королем.⁷⁵

Представляется, что столь неудачное положение дел для Карла Лысого и полное неповиновение знати в Нейстрии и Аквитании было связано с разрушением им самим хрупкого баланса сил, созданного и поддерживавшегося Людовиком Благочестивым с момента собора в Аахене в 816/817 гг. на основе раздела королевства между своими четырьмя сыновьями под своей эгидой. Именно попытка захватить долю Пипина I и Пипина II, состоявшую из Аквитании, привела к практически полному «вотуму недоверия» со стороны знати. Фактически, это был результат того недоверия, которое первый раз проявилось в 829–830 гг., когда Людовик Благочестивый попытался выделить для своего младшего сына Карла Лысого Аламаннию, которая не была предусмотрена Аахенским разделом 817 гг. 856 г. можно рассматривать как наиболее сложный момент в истории королевства франков, потому что в это время под вопросом оказалась сама легитимность Карла Лысого, а знать фактически отказала ему в поддержке. Можно предположить, это был результатом давнего неприятия Карла Лысого, оппозицию выделения земель которому знать показала еще во время событий 830–833 гг.

Регино Прюмский и династический принцип правления

Проблема структуры франкского королевства в период правления династии Каролингов и его отражения в умах современников является одной из важнейших и сложнейших для исследования. Важнейшим вопросом является, какова была ментальная карта королевства, сложившаяся в умах ее образованных представителей. На примере Регино Прюмского (Regino von

Pruem) (ум. в 915 г.) хотелось бы поставить вопросы об отражении в глазах этого историка западно-франкского королевства, будущей Франции, о взаимоотношениях центра и периферии, о сознании человека, живущего на пограничье между двумя цивилизациями, и о том, как виделись династические судьбы Каролингов их образованным современникам. Рассматривая вопрос о достоверности сообщений Регино Прюмского относительно ключевых фактов истории королевства франков, имеющих отношение к взаимоотношению центра и периферии, двора и региональной знати, будет сделана попытка показать, что неточности в фактическом изложении событий связаны не столько с незнанием историком фактов, сколько с его исторической концепцией. А именно, на примере этого историка будет показано, что отход династии от активной политики в регионах и передача фактической власти на местах представителям региональной знати не был историческим фактом середины IX в.

Регино Прюмский является одним из важнейших историков по периоду правления Каролингов конца IX в. Он родился неподалеку от современного Маннхайма, и большую часть жизни провел в Лотарингии, в монастыре Прюм. В 908 г. он написал Хронику, которая, возможно, была предназначена в качестве учебника для Карла Дитя (893-911), последнего каролингского правителя Германии. Регино Прюмский занимает важное место среди других историков каролингской эпохи, и особенности его исторического сочинения позволяют говорить нам о существенном повороте в европейской историографии в этот период. Начиная с Эйнхарда, каролингские историки, такие как Нитард, Теган и Астроном, превратили раннесредневековое историописание в весьма специфический жанр, в рамках которого Каролингская династия рассматривалась в разрыве с основными историческими событиями Античности и раннего Средневековья. Именно они практически способствовали превращению истории в биографический, а иногда и почти агиографический жанр. Эти историки, как правило, посвящали свои сочинения тому, чтобы создать позитивный агиографический образ каролингских правителей, Карла Великого, его сыновей и внуков, и очистить деяния этих королей и императоров от возможных нападков и

критики со стороны современников и тем более потомков. Показательным образом, эти сочинения назывались либо «жизнеописание» (*vita*), либо «Деяния» (*gesta*), и посвящены они были, как правило, отношениям внутри династии или же попыткам борьбы королей против внешних угроз, таких как норманнов. В них, как правило, даже не делались попытки осмыслить существование каролингской династии как исторического феномена. Единственная попытка написать всеобщую хронику и определить место Каролингов в историческом процессе была сделана в первой половине IX в. Фрекульфом из Лизьё, который показал, что империя Каролингов представляет собой новый по сравнению с Римской империей феномен. Таким образом, историография IX в. представляла собой своего рода шаг назад по сравнению с такими вершинами раннесредневековой исторической мысли, как Григорий Турский, Беда Достопочтенный, и даже, в каком смысле, анонимный автор «Истории франков» (*Liber historiae francorum*).

На этом фоне попытка Регино Прюмского описать события эпохи каролингов во всемирной хронике, начатой с правления первого императора Рима Августа, а также дать оценку правлению этой династии, представляется, безусловно, очень важной ступенью в развитии раннесредневековой историографии. В европейской, в особенности немецкой историографии на данный момент сложился консенсус в отношении того, что «Хроника» этого автора является «достойным завершением каролингских всеобщих хроник» («würdige Abschluss der karolingischen Weltgeschichtsschreibung»).⁷⁶ Эдуард Хлавичка придерживался такой же точки зрения.⁷⁷ Однако в немецкой исторической науке были также и другие мнения. Ф. Брюнхольц писал, например, что Регино Прюмский вовсе не стремился написать «всемирную историю»: «Regino schreibt nicht Weltgeschichte».⁷⁸ Различие состояло также и в том, как исследователи оценивали стиль изложения Регино. Если Лёве и его последователи считали, что эта всемирная хроника была написана с помощью тех же исторических методов, что и многочисленные позднеантичные эпитомы (такие, например, как эпитома Юстина), то другой немецкий исследователь утверждал, что Регино был в значительной степени зависим от исторической концепции

Боэция.⁷⁹ Это краткий обзор историографии показывает, что оценка «Хроники» Регино Прюмского в целом была и остается достаточно традиционной.

Сочинение Регино Прюмского можно использовать не только для исследования особенностей историописания, а как пример обращения к истории для того, чтобы создать концепцию власти и тем самым способствовать формированию социума вокруг общей идеи истории. Недавно было предложено, что главной целью Регино был проанализировать подъем и падение каролингской династии и показать ее как верную папству от начала и до конца ее существования.⁸⁰ Таким образом, идея значительного влияния династии потомков Карла Великого на события в королевстве франков даже тогда, когда реальная власть, как может показаться, уже ушла из рук ее представителей, является центральной для этого историка. Но при этом возникает вопрос о том, как отражались реалии каролингской политики в его сочинении. Это вопрос об авторской позиции Регино Прюмского и о новаторстве его сочинения по сравнению с теми традиционными историческими концепциями, которые сложились еще в Поздней Античности и которые оказывали значительное влияние на многих историков Каролингской эпохи. Как сохранялась историческая память и как исторические события преломлялись в сознании историка, пытавшегося собрать разрозненные события в единое повествование? Иными словами, это вопрос о том, насколько творчески относился Регино к тому фрагментарному материалу из каролингской истории, который был ему доступен. Как показали исследования, в его распоряжении находилось довольно много информации из хроник и исторических сочинений, а также из житийной литературы. Последнее заставляет предположить, что Регино обладал возможностью обращаться к широкому спектру источников и мог иметь прямой доступ к набору знаний об истории, который мог существовать не только в виде рукописных источников, но и в виду устной традиции.⁸¹

Однако отношение Регино к доступной информации было таковым, что мы можем заметить в его собственной хронике попытки осмыслить и, самое главное, по-новому расположить информацию, чтобы сделать ее понятной.

По крайней мере, именно так можно объяснить частые ошибки и неточности, которые встречаются в его тексте. Классическим примером, где проявляются указанные проблемы стали записи за 836-839 гг. Описание событий в этот период страдает существенными хронологическими неточностями. Например, Регино отнес два события 818 г. (нападение бретонцев и смена их правителя) соответственно к 836 и 837 гг. А важнейшие в истории Каролингской империи события - отречение Людовика Благочестивого в 833 г. под давлением Лотаря, его старшего сына, и последующее восстановление власти императора к 835 г. Регино отнес к 838 и 839 гг.⁸² Историки трактовали эти неточности по-разному. Еще в XIX в. некоторые исследователи видели в них попытку создать из разрозненной информации, взятой в источниках, последовательный рассказ.⁸³ Однако впоследствии эти же эпизоды стали рассматриваться не как результат авторской компиляции из свидетельств исторических сочинений, а как следствие действия тех особых законов, которые управляют исторической памятью. В частности, К. Ф. Вернер рассматривал эти неточности как результат слияния в устной традиции ряда событий. При такой оценке Регино выглядел не как компилятор, допускавший неточности ради создания авторского повествования, а как историк, в меру своих сил передавший устное предание.⁸⁴ Поэтому, можно утверждать, что неточности не были ошибками, возникшими в результате непонимания. Эти ошибки позволяют нам говорить об историческом видении Регино Прюмским истории королевства франков. Заметим, что он фактически сгруппировал важнейшие события, связанные с вызовами каролингской власти Людовика Благочестивого и ответами, которые император и вся система его власти смогла дать этим вызовам. Это говорит о том, что он стремился объединить наиболее драматичные события воедино, и таким образом показать, что остальные годы правления Людовика Благочестивого приходились на более тихие и спокойные периоды. Он пренебрегал точной хронологией, а точнее, не считал возможным ее восстановить, по той причине, что он стремился сделать свое повествование цельным и, самое главное, выразить в нем определенную историческую концепцию. Например, записи за 836-839 гг. можно истолковать как

свидетельство того, что Регино видел в 830-х гг. период неудач для франкской монархии и лично для Людовика Благочестивого, описывая внешние вторжения и внутренние неурядицы в каролингской империи. Более того, он явно стремился списать внутренние неурядицы на внешние факторы, как-то вторжение бретонцев. Это говорит о том, что даже у таких историков как Регино, которые были очень чутки к драматическим событиям, было мнение о стабильности династии. Этим объяснялся и его подход к основным событиям каролингской истории. Исследователями выдвигалось мнение, что для Регино 888 г. был водоразделом, который означал конец эпохи.⁸⁵ Однако есть и другие мнения. Например, можно также предположить, что он рассматривал отстранение Карла III от власти в 887 г. и избрание в качестве короля Одона Парижского, сына графа Роберта IV Сильного, как своего рода короткую передышку для королевства франков, которое находилась в процессе распада.⁸⁶ Рихер Реймский, в свою очередь, не видел ничего экстраординарного в существовании в один отдельно взятый период двух королей, один из которых был Каролингом Карлом III, а второй графом в Париже и ряде прилежащих областей.⁸⁷ Таким образом, на данный момент исследователей привлек только характер хроники Регино Прюмского и его отношения к Каролингской династии.

Хотелось бы обратить внимание, что этот историк имел ряд интересных и нетривиальных представлений о структуре власти западно-франкского королевства. В источниках по истории Аквитании существует еще одно интересное разночтение, которое помогает понять взгляды историков IX-X вв. на каролингскую историю этого региона. Большинство исследователей, опираясь на Регино Прюмского, говорят о том, что в 852 г., впервые за много десятилетий, был назначен герцог Аквитании, которым стал Ранульф I (852-866), являвшийся графом Пуатье («*Nortmanni ora Ligeris fluminis occupantes Namnetensem, Andegavensem, Pictavensem atque Turonicam provintiam iterato crudeliter depopulari coeperunt. Contra quos Ruotbertus, qui marcam tenebat, et Ramnulfus, dux Aquitaniae collecta multitudine aciem dirigunt*»)⁸⁸ Правда, это сообщение несколько необычно, потому что оно было явно вставлено позже. Абзац текста с описанием событий 852 г.

находится рядом с записью за 867 г. Данный факт, возможно, свидетельствует о том, что информация о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании могла появиться при редактировании хроники самим Регино или одним из переписчиков.

Однако одна из редакций хроники монастыря св. Максенция в Пуатье дает более точное представление о взглядах современников на должности и титулы знатных людей в этот период. В частности, запись за 852 г. не содержит никакой информации о Ранульфе I. О его назначении герцогом говорит запись за 868 г., в которой упоминается, что св. Герард, вернувшись от двора Карла Лысого, взял на воспитание Гильома, сына Ранульфа I, герцога Аквитании и графа Оверни («*Regressusque a palatio sanctus Geraudus clam subductum filium Rannulfi Willelmo, Aquitaniae Duci Comiti Arvernus credidit nutriendum, cui propinquus erat*»).⁸⁹ Таким образом, структура двух хроник в описании назначения Ранульфа I герцогом Аквитании сходна, что говорит о том, что «Хроника» Регино Прюмского, скорее всего, зависит от хроники монастыря св. Максенция. Однако какая из хроник является прототипом, сказать сложно. Главное то, что в хронике монастыря св. Максенция признается, что только к 868 г. Ранульф мог считаться герцогом Аквитании, т. е. только тогда, когда после смерти Лотаря I конфликт между сводными братьями Карлом Лысым и Людовиком Немецким сначала достиг высшей степени напряженности, а потом затих в силу восстания сына Людовика Немецкого Карломана против отца в 861 г.

Стоит отметить, что не все современники и историки обратили внимание на это событие. Например, другая редакция хроники монастыря св. Максенция в Пуатье ничего о нем не говорит, хотя оно имело для графов Пуатье большое значение.⁹⁰ О нем также ничего не написано в Бертенских анналах. Отметим, что Адемар Шабаннский, историк Аквитании XI в., совершенно по-другому трактовал этот период в истории Аквитании. От событий, непосредственно предшествовавших Верденскому разделу, он сразу перешел к 855 г., когда Карл Лысый был помазан на царство и стал королем Франции, Аквитании и Бургундии.⁹¹ Таким образом, Адемар не считал, что в Аквитании был в это время назначен герцог. Назначение Ранульфа I герцогом Аквитании в 852 г.

можно считать зависящим только от одного источника, Регино Прюмского (или же хроники св. Максенция).

При возникновении такого рода вопросов о достоверности ключевых событий из истории королевства франков историки находят разные способы решения этой проблемы. В XIX и первой половине XX в. господство позитивизма в исторической науке требовало от исследователей однозначного ответа на вопрос о достоверности того или иного пассажа в конкретной средневековой хронике. Однако в силу малого количества источников, содержащих информацию о событиях раннего Средневековья, позитивистские методы должны были рано или поздно привести исследователей к логическому концу в плане установления основной событийной канвы, что и случилось во второй половине XX в. Когда ученые наталкивались в хрониках на истории типа сюжета о назначении Ранульфа, которые сложно или просто невозможно верифицировать, или же на сюжеты, в описании которых различные исторические труды противоречат друг другу, то они либо объявляли сюжет фактом или же отказывались от его использования в таком качестве. В процессе развития медиевистики во второй половине XX в. подходы и методы исследования изменились, и постепенно позитивистские подходы уступили место современной исторической парадигме, в которой методы культурно-антропологического анализа играют важную роль. В рамках современных методик историков перестал интересовать исторический факт как таковой, потому что оказалось, что возможности для верификации, как правило, исчерпаны. Поэтому исследователи стали меньше уделять внимание факту, а больше внимания - той ментальной картине средневекового историка, которую можно восстановить, обращая внимание на описание и трактовку им тех или иных событий. Но для современных исследователей вопрос о достоверности изображаемых событий при изучении средневекового историописания превращается для современных исследователей не в проблему достоверности отражения исторических событий, а в проблему интерпретации картины прошлого, созданной с учетом принципов самоопределения властных групп, т. е. в проблему культурной антропологии. При таком исследовании задача

стала ставиться иначе, чем это было в рамках позитивистского подхода. А именно, в рамках современной парадигмы исторического знания как раз те места в исторических сочинениях и хрониках, в которых есть ошибки, в которых отразились идиосинкразии, предрассудки и собственные представления средневековых историков, интересуют историков больше всего. Что стоит за сообщением о назначении Ранульфа герцогом Аквитании в 852 г.? Как это характеризует картину каролингской власти, структуры королевства и взаимосвязь между правителями, их семьей и знатью, которая служила их интересам на местах?

Сообщения хроник о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании, вне зависимости от даты, иллюстрируют усиление территориальных княжеств и возрастающий интерес знати к тому, чтобы повысить свой статус в рамках каролингской иерархии. Но установление даты, а точнее, оценка представлений современников о том, когда процесс создания территориальных княжеств начался, заслуживает внимания как сложная исследовательская проблема. Как уже говорилось, создание территориальных княжеств относилось исследователями XIX–начала XX вв. к X в. или, в некоторых случаях, к концу IX в. Однако как уже указывалось, ряд новых работ относил это процесс к середине IX в. и, таким образом, делал его частью процесса переустройства королевства франков в контексте создания долгосрочных связей между каролингской династией и семьями региональных правителей, которые как раз в этот момент начали формироваться. Присвоение герцогского титула графам Пуату означало, что Карл Лысый признал рост влияния местной региональной знати и понижение статуса Аквитании, которую он видел уже не как отдельное королевство, которым она была при Карле Великом и Людовике Благочестивом, а только как герцогство. Однако такой вариант развития событий выглядел бы странным, потому что Карл Лысый только в 838 г. приобрел возможность распоряжаться в Аквитании после ухода из жизни Пипина I, и столкнулся с очень серьезным претендентом, его сыном Пипином II, который до 864 г. представлял собой реальную альтернативу Карлу Лысому в Аквитании несмотря на то, что титул «короля Аквитании» был дарован последнему его

отцом Людовиком Благочестивым еще в 832 г. В период назревающего династического спора в 850-е гг., когда император и король Среднего королевства (Лотарингии) Лотарь был уже стар и готовился к переходу в иной мир, Карл Лысый должен был скорее попытаться предотвратить любую попытку расколоть западно-франкское королевство путем претензий на титул «короля Аквитании», чем отдавать этот регион в руки герцога.

Скорее всего, сообщение о назначении Ранульфа I герцогом не должно пониматься как официальное получение титула из рук короля западно-франкского королевства Карла Лысого. В других местах хроники монастыря св. Максенция термин *dux* употреблялся, чтобы обозначать всех графов городов и территорий, входивших в Аквитанию, а не только одного верховного правителя Аквитании. Стоит обратить внимание на запись, которая говорит о разорении Аквитании в момент раздора между ее правителями. В этой записи «герцогами» назывались все магнаты Аквитании. Одна из редакций относит это событие к 845 г., а другая редакция - к 858 г. («*His temporibus Normanni diffusi sunt per Aquitaniam, quia *duces ejus* inter se bello deciderant nec erat qui eis resisteret; et concrematae sunt ab eis Hero insula et monasterium Deas, Burdegala, Santonas, Engolisma, Lemovicas, Parisius, Turonis, Belvagus, Noviomagum, Aurelianis, Pictavis, et innumera monasteria et castella destructa post mortem Ludovici imperatoris*»).⁹² Вторая редакция практически идентична и отличается только датой («*His temporibus Normanni diffusi sunt per Aquitaniam, quia *Duces ejus* inter se bello dessidebant, nec erat qui eis resisteret; et concremata est ab eis Hero insula (846 mense Julio) et Monasterium Deas, Burdegala, Santonis, Engolisma, Lemovicas, Parisius, Turonis, Belvagus, Noviomagum, Aurelianis, Pictavis, et innumera Monasteria et castella destructa post mortem Ludovici Imperatoris*»).⁹³ Следовательно, в середине IX в. в среде историков еще не сложилось единого представления о строгой иерархии власти в Аквитании. Когда бы этот титул не был дарован, он еще не означал постоянного статуса, а был лишь временным признанием положения дел, при котором один из представителей местных магнатов занимал особое, наиболее важное положение среди них. Сочинение Регино Прюмского говорит о том, что только в 860-е гг. среди властителей, знати и

образованных людей, окружавших их, стали формироваться представления о статусе Аквитании как герцогства. Это говорит о том, что мы можем считать более ранний период временем, когда наследники Карла Великого, в особенности Карл Лысый, еще видели все королевство как систему региональных княжеств, которые должны были принадлежать только членам самой династии. Только после трудностей в семье Людовика Немецкого, которые фактически буквально повторили трудности в семье Людовика Благочестивого, у современников стало вырабатываться представление о том, что раздача земель членам династии вряд ли может считаться удачной в силу постоянных трений внутри семьи правителей.

Регино Прюмский сообщает еще один интересный эпизод формирования территориальных княжеств в западно-франкском королевстве. В каролингскую эпоху любая официальная должность давалась не просто путем передачи титула посредством грамоты, удостоверяющей факт дарения. Она отражала положение человека при дворе и в среде местной знати. В частности, можно привести в пример графа Нейстрии Роберта IV Сильного (*missus dominicus* Карла Лысого), отца королей Франции Одона и Роберта I, реальное положение которого, по-видимому, не соответствовало его титулу. Как сообщают сен-бертэнские анналы, в 858 г. ряд графов во Франции (т. е. Нейстрии) сформировали коалицию с аквитанской знатью и выступили против Карла Лысого. Они сделали ставку на короля Германии Людовика, которого хотели призвать в качестве правителя. Об этом же пишет и Регино Прюмский, который и в этом случае особо постарался подчеркнуть центробежные тенденции в западно-франкском королевстве. Он рассказывает в записи за 866 г. о событиях 858 г. и сообщает, что ряд значимых людей западно-франкского королевства пригласили Людовика захватить Нейстрию и Аквитанию («*Ceteri formidantes, ne similia paterentur, Ludovicum regem trans Rhenum commemorantem sollicitant...*»)⁹⁴ Современные историки предположили, что в качестве инициатора этого заговора выступал Роберт IV, граф Парижа, получивший большое влияние в результате приобретения им титула герцога Нейстрии и Бретонской марки в 852 г.⁹⁵ Хотя ни один из раннесредневековых источников не сообщает о назначении Роберта Сильного

герцогом, его истинное положение было таково, что он вполне мог претендовать на этот титул. Следовательно, напрашивается вывод о том, что должности, о которых сообщают раннесредневековые историки, не всегда имели историческое значение, и что истинное положение того или иного магната определялось только его реальной властью. Интересно отметить, что Регино Прюмский в большей степени драматизировал события, которые интересовали и западно-франкских историков. Более того, в отличие от своих коллег, он видел попытки раскола, территориализации власти и подрыва легитимности Каролингов там, где местные историки не находили причин для драматизации событий. Например, Адемар ничего не писал о союзе аквитанской и нейстрийской знати, объединившейся в стремлении сместить Карла Лысого в 858 г.

Данные разночтения в истории франкского королевства и Аквитании заслуживают особого внимания. Как объяснить позицию Регино и, впоследствии, Адемара? Вполне вероятно, что Адемар не читал хронику св. Максенция и Регино Прюмского, и поэтому просто ничего не знал о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании. Вероятно также, что он не читал сен-бертэнские анналы, следовательно не мог знать о заговоре. Напрашивается предположение, что Адемар либо не имел доступа к полной информации, либо мало интересовался ключевыми событиями истории Аквитании в каролингскую эпоху, что выглядит странным, поскольку именно они легли в основу его сочинения. Невозможно не заметить, что в определенных случаях Адемар был активно заинтересован в том, чтобы подчеркнуть раннее возникновение в Аквитании собственных традиций власти и в особенности, ее существование в качестве герцогства. В частности, он назвал Гильома Пакляная Голова (935-963), сына графа Пуату Эбла Манцера, герцогом Аквитании, хотя на самом деле первым графом Пуату, который получил от короля Франции Людовика IV Заморского титул герцога Аквитании в 965 г., был Гильом III Хвастун (963-996).⁹⁶ Таким образом, отношение Адемара к статусу Аквитании как герцогства было неоднозначным. Только когда речь шла о герцогском титуле предков герцога Гильома IV Великого, его современника, Адемар был готов присвоить

магнатам этот титул. Отсутствие интереса к назначению Ранульфа I герцогом в 852 г., скорее всего, обуславливалось исторической концепцией Адемара. Этот историк был более заинтересован рассматривать Аквитанию в каролингский период как зависимую от влияния правящей королевской династии. Фактически, в его исторической концепции превращение Аквитании из королевской земли в княжество, принадлежавшее или просто находившееся под контролем герцогов из числа представителей знати позднего периода истории королевства франков в правление династии Каролингов, произошло только в конце X в. Это говорит о том, что Адемар видел историю королевства франков при Каролингах как внутренне однородную, и относил историю формирования в рамках единого королевства наследных княжеств только ко времени общего ослабления Каролингов.

С другой стороны, картина власти в западно-франкском королевстве у Регино Прюмского содержала больше деталей в том, что касалось территориальной раздробленности этого королевства. Однако можно ли считать, что Регино был более прав, чем Адемар или даже Рихерий Реймский, которые не видели никаких предпосылок для возникновения в Аквитании самостоятельной династии герцогов во время правления легитимных Каролингов? Нам представляется, что позиция Регино Прюмского не была результатом большей осведомленности, чем у Рихера Реймского или Адемара Шабаннского. Более того, обращаясь к истории западно-франкского королевства, Регино спроецировал на события в этом регионе те образы власти, которые сложились у него в результате жизни в Лотарингии, в монастыре Прюм. Регино писал в начале X в., когда территориальное обособление отдельных земель франкского королевства достигло своего максимума. В наибольшей степени это ударило по восточно-франкскому королевству, будущей Германии. Это было время, когда саксонские короли попытались создать германское королевство на месте восточно-франкского королевства. Более того, Регино Прюмский жил и писал свою Хронику в Лотарингии, т. е. в королевстве, которое имело независимое и весьма значительное положение до конца IX в., но которое стало частью восточно-франкского королевства после смерти Цвентибольда,

незаконного сына Арнульфа Каринтийского. Таким образом, Регино в большей степени, чем другие историки, стремился подчеркнуть независимость отдельных земель франкского королевства, выразившихся либо в самостоятельном существовании на основе королевского титула, либо в качестве герцогства. В описании им событий западно-франкской истории Регино опирался на свое, восточно-франкское и лотарингское видение процессов в королевстве франков, которое не было верно для будущей Франции.

Каролингская династия и региональные магнаты: Пример Роберта Сильного

Для понимания процессов, происходивших в среде знати, рассмотрим свидетельства о происхождении и жизни первого представителя этого рода, Роберта Сильного. Его жизнь пришлась на время значительной трансформации в структурах власти франкского королевства, когда неопределенность новых границ после Верденского раздела дала возможность графам и другим представителям властной иерархии каролингского франкского королевства надежду на усиление. Однако дело не только в том, что Роберт Сильный не смог на тот момент создать территориального княжества с четко установленными границами. Стоит отметить, что даже происхождение Роберта Сильного невозможно установить точно, как считал, например, историк первой половины XI в. Рауль Глабер («*cuius genus... oscurum*»)⁹⁷ Если верить «Чудесам св. Бенедикта» (*Miracula sancti Benedicti*), то он мог быть саксонского происхождения: «*Obstiti primo eorum saevis conatibus Robertus, Andegavensis comes, Saxonici generis vir, cui per id locorum a rege summa rerum delegata fuerat, adnitentibus sibi praeeminentissimis Neustriae viris, Rainulfo atque Lamberto, ut eloquentissimus auctor Adrevaldus priori refert libro*».⁹⁸ Поэтому некоторые исследователи делают его сыном Роберта III Вормского.⁹⁹ Однако интересно отметить, что Ксантенские анналы упоминают, наоборот, что он был тесно связан с западно-франкским королевством: «*Ruodbertus... ortus de Francia, dux Karoli*».¹⁰⁰ Поэт Аббон Горбатый (*Cernuus*) называл его «сыном Нейстрии».¹⁰¹

По этой причине историки строили предположения, что он мог быть двоюродным братом графа Блуа Гильома.¹⁰² Они основываются на том, что в одной из грамот монастыря св. Мартина в Туре упоминается, что Роберт, аббат этого монастыря и граф, передал монастырю земли, которыми владели еще Одо, его дядя и граф Оверни, и Гильом, его сын («anno XXVII regnante domino Carolo ... rege ... Robertus ... beati Martini abbas ... et comes» подтвердил дары, сделанные «olim ... ab Odone quondam comite Aurelianensi avunculo nostro et Willelmo eius filio»).¹⁰³ А. Бартелеми считал, что эта грамота говорит о самом Роберте Сильном, и считал его, таким образом, двоюродным братом графа Блуа Гильома. Однако датировка документа этого не подтверждает. А. Бартелеми считал, что счет лет велся от начала правления Карла Лысого, но тогда 27 годом был 867 г., когда Роберт уже погиб в стычке с норманнами. Вероятнее всего, что этим Робертом был брат графа Парижа и короля Западно-франкского королевства Одона (888–898). Но тогда грамоту можно датировать 920 г. Но тогда получается, что в грамоте речь идет о ровеснике Одона Парижского Одоне Оверньском и его сыне, графе Блуа Гильоме. Скорее всего, под «дядей по материнской линии» мог пониматься двоюродный дед, и соответственно, Гильом Блуасский приходился не двоюродным, а троюродным братом Роберту I, королю Франции. Идея А. Бартелеми, который считал Роберта Сильного представителем графов Оверни и Блуа по мужской линии, была основана только на первой датировке. Поскольку она, скорее всего, неверна, то связь существовала, скорее всего, либо благодаря матери Роберта Сильного, либо даже его жене, которая могла быть племянницей графов Одо Орлеанского и Гильома Блуасского. Таким образом, современные исследования говорят о том, что сам Роберт Сильный мог быть связан с семьей графов Оверни по матери или жене, и таким образом имел отношение к знати собственно южной части западно-франкского королевства.

Отметим принципиальную особенность династического положения Роберта Сильного в системе взаимоотношений знати каролингского периода. Мы видим, что он сочетал в себе наследие как знатных семей восточно-франкского королевства, так и западно-франкского королевства.

Показательным является тот факт, что современники и потомки воспринимали его и как нейстрийца, так и австразийца.

Его положение не было достаточно устойчивым, потому что в 865 г. он был всего лишь маркизом Анжерской марки.¹⁰⁴ Однако известно, что сен-бертэнские анналы называют его «префектом» района вдоль Сены, сообщая, что в 866 г. он вместе с другим «префектом» Одо (по-видимому, графом Труа, умершим в 871 г.), смог отбить атаку норманнов.¹⁰⁵ Нет однозначных доказательств того, что, как считают современные исследователи, Одо был братом Роберта Сильного.¹⁰⁶ Также нет свидетельств об уверенном положении Роберта при дворе Карла Лысого. Даже если у него и были территориальные приобретения в виде земель в Реймском архиепископстве, то он, по-видимому, получил их на время и не смог передать их по наследству.¹⁰⁷ Таким образом, статус Роберта Сильного на момент его смерти в 867 г. в сражении с норманнами при Бриссарте сложно оценить однозначно.¹⁰⁸ Его сын Одо был маркизом Нейстрии, потом был лишен этой должности Карлом Лысым в пользу аббата Гуго, но потом стал графом и аббатом монастыря св. Мартина в Туре.¹⁰⁹ Таким образом, мы можем оспорить даже тот факт, что подъем Робертинов к власти начался с графства Анжу, высказанной в работе французского исследователя.¹¹⁰

Подъем к власти Робертинов начался с графства Анжу, затем они постепенно стали усиливать свою власть в Иль-де-Франсе и в графстве Орлеан. Однако они никогда не стали там единовластными сеньорами и вынуждены были мириться с постоянными попытками соседей (графов Блуа и др.) предъявить права на отдельные части их владений. Бартеlemi подчеркнул, что Робертинов нельзя считать классическим примером территориальных магнатов каролингской эпохи, потому что их владения были дарованы каролингскими правителями, не были наследственными, и представляли собой своеобразное вознаграждение за верную службу королю. Более того, у владений Робертинов не было четкого ядра, которое они могли считать своей вотчиной и на которое они могли бы опираться в своей борьбе за власть среди франкских магнатов.¹¹¹ Ни Анжу, ни Иль-де-Франс, ни Орлеан не могли считаться таковыми. территориальные княжества, которые

к тому моменту сформировались в рамках каролингской монархии (например, Бретань, Лотарингия, графства Анжу, Тур, Пуату), от тех honores (почетных должностей и титулов), которые позволяли рвущимся к власти представителям знати сосредотачивать в руках значительные владения, не обязательно связанные друг с другом территориально. В качестве примера А. Бартелеми взял династию графов Парижа, которые впоследствии стали королями Франции, т. е. династию Робертинов, ставших затем Капетингами. Таким образом, французский исследователь разделил наследственную и служилую знать каролингской эпохи и подчеркнул, что основой власти новой династии не обязательно должны были являться территориально сгруппированные земельные владения.

Адемар Шабаннский, Аквитания и проблема взаимоотношения каролингской династии и региональных магнатов

Поскольку Адемар Шабаннский был монахом в Ангулеме и Лиможе, то вполне естественно, что он много написал об истории Аквитании и в своей «Хронике» выразил региональный взгляд на процессы, происходившие в королевстве франков. Тем интереснее исследовать взгляд Адемара Шабаннского на формирование территориальных княжеств и появление новой знати, потому что ему пришлось жить в эпоху, когда этот процесс пришел к логическому завершению.

Специалисты по истории Аквитании считают период с 866 по 877 г. временем формирования графских династий, что в целом представляет интересную проблему с точки зрения соответствия этой хронологии хронологии процессов во всем каролингском мире.¹¹² Аквитании в середине IX в. сложились свои графские роды, которые в X в. выступили с притязаниями на титул герцога Аквитании. «Хроника» Адемара является одним из важнейших источников, освещающих эти события, правда процесс формирования графских династий в видении Адемара отличается рядом особенностей, вызвавшей дискуссию в среде современных специалистов. Именно на эти особенности мы и обратим внимание.

Из «Хроники» Адемара Шабаннского мы можем узнать, что основателями династий, представители которых стали впоследствии герцогами Аквитании, являлись Герард Оверньский (ум. 841) и Гильом Оверньский (841-846).¹¹³ Оба этих человека являются историческими личностями. Хотя Адемар считает, что Гильом Оверньский и Бернад Оверньский были братьями, современные историки показали, что это не соответствовало действительности.¹¹⁴

Однако посмотрим, какова была судьба этих династий. От Герарда пошла ветвь, состоящая из Ранульфа I (852-866), Ранульфа II (866-890), Ранульфа III (ум. 901) и Эбла Манцера (890-893, 927-935), а потом и тех графов Пуату, которые были герцогами Аквитании. От Гильома Оверньского пошла линия Бернарда Септиманского (Оверньского) (846-858), Бернарда II Плантевелю («Мохнатое растение») (864-886) и Гильома Благочестивого (875-918), который был графом Оверни с 886 г. и герцогом Аквитании с 893 г.¹¹⁵ Эта традиционная интерпретация распространилась в исторических работах благодаря монографии Э. Мабилля.¹¹⁶ Адемар считал, таким образом, что Бернад Септиманский был родственником Ранульфа I, а Гильом Благочестивый - дядей Ранульфа II. Правда, сам историк не употребил термин близкого родства, ограничившись сравнительно расплывчатым словом «родственник» (*consanguineus*).

Нужно упомянуть, что кроме этих двух династий, которых Адемар считает родственниками, он описывает еще одну семью графов, имевших непосредственное отношение к истории Аквитании. Правда, в данном случае он и сам не делал никаких заключения об их родстве с уже описанными династиями. Это братья Эменон и Турпион. Первый был графом Пуату (828-839), графом Перигора (863-866) и графом Ангулема (863-866). Второй - графом Ангулема (ум. 863). Нарративные источники IX в. дают очень мало информации об Эменоне, и его имя появляется лишь в грамотах. Более того, нет ни одного источника за период с 839 по 863 гг., которые упоминал бы владения графа Эменона.

Главным источником информации является Адемар Шабаннский, который рассказывает о поддержке, которую тот оказал Пипину II в 838 г. в

его противостоянии с Людовиком Благочестивым и Карлом Лысым.¹¹⁷ История этой графской семьи сопряжена с рядом драматических эпизодов. В 838 г. Эменон, граф Пуату, попытался после смерти Пипина I в 838 г. поставить королем Аквитании его сына Пипина II против воли Людовика Благочестивого. В ответ Людовик Благочестивый изгнал Эменона и назначил графом Пуату Ранульфа I (838-866).¹¹⁸ Адемар Шабаннский говорит, что он был сыном графа Оверни Герарда. Судьба Турпиона остается под вопросом. Адемар в вышеупомянутом пассаже считал, что несмотря на попытку его брата Эменона поставить королем Пипина II, Людовик Благочестивый все-таки сделал его графом Ангулема. Однако современник событий Люпус из Феррье писал в письме одному из своих адресатов, что графом Пуату в это время был назначен некто Райнальд, и намекал, что Турпион принял сторону Пипина II и Эменона.¹¹⁹ Несмотря на опалу, Эменон не потерял влияния на юге, потому что стал графом Перигора.¹²⁰ Таким образом, Адемар своей неточностью создал картину, которая в целом благоприятствовала этой графской семье, хотя возможно, в реальности все было и не так.

Сложно сказать, как дальше складывалась судьба Эменона, потому что в 839/840 г. Людовик Благочестивый сделал королем Аквитании своего младшего сына Карла Лысого («Imperator quoque filium suum Carolum Calvum in Aquitania regnare fecit»).¹²¹ Однако если попытки усиления своего влияния Эменоном на имперском уровне не удались, то на региональном он и его потомки сохранили свое влияние. Семья и наследники Эменона удерживали власть до конца IX в., потому что потомок Эменона Адемар был графом Пуату и влиял на дела в Лимузэне в 890-902 гг., пока не скончался, не оставив потомства, в 920-е гг. Более того, Адемар Шабаннский очень благоприятно описывал деятельность своего тезки, называя его покровителем монастырей и одним из важнейших людей в распространении монашеской реформы в Аквитании и во Франции в целом.¹²² Смещение Эменона и назначение Ранульфа I в 838 г. дало начало той самой династии графов Пуату, которая потом приобрела титул герцогов Аквитании и продолжила править в эпоху Адемара Шабаннского.

Отметим, что картина, которую рисуют современные события источниками, значительно отличается от более поздней интерпретации. Эменон и Турпион принадлежали к той группе знати, существовавшей в рамках каролингского франкского королевства, которые не имели весомого положения среди знати.

Обратим внимание на сложность, которая возникает, если мы принимаем на веру сообщение Адемара о родстве двух династий южнофранцузских магнатов. В то время как он считал Бернарда Септиманского родственником Ранульфа I, ситуация на самом деле выглядит по-другому. В период раздора между Каролингами Бернард Септиманский играл очень важную роль. На самом деле, он был сыном графа Гильома Геллонского (755-812/814), занимавшего ведущие позиции на юго-западе Франции при Карле Великом, а вовсе не сыном Гильома Оверньского. Бернард Септиманский был одним из ближайших советников Людовика Благочестивого. Однако та позиция, которую он занял в конфликте Каролингов, оказалась для него роковой. Он не участвовал в битве при Фонтенэ в 842 г. В результате победы над братьями Карл Лысый начал кампанию, целью которой было навести порядок в принадлежавшей ранее Пипину I Аквитании.¹²³ Одновременно, он использовал Аквитанию в качестве базы для распространения своего влияния на юге Франции, опираясь на герцога Прованса Варина. В 842 г. Карл Лысый лишил Бернарда Септиманского титула графа Тулузы и передал этот город Эгкфриду. Бернард перешел на сторону Пипина II и изгнал Эгкфрида из Тулузы. Тогда Карл Лысый снова обратился к герцогу Прованса, чтобы восстановить свою власть. В 844 г., т. е. после того, как раздел королевства между Каролингами был завершён, а Карл Лысый уверился в поддержке своих вассалов на западной границе в результате договора в Кулэне в 843 г., он повел активную политику на юге. Он вернулся в Аквитанию, чтобы заставить Пипина II (823-864) подчиниться. Бернард был захвачен и казнён. Хотя некоторые историки считают, что, возможно, Бернард Септиманский погиб при его захвате графом Прованса.¹²⁴ Его сын Гильом (826-850) попытался поддержать Пипина II и в течение нескольких лет каролинг и мятежный

потомок графского рода создавали проблемы для Карла Лысого.¹²⁵ В 850 г. Гильом Септиманский был казнен в Барселоне по приказу этого монарха, потому что он не признавал власти последнего в Испании и Барселонской марке.¹²⁶

Однако история графской династии на этом не закончилась. Брат Бернарда Септиманского, Варин, сохранил свое положение и ряд важных титулов в период после Верденского раздела.¹²⁷ Дальнейшую судьбу этой династии сложно проследить, потому что историки сообщают только, что сыном Бернарда Септиманского и Дуоды был магнат по имени Бернард.

Отметим особенности исторического взгляда Адемара Шабаннского и его отличие от той картины, которая возникает при исследовании других источников. Этому историка, заметим, интересовала семья графов Пуату, которая фактически оказалась тупиковой и прервалась в начале X в. С другой стороны, история другой династии, Бернарда Септиманского и Бернарда Плантавелью, мало интересовала Адемара Шабаннского, хотя она играла огромное значение в делах юга Франции и Аквитании. Более того, она была, как он считает, родственниками династии графов Пуату и герцогов Аквитании, правивших в его время.

Проблема состоит в том, что современникам событий были известны как минимум три человека с именем Бернард. В Бергэнских анналах, автором которых был Хинкмар Реймский, упоминается, что в 868 г. произошла т. н. «война трех Бернардов». Один был маркизом Тулузы, а второй маркизом Готии, территориальные владения третьего историк не упомянул. В 872 г. один из двух Бернардов, которые действовали вместе, и который не был Бернардом Тулузским, получил власть над Аквитанией. Таким образом, система территориальных марок в глазах Хинкмара Реймского состояла из Тулузы, Готии и Аквитании, и, вероятно, три Бернарда были маркизами каждый в своей марке. Можно предположить, что Бернард Тулузский, который был уже мертв к 874 г., был также известен в источниках как Бернард Вителл, потому что в Бергэнских анналах за 872 г. упоминается, что человек с таким именем и прозвищем был убит. Бернард Вителл не мог быть маркизом Готии, потому что тот упоминался в источниках и после 872 г.

Одновременно, Бернард Вителл не мог быть Бернардом Аквитанским, потому что тот был известен Хинкмару как Бернард, сын Бернарда. После 877 г. Хинкмар говорит о двух Бернардах, маркизе Готии и графе Оверни.¹²⁸ Интересно, что историк не упомянул об аквитанском титуле Бернарда, что ввело исследователей в заблуждение.

Ряд историков пытались разобраться в генеалогии правителей южных французских графств и в ходе этой работы были выдвинуты различные (в том числе и маловероятные) точки зрения. Кроме этого, если верить Адемару Шабаннскому, то можно перепутать Бернарда I Оверньского, носившего прозвище Плантевелю (846-858) с его отцом Бернардом Септиманским (795-844).¹²⁹ Поэтому М. Шом считал, например, что сыном Бернарда Септиманского и Дуоды был Бернард Вителл, который был убит в 872 г.¹³⁰ Л. Левиллэн считал Бернарда Аквитанского сыном Бернарда Септиманского и Дуоды, однако он предположил, что известное из источников прозвище Плантевелю принадлежало Бернарду, маркизу Готии.¹³¹ И только к середине XX в. сложилось мнение, что герцогом Аквитании был Бернард Плантевелю.¹³²

Современные историки считают в результате ряда исследований, что наследником Бернарда Септиманского и его жены Дуоды был его второй сын Бернард Плантевелю («Мохнатое растение», от ст.-франц. *Plantevelu*, лат. *Plantapilosa*). Первым эту идею выдвинул Ж. Кальмет.¹³³ Затем она была окончательно доказана и стало научным фактом благодаря известному историку Аквитании Л. Озиа.¹³⁴ Бернард Плантевелю стал сначала графом Отэна, а затем объединил в своих руках множество южных графств.¹³⁵ Считается, что именно Бернард Плантевелю, благодаря своему положению, стал первым *de facto* герцогом Аквитании. 860-870 гг. дали возможность ему, как и некоторым другим представителям знати резко увеличить свое влияние. Однако отметим, что в конце 870-х гг. мы уже не находим в источниках маркиза Аквитании, а только графа Оверни Бернарда, которым был, вероятно, Бернард Плантевелю. Процесс формирования территориальных княжеств был весьма сложным, потому что к концу IX в. первые попытки их создания окончились фактически ничем.

Избирательность памяти Адемара в данном случае заслуживает внимания, потому что сюжеты, связанные с Бернардом Септиманским и его семьей крайне интересовали другого франкского историка, жившего почти на два столетия раньше Адемара, Хинкмара Реймского, который и дал интересное описание «войны трех Бернардов». Стоит отметить, что в отличие от Адемара, Хинкмар жил на севере Франции (он был архиепископом Реймса), и тем не менее, он знал больше о событиях на юге Франции, чем Адемар, которого эти события интересовали намного больше, чем события в северной Франции.

В источниках по истории Аквитании существует еще одно интересное разночтение, которое помогает понять взгляды Адемара Шабаннского на каролингскую историю своего региона. Большинство исследователей, опираясь на Регинона Прюмского, говорят о том, что в 852 г. был назначен герцог Аквитании, которым стал Ранульф I (852-866), являвшийся графом Пуатье.¹³⁶ Правда, это сообщение несколько необычно, поскольку оно было явно вставлено позже. Абзац текста с описанием событий 852 г. находится рядом с записью за 867 г. Схожим образом сообщает об этом событии одна из редакций хроники монастыря св. Максенция в Пуатье. В частности, запись за 852 г. не содержит никакой информации о Ранульфе I. О его назначении существует запись за 868 г., в которой упоминается, что св. Герард, вернувшись от двора Карла Лысого, взял на воспитание Гильома, сына Ранульфа I, герцога Аквитании и графа Оверни.¹³⁷

Сообщения хроник о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании иллюстрируют процесс усиления территориальных княжеств и возрастающий интерес знати к тому, чтобы повысить свой статус в рамках каролингской иерархии. Вопросам формирования территориальных княжеств в каролингской Европе посвящено немало работ. Упомянем в данном случае лишь наиболее известные.¹³⁸¹³⁹ Но был в этом эпизоде и другой контекст. Для Аквитании, которая была королевством, герцогского титула графам Пуату могло означать понижение в статусе. Карл Лысый таким образом мог показать, что он рассматривал Аквитанию не как отдельное королевство, а только как герцогство. В период назревающего династического спора в 860-е

гг., когда император и король Среднего королевства (Лотарингии) Лотарь был уже стар и готовился к переходу в иной мир, Карл Лысый мог попытаться предотвратить любую попытку расколоть западно-франкское королевство путем претензий на титул «короля Аквитании».

Однако можно ли говорить о том, что это событие действительно стало поворотным пунктом в процессе создания Аквитании как территориального княжества? Интересно, что в других местах хроники монастыря св. Максенция термин *dux* употреблялся, чтобы обозначать всех графов городов и территорий, входивших в Аквитанию, а не только одного верховного правителя Аквитании. Стоит обратить внимание на запись, которая говорит о разорении Аквитании в момент раздора между ее правителями. Одна из редакций относит это событие к 845 г.¹⁴⁰, а другая редакция - к 858 г.¹⁴¹ Следовательно, в середине IX в. в среде историков еще не сложилось единого представления о строгой иерархии власти в Аквитании.

Более того, можно привести и другие доводы недостоверности сообщения Регино Прюмского. В каролингскую эпоху официальная должность не была результатом передачи титула посредством грамоты, удостоверяющей факт дарения. Она в первую очередь являлась отражением положения человека при дворе и в среде местной знати. Таким образом, титул *dux* (герцог) был не столько отражением формального статуса при дворе, сколько отражением взгляда хрониста или представителя знати. Можно привести в пример графа Нейстрии Роберта IV Сильного (*missus dominicus* Карла Лысого), отца королей Франции Одона и Роберта I, реальное положение которого не соответствовало его титулу.

Как сообщают сен-бертэнские анналы, в 858 г. ряд графов во Франции (т. е. Нейстрии) сформировали коалицию с аквитанской знатью и выступили против Карла Лысого. Они сделали ставку на короля Германии Людовика, которого хотели призвать в качестве правителя. Об этом же пишет и Регино Прюмский. Он рассказывает в записи за 866 г. о событиях 858 г. и сообщает, что ряд значимых людей западно-франкского королевства пригласили Людовика захватить Нейстрию и Аквитанию.¹⁴² Заметим, что и в этом случае Регино говорил не просто о призвании Людовика Немецкого в

качестве короля, но, по-видимому, о передаче ему титулов, прерогатива передачи которых принадлежала западно-франкскому королю. Современные историки предположили, что в качестве инициатора этого заговора выступал Роберт IV, граф Парижа. Что дало возможность Роберту Сильному выступить против короля? С точки зрения современных исследователей, это, возможно, был титул герцога Нейстрии и Бретонской марки, полученный им в 852 г.¹⁴³ Хотя ни один из раннесредневековых источников не сообщает о назначении Роберта Сильного герцогом, его истинное положение современные исследователи истолковывают так, как будто он действительно имел этот титул. Следовательно, напрашивается вывод о том, что должности в каролингском мире, не всегда имели историческое значение, и что истинное положение того или иного магната определялось только его реальной властью.

Добавим, что не все современники и историки обратили внимание на назначение герцога Аквитании в 852 г. Например, другая редакция хроники монастыря св. Максенция в Пуатье ничего о нем не говорит, хотя оно имело для графов Пуатье большое значение.¹⁴⁴ О нем также ничего не написано в Бертэнских анналах.

Обратимся снова к «Хронике» Адемара Шабаннского и посмотрим, как он трактует этот период в истории Аквитании. От событий, непосредственно предшествовавших Верденскому разделу, он сразу переходит к 855 г., когда Карл Лысый был помазан на царство и стал королем Франции, Аквитании и Бургундии.¹⁴⁵ Таким образом, Адемар не считал, что в Аквитании был в это время назначен герцог. Назначение Ранульфа I герцогом Аквитании в 852 г. можно считать зависящим только от одного источника, Регинона Прюмского (или же хроники св. Максенция). Более того, Адемар ничего не пишет о союзе аквитанской и нейстрийской знати, объединившейся в стремлении сместить Карла Лысого в 858 г.

Данные разночтения в истории Аквитании заслуживают особого внимания. Как объяснить позицию Адемара? Вполне вероятно, что он не читал хронику св. Максенция и Регино Прюмского, и поэтому просто ничего не знал о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании. Вероятно также, что

он не читал Сен-бертэнские анналы, следовательно не мог знать о заговоре. Напрашивается предположение, что Адемар либо не имел доступа к полной информации, либо мало интересовался ключевыми событиями истории Аквитании в каролингскую эпоху, что выглядит странным, поскольку именно они легли в основу его сочинения. Невозможно не заметить, что в определенных случаях Адемар был активно заинтересован в том, чтобы подчеркнуть раннее возникновение в Аквитании собственных традиций власти и в особенности, ее существование в качестве герцогства. В частности, он назвал Гильома Пакляная Голова (935-963), сына графа Пуату Эбла Манцера, герцогом Аквитании, хотя на самом деле первым графом Пуату, который получил от короля Франции Людовика IV Заморского титул герцога Аквитании в 965 г., был Гильом III Хвастун (963-996).¹⁴⁶ Таким образом, отношение Адемара к статусу Аквитании как герцогства было неоднозначным. Только когда речь шла о герцогском титуле предков герцога Гильома IV Великого, его современника, Адемар был готов присвоить магнатам этот титул. Отсутствие интереса к назначению Ранульфа I герцогом в 852 г., скорее всего, обуславливалось исторической концепцией Адемара. В частности, можно предположить, что этот историк был более заинтересован рассматривать Аквитанию в каролингский период как зависимую от влияния правящей королевской династии, чем Регинон Прюмский.

Обратимся вновь к событиям аквитанской истории второй половины IX в. Существование титула герцога Аквитании в эпоху раздробленности власти было достаточно опасным для каролингской династии.¹⁴⁷ Положение графа Пуатье Ранульфа I в среде знати было двояким. Он опирался на Эгфрида, который мог быть его родственником или просто клиентом. После Ранульфа именно он стал светским покровителем аббатства св. Илария в Пуатье, чего удалось добиться, как сообщает хронист из Сен-Бертэна, при поддержке Карла Заики, не без помощи денежных приношений этому королю. Более того, Эгфрид также получил должность графа Буржа.¹⁴⁸ К тому же, он являлся опекуном сыновей Ранульфа.¹⁴⁹ Возможно, Эгфрид был не единственным из тех, на кого Ранульф мог рассчитывать. Таким образом, граф Пуату стремился

ставить на высокие должности в королевстве именно своих людей, и возможно, претендовал на титул герцога Аквитании.

О том, что положение графа Пуату на тот момент было угрозой королю и другим магнатам, говорят следующие факты. В 866 г. граф Ранульф погиб в битве при Бриссарте, пытаясь совместно с графом Робертом IV Сильным не допустить появления на Луаре соединенного войска викингов и бретонцев. Тогда высшую власть в Аквитании получил король Карл Заика. Вскоре после этого Эгфрид стал графом Буржа, однако граф Герард захватил Эгфрида на одной из вилл и подверг мучительной смерти.¹⁵⁰ Хотя имя Герард являлось довольно частым, можно предположить, что этим человеком был именно граф Буржа, который стремился оградить себя от появления опасного соперника со связями в Пуатье.¹⁵¹ Этот граф Буржа отмечался в грамотах с 855 г. по 860-е гг. Король западно-франкского королевства Карл Заика обещал, как свидетельствует хронист из Сен-Бертэна, вторгнуться в Берри (где находится Бурж) и навести порядок, однако на самом деле ничего сделано не было.¹⁵² Более того, в 868 г. Карл Заика лишил права наследования графской должности трех сыновей Ранульфа I.¹⁵³ В результате оказалось, что граф Пуату имел много врагов, и что после его смерти его доверенный человек, Эгфрид, был лишен жизни. Тот факт, что Эгфрид был опекуном сыновей Ранульфа II свидетельствует о том, что Ранульф видел в нем надежного вассала, а то, что сыновья были лишены наследования графского и герцогского титулов говорит о том, что король Карл Заика и магнаты видели в них возможную угрозу. Это обстоятельство наводит на мысль, что такую негативную реакцию короля западно-франкского королевства и его верных слуг вызвали не просто титул графа Пуату, а, скорее всего, именно его попытки расширить свое влияние, поставить на важные должности своих людей, и, возможно, притязания на титул герцога Аквитании.

Думается, что неточности Адемара и отсутствие в его изложении важнейших фактов из истории Аквитании не следует трактовать как простое незнание событий. Заметим, что он полностью обошел присутствующее во многих источниках сообщение о конфликте между тремя графскими семьями

за регион, который впоследствии стал Аквитанией. Во-вторых, соперников из различных графских родов Адемар фактически сделал родственниками, хотя они таковыми не являлись. В-третьих, он практически обошел вниманием процесс формирования Аквитании как территориального княжества. Адемар не обратил внимание на борьбу за титул маркиза Аквитании со стороны Бернарда Плантавелью, описав его всего лишь как графа Оверни. И он прошел мимо свидетельств о том, что Аквитания могла стать герцогством в 852 г. Как можно объяснить такое забытие?

Нам представляется, что есть возможность истолковать неточности Адемара и увидеть в них определенную тенденцию в осмыслении каролингской истории, которая появилась в XI в. В частности, Адемар не склонен был подчеркивать противоречия между графскими семьями. Не будучи уверенным в точном родстве двух графских династий, он посчитал необходимым объединить их в одну родственную группу. Затуманивая трения и конфликты на юге Франции, которые имели значение для всего королевства франков, он стремился подчеркнуть не только географическое, но и династическое единство той Аквитании, в которой ему довелось жить в начале XI в. Адемар не видел процесса формирования новой политической общности, герцогства Аквитания, в середине и второй половине IX в. Он рассматривал магнатов и правителей земель на юге Франции только в терминах каролингской иерархии власти и не признавал за ними право присваивать себе титул герцога Аквитании, потому что такой политической общности и титула герцога Аквитании не существовало в IX в.

Описание каролингского периода в истории Аквитании не было простой компиляцией. Адемар старался подчеркнуть стабильность и преемственность власти в каролингский период и, в отличие от других своих коллег, избегал упоминать о любых конфликтных ситуациях. В частности, он сгладил как внутрдинастические раздоры, так и соперничество династии с местными магнатами. Более того, Адемар в большей степени, чем другие историки, стремился затуманивать любые события, которые могли бы показать недовольство знати каролингскими правителями и которые могли бы дать определенные надежды на независимость Аквитании.

Таким образом, если опираться на Адемара Шабаннского, то процесс формирования территориальных княжеств и присвоения их знатью нужно относить к концу X — XI вв. Это не значит, что точка зрения историка XI в. имеет больше значения, чем исследования современных специалистов. Скорее, следует подчеркнуть то обстоятельство, что Адемар относился к тому типу историков, которые склонны консервативно относиться к историческим процессам. Таким образом, стоит принимать во внимание, что если опираться на историческую память людей Средневековья, то процесс отмирания и трансформации каролингских структур власти и формирования знати нужно относить к X-XI вв., а не к IX в.

- ¹Flod. Hist. Lib. III, Cap. 1.
- ²Hinc. Ep. C. 164 ; *Nelson J.* The Frankish world, 750-900. London, 1996. P. 43.
- ³Hinc. Ep. 4, № 198. S. 210.
- ⁴Flod. Hist. Lib. III, Cap. 10.
- ⁵*Prou M.* Preface // De ordine palatii. T. 58 / sous la dir. de M. Prou. Paris, 1883. (Bibliothèque de l'école des Hautes Études). P. XLI.
- ⁶*Prou M.* Preface. P. 142-155.
- ⁷*Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale. Paris, 1995. (Histoire ancienne et médiévale ; 33). P. 173 ; *MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century. Cambridge, 2003.
- ⁸*Bouchard C.* The Bosonids or the rising to power in the late Carolingian age // French historical studies. 1988. Vol. 15. P. 407-31 ; *Bouchard C.* "Those of my blood": Constructing noble families in medieval Francia. Philadelphia, 2001. P. 78.
- ⁹*Bouchard C.* "Those of my blood". P. 79.
- ¹⁰Reg. Chron. a. 878.
- ¹¹*Teiċ J.* История Франции. Наследие каролингов IX-X вв. / пер. Т. А. Чесноковой. М., 1993. 115-117.
- ¹²*Goldberg E. J.* Struggle for Empire: Kingship and Conflict Under Louis the German, 817-876. Ithaca, 2006. (Conjunctions of Religion and Power in the Medieval Past). P. 338.
- ¹³Ex miraculis Quintini, Sermo in tumulatione Ss. Quintini, Victorici, Cassiani // / под ред. О. Holder-Egger. Hannover, 1887. (MGH Scriptores ; 15, 1). 10, s. 272 ; *MacLean S.* Kingship and politics. P. 118.
- ¹⁴«Qualiter in electione ipsorum consenserit, quando sunt ad regni principatum, et quae ab eis pro hac electione mandata perceperit». Flod. Hist. Lib. III, Cap. 19.
- ¹⁵«Vos autem sanctae ecclesiae et ejus rectoribus atque mihi servate quod illi (antecessores vestri) conservaverunt; et pro devotionis fidelitate quam vobis cum caeteris fidelibus vestris in electione vestra, non sine magno labore ad provectionem regiminis, quo . . . potiti estis, nolite retribuere mihi mala pro bonis». Hinc. Ad Lud. Cap. 7.
- ¹⁶Hinc. Ad Lud. Cap. 9.
- ¹⁷Les miracles de Saint Benoît / sous la dir. d'E. Certain. Paris, 1858. Lib. I, Cap. 41 ; «Hugo nobilissimus abbas strenue rempublicam gubernans cum armis tum consiliis suis». «Hugo ... qui monarchiam clericatus in palatio optinens, ducatum etiam regni post regem nobiliter administrabat» . Ann. S. Col. Sen. a. 882.
- ¹⁸Hinc. De ord.
- ¹⁹Ann. Bert. a. 877 ; *Nelson J. L.* La mort de Charles le Chauve // Médiévales : Langue, textes, histoire. 1996. T. 31. P. 53-66.
- ²⁰Hinc. Ad Lud. cap. 7.
- ²¹Ann. Bert. a. 879.
- ²²Flod. Hist. Lib. III. Cap. 19, 24, 25.
- ²³*Prou M.* Preface. P. XV.
- ²⁴Flod. Hist. Lib. III, Cap. 18 ; *Prou M.* Preface. P. XV.
- ²⁵*Prou M.* Preface. P. 21.

²⁶Старостин Д. Н., Гайворонский И. Д. Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Т. 1.

²⁷Hinc. Ad Lud. Cap.7 ; *McKitterick R.* Charlemagne: the formation of a European identity. Cambridge, 2008. P. 142–155.

²⁸*Nelson J. L.* La mort de Charles le Chauve. P. 26 ; «Hugo nobilissimus abbas strenue rempublicam gubernans cum armis tum consiliis suis». «Hugo ... qui monarchiam clericatus in palatio optinens, ducatum etiam regni post regem nobiliter administrabat». Hinc. Ep. № 126. P. 65.

²⁹Hinc. De ord. Cap. XII.

³⁰*Bourgeois É.* Le capitulaire de Kierzy sur Oise (877) : Etude sur l'état et le régime politique de la société carolingienne à la fin du IXe siècle d'après la législation de Charles le Chauve. Paris, 1974 ; *Bourgeois É.* L'assemblée de Quierzy sur Oise (877) // Etudes d'histoire du Moyen-âge dédiées à Gabriel Monod. Paris, 1896. P. 137-52 ; *Halphen L.* A propos du capitulaire de Quierzy // Revue historique. 1911. T. 106. P. 186-93 ; *Nelson J. L.* Charles the Bald. London, 1992. (The Medieval World). P. 248–250.

³¹*Barthélemy A. de.* Les origines de la maison de France // Revue des questions historiques. Paris, 1873. T. 13. P. 108-144 ; *Borgolte M.* Die Grafen Alemanniens in merowingischer und karolingischer Zeit: Eine Prosopografie. Sigmaringen, 1986. (Archeologie und Geschichte ; 2) ; *Bouchard C.* The Bosonids ; *Bouchard C.* "Those of my blood" ; *Hlawitschka E.* Die Königsherrschaft der burgundischen Rudolfinger // Historische Jahrbuch. 1980. Jg. 100. S. 444–456 ; *Schneidmüller B.* Die Welfen: Herrschaft und Erinnerung (819-1252). Stuttgart, 2000. (Kohlhammer Urban-Taschenbücher ; 465). S. 72–105.

³²*Brunner K.* Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien, 1979. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 25).

³³*Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècle). Deel 102. Bruges, 1948. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte).

³⁴*Schlesinger W.* Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // Historische Zeitschrift. 1953. Jg. 176 ; *Irsigler F.* Untersuchungen zur Geschichte des frühfränkischen Adels : Dissertation / Irsigler Franz. Saarbrücken : Universität des Saarlandes, 1968.

³⁵*Bouchard C.* The Bosonids. P. 431.

³⁶*Schlesinger W.* Karlingische Königswahlen // Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. 1. Göttingen, 1963. S. 88–138 ; *Tellenbach G.* Die geistigen und politischen Grundlagen der karolingischen Thronfolge // Frühmittelalterliche Studien. 1979. Jg. 13. S. 253–257.

³⁷*Nelson J.* Hincmar of Reims on king-making: The evidence of the Annals of St-Bertin // Coronations / ed. by J. M. Bak. Berkeley, 1990. P. 18.

³⁸*Werner K. F.* Naissance de la noblesse : l'essor des élites politiques en Europe. Paris, 1998.

³⁹*Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale.

⁴⁰*Werner K.-F.* La genèse des duchés en France et en Allemagne // Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare. 19-25 aprile 1979. Spoleto, 1981. P. 175–223. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo ; 27) ; *Werner K. F.* Die Ursprünge Frankreichs bis zum Jahr 1000. Stuttgart, 1989. (Geschichte Frankreichs).

⁴¹*Nelson J. L.* Charles the Bald ; *Barton R. E.* Lordship in the County of Maine, c. 890-1160. Woodbridge, Suffolk, UK; Rochester, N.Y., 2004. P. 79 ; *Werner K. F.* Missus-Marchio-Comes: Entre l'administration centrale et l'administration locale de l'Empire carolingien // Histoire comparée de l'administration (IV-XVIII siècles) / hrsg. von K. F. Werner, W. Paravicini. München, 1980. S. 221–223.

⁴²*Bouchard C.* "Those of my blood". P. 74–97.

⁴³*Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale. T. 33. Paris, 1995. (Histoire ancienne et médiévale).

⁴⁴*Barthélemy A. de.* Les origines de la maison de France. P. 121.

⁴⁵*Astronomus.* Vita Hludowici imperatoris // Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris / hrsg. von E. Tremp. Hannover, 1995. S. 280–555. (MGH Scriptores rerum germanicarum ; 64). Anno 781. S. 297 ; Chronicon Moissiacense a saeculo quarto usque ad a. 818 et 840 // / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1829. S. 280–313. (MGH Scriptores ; 1). Anno 781. S. 297.

⁴⁶*Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. Austin, 1965. P. 51.

⁴⁷Ordinatio imperii // Capitularia regum francorum. Bd. 1 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. S. 270–273. (MGH. Legum sectio II ; 136).

⁴⁸*Ermoldus Nigellus.* In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen // Poetae latini aevi carolini / hrsg. von E. Dümmler. Berlin, 1884. S. 6. (MGH Poetae ; 2).

⁴⁹*Défourneaux M.* Charlemagne et la monarchie Asturienne // Mélanges d'histoire du Moyen Age : dédiés à la mémoire de Louis Halphen / sous la dir. de C.-E. Perrin. Paris, 1951. P. 179-184 ; *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. 53, N. 10.

⁵⁰Ordinatio imperii. Cap. 4-5, 7–8, 10, 12–16, 18, S. 270–274 ; *Ganshof F.* Observations sur l'Ordinatio Imperii de 817 // Festschrift Guido Kisch. Stuttgart, 1955. P. 24.

⁵¹Ordinatio imperii. Cap. 3, 7, 12, S. 274.

⁵²Annales regni francorum // Annales regni francorum et annales qui dicitur Einhardi. Hannover, 1895. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum). Anno 826 ; *Astronomus.* Vita Hludowici imperatoris. Cap. 40, S. 630.

⁵³См. грамоту монастырю Лаграс (Lagrasse) 827 г. *Prou M., Levillain L.* Recueil des actes de Pépin Ier et de Pépin II, rois d'Aquitaine (814-848). Paris, 1926. No. 23 ; См. также грамоту 828 г. монастырю Монтолье (Montolieu) Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administratif de Carcassonne. T. 1 / sous la dir. d'A. J. Mahul. Paris, 1857. I, 70.

⁵⁴Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 16.

⁵⁵Ademar. Chron. Lib. III. Cap. 16.

⁵⁶Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 17.

⁵⁷Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 17.

⁵⁸Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 18.

⁵⁹Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 19.

⁶⁰Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 19.

⁶¹Annales Bertiniani / hrsg. von G. Waitz. Hannover, 1883. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 5). Anno 838, 852.

⁶²*Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1959. T. 19, № 4. C. 146–192. C. 166. N. 83. *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1960. T. 20, № 4. C. 113–115 ; Comites in regno Hludouici regis constituti. Prosopographie des détenteurs d'offices séculiers en Francie orientale, de Louis le Germanique à Charles le Gros 826–887 / sous la dir. de S. Glansdorff. Ostfildern, 2011. (Instrumenta ; 20). P. 224.

⁶³Capitulare missorum Silvacense // MGH Capitularia. Bd. 2 / hrsg. von A. Boretius, V. Krause. Hanover, 1897. S. 270–276. Cap. 8. S. 276 ; Comites in regno Hludouici regis constituti. Prosopographie des détenteurs d'offices séculiers en Francie orientale, de Louis le Germanique à Charles le Gros 826–887. P. 224.

- ⁶⁴ *Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50 / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1890. S. 1–196. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi). Anno 867. S. 92.
- ⁶⁵ *Werner K.-F.* Zur Arbeitsweise Des Regino von Prüm // Die Welt als Geschichte. 1959. Jg. 19. S. 116.
- ⁶⁶ *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 156.
- ⁶⁷ *Lot F.* Recueil des actes de Lothaire et de Louis V, rois de France, 954-987. Paris, 1908 ; *Depreux P.* Prosopographie de l'entourage de Louis de Pieux (781-840). Sigmaringen, 1997. (Instrumenta). P. 80-82.
- ⁶⁸ *Lot F.* Recueil des actes de Lothaire et de Louis V, rois de France, 954-987.
- ⁶⁹ *Depoin J.* Les Comtes de Paris sous la Dynastie Carolingienne. Pontoise, 1912. P. 35.
- ⁷⁰ *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 155.
- ⁷¹ *Innes M.* State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400-1000. Cambridge, 2000. P. 216.
- ⁷² *Lehman K., Eckhardt K. A.* MGH Legum sectio I. Leges nationum germanicarum. Bd. 1. Leges alamannorum. 2. Aufl. Hannover, 1966. Tit. 79. Cap. 3.
- ⁷³ *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 155–156, 166–167.
- ⁷⁴ Annales Bertiniani. Anno 856. S. 46.
- ⁷⁵ Annales Bertiniani. Anno 856. S. 46.
- ⁷⁶ *Wattenbach W., Levison W., Löwe H.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Vorzeit und Karolinger. Bd. 6. Die Karolinger vom Vertrag von Verdun bis zum Herrschaftsantritt der Herrscher aus dem Sächsischen Hause: Italien und dem Papsttum. Weimar, 1990. S. 904.
- ⁷⁷ *Hlawitschka E.* Regino von Prüm // Rheinische Lebensbilder / hrsg. von B. Poll. Köln, 1975. S. 7–27.
- ⁷⁸ *Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 2. Die Zwischenzeit vom Ausgang des karolingischen Zeitalters bis zur Mitte des elften Jahrhunderts. München, 1975. S. 86.
- ⁷⁹ *Kortüm H. H.* Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm // Historiographie im frühen Mittelalter / hrsg. von A. Scharer, G. Scheibelreiter. München, 1994. S. 499–513.
- ⁸⁰ *MacLean S.* History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe: the Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg. Manchester, 2009. (Manchester medieval sources series).
- ⁸¹ *Ermisch H.* Die Chronik des Regino bis 813: eine Quellenuntersuchung. Göttingen, 1872 ; *Kurze F.* Handschriftliche Ueberlieferung und Quellen der Chronik Reginos und seines Fortsetzers // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1890. Jg. 15. S. VII–IX.
- ⁸² *Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. S. 74.
- ⁸³ *Schulz P.* Die Chronik des Regino vom Jahre 813 an : Dissertation / Schulz P. Halle : Friedrichs-Universität Halle-Wittenberg, 1888 ; *Kurze F.* Handschriftliche Ueberlieferung und Quellen der Chronik Reginos und seines Fortsetzers. S. IX.
- ⁸⁴ *Werner K.-F.* Zur Arbeitsweise Des Regino von Prüm.
- ⁸⁵ *Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50 / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1890. S. 1–196. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi). a. 888 ; *Airlie S.* The aristocracy in the service of the state in the Carolingian period // Staat im frühen Mittelalter / hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006. S. 131 ; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian World. Cambridge, 2011. (Cambridge Medieval Textbooks). P. 16.
- ⁸⁶ *Kortüm H. H.* Regino von Prüm. S. 505.
- ⁸⁷ *Giese W.* Genus und Virtus. Studien zum Geschichtswerk des Richer von St. Remi. Augsburg, 1969. S. 82–83.

- ⁸⁸*Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. S. 92.
- ⁸⁹Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense. Ad orbe condito ad annum Christi MXLI // *Novae Bibliothecae Mss. Librorum / sous la dir. de P. Labbe*. Paris, 1657.
- ⁹⁰Chronicon sancti Maxentii Pictavensis // *Chroniques des Eglises d'Anjou / sous la dir. de P. Marchegay*, E. Mabille. Paris, 1869. P. 366.
- ⁹¹Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 16; Lib. III, Cap. 18.
- ⁹²Chronicon sancti Maxentii Pictavensis. Anno 845. P. 365.
- ⁹³Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense. Ad orbe condito ad annum Christi MXLI. Anno 858.
- ⁹⁴*Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. S. 90.
- ⁹⁵*Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 166, N. 83; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 113–115.
- ⁹⁶Ademar. Chron. Lib. III, Cap. 25.
- ⁹⁷*Rodulfus Glaber*. Ex Rodulfi Glabri historiarum libris usque ad a. 1044 // *MGH Scriptores*. Bd. 7 / hrsg. von G. Waitz, P. Kilon. Hannover, 1846. S. 48–72. Lib. I. Cap. 2.
- ⁹⁸Les miracles de Saint Benoît. Lib. II. P. 93.
- ⁹⁹*Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln: Stammtafeln zur Geschichte der Europäischen Staaten, Neue Folge. Bd. 2. Die ausserdeutschen Staaten: die regierenden Häuser der übrigen Staaten Europas. Marburg, 1984.
- ¹⁰⁰Ann. Xant. Anno 867. S. 232.
- ¹⁰¹Abbo Cernuus. Livre II. P. 58.
- ¹⁰²*Barthélemy A. de*. Les origines de la maison de France. P. 120-121; *Merlet R.* Origine de Robert le Fort // *Mélanges Julien Havet*. Paris, 1895. P. 102, 104, 105-109; *Favre E.* La famille d'Évrard, marquis de Frioul, dans le royaume franc de l'ouest // *Études d'histoire du Moyen Âge dédiées à G. Monod*. Paris, 1896. P. 155.
- ¹⁰³*Barthélemy A. de*. Les origines de la maison de France. P. 121; *Lecoingte C.* Annales ecclesiastici francorum. T. 8. Parisiis, 1683. P. 101.
- ¹⁰⁴Annales Bertiniani. Anno 865. S. 470.
- ¹⁰⁵Annales Bertiniani. Anno 866. S. 471.
- ¹⁰⁶*Saint Phalle É. de*. Comtes de Troyes et de Poitiers au IXe siècle : histoire d'un double échec // *Onomastique et Parenté dans l'Occident médiéval*. T. 1 / sous la dir. de C. Settapani, K. S. B. Keats-Rohan. Oxford, 2000. P. 154-170.
- ¹⁰⁷Recueil des Historiens des Gaules et de la France. T. 8 / sous la dir. de D. M. Bouquet, L. Delisle. Paris, 1871. Diplomata. LV. P. 478.
- ¹⁰⁸Ann. Xant. Anno 867. S. 232.
- ¹⁰⁹*Mabille E.* Les invasions normandes dans la Loire et les pérégrinations du corps de saint Martin // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1869. T. 30. P. 182; *Settipani C.* La Préhistoire des Capétiens : 481-987. T. 1. Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens. Villeneuve d'Ascq, 1993. (Nouvelle histoire généalogique de l'auguste maison de France; 1). P. 403.
- ¹¹⁰*Barthélemy A. de*. Les origines de la maison de France. P. 120-121.
- ¹¹¹*Barthélemy A. de*. Les origines de la maison de France.
- ¹¹²*Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. Toulouse, 1937. P. 360-383.
- ¹¹³Ademar. Chron. Lib. III. Cap. 16.
- ¹¹⁴*Bouchard C.* "Those of my blood". P. 181–191.
- ¹¹⁵Ademar. Chron. Lib. III. Cap. 16.

- ¹¹⁶ *Mabille E.* Royaume d'Aquitaine et ses marches sous les Carolingiens. Toulouse, 1879. P. 19.
- ¹¹⁷ *Ademar.* Chron. Lib. III. Cap. 16.
- ¹¹⁸ *Ademar.* Chron. Lib. III. Cap. 16.
- ¹¹⁹ *Lupus Ferrariensis.* Correspondance, 829-847. T. 1 / sous la dir. de L. Levillain. Paris, 1927. (Classiques de l'histoire de France au Moyen Âge ; 10). Ep. 17. Col. 1 ; *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 97 ; The annals of St-Bertin / ed. by J. L. Nelson. Manchester, 1991. (Ninth-century histories ; 1). P. 58. N. 9.
- ¹²⁰ *Ademar.* Chron. Lib III. Cap. 21 ; *Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste // Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest. 3 serie. 1934. T. 10. P. 246-248.
- ¹²¹ *Ademar.* Chron. Lib. III. Cap. 16.
- ¹²² *Ademar.* Chron. Lib. III. Cap. 21 ; Lib. III. Cap. 23 ; Chronicon Aquitanicum a. 830-1025 // MGH Scriptores. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. 1829. S. 252-253. Anno 930. P. 253.
- ¹²³ *Annales Bertiniani.* A. 843.
- ¹²⁴ *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 107.
- ¹²⁵ *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 98.
- ¹²⁶ *Rouche M.* Histoire du Moyen âge. T. 1. VIIIe-Xe siècle. Bruxelles, 2005. P. 183.
- ¹²⁷ *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 107.
- ¹²⁸ *Bouchard C.* "Those of my blood". P. 182.
- ¹²⁹ *Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste. P. 246-248.
- ¹³⁰ *Chaume M.* Les origines du duche de Bourgogne. T. 1. Dijon, 1925.
- ¹³¹ *Levillain L.* Les Nibelungen historiques // Annales du Midi. 1937. T. 49. C. 367.
- ¹³² *Lot F.* Études carolingiennes // Bibliothèque de l'école des chartes. 1941. T. 102. P. 285.
- ¹³³ *Calmette J.* De Bernardo, sancti Guilhemi filio These latine : thèse de doctorat / Calmette J. Tolosae : Université de Toulouse, 1902. P. 18-19 ; *Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // Annales du Midi. 1906. T. 18, n° 70. P. 145-165 ; *Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // Annales du Midi. 1928. T. 40, n° 157/158. P. 225-244.
- ¹³⁴ *Auzias L.* Bernard le Veau et Bernard Plantevelue comtes de Toulouse ? // Annales du Midi. 1932. T. 44. P. 258-295 ; *Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. 410. N. 67.
- ¹³⁵ *Auzias L.* Recherches d'histoire carolingienne, II : Le personnel comtal et l'autorité comtale en Septimanie méridionale (872-878) // Annales du Midi. 1933. T. 45 ; *Auzias L.* Les relations de Bernard Plantevelue avec les princes carolingiens de 880 à 885 // Le Moyen Age. 1935. T. 31. C. 5-25 ; *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 107.
- ¹³⁶ *Regino Prumiensis.* Reginonis abbatiss Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. Anno 867. S. 92: «Nortmanni ora Ligeris fluminis occupantes Namnetensem, Andegavensem, Pictavensem atque Turonicam provintiam iterato crudeliter depopulari coeperunt. Contra quos Ruotbertus, qui marcam tenebat, et Rannulfus, dux Aquitaniae collecta multitudine aciem dirigunt».
- ¹³⁷ *Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense.* Ad orbe condito ad annum Christi MXLI. Anno 868 : «Regressusque a palatio sanctus Geraudus clam subductum filium Rannulfi Willelmo, Aquitaniae Duci Comiti Arvernensis credidit nutriendum, cui propinquus erat».
- ¹³⁸ *Dhondt J.* Études. Deel 102 ; *Werner K. F.* Naissance de la noblesse : l'essor des élites politiques en Europe ; *Werner K.-F.* La genèse des duchés en France et en Allemagne.
- ¹³⁹ *Werner K. F.* Die Ursprünge Frankreichs bis zum Jahr 1000.

¹⁴⁰Chronicon sancti Maxentii Pictavensis. Anno 845. P. 365 : «His temporibus Normanni diffusi sunt per Aquitaniam, quia duces ejus inter se bello deciderant nec erat qui eis resisteret ; et concrematae sunt ab eis Hero insula et monasterium Deas, Burdegala, Santonas, Engolisma, Lemovicas, Parisius, Turonis, Belvagus, Noviomagum, Aurelianus, Pictavis, et innumera monasteria et castella destructa post mortem Ludovici imperatoris».

¹⁴¹Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense. Ad orbe condito ad annum Christi MXLI. Anno 868 : «His temporibus Normanni diffusi sunt per Aquitaniam, quia Duces ejus inter se bello dessidebant, nec erat qui eis resisteret ; et concremata est ab eis Hero insula (846 mense Julio) et Monasterium Deas, Burdegala, Santonis, Engolisma, Lemovicas, Parisius, Turonis, Belvagus, Noviomagum, Aurelianus, Pictavis, et innumera Monasteria et castella destructa post mortem Ludovici Imperatoris».

¹⁴²*Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. Anno 866 (858). S. 90: «Ceteri formidantes, ne similia paterentur, Ludovicum regem trans Rhenum commemorantem sollicitant...»

¹⁴³*Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 166. N. 83 ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 113–115.

¹⁴⁴Chronicon sancti Maxentii Pictavensis. P. 366.

¹⁴⁵Ademar. Chron. Lib. III. Cap. 16. Lib. III. Cap. 18.

¹⁴⁶Ademar. Chron. Lib. III. Cap. 25.

¹⁴⁷The annals of St-Bertin. 144. N. 2 ; *Dhondt J.* Études. Deel 102. P. 203.

¹⁴⁸The annals of St-Bertin. Anno 867. P. 143.

¹⁴⁹The annals of St-Bertin. Anno 868. P. 143. N. 17 ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). 167. N. 86.

¹⁵⁰The annals of St-Bertin. Anno 868. P. 143. N. 18.

¹⁵¹The annals of St-Bertin. Anno 868. P. 143. N. 17.

¹⁵²The annals of St-Bertin. Anno 868. P. 143.

¹⁵³The annals of St-Bertin. Anno 868. P. 144.

Глава 4

Наследие Каролингов в X в.: Хроника Рихера Реймского как взгляд с севера

Короли и знать: формирование баланса власти в конце IX–X вв. (по «Хронике» Рихера Реймского)

Попытки оценки франкских правителей из рода Каролингов в течение всего времени существования династии наталкиваются на вопрос оценки их правления в X в., когда они выделялись слабыми и малозначимыми монархами. Оценка каролингского наследия эпохи наибольших успехов Каролингов при Пипине III, Карле Великом и при Людовике Благочестивом во время сложных для династии времен X в. всегда была одним из важнейших аспектов самооценки и политической репрезентации власти начиная с конца IX в.¹ Каролингское имперское наследие и созданные в его рамках символы власти много значили в X в.² Карл III, чьи годы правления пришлись на большие территориальные потери Западно-франкского королевства в Лотарингии, на значительные уступки магнатам во всех областях королевства, Людовик IV Заморский, которого видели практически как игрушку Гуго Капета и Лотарь не создавали у историков, даже крайне требовательно к ним настроенных, впечатления не очень удачного правления в течение последнего столетия их существования в качестве королевской династии. Именно этот период считался эпохой создания т. н. «каролингского мифа», т. е. системы представлений, которые рассматривали всю историю королевства франков с коронации Пипина III до Гуго Капета как историю

легитимации церковью и окружавшей королевскую династию аристократией сюжетов триумфа династии или положительной переоценки ее неудач.³

«Каролингский миф» создавался в течение всего времени нахождения у власти Каролингов, однако период X в. является ключевым для появления в этом мифе того, что историки иногда называют «мягкой властью», а в дополнение к этому системы властных полномочий, которые можно было бы назвать «властью по традиции». Поскольку общим местом в исторических представлениях, а также в представлениях об обществе, основанных на здравом смысле, является понимание взлетов и падения семей и династий и интуитивное понимание общей ограниченности длительности правления любой династии. Это связано с тем, что в отличие от начального периода правления этой династии, потомки Карла Великого и Людовика Благочестивого в X в. естественным образом, как любая семья, дошли до предела, после которого у любой династии возникают биологические предпосылки для кризиса. Поэтому проблема интерпретации любого источника по последним десятилетиям правления семей состоит в проблеме достоверности. Для ее решения нужно как минимум два независимых источника. И если ситуация соответствует первому условию, то выполнением второго условия возникают проблемы. Специфика источниковой базы для описания истории королевства франков после правления правнуков Карла Великого состоит в наличии двух зависимых источников, более поздний из которых в значительной степени повторял более ранний. Это «История Реймской церкви» Флодоарда Реймского и «Хроника» Рихера Реймского. В маргиналии, сделанной на нижнем поле первой страницы рукописи, Рихер признавался, что многое взял из труда Флодоарда.⁴ Это не помешало обоим историям быть ключевыми источниками по истории X в. В отношении обоих авторов исследователи составили достаточно полную картину истории составления рукописей и взглядов этих историков, а также провели исследования относительно достоверности и значения основных описываемых в них событий. Однако отчасти не раскрытыми остались вопросы не столько заимствований из источников X в., сколько, сколько практика использования

топосов, ставших нормативными и широко распространенными для историков начиная с раннего Средневековья.

Рукопись и сочинение Флодоарда получили много внимания от исследователей.⁵ Флодоард, как считается, сделал много для того, чтобы подчеркнуть фактическую точность излагаемого им материала, включением оригинальных грамот превратив историю в «регесты».⁶ Но главной темой для него была защита прав реймской церкви.⁷

Сравнение Флодоарда и Рихера подчеркивает контрасты этих двух авторов.⁸ Сочинение Рихера считается весьма сдержанным и взвешенным изложением событий в королевстве франков в конце IX – X вв. Его единственным недостатком, как считают историки, была эпизодичность.⁹ Сложилось мнение, что сочинение Рихера стоит использовать как важный и независимый источник только в отношении событий конца X в., потому что начальная часть его сочинения в значительной степени имеет дело с тем, что уже было описано Флодоардом.¹⁰ Про него писали также, что документально подтвержденные события из истории Флодоарда он раскрасил диалогами, описанием сражений, описанием характеров и болезней.¹¹ Однако это можно описать как результат значительного изменения в системе знаний. Считается, что если Флодоард был продуктом еще статичной каролингской системы образования, то Рихер уже воплощал в себе *aviditas discendi* совершенно нового периода, когда страсть к знаниям уже не была закована в жесткие рамки, установленные когда-то *Admonitio generalis*.¹² Однако историками также было показано, что Рихер имел собственный взгляд на события и часто расставлял акценты таким образом, которые показывали его личную точку зрения.¹³ В последующей дискуссии будет показано, что его взгляды на события показывают нетрадиционность мысли этого историка, хотя он как раз пытался представить себя как сторонника традиционных взглядов на историю и методы ее изложения. Его горизонт был достаточно широк, в отличие от горизонта Флодоарда, и охватывал уже не только дела западно-франкского королевства, но и дела Германии и юга Франции, причем в довольно значительной степени.¹⁴ Сочинение Рихера, даже если оно

рассматривало те же сюжеты, что сочинение Флодоарда, отличалось большей широтой охвата и поиском более общих закономерностей.

Стоит отметить, что ключевым в характере событий в истории X в. была тема вызовов, которые испытывала власть франкских королей из рода Каролингов в период, когда в силу разного рода внешних влияний старая инфраструктура власти перестала соответствовать потребностям ее отправления. По сравнению с т.н. периодом «варварских королевств», который в случае франкской монархии пришелся на время правления королей из династии Меровингов и который характеризовался значительным остаточным влиянием городских сообществ, каролингский период был временем развития сообществ землевладельцев, связанных взаимными обещаниями с монастырями, являвшимися нервными центрами каролингской власти.¹⁵ Именно монастыри, а точнее, сообщества монахов и отпрыском местных семей, стали основой социальной инфраструктуры этого периода. Однако после нападений норманнов именно существование сети монастырей как основы власти было поставлено под сомнение. Можно отметить ряд моментов, когда казалось бы проигранное положение Каролингов оказывалось наоборот, выигрышным. Приход к власти Одона в 888 г., который практически явился основателем династии Капетингов, закончился без особых результатов через 10 лет, в 898 г. «Династические» проблемы, а точнее, проблемы формирования семьи правителя, начали сразу преследовать Робертинов, потому что после Одона остался только его младший брат Роберт (866-923, правил 922-923), родившийся у Роберта Сильного (ca. 830-866) посмертно. Вряд ли это можно назвать успехом на тот момент, потому что за кратким сроком правления Одона последовало правление Карла III Простоватого, а потом Рудольфа Бургундского. Правление Карла не считалось столь уж провальным, потому что его «простота» воспринималась как позитивный аспект его личности.¹⁶ Во-вторых, после сражения, в котором погиб отец Гугона Великого (898-956) Роберт в 922 г., он не принял предложения стать королем, и передал это право Рудольфу Бургундскому (923-936), как об этом пишет Рихер Реймский. Более того, ряд эпизодов в середине X в., когда можно было бы отдать

первенство Гугому Великому, на самом деле способствовали, хотя бы отчасти, восстановлению престижа Людовика IV Заморского. После смерти Гугона Великого и прихода к власти Гуго Капета последнему пришлось ждать, как сообщается, несколько лет, чтобы получить подтверждение своего статуса в качестве наследника своего отца. Интересно, что весь набор *honores*, который включал и титул *Dux Franciae* (вероятно, имевший сугубо символический характер и не несший никаких конкретных владений), был получен только после санкции короля Франции Людовика Заморского. Но это подтверждение пришло поздно, потому что в это время на западной границе Западно-франкского королевства уже сформировалось графство Мэн, которое перекрыло ряд ключевых укреплений, посещавшихся Гугоном Великим как владение короля и как земля, подотчетная майордому. Более того, нахождение у власти Карла (977–993), брата короля Лотаря, в качестве герцога Нижней Лотарингии и его вполне успешные появления в качестве важной политической фигуры говорят о наличии у Каролингов определенного запаса прочности.¹⁷ В целом, развитие ситуации в королевстве франков в конце X в. говорит о постоянной коммуникации между важнейшими игроками в период событий смены династии, и о существовании вокруг Каролингов сообщества заинтересованных в их власти людей и о невозможности говорить об их изоляции.¹⁸

Таким образом, три критических эпизода, в 888, 922 и 956 гг., когда власть могла легко перейти к семье майордома из Робертинов, на самом деле, по мнению Рихера, дали противоположный результат. С точки зрения Рихера, каждый раз, когда, казалось бы, силы Каролингов были исчерпаны и семья майордомов могла уже брать на себя их функции, каждый раз оказывалось какое-то препятствие, после чего королевская власть как в первую очередь сакральная оставалась именно у этой династии. Исследователи считают, поэтому, что Рихер в целом остался лояльным династии Каролингов, потому что он получил свое положение в Реймсе благодаря своему отцу, как раз служившему этой династии. Однако стоит отметить, что в его изложении положение последних Каролингов было скорее амбивалентным, чем однозначным.¹⁹ Это говорит о том, что секрет власти

Каролингов нужно искать не в силе или способности удерживать большое количество вооруженных сторонников на своей службе, а в чем-то другом.

Отметим, что в истории Западно-франкского королевства историки в течение долгого времени не видели никакой системы. Единственной моделью оставалась модель «ослабевающей династии», которая подразумевала только постепенно нарастающую зависимость королей от своих магнатов. Правда, уже начиная с А. Бартелеми историки стали подмечать, что *honor* королей Западно-франкского королевства был довольно значителен, потому что ни у кого из их соперников не было территориально связанных княжеств, а были только отдельные владения, разбросанные по нескольким графствам.²⁰ Это вытекало из более ранней истории Каролингов, потому что в Западно-франкском королевстве, а в особенности в Париже, графы были либо весьма малозначимыми людьми, либо, наоборот, происходили из знати, державшей в руках как северную часть Западно-франкского королевства, так и Париж. Т.е. уже в Каролингскую эпоху сложилась ситуация, когда значимые люди держали по нескольку графств, но при этом их владения значительно пересекались и практически представляли собой «черезполосицу».²¹ При «братском режиме» правления такая «черезполосица» была крайне выгодна правителям, потому что разбросанные по разным графствам владения ближайших к трону магнатов не давали им возможности еще больше ослаблять хрупкий баланс сил между братьями и родственниками.²²

На эти рассуждения наложилась весьма продуктивная концепция «территориальных княжеств», в рамках которой исследователи видели X в. прежде всего не как время «распада» властных структур, а как весьма позитивный процесс формирования внутренне цельных графств и герцогств.²³ Это усложнило рассуждения, хотя и создало определенную позитивную модель. Кроме этого, работы по формированию в среде знати родов показали, что те, кого мы видим в источниках, обычно были частью целого сообщества родственников, часто очень тесно связанных с монастырскими общинами.²⁴ Более того, попытки далее исследовать сообщества знати показали, что элиты с начала каролингской эпохи

действительно существовали, но что строились они вокруг тех представителей, которые по крайней мере были посредниками между королевским двором и местной знатью, а чаще были просто важнейшими членами окружения короля.²⁵

Заметим, что историю 10 в. нужно понимать только с точки зрения долгосрочных перспектив, поскольку в течение IX в. и Каролинги, и их окружение постепенно научились рассчитывать свою стратегию не на одно поколение. Возможно, что даже современникам событий это не было столь заметно. Но это было очень хорошо заметно Рихеру Реймскому, например, который в конце X в. мог рассматривать события уже с совершенно другой точки зрения, чем современники. И именно в его истории эти долгосрочные тенденции внезапно приобрели смысл. Возможно, он дал определенную интерпретацию событий и приукрасил их. Однако в любом случае он описывал сложившуюся в его время реальность, что говорит о действительном существовании хотя бы элементарного представления о будущем среди правителей. Стоит отметить, также, что у Рихера Реймского мы можем заметить, даже по сравнению с Флодоардом Реймским, понимание ограниченности времени существования династии. Конкретные эпизоды его авторской стратегии изображения истории Каролингов последуют далее.

Стоит упомянуть, что Рихер Реймский выступает в данном случае как историк, перспектива которого охватывает весь X в. и поэтому более является более цельной по сравнению со взглядами других историков этого периода. Это всегда вызывает вопрос оценки его труда, потому что вследствие устоявшейся еще со времени развития позитивизма методологической концепции, именно первый по хронологии источник считался наиболее достоверным. Поэтому историки подмечали, что его точка зрения может быть вторичной и представляющей более позднюю переоценку событий. Однако в настоящем исследовании предлагается посмотреть на эту проблему исторического взгляда с другой стороны, в особенности с точки зрения оценки долгосрочных стратегий королевской власти и знати в этот период.

Главной особенностью повествования Рихера является разделение описываемого им исторического периода на две части. Каролинги в его повествовании вовсе не предстают слабыми королями изначально, с конца IX в. Однако ему нужно было как-то объяснить их падение. Что интересно, даже этот факт был необязательным для описания. В частности, более поздний историк, Адемар Шабаннский, который писал в 1030-е гг., наоборот, считал, что на самом деле последний король из династии Каролингов Лотарь был, на самом деле, смещен посредством узурпации власти Гуго Капетом, и умер позже, чем это считается, а именно, в 996 г. Поэтому в истории было две точки зрения, одна более благоприятная к Каролингам и считавшая их обладавшими запасом прочности (как это видно у Адемара), и вторая, хоть и довольно благоприятная к ним, но все равно считавшая потерю ими власти делом их собственных рук. Заметим, что оба подхода были вполне лояльны к правителям из рода Каролингов, но отличались в оценке их действий.

Интересно отметить, что Рихер Реймский оценивает первый эпизод ослабления Каролингской власти в 888 г. как определенную «абerrацию» в основном ходе истории. Несмотря на все попытки ученых XIX в. представить этот эпизод как «катастрофу» для Каролингов в силу прихода власти Одона, сына Роберта Великого, обращение к конкретному месту в тексте всегда показывало, что для Рихера это как раз не было катастрофой. Во-первых, можно отметить, что в его представлениях Одон практически не был королем в Нейстрии, потому что сразу отбыл в Аквитанию. Причиной отъезда он считал редкостную дороговизну продуктов, которая возникла в результате избрания Одона. Подобное объяснение сразу ставит этого правителя в проигрышное положение, если судить в рамках традиционных сакральных представлений о правителях. Во-вторых, если судить по Рихеру, что оказывается, что фактически свою курию король франков собирал именно в Аквитании, а точнее даже в Васконии (Гаскони), а не в Нейстрии. Ключевым моментом этой истории является также причина смерти Одона, которая, как он считал, произошла напрямую из-за отсутствия легитимности его власти и из-за «расстройства» из-за ранней, в 892 г., коронации Карла III, как считал Рихер. Хотя историки и говорят о недостоверном характере

сообщений этого историка в отношении болезней, представляется, что такое описание говорит о снижении уровня пафоса нахождения у власти короля некаролингского происхождения.²⁶

Можно ли доверять Рихеру в данном случае? Представляется, что в данном случае он был пристрастен, потому что хотел немного ограничить амбиции и претензии Гуго Капета и Робертинов в целом. На самом деле власть Одона могла быть основана на тех же основаниях, что и власть легитимного правителя из Каролингов. Более того, любая власть в Западно-франкском королевстве, лоскутном по своему характеру, могла основываться только на поддержании постоянного согласия между правителем и знатью. Мы можем только судить о том, что в это время произошло несколько перестановок в системе отношений знати и графы ряда областей Франции, таких, например, как Пуатье с относящейся к ней должностью герцога Аквитании, Оверни и других областей.²⁷ О характере этих перестановок рассказывается в другой главе настоящего исследования. Это действительно подтверждает, что в момент правления Одона к власти пришли другие люди. Но с другой стороны, стоит отметить очевидный факт, что в конце 880-х гг. к власти по всей Каролингской империи пришли три правителя, не принадлежавших к этому роду: Одон, Беренгар Италийский и Рудольф (Рауль) Бургундский.²⁸ Поэтому в любом случае можно отметить, что приход Одона к власти был отражением общеевропейских тенденций. Интересно, однако, что в глазах церкви эти «новые» династии не виделись как однозначная замена Каролингов как всем надоевших и ослабших правителей. Поэтому на основании этого эпизода можно видеть, как в нарративах, создававшихся церковью, наблюдалась тенденция к поддержанию исторического баланса между династиями правителей. Если смотреть с точки зрения церкви в целом и папства в частности, то можно отметить, что такой вариант истории был вполне в интересах составлявших немалую конкуренцию светским правителям прелатов.

Интересно отметить, что в целом нарратив о правлении Одона построен в отрицательных тонах. По мнению Рихера, когда он собирал ополчение, чтобы бороться с пиратами, но почему-то опирался при этом прежде всего на юг

Франции, где викингов было как раз мало.²⁹ В долине Луары могло быть много нападений со стороны пиратов, и вероятно, Рихер имел в виду, в дополнение к Луаре, бассейн Сены. Однако Рихер специально в своем рассказе подчеркивал, что составлявшие основу войска воины могли похвастаться традициями своих отцов, которые еще могли побеждать империю.³⁰ В данном случае намек был на готов, которые единственные из варварских народов могли похвастаться полноценной победой над войсками империи в 378 г. при Адрианополе, и самое главное, взятием Рима (хотя бы в том виде, в котором это виделось потомкам). Поэтому в рассказе Рихера появлялся странный намек на то, что основой правления Одона, короля Западно-франкского королевства, были не столько франки, которые могли похвастаться только весьма ограниченными победами над Эгидием и Сиагрием, а как раз их соперники. На самом деле, идентичность этих воинов вряд ли можно с точностью определить, потому что рассказ Рихера явно слишком субъективен, чтобы быть точным.

Более того, Рихер рассказывает историю про строптивного воина, которая очень напоминает историю, взятую напрямую из Григория Турского. Речь шла об Ингоне, который в момент, когда воины не могли решить, кому именно нести королевское знамя, взялся это сделать, несмотря на то, что был королевским конюхом, и тем самым, являл собой пример зависимого человека.³¹ Эта история оставляет странное впечатление, потому что она не столько способствовала повышению статуса короля, сколько, наоборот, выставляла его как человека, доблесть которого должна была подтверждаться людьми совершенно другого, подчиненного статуса. История с Ингоном напоминает историю про строптивного воина, возникшего в эпизоде, когда Хлодвиг попросил отдать одну из захваченных золотых чаш в собор Суассона. Тогда один из воинов потребовал, чтобы чаша стала частью общей добычи, а не особой, королевской частью, и рассек ее мечом.³² Выступление Ингона по сути своей тоже подрывало сакральную функцию правителя, который был единственным человеком, имевшим право объявлять войну и мир и определять их ход. Так, Атанарих у готов в конце IV в., как считается, мог обладать функциями сакрального судьи и жреца, но не имел прав на собственно королевскую сакральность.³³

Отметим, правда, что сравнение двух сюжетов, у Григория Турского и Рихера, производит впечатление очевидного повтора, при котором повторяемый сюжет терял свою первоначальную драматичность. Если в первый раз он воспринимался как трагедия, хотя бы трагедия становления королевской власти, то второй раз его можно было видеть практически как фарс. Более того, второе описание не повторяло первую историю буквально, а строилось по принципу катакрезиса (*catachresis*), т.е. ломки уже устоявшихся метафор, возможно проникших в сознание читавших людей, а также и обычных жителей королевства франков, в связи с этим эпизодом. Ломка метафоры предполагала ее буквальное прочтение, т.е. скрытые смыслы при этом терялись. Ингон выступал не против короля, как это сделал безымянный воин из рассказа Григорий Турского. Он, наоборот, выступал за войну, которую вел король. Поэтому завязка истории была смещена относительно завязки истории из Григория Турского, где речь шла о дележе добычи. Одновременно, король лично не пересекался с конюхом и конфликта не было. Фактически, король появился в образе правителя новой рыцарской эпохи, от которого уже не требовалось вести военные действия самому, потом что он в первую очередь был сакральным хранителем согласия между светской и церковной властями. История заканчивалась также, как и история Григория Турского, посрамлением Ингона, однако это произошло потому, что бывший знаменосец убил вождя пиратов в момент крещения того. Это поставило его, как и воина – противника Хлодвига, вне общества и заставило объясняться перед всеми. Он не был наказан, но показал себя язычником, как и тот воин из истории Григория Турского. На примере этой истории видно, что в сочинении Рихера общие смыслы оставались примерно теми же, некоторые оценки были прямо противоположными. Король из предводителя дружины превратился сначала в сакрального правителя и жреца-миротворца у варваров (у Григория Турского) с функцией покровителя галло-римского населения и церкви. Но в случае малознатного Одона король был просто защитником церкви, но не сакральной фигурой ни для своей дружины, ни для церкви.

Эти истории Рихера интересным образом совпадают со схемой власти, созданной Тацитом и весьма значимой как в меровингскую, так и в каролингскую эпоху. Но понять, использовалась ли она в пользу Одона или против него, достаточно сложно. Проблема в том, что выступление Ингона, например, может интерпретироваться и как знак неспособности короля объединить вокруг себя воинов, и как указание на значимость тесной связи короля и церкви и отпадения у последнего функции военного предводителя. Более того, есть еще более простой ответ, состоящий в том, что сам Одон был внуком Витикина, который именно в качестве воина пришел из-за Рейна на королевскую службу. Как представитель третьего поколения королевской семьи и династии, он мог считаться «слабым» предводителем воинства, потому что это умение, как правило, не передавалось по наследству и требовало таланта и желаний. Таким образом, мы видим, что эту историю из Рихера нужно воспринимать именно в терминах тацитовского текста.

Отметим, что в системе представлений Рихера можно отметить специфическое отношение к Одону, который по нескольким параметрам мог в негативном ключе сравниваться с идеалом правителя. Например, для Рихера Одон заведомо не был знатен, потому что его дед был из простых воинов из-за Рейна. Таким образом, он не походил на «короля по знатности». Это происходило потому, что статус графа, которым обладал его отец Роберт Сильный, был только результатом династического брака его самого или Витикина с дочерью графа Блуа. Т.е. сам Одон не мог считаться даже независимым графом по мужской линии, так как вся знатность пришла к нему по женской линии. В этом смысле Рихер полностью лишил Одона важнейшей составляющей власти в представлениях раннего Средневековья, а именно способности выполнять функции сакральной власти. История с Ингоном в каком-то смысле показала Одона как не отвечающего требованиям к власти по принципу доблести. Он оказался не тем человеком, который смог вести вокруг себя воинов. Одновременно, он показал его и как человека не очень знатного, а точнее, как человека, чья знатность была только во втором поколении и которая пришла по женской линии либо его бабушки, либо матери. Возникает только один вопрос, знал ли Рихер Тацита

настолько хорошо, чтобы пользоваться его понятиями и представлениями без промежуточных источников.

Сюжет с Одоном рассматривался исследователями как интересный пример «переписывания истории», потому что это событие конца IX в. приобрело в конце X в. совершенно другой смысл. Для некоторых исследователей Нового времени правление Одона было предвосхищением прихода к власти Капетингов. Это было связано с доминированием в области истории концепций эпохи Романтизма, которые еще много заимствовали из идеи истории как predetermined заранее процессов и событий, характерной для XVIII в. Правда, уже к XX в. историки стали сдержанно относиться к приходу к власти Одона и подчеркивали, насколько сложно ему пришлось, чтобы уговорить всех согласиться с его властью.³⁴ Но историки этого периода отмечали попытки самого Одона договориться с магнатами Нейстрии и всего Западно-франкского королевства. Дело же в том, что мы практически ничего не знаем о самом Одоне, но имеем только более поздний образ его, в котором этот правитель уже выступает в совершенно ином качестве временного и не очень удачливого правителя. Рихер не унижает его, все-таки отдавая ему победу в борьбе с «пиратами», однако и это событие остается неоднозначным, потому что оно омрачено историей с самостоятельным конюхом. Следует понимать, что «конюх» в данном случае является условным термином, потому что *comes stabuli* мог представлять из себя довольно значимую фигуру, объединявшую вокруг себя многих магнатов, чья военная сила зиждлась в первую очередь на конном войске. Но в любом случае следует отметить, что неприятную для Меровингов историю о неподчинении воина Рихер перенес в своем случае с Каролингов на одного из франкских магнатов.

Вопрос о значимости модели Тацита для Рихера весьма значим. Из начальных строк его сочинения мы видим, что он действительно подражал Тациту, потому что использовал термины «белги», «кельты» и др. Но даже прочитав Цезаря, можно было увидеть эту схему, которая у Тацита получила просто более развернутую формулировку. Самые ранние рукописи сочинения Цезаря «De bello gallico» происходят из аббатов Корби (Paris lat. 5763 и ms.

Vatican lat. 3864, Флёрн (Ms. Amsterdam 73) и Муассак (Paris ms. lat. 5056)). Самый ранний из них датируется первой четвертью девятого века, а два последующих были составлены в конце IX и в X вв. Этого говорит о том, что теоретически рукопись из Корби могла быть известна Рихеру. Более того, есть вероятность, что Рихеру был знаком текст, приписывавшийся Цезарю и очень похожий на сочинение Цезаря по стилистике и информации, т. е. «Космография Цезаря».³⁵ Собрание текстов, по большей части канонического содержания, и приписывавшееся Ансегису, связывалось исследователями с епископским престолом Реймса. Оно было составлено, как считается, во второй половине IX в., так что Рихер, вполне вероятно, мог его видеть и им пользоваться. Но даже если нет, то знания из нее могли передаваться устным образом. Что интересно, ссылки и терминология Рихера говорит скорее об отсутствии знания текста Тацита, рукописи которого, как считается, стали известны только в XIV в. Но в любом случае, можно отметить в его сочинении внутреннее соотнесение реалий IX–X вв. с более ранними текстами.

Более того, можно отметить, что и третья составляющая образа правителя раннего Средневековья, а именно роль судьи и миротворца, была представлена Рихером в несколько сниженном тоне. Например, после сражения с пиратами Одон отправился в Ангулем, где разбирал некоторые дела своих вассалов. Стоит отметить, что хотя он и делал это в рамках не только королевской прерогативы, но и в рамках образа судьи, само местоположение этого процесса было достаточно сомнительным. Ангулем был городом, который посетил Хлодвиг на обратном пути из Тулузы и который обладал определенной степенью еще римской легитимности. Какова была эта легитимность, сложно определить точно, потому что истинное место Ангулема в системе власти диоцеза Галлия не определено. Можно сказать точно только то, что этот город, имевший свои укрепления и находившийся на пограничном для империи месте, имел свою специфику, но именно по этой причине не мог считаться частью Арморика, Нейстрии, или Западно-франкского королевства. Таким образом, Одон в изображении Рихера Реймского приобрел полномочия миротворца и судьи только регионального масштаба.

Изображение Одона, таким образом, было крайне субъективным, и что интересно, играло на пользу Каролингам по сравнению с любыми другими представителями знати.

Что в данном случае могло быть причиной столь особых отношений между церковью и Каролингами? Считалось, что Людовик Благочестивый как слабый король отдал очень большое количество земель церкви в пожертвования, и поэтому имел поддержку в церкви. Однако через полтора столетия могла ли быть эта поддержка столь значимой? По-видимому, конфликт 830–833 гг. показал, что власть франкских правителей состояла в более специфических и значимых категориях, нежели просто поиск согласия с церковью. В принципе, в рамках этого конфликта Лотарь I тоже мог получить статус защитника церкви. По-видимому, дело в особых церемониях, которые сделали Людовика в рамках коронации 816 г. и в рамках Аахенского собора 817 г. полноправным императором и правителем. Каролинги приобрели для церкви особый статус в силу своего императорского титула и в силу решений Аахенского собора 817/818 гг., который фактически, в силу одобрения этим собором Людовика Благочестивого, сделал церковь и светскую власть равнозначными партнерами. Дело в том, что после этих событий в его титуле появился термин *coadiutor ecclesiae*, что означало не просто добровольного помощника, но и практически, по римскому праву, «адвоката» (*advocatus, agens* или *actor*). Это был особый статус человека, близкого к церкви, который имел право вести ее дела в имущественном плане в течение долгого времени. Несмотря ни на какие эпизоды ослабления власти Каролингов терять эту столь тяжело полученную сакральность самой церкви было нельзя. Поэтому Каролинги были на особом счету и их не касались никакие истории о специфическом ослаблении власти в плане именно ее сакральности. На данном этапе для церковных историков сакральность могли терять только магнаты, которые ей в принципе еще пока и не обладали. Налицо очень грамотный баланс образами власти в сочинении церковного историка. Считается, что главным преимуществом Гуго Капета, а также его отца перед другими магнатами Франции было то, что его семья в течение 10 в. стала покровительствовать многим монастырям и приобрела

статус «братьев» монастыря.³⁶ Этот статус был одним из самых ценных аспектов власти, потому что он давал возможности опираться на ресурсы монастырей, причем не только на земельные, но и духовные. В любом случае правитель мог найти в монастыре убежище. Эти отношения были, как считают исследователи, крайне личными и долгосрочными. Для обычных людей король не раскрывался как личность и даже не смеялся.³⁷

Но еще более важным аспектом власти являлось то, каким образом были установлен контакт и передача легитимности. Не следует забывать, что Людовик Благочестивый получил власть, когда Карл Великий попросил признать его сына в 813 г. церковь и магнатов. Как уже было сказано, это был особый процесс в правовом смысле, «пожелание» (но не просьба), потому что именно Людовик Благочестивый очень сильно зависел от доверия, оказываемого ему прелатами и магнатами. Уже любой из сыновей Людовика Благочестивого, даже если бы получил это доверие своими действиями, не мог бы похвастаться теми особыми правами, которые были даны его отцу. А дело состояло в том, что в 813 г., когда проходила коронация, в Византии сменился император и прервалась династия, потому что Михаил Рангабе отрекся после захвата власти Львом V, генералом из Армении. Период династий прервался до 820 г., но это дало возможность второму по порядку Каролингу проскочить в качестве единственного на тот момент императора одновременно и Западной, и восточной империй. Но эта ситуация уже больше не повторялась, и поэтому как ни старались Лотарь I или Людовик Немецкий, они не могли претендовать на этот статус. Нужно отметить что и двух ситуаций для одной династии Каролингов было достаточно, потому два поколения с намеками на власть во всем Средиземноморье дали возможность Каролингам стать династией надолго. Более того, коронация Карла Лысого в Орлеане в 848 г. и вторая коронация, которая произошла после присоединения им наследства Лотаря II после смерти последнего в 869 г., в Реймсе, говорит о том, что Каролингские правители Западно-франкского королевства пользовались значительным уважением церкви как надежные партнеры.³⁸ Сама возможность и первой, и второй коронации говорит о том, что потомство Людовика Благочестивого по линии Карла Лысого обладало

определенном крелитом доверия с стороны церкви, потому что именно Карл Лысый, а не его братья, ни разу не нарушил те правила поведения правителя, которые были необходимы церкви. А именно, он ни разу не объявил себя правителем вне тех договоренностей и ритуалов, которые дали ему власть.

Соответственно, до коронации Оттона I в 961 г. возможностей для прихода к власти кого-либо из магнатов просто не существовало. Причиной этому было то, что благодаря счастливому стечению обстоятельств именно Каролинги могли рассматриваться как своего рода императоры единого Средиземноморья, потому что в двух случаях их коронация совпадала, хотя бы и по чистой случайности, с отсутствием легитимной наследственной власти. Можно оспорить мнение некоторых исследователей, которые считали, что конфликты в королевстве франков по поводу брака Людовика Благочестивого с Юдифью вызвали существенное противостояние между королем и знатью.³⁹ Представляется, что хотя сочинения Агобарда и были написаны по следам событий, но они в значительной степени состояли из крайне радикальных оценок, которые не имели под собой почвы для описания реального положения дел. По сути своей, они представляли собой попытку договориться с королями о границах возможного поведения. Нет возможности представить, что слова Агобарда могли восприниматься серьезно, потому что несмотря на всю их конфликтность, они были по сути обвинениями, из которых не могло последовать никакого вывода в смысле совместного действия знати против короля. Обвинения в слишком большом влиянии супруги хоть и были весьма громкими, но в реальности не представляли из себя ничего такого, что могло бы потребовать реального действия. Каждый из магнатов на интуитивном уровне представлял, что любые обвинения против женщин заканчивали свое существование как смехотворные и плохо характеризующие их выдвинувшего.

Стоит отметить, что в целом описание событий правления Карла III Простоватого и Людовика Заморского является достаточно благоприятным, и прерывается только отдельными эпизодами жалоб короля на своих магнатов. В частности, Карл III Простоватый воспринимается как правитель, достаточно успешный в области выстраивания отношений с новыми, не Каролингскими

правителями Восточно-франкского королевства. В частности, в противовес историкам из Германии, Рихер подчеркивал изначально вассальный статус и Конрада I, и даже Генриха I. Это могло быть его личной субъективной оценкой. Но одновременно, это могло указывать на то, что в ментальности людей этой эпохи власть и сакральность были принципиально разными вещами. Поэтому несмотря на то, что за Генрихом I могло стоять больше воинов, статус Карла III Простоватого в качестве наследника императора, одобренного по сути настоящим и полноценным церковным собором, был, конечно же, более важен церкви, чем правитель, не связанный подобными обязательствами.

Эта матрица описания событий, характерных для времени правления Карла III Простоватого, повторялась потом и для описания правления его сына и преемника Людовика IV Заморского. Ключевые события, которые для Меровингов являлись поворотными в плане потерей династии определенного образа, в случае Каролингов были обойдены посредством ряда боковых линия рассказа, на которые и легла тяжесть повествования о непростом выборе, которые пришлось делать правителям в ряде случаев. Стоит отметить, что как не старались Меровинги, но однако в начале VII в. они рассматривались Фредегаром как жертвы кровной мести со стороны то ли визиготских королей, то ли бургундских королей. Например, считалось, что при Брунгильде погибло десять королей, и один, Хлодомер, погиб еще в 530-е гг. при попытке захватить Бургундию. Даже одна смерть от руки недруга рассматривалась как удар по роду. Здесь же их было одиннадцать, что можно рассматривать фактически как прекращение рода как знатного и значимого в политике. Стоит отметить, что это была оценка Фредегара, а не общее мнение, потому что ничего подобного мы не находим у Григория Турского. Но тем не менее, пример Меровингов показал церковной иерархии, и в частности, римским первосвященникам, что любая династия наберет в сложном мире раннесредневековой Галлии слишком большое количество отрицательных аспектов образа. Причем как успех, так и поражение могли в равной степени способствовать снижению образа до обычного и не имеющего не капли сакральности. Успехи правителей рисовали их как кровожадных тиранов, как это сделал Григорий Турский в случае Хлодвига, который, по

его мнению, перебил всех своих родственников.⁴⁰ Потери от кровной мести выставляли правителей в качестве жертв, и именно этот образ и был создан Фредегаром, хотя еще у Григория Турского он отсутствовал. Таким образом, можно говорить о том, что научившись на своем опыте, историки поняли, что линия «королевского повествования», линия истории династии не работала в Галлии, хотя эта модель была не так уж плоха для Средиземноморья. Поэтому к концу X в. историки стали нарративными средствами разделять различные нарративы и творить образ власти способами, отличными от более ранних моделей. Главным аспектом истории Рихера, как и историй его современников, является то, что в его сочинении впервые появляются разделение нарратива на несколько не связанных частей, где уже не церковь и светские правители, а сами светские правители разного статуса были изображены так, как будто они жили не одновременно, а в своего рода «параллельных» системах координат. Уже история с Одоном показывает, что даже в географическом смысле Одон, уехавший в Аквитанию, и Карл III Простоватый, оставшийся на севере Нейстрии, были частями разных историй, историй южной и северной Галлии, франкского королевства.

Если задаться вопросом об образе Каролингов в сочинении Рихера, то можно отметить, что в нем присутствуют два очень важных «новых» (насколько вообще можно говорить о новом в изображении власти в Средневековье) аспекта. Несколько раз он упоминает о «жалобах» короля Карла III Простоватого на своих магнатов со словами об их злоупотреблениях и неуважении к его королевскому статусу. С жалоб начинается также и правление Людовика IV Заморского. В целом эти истории сложно интерпретировать хоть как-то, потому что они могут быть в равной степени как субъективной интерпретацией Рихера, так и отражением реальной истории. Историк из Реймса мог в данном случае занимать как позицию, направленную против последних Каролингов, подчеркивая их слабость, так и позицию в их пользу, подчеркивая их мужество. Идея сильного короля, всегда полностью контролирующего ситуацию и полностью владевшего браздами правления, могла и не быть идеалом церкви, потому что прелаты болезненно относились к светским правителям, обладавшим

авторитетом среди магнатов. Идеалом церкви был не король-воин, а «благочестивый» король.⁴¹ Т. е. следует понимать, что даже Карл Великий был интересен церкви не столько как воин, потому что даже Эйнхард, несмотря на свой светский статус, отмечал, что Карл Великий только дважды лично принимал участие в военных кампаниях.⁴² Церковь интересовало согласие светского правителя с ними, что они полностью получили в лице Людовика Благочестивого.

Но тогда в рамках исторического нарратива церковным по своему статусу историкам надо было как-то объяснить процесс, посредством которого светские властители подчиняли себе магнатов. Именно в этом контексте можно понять описания «жалующихся» правителей как способ одновременно решить две проблемы и создать два дискурса из одного нарратива. Один дискурс, вполне близкий деятелям церкви, действительно рисовал короля как человека благочестивого и не готового применять силу. Это было нормальной ситуацией, потому что и сами клирики считали нормой своего поведения жалобу, а не требовать, поскольку *humilitas* была главным и основополагающим свойством клира и монахов. Например, сочинение Гвибера Ножанского так и называлось «Плачи» (*Monodiae*). Более того, следует понимать, что именно действие, похожее по сути на жалобу, а на самом деле на просьбу *preces*, было основой коммуникации между церковью и империей после Миланского эдикта 313 г. Поэтому в самой жалобе не было ничего необычного.

С другой стороны, жалоба короля, ищущего поддержки магнатов могла быть способом выражения отношений формирования согласия, потому что именно эти отношения, а не заранее заданная перспектива, были основой структур власти. Положение каждого из магнатов было достаточно сложным, и многие из них прибегали к покровительству короля, когда им не было житья от соперников. Поэтому жалоба могла конструироваться клиром как знак поддержания политики, которая была установлена еще Карлом Великим и поддержана Людовиком Благочестивым в силу их статуса императоров и посредников между Богом и светскими магнатами. Светской же знатью она могла восприниматься как вполне нормальное состояние для правителя,

который не хотел силой отбирать что-либо у своих магнатов и который, как и они, прибегал к их помощи.

В случае Карла III Простоватого и Людовика IV Заморского мы можем заметить повторение одной и той же истории, которая говорит о том, что по крайней мере историки стали более внимательны по отношению к балансу власти вокруг королевского двора. Возможно, что тема тирана-магната, которая появляется у Рихера, была отражением реального соотношения сил, а возможно, и просто результатом конструирования нарратива историком. Но для нас важна хотя бы существование этой идеи в качестве интерпретации. Для Карла III Простоватого такой фигурой магната, который вызывал зависть и негодование многих светских властителей и прелатов, был Хаганон. Одним из возмущавшихся его притязаниями был герцог Роберт, который претендовал на власть над всей Кельтикой и не допускал возможности ее утери. Однако Хаганон заключил союз с Балдуином, графом Фландрии, подстрекая его против архиепископа Реймса Фулькона. Этот сюжет был впервые описан Флодоардом Реймским и затем использован Рихером Реймским. Его исследования показали, что за этими трениями не стояло настоящего конфликта между личностями.⁴³ Епископ Реймса в лице Херивея тоже был верен Карлу III Простоватому.⁴⁴ Таким образом, сложился интересный баланс власти, король Западно-франкского королевства, граф Нейстрии (настоящий титул установит сложно) и архиепископ ключевого для северной части Западно-франкского королевства города Реймса против лотарингца Хаганона (брата первой жены Карла) и графа Фландрии. Что интересно, Хаганон в отсутствие короля возлагал на себя круглую шапку, *pilleum*, что давало ему право выступать в качестве свободного человека и человека, имеющего право обладать властью. Рихер уделяет его истории несколько глав, что говорит о ее важности.⁴⁵ В результате борьбы архиепископ Фулькон погиб, граф Фландрии Балдуин усилился, а король, несмотря на упоминания Рихера о всеобщей ненависти к Хаганону, наоборот, оставил его при себе.⁴⁶ Однако похожая история в Восточно-франкском королевстве текла уже немного по-другому. В частности, она произошла после того, как в Меерзене скончался Рагнерий, знатный муж. Как переводит

сокращение его титула издатель Перц, он мог быть «мужем консульского достоинства». Современный же издатель дает термин *clarus*, или *clarissimus*.⁴⁷

Следует помнить, что консульское достоинство было у Меровингов, а вот могло ли оно быть просто у магната, это очень большой вопрос. Более того, не известно, был ли Рагнерий родственником Каролингов, потому что эта вероятность мала. Таким образом, мы имеем дело с человеком довольно высокого статуса, который был одним из важнейших участников договоренностей, приведших к подписанию капитулярия в Кьерси в 877 г. Он был назван как *Rainerus una cum predictis* среди группы знати, власть которых распространялась на область за рекой Мёз. Это может предполагать, что он был по статусу не просто одним из представителей знати, а воспринимался как главнейший из них. Это, по-видимому, и давало ему право называться «светлейшим мужем», потому что он фактически выполнял по отношению к региональной знати те же функции, которые в свое время выполнял Хлодвиг по отношению к варварской знати франкского королевства. Термин «*vir inluster*» был показателем важного статуса как при короле, так и среди знати, которым гордились его носители.⁴⁸ Если учесть, что власть Хлодвига была тесно связана с городом Суассон, а свой титул «консула» он получил в Туре, то видно, за этим его титулом стояла система власти, основывавшаяся на городских центрах бывшей провинции Западно-римской империи. Консульское достоинство было основой власти Хлодвига, потому что по сообщению Григория Турского, именно оно вместе со статусом патриция было даровано королю франков императором Анастасием. Хоть епископ Тура и сообщал, что титул «цезаря» и «августа» тоже был дан Хлодвигу, это утверждение как раз имеет меньше эвристического смысла. Это говорит о том, что именно надежный по своей сути титул «консула», который корнями уходил еще в полисное прошлое всего Средиземноморья и являлся основой авторитета императоров в течение всего существования Римской империи, имел значение для определения статуса короля в рамках бывшей римской провинции.

Вряд ли можно утверждать однозначно, что Рагнерий был именно «мужем консульского достоинства», потому что это недоказуемо даже на уровне интерпретации сокращения. Можно согласиться, что это означало только то, что термины и понятия, которыми описывалась власть римских императоров и чиновников, а затем и меровингских правителей, продолжали существовать, причем именно на том уровне, на котором они были характерны и для Меровингов. Разница состояла в том, что с изменением обстановки в Европе, с потерей южного Средиземноморья и с распространением на Средиземноморские области власти уже франкского королевства власть более не оценивалась в терминах правителей как правителей городов в первую очередь. Сами города потеряли очень сильно в результате распада экономических связей.⁴⁹ Поэтому власть короля как наследника империи и ее своеобразного наместника просто перестала удовлетворять людей, хотя сама терминология и подобная идеология власти остались.⁵⁰ Поэтому, несмотря на молчание источников по этому поводу, использование по сути своей римского термина для титула Рагнерия, вероятно, представляло собой символ связи королевства франков с имперским прошлым и с Византией. Одновременно, у Рихера можно увидеть оценку значимости этого римского прошлого для королевства франков, которая, как представляется, не была особо высокой или положительной. Более того, его ценка Рагнерия не была положительной, как кажется, потому что он смотрел на человека, участвовавшего в создании системы баланса сил между знатью и королем в 877 г. как на слишком много получившего по этим договоренностям. В уста Карла III Простоватого он вложил критические слова о бренности любой власти кроме власти королевской и императорской и полученной, более того, в согласии церковью.

Интересно также отметить, что термин, напоминавший о римском прошлом, употреблялся в отношении знати старого, отходящего в историю образца. Надгробная речь Карла III по поводу ухода Рагнерия тоже была выстроена у Рихера таким образом, что подчеркивала своеобразное «обтесывание», смягчение черт личности. В частности, как сообщает автор, король подчеркнул, что тот, кто был высоким, стал смиренным, а его памятник из глыбы стал предметом утонченного искусства.⁵¹ Этот пассаж

выглядит как своеобразная ссылка или цитирование одного выражения из предисловия к «Истории» Григория Турского, где говорилось о «стихании бешества народов и успокоении ярости королей» (*ac feretas gentium desaeviret, regum furor acueretur*).⁵² Ключевым аспектом сравнения является введение в узкие рамки человека, явно из этих рамок выступавшего и игравшего довольно значительную роль. Но интересно, что церковный автор выступил в данном случае весьма отрицательно против человека, который был одним из активных сторонников договора в Кьерси в 877 г., а сам при это контролировал в качестве лена дворец в Меерзене, дворец королевского домена. Можно было бы предположить, что церковь, которая в целом была настроена на ограничение власти светского правителя, была бы в данном случае заинтересована в ограничении власти правителя, Карла III. Однако из этого пассажа следует обратное, а именно то, что церковь была лояльна Карлу III Простоватому как единственному правителю всего Западно-франкского королевства и выступала против тех магнатов, которые договором в Кьерси ограничили власть короля.

В настоящем случае можно говорить о том, что как и при узурпации власти Лотарем I в 831 г., церковь, немного неожиданно с точки зрения исследователей Нового времени, поддерживала одного правителя против своего рода «совета» знати. На наш взгляд, однако, это представляет собой тенденцию, так как в обоих случаях можно примерно истолковать логику церковных деятелей и историков. Ведь именно публично проведенный ритуал, на котором было достигнуто согласие, являлся основой союза между светской властью и церковью. Правитель, которые ни разу публично не участвовал ни в этом ритуале, как Лотарь I, не был для церкви, строившей свое существование вокруг ритуала, равноценной заменой какому угодно сильному светскому правителю. Карл III Простоватый был наследником легитимного императора, право на власть и сакральность которого было доказано даже с учетом того покаяния, которое на него наложили за гибель его племянника Бернарда Италийского.⁵³ Несмотря на то, что Людовик Благочестивый был вынужден пережить эту ситуацию и пройти через все унижения, Каролинги остались у власти надолго. Дело в том, что эту

ситуацию не нужно рассматривать как однозначное желание некоторых сил полностью сместить их. Как было показано, знать в значительной степени поддерживала Каролингов, которые были ей выгодны в силу большого количества привилегий, которые они могли получать. В конце концов, статус человека в ближайшем окружении короля давал возможность распоряжаться ресурсами от лица власти, непрерывность которой с поздне-римских времен привыкли воспринимать жители Галлии, а затем и королевства франков.⁵⁴ Тем более в короле была заинтересована церковь. Поэтому и сложилась ситуация, при которой Одон вообще не воспринимался как ровня даже очень слабому Карлу III Простоватому, а его брат Роберт, сын последнего Гуго Великий и до своего избрания королем, Гуго Капет, не имели той сакральности, которая была у легитимных правителей, Каролингов.

Параллельным сюжету с Рагнерием, где оценка Рихера была достаточно сдержанной в отношении самого магната и довольно позитивной в отношении короля, является сюжет с приближенным короля Генриха I Птицелова Гизлебертом.⁵⁵ Статус Гизлеберта был похож на статус Рагнерия, потому что он, будучи весьма значимым человеком в прирейнском регионе, одновременно стал зятем Генриха. Ситуация была не многим отлична от ситуации с Рагнерием, потому что тот тоже был в свое время зятем королю. Однако Гизлеберта Рихер уже рисовал намного хуже, создав образ, который на уровне восприятия традиционного общества был уже просто негативным.⁵⁶ Описание Гизлеберта как человека «со взглядом недружелюбным, тревожным и настолько быстрым, что никто не мог запомнить цвет его глаз» сразу противопоставляло его Карлу III Простоватому, само прозвище которого (*Simplex*) говорило, наоборот, об открытости, потому что он был «хорошо сложен, нрава доброго и простого».⁵⁷ Дальнейшее сравнение показывает, что сложение Гизлеберта, в отличие от сложения Карла, было более несуразным. Понятно, что это всего лишь мнение весьма субъективного автора, который был явно предвзят по отношению к магнату и хорошо настроен по отношению к королю. Но сами эти описания показывают, что Рихер использовал все возможные методы повествования, чтобы отделить один случай от другого.

В целом понятно, что его мнение об обеих ситуациях было одинаковым — он поддерживал короля и выступал против магнатов, требовавших себе, как казалось церкви, слишком много власти. Это интересный и парадоксальный вывод, потому что церковь мало рассматривалась исследователями Нового времени как однозначный союзник королей, и ее отношение традиционно виделось как отношение сдержанного партнерства. Как правило, это партнерство выражалось в большом количестве светских аббатов в каролингской церкви, однако эти аббаты были не столько выразителями интересов короля именно как аббаты, а скорее как светские магнаты.⁵⁸ Самым главным аспектом тесных взаимоотношений являлось т. н. «братство», когда правители считались по сути своей власти частью монашеских сообществ, что обуславливалось необходимостью тесного сотрудничества между светской властью и церковью по защите монастырей.⁵⁹

Поэтому у Рихера наличествует два параллельных сюжета, весьма похожих друг на друга, но с разными оценками. Один — это Карл III Простоватый и Рагнерий, договаривавшийся еще с его дедом в 877 г. о своеобразном делении власти, и Генрих I Птицелов и Гизлеберт. Второй сюжет Рихер описывает в намного более негативных тонах, хотя само по себе поведение зятя короля не было чем-то необычным в традиционном обществе. У самих Каролингов взаимодействие с региональной знатью строилось фундаментальным образом на браках с дочерьми представителей знатнейших местных родов, как это видно было на примерах самого Карла Великого и Людовика Благочестивого (Ирмингарда из Аламании и Юдифь из Саксонии). Причем поведение даже Людовика Благочестивого после брака с Юдифью тоже очень сильно оспаривалось со стороны Агобарда Лионского и других представителей знати, причем именно по той причине, что он, как считалось, очень сильно зависел от нее. Это говорит о том, что в поведении описываемых Рихером магнатов не имелось ничего экстраординарного. Но интересна не сама негативная оценка, разница в оценках, которую можно было заметить при прочтении двух разных историй. Рагнерий, в силу явно аристократического происхождения, которое могло напрямую, по родственной линии, связывать его с окружением Меровингов, был

человеком, чей статус был ненамного меньше статуса Каролингов хотя бы по знатности. Соответственно, в силу устоявшихся канонов, его, как и Меровингов, нельзя было ругать ни как представителя военной знати (потому что Меровинги, которых он напоминал, вероятно были федератами и союзниками Рима), ни как союзника церкви, каковым он стал после договоренностей с западно-франкским правителем в 877 г. Его, как и Меровингов, можно было заметить в слабости и угасании. Однако Гизлеберт уже никоим образом не входил ни в одну из групп знати, к которой, с точки зрения церкви, нужно было по-особому относиться. Он не мог похвастаться особым происхождением из окружения Меровингов, и одновременно не мог считаться однозначным союзником церкви.

Поэтому можно отметить, что у Рихера тема взаимодействия королей, церкви и знати приобрела интересный дуализм. Причем этот дуализм состоял из двух типов дихотомой. Это был дуализм прошлого и настоящего, потому что Рагнерий принадлежал первому, а Гизлеберт был для Рихера сюжетом текущей истории королевства франков. Рагнерий как человек, еще имевший отношение к эпохе синтеза провинциального римского и варварского общества и Гизлеберт как человек из позднекаролингской эпохи были принципиально противоположны и то, что позволялось и прощалось первому, уже не допускалось в отношении представителя местной знати без каких-либо претензий на прошлое римской провинции. Так произошел интересный сдвиг дискурса в нарративе Рихера, в рамках которого новая история королевства франков в лице Западно-франкского королевства и королевства под властью королей из семьи саксонских герцогов строилась уже по методу проведения глубокого водораздела между прошлым и настоящим. Рихер, таким образом, стремился показать, на наш взгляд, что история изменилась и старые традиции римско-варварского синтеза больше не действовали для знати, а остались только в виде идеи взаимодействия светской власти и церкви, причем такого, в рамках которого только короли признавались в качестве полноправных субъектов для установления связей с церковью. Таким образом в X в. произошел перенос акцентов, который привел к девальвации идеи светской власти вне тесного взаимодействия с

церковью, причем взаимодействия, как мы можем предположить, в рамках практики покровительства светских правителей церквям и монастырям, когда светский правитель становился *advocatus* (*avoüe, Vogt*) монастыря.⁶⁰ После попытки реконструкции истории королевства франков в духе Григория Турского у Флодоарда Реймского, когда была воссоздана идея «епископской республики» в истории города Реймса, в сочинении Рихера была фактически отменена идея возможности сотрудничества церкви и знати без формальных отношений покровительства и взаимосвязи. Можно сказать, что у этого историка конца X в. к светским правителям стали выдвигаться уже намного более жесткие требования, чем это было ранее.⁶¹

Другим типом дихотомии было географическое деление между территорией бывшей Римской империи и территорией вне ее. Рагнерий не был выставлен Рихером как заведомо неправый персонаж, потому что он располагался в Меерзене, который когда-то находился в Римской Галлии, а владения Гизлеберта располагались явно за Рейном. Поэтому если любые притязания Рагнерия, даже неправомочные, попадали в систему ценностей, признаваемых церковью на основании позитивного отношения к римско-синтезу под эгидой христианства, то притязания Гизлеберта, заведомо не имевшего никакого отношения к области распространения Римской культуры, отвергались сразу. Таким образом, в описании королевства франков, в дополнение к временному сдвигу, присутствовал тоже оценочный пространственный сдвиг. Римская культура в обоих случаях присутствовала в довольно значительном аспекте, как отправная точка для синтеза церкви и светской власти, и как географический регион, где это синтез произошел. Бывшие римские провинции в Галлии были критическим элементом в самоопределении церкви как структуры, выросшей из городского общества Средиземноморья. Интересно, что до коронации Оттона I в 961 г. легитимность власти церкви сильно зависела именно от истории римской Галлии, потому что только там ее власть признавалась. В этом смысле историописание X в. строилось вокруг весьма значимой для современников географической иерархии.

Таким образом, две оценочные иерархии способствовали снижению значимости тех властных групп и их взаимосвязей, которые не имели корней в системе взаимоотношений власти и церкви в рамках понятий и представлений, созданных при Константине Великом и его последователях.

Карл III Простоватый, Людовик IV и формирования в Западно-франкском королевстве группы магнатов при короле

Можно отметить, что правление Карла III Простоватого можно рассматривать не с точки зрения слабости короля, а с точки зрения соотношения власти и относительной значимости короля и многих знатных групп, находящихся вокруг него. Возникавшие вокруг легитимного короля магнаты не означали однозначной подмены или смены власти, потому что в Средние Века продолжительность жизни была достаточно мала, а рисков уйти из жизни было достаточно много. Более того, если взять власть было можно, то удержать ее, а тем более передать ее своему потомству было не так уж просто. Для этого стоит вспомнить историю графства Пуатье, в котором во второй половине IX – начале X в. сменилось несколько графских семей. Такое происходило по всему франкскому королевству, так как удержаться у власти представителям знатных семей было сложно по причине значительной конкуренции. Соответственно, появление новых претендентов на графскую власть нужно рассматривать как многократно повторявшийся процесс. Более, следует отметить, что этот процесс не был процессом *longue durée*, так как изучение графских династий X в. показывает их многократную перегруппировку, если не смену.

При Карле III Простоватом произошло несколько перегруппировок такого рода. Стоит отметить, что сам Карл был пра-правнуком Людовика Благочестивого и пра-пра-правнуком Карла Великого. Таким образом, он был шестым поколением, если отсчитывать от Карла Великого и седьмым, если отсчитывать от Пипина III. Надо помнить, что именно на седьмое поколение приходилось, как было известно из истории, утеря власти, если в первом поколении она была добыта несправедливыми средствами. Стоит вспомнить историю Гигеса и Кандавла, легитимного правителя Лидии и

узурпатора, рассказанную Геродотом, чтобы убедиться в этом. Эта история есть отражение поверья, игравшего важную социальную роль для медиации взаимоотношений между правителями, династиями, их аристократическим окружением и поданными. Если внимательно рассмотреть историю Каролингской династии, то можно увидеть, что у нее тоже были свои эпизоды узурпации власти с умерщвлением своих соперников. Самым критическим эпизодом считается умерщвление Бернарда Италийского при Людовике Благочестивом, его родном дяде. Но такого же рода эпизоды были и при Карле Великом, при котором, как сообщается, были убиты за сопротивление королю несколько представителей знати из Тюрингии и Аламании, которые, как считается, были личными врагами его жены. Из эпизодов не столь однозначных была ранняя смерть Карломана, его брата, которая, конечно же, вызывала сомнения, хотя и не обозначалась историками типа Эйнхарда как пятно на репутации. Вероятно, что сражения Карла Мартелла с сарацинами тоже имели свой след в этой системе ценностей, потому что кровная месть была сильно развита в традиционном обществе в целом.⁶² Таким образом, Карл Простоватый, будучи седьмым после Пипина III, мог быть подвержен опасности ожидания если не кровной мести, то по крайней мере своего рода «наказания от богов» за насилие в процессе узурпации. Таким образом, слабость Карла Простоватого как правителя была не столько результатом неспособности его или династии править в это момент, сколько ответ на возможные ожидания противников семьи Каролингов, чтобы на них пришло какое-то наказание свыше.

Что в данном случае было главным критерием – семь поколений от момента узурпации с умерщвлением соперника или кровная месть вне зависимости от поколения? Положение осложняется тем, что про Пипина III нет историй, которые говорили о насильственном захвате власти. Можно было бы предположить только странную ситуацию со смертью его дяди с сыном, а затем и его собственного брата, однако источники умалчивают о каких-нибудь подозрениях в адрес Пипина III. Тогда можно предположить, что ключом является сама узурпация, даже если Теодерих IV не описывается как пострадавший от майордомов. В этой связи нужно учитывать, что

некоторые события приобретали такое же символическое значение. В частности, можно предположить, что сражения при Лукофао и при Тертри в 683 и 687 г. при Дрогоне, отце Пипина II, приобрели особое значение в тех источниках, которые были в наибольшей степени близки к Пипинидам. В данном случае седьмым поколением были сыновья Людовика Благочестивого. Вероятно, именно попыткой смягчить эту кару мог быть второй брак сына Карла Великого. Потому что именно второй брак разделял судьбы детей от двух матерей и делал наказание свыше слабее. «Злой рок» разлада в семье и проблемы детей от отсутствия нормальной семьи могли считаться частичной компенсацией за нанесенные в прошлом обиды. Причем обидой могло быть даже не лишение жизни, а просто лишение статуса и присвоение его себе, потому что даже это считалось своеобразным «лишением средств к жизни». Заметим, что слабыми королями были Людовик Благочестивый и Карл III Простоватый. Соответственно, проблемы с применением насилия в рамках захвата власти были у их праотцев в седьмом поколении до них. Это говорит о том, что проблемы также нужно искать и в жизни св. Арнульфа. Легенда о кольце, которое св. Арнульф бросил в реку в качестве просьбы о прощении грехов насилия, которые творились вокруг него, говорит о том, что его личность была неоднозначна. Считается, что вместе с Пипином из Ландена он способствовал гибели Хродоальда из семьи Агилольфингов, которые были одной из важнейших группировок знати в Баварии.⁶³ Несмотря на свой епископский статус, он тем не менее считался одним из тех, кому выгодно было ограничение Агилольфингов. Косвенно факт его участия во вражде с какими-то знатными родами подтверждается тем, что его сын Ансегисель погиб в одной из таких стычек. Поэтому если смотреть ретроспективно, то можно увидеть, что в правлении Карла III, заведомо слабым, есть определенные параллели с правлением Людовика Благочестивого. В то же самое время, Карл Лысый, несмотря на все сложности своего правления, был в седьмом поколении потомком несправедливо погибшего Ансегизеля. По этой причине правление Людовика Благочестивого омрачалось систематическими кризисами, снятием императорского сана и покаянием, а правление Карла Лысого закончилось в каком-то смысле триумфом нового

объединения Западно-франкского королевства и Лотарингии и фактически двойным коронованием в качестве императора, до ухода из жизни Людовика Немецкого и после.

В этом контексте лучше предстают те задачи и проблемы, которые встали перед Карлом III Простоватым. Его правление, как представляется, заведомо не могло быть правлением сильного короля, потому что как наследник Пипина III, он был потомком «узурпатора». Интересно, что именно на его правление приходится практически первый пример реальной «узурпации» власти со стороны представителя знати. Эта узурпация практически компенсировала, насколько это вообще возможно, узурпацию власти Пипином III. Что интересно, эту компенсацию можно видеть даже в терминах покровительства, а точнее, отсутствии подобного, высших сил. Пипин III умер от водянки, а Одон умер от некоторых расстройств. Таким образом, на кратковременном правлении Одона закончился тот «злой рок», который можно было ожидать в отношении Каролингов из-за прихода к власти Пипина III.

Следует отметить, что не всегда временная уступка власти представителю знати могла рассматриваться как потеря значимости короля из настолько значимой династии, которой была династия Каролингов. По всем эпизодам истории X в. можно отметить, что при возрастании значимости любого из представителей знати у него сразу находилось несколько соперников, которые могли претендовать на такую же власть. Король отличался от них своим происхождением из династии императоров, которая давала статус богоизбранности. Однако при ослаблении короля все светские магнаты были практически в равном положении. Герцог Бургундии Рауль (Рудольф), ставший ненадолго королем в 922 г., имел преимущество по сравнению всеми магнатами, потому что бургунды считались федератами по договору с Поздней Римской империей, а Бургундия, соответственно, полноправной наследницей своего статуса в системе провинциальных взаимосвязей и полноценным королевством, власть королей которой корнями уходила в этот самый федератский договор. Более того, у Бургундского королевства был свой символ власти, «копье св. Маврикия», который означал

в контексте позднеантичной и раннесредневековой терминологии очень много. Стоит отметить, что при разделах власти копье считалось символом равного статуса, потому что раздел королевства Хлодвига между четырьмя его сыновьями проходил «равным копьем» («*aequa lancea*»).⁶⁴ Таким образом, Рауль Бургундский мог претендовать на то, что вне зависимости от своего происхождения по роду, он как легитимный правитель Бургундии, мог претендовать на еще позднеримскую легитимацию своего статуса, на что даже Каролинги претендовать уже не могли. Таким образом, приход Рауля к власти на короткое время, интересным образом, закрыл все претензии на власть, уходившие корнями в Позднюю Античность, и как будто специально устранил все препятствия, которые стояли на пути создания новой системы власти в Европе, которая уже не опиралась бы ни на какие остатки римских провинциальных привилегий.

Можно отметить несколько специфических аспектов в понимании Рихером баланса сил в IX–X вв. Во-первых, он был согласен признать только вассальный статус Генриха I Птицелова в отношении рейнских земель. Это вполне естественно, потому что церкви было нужно как раз в максимальной степени основывать свою власть на той легитимности, которая шла от факта имперской коронации Карла Великого, и даже от диплома Анастасия Хлодвигу в 506/507 г. До коронации Оттона I в 961 г. церковь по-прежнему смотрела на Римскую Галлию как на прямое основание своей власти в соответствии с Миланским эдиктом. Во-вторых, стоит обратить внимание, что практически ни одного из магнатов, окружавших каролингских правителей, Карла III Простоватого и Людовика Заморского, он не рассматривал как реальную альтернативу королевской власти. Все магнаты оказались в той или иной степени людьми, не имевшими никакого отношения к идеалу власти. Интересно, что подобного рода суждения были сделаны и в отношении совершенно не имевшего никаких нареканий Рагнерия, и тем более в отношении Хаганона. Даже Рауль Бургундский не вызвал никакого внимания, хотя «копье св. Маврикия» тоже могло бы считаться символом связи с Римской империей. Однако Рихера интересовала только легитимность церкви, которая не была связана даже с самыми полноценными

«федератскими» договорами, а только с двумя критическими событиями в истории королевства франков, союзом Хлодвига и церкви под эгидой епископа города св. Мартина, и коронацией Карла Великого в Риме. Причем интересным образом, даже последняя не имела для Рихера, представлявшего в конце X в. уже весьма окрепшую в рамкой клюнийской и других вариантов реформы церковь, исключительной значимости.

Весьма показательной является ситуация с окружением Карла III Простоватого. Можно отметить, что в его повествовании видно, как постепенно власть переходила от одной группировки к другой. Стандартным сюжетом стала тема «плохого советника», которым в первую очередь являлся Хаганон. Остальные исторические фигуры, описанные Рихером, постепенно приобретали эту же роль несмотря на то, что вначале они могли представляться как надежные сотрудники короля. Фактически, единственным надежным союзником короля был епископат, по мнению Рихера. Таким образом, любые «друзья» короля из светской знати были таковыми временно и их статус был, по мнению Рихера, ненадежным.

Временное правление короля Рудольфа тоже оценивается, что интересно, не в его пользу, хотя его легитимность и статус среди правителей Европы были достаточно высоки. Рихер достаточно сдержанно описывает сражение между Раулем и Робертом, причем ни один из них не является в его рассказе выигравшей стороной. Один погибает, а второй вынужден, по мнению Рихера, оставить свои попытки на мгновенный приход к власти. Гугон Великий стал первый из представителей знати, власть которого вышла из этого своеобразного замкнутого круга, так хорошо описанного в «Золотой ветви» Дж. Фрезера. Отметим, что время нахождения Гугона у власти в качестве графа и герцога при короле Западно-франкского королевства становится для Рихера первым периодом, в котором можно найти определенную стабилизацию и увидеть, как между легитимными наследственными правителями, которыми являлись Каролинги, и важнейшими представителями знати начали, по мнению Рихера, налаживаться хоть какие-то стабильные отношения. Правда и в этом случае, несмотря на стабилизацию сосуществования, можно заметить, что Рихер не

описывал их отношения как основанные на однозначном признании приоритета короля во всех делах. В частности, можно заметить, как король франков и его герцог боролись за влияние на севере Франции, причем эта борьба, по описанию, доходила до символических и фактически до анекдотических форм. Так, в случае города Лана король имел права на город, а герцог, как описывается, взял в качестве своей базы небольшую башню внутри города. Неизвестно, насколько этот случай был реальным, но он был построен по всем канонам образов власти и соответствовал идеалам формировавшегося начиная с VIII в. общества. В частности, города были традиционно оплотом власти средиземноморского общества и даже при империи роль городов оставалась крайне высокой. В провинциях диоцеза Галлия города играли крайне важную роль, потому что именно они были местом концентрации городского патрициата и центрами власти над округой. Только в прирейнских регионах можно увидеть в источниках существовавшие там помимо городов укрепления отдельных франкских магнатов. Поэтому именно города были центром публичной власти, которую воплощали короли как наследники и иногда прямые наместники империи. Власть Хильдерика, отца Хлодвига, и его самого, началась с установлении своей власти в городах, выходявших за пределы территорий, отпущенных им по договору с империей 359 г. при императоре Юлиане.⁶⁵ Поэтому в сочинении Рихера, который был очень грамотным и чутким историком, хорошо разбиравшимся в смыслах раннесредневековых исторических сочинений, можно отметить попытку прямого подражания системе представлений, характерной для эпохи варварских королевств.

Одновременно можно отметить, что Гугон Великий был поставлен на свое место, потому что в рассказе Рихера ему принадлежал именно замок. Это говорило о сути власти знати, которая, в отличие от королевской, основывалась на совершенно другой инфраструктуре, инфраструктуре замков, возникших недавно, а именно с начала X в. как ответ на постоянные вторжения норманнов в условиях неспособности каролингских правителей самостоятельно создать противостоящую им структуру. Как будто специально, Рихер показывал, как из позднеантичной структуры общества, в

которой публичная власть, в том числе и варварских правителей, основывалась на праве управлять городами, постепенно выросло новое общество высокого Средневековья в результате полноценной «революции замков». Фактически, именно Рихер, а, например, не Флодоард или даже Адальберон Ланский, создавший образ «трехчастного деления общества», может считаться творцом идеи перерождения и перегруппировки раннесредневекового общества вокруг замков.

Стоит отметить, что Рихер замолчал одну важную тему в процессе становления власти Капетингов. Появление графства Мэн в 954 г. и необходимость для Гуго Капета ждать четыре года, чтобы получить подтверждение прав на владения своего отца говорит о том, что его власть не была срамима с королевской.

Интересно отметить, таким образом, что история Рихера Реймского была не столько отражением реальности, сколько аккуратно построенной апологией одной идеи. Этой идеей можно было бы назвать идею приоритета королевской власти под эгидой церкви, однако подобное описание было бы упрощением. Можно вычленить представление о том, что сакральная власть королей из династии и даже и ее ветви, в которой как минимум три ее представителя были коронованы императорами, была фактором, перекрывавшим все другие факторы. Нельзя сказать, однако, что сама по себе королевская власть даже и в таком варианте принималась Рихером как однозначная. Одновременно нельзя также сказать, что сам по себе союз короля и церкви был той магической деталью, которая решала все. О том, как виделась сакральная по сути королевская власть таким грамотным историкам в эпоху, когда церковная реформа уже начала давать свои первые результаты и когда, одновременно, контакты с арабским миром начали приносить первые примеры других представлений об истории, пойдет речь в следующей части настоящей главы.

Королевская «жалоба» как часть нарратива о королевской власти

Стоит отметить, что впервые именно в истории Рихера появляется тема заморского правителя, не правящего изначально в своей земле, а

вынужденного въезжать туда и быть принятым местным населением. Эта история в наиболее яркой степени присутствует в описании первых лет правления Людовика IV Заморского, однако похожие моменты есть и в истории Карла III Простоватого.

В этой связи и надо понимать несколько эпизодов, в рамках которых последние каролингские правители X в. несколько раз описывались как выражавшие свои жалобы и просьбы, а не опиравшиеся на автоматические согласие знати и церкви со своими действиями. Одновременно, как представляется, эти просьбы не были попыткой изображения королей как «униженных», потому что это не было в интересах церкви. Цель была в создании намного более тонкой системы понятий, которые были связаны с интерпретацией самого термина «жалоба». *Monodia* было более поздним термином, а реально описанное Рихером находилось в системе понятий, где главными были отношения, прямо или косвенно относящиеся к практике «прекария», потому что именно они, в отличие от всех других, строились на том, что можно было хоть в какой-то степени отнести к просьбе или жалобе. Надо понимать, что *preces* в Средние Века было ключевым термином, устанавливавшим права владения на землю. Именно на этом термине основывалась практика «прекария», в рамках которой строилась вся поземельная зависимость в средневековой Европе начиная примерно с прихода к власти Каролингов. Но эта просьба или прошения не значили подчиненного статуса, потому что даже земельное держание в рамках этого статуса было держанием свободного человека, который, в случае монастыря как получателя дарения, отдавал свою собственность лишь патрону монастыря, т.е. святому, но не конкретному человеку-землевладельцу. Интересно отметить, что в описании Карла III Простоватого и Людовика IV Заморского Рихер сделал интересную коррекцию традиционного образа правителей. Прошение, как уже упоминалось, было основой условного держания, называемого прекарий, которое возникло в Поздней Античности и стало главным средством выстраивания отношений между монастырями и светской знатью в округе в Средние века. Точный контекст использования этого термина в Поздней Античности сложно понять, потому что источников

крайне мало. Но отметим, что поскольку он использовался только в отношении свободных землевладельцев значительного статуса в Средневековье, то можно предположить, что и в Поздней Античности это был весьма специфический правовой институт. В отличие от обычных держаний типа *locatio-conductio*, прекарий предполагал прошение, что могло давать и определенные преимущества держателю. Дело было в том, что типичные держатели становились зависимыми людьми в результате договоренности в силу необходимости нести полную ответственность за управляемую ими собственность. Можно предположить, что их зависимость выражалась в необходимости максимальной производительности на управляемой ими земле. Но прекарий, как правило, предполагал меньшую зависимость, потому что реальные условия держания были весьма малыми. Голова сыра, или 3 золотых монеты (что было равнозначно одному поросенку) были достаточно малы для обычного хозяйства. Поэтому прекарий был вполне возможной нагрузкой и более того, мог считаться своего рода почетным статусом. Единственное, что в нем было особенного, так это то, что о нем надо было самому торжественно попросить. Т.е. это был статус, основывавшийся на сакральных отношениях. Ведь просьба выстраивала особые, личные и доверительные отношения, в отличие от чисто «торговых» в случае обычной аренды. В отличие от аренды, это был обмен символическими ценностями.

Таким образом, просьбы Карла III Простоватого и Людовика IV Заморского сделали их своего рода просителями и «держателями» королевства. Конечно, этот образ мог рассматриваться как унижительный, если мы рассматриваем эти сюжеты только в контексте королевства франков, и видеть в качестве отвечающих на просьбы только магнатов. Но на самом деле, в качестве той силы, которая отвечала на просьбу, были прелаты, которые активно способствовали нахождению компромисса. Таким образом, получалось, что как и другие светские правители, эти два короля были своего рода держателями земли от церкви. В этих представлениях Рихера можно видеть в первую очередь отражение реформу церкви, шедшей из Клуни, в рамках которой епископат, но в особенности монашество, стремились

приобрести уникальные права на отношения со светскими магнатами. Выставлять короля в качестве такого просителя означало включить его в систему ценностей клонийского движения, для представлявших которое епископов и аббатов он становился хорошим «соседом». Более того, «просьба» короля ставила его в подчиненное положение в рамках системы ценностей, в которой империя занимала первую роль. Это имело особый смысл после коронации Оттона I, потому что прекарий имел смысл именно в рамках системы ценностей империи. Именно императора, как правило, просили о привилегиях в рамках этой системы координат. Поэтому просьбы королей Западно-франкского королевства означали для деятелей церкви прежде всего признание светскими правителями высшей власти в Европе за императорами и за церковью как представительницей светской власти.

Интересным образом, такая формулировка Рихера говорит о значительном сходстве между теми идеями, которые сформировались в X в. и теми, которые были широко распространены в высоком Средневековье, т. е. в XII–XIII вв. В частности, сама по себе идея «Великой хартии вольностей», которая постулировала в первом пункте полную независимость церкви, а также была в первой своей версии 1215 г. основана на идее изначального согласия короля со своим окружением из магнатов, была по сути очень похожа на жалобу. Правда, в случае 1215 г. жалоба исходила в первую очередь от магнатов. Но это как раз говорит о том, насколько значительным и важным считалось положение «жалобщика».

Заключение

«История» Рихера показывает его как автора, который в значительной степени «сконструировал» повествование вокруг важных для него тем, а не просто следовал логике последовательных и во многом случайных исторических событий. Его работа была результатом осмысления и переосмысления исторических событий каролингской истории конца IX – X вв., и представляло собой цельную концепцию. В этой концепции акценты были расставлены вокруг важности и уникальности каролингской династии до последних лет ее существования и отсутствие альтернативы сакральной

власти Каролингов в среде знати. Одновременно, поскольку ему надо было объяснить ее упадок, то он нашел способ сформулировать идею без того, чтобы дать возможность аристократической вольнице. Ослабление Людовика IV Заморского было связано с неправильным выбором позиции в отношении ряда представителей знати, где он применил неоправданное давление. Таким образом, «История» Рихера была «моральным» сочинением, в котором цельная концепция мира, основанного на балансе сил и державшегося на ранее сформировавшейся имперской сакральности и идее союза между королем и церковью, была противовесом любым попыткам сменить эту фактически сложившуюся в эпоху Константина Великого концепцию.

¹*Gabriele M.* An empire of memory: the legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. Oxford; New York, 2011.

²*Schneidmüller B.* Karolingische Tradition und frühes französisches Königtum: Untersuchungen zur Herrschaftslegitimation der westfränkischen-französischen Monarchie im 10. Jh. Wiesbaden, 1979.

³*Werner K.-F.* Il y a mille ans, les Carolingiens. Fin d'une dynastie début d'un mythe // *Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France. Années 1991-1993.* 1993. P. 80-89 ; *Schneidmüller B.* Karolingische Tradition und frühes französisches Königtum: Untersuchungen zur Herrschaftslegitimation der westfränkischen-französischen Monarchie im 10. Jh.

⁴*Richer von Saint-Remi.* *Historiae* / hrsg. von H. Hoffmann. Hanover, 2000. (MGH Scriptorum ; 28). Prologus, 35; MS Bamberg, Hist. 5, f. 1r. *Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. Cambridge, 2004. (Cambridge studies in medieval life and thought). P. 178.

⁵*Dumas A.* L'Église de Reims au temps des luttes entre Carolingiens et Robertiens // *Revue Histoire Eglise de France.* 1944. T. 30. P. 5-38 ; *Zimmermann H.* Zu Flodoards Historiographie und Regestentechnik // *Im Bann des Mittelalters. Ausgewählte Beiträge zur Kirchen- und Rechtsgeschichte. Festgabe zu seinem 60. Geburtstag* / под ред. I. Eberl, H.-H. Kortüm. Sigmaringen, 1986. C. 81–95 ; *Chatillon F.* La double sincérité de Flodoard // *Revue du Moyen Âge latin.* 1980. T. 36. P. 88-94 ; *Sot M.* Hérité et pouvoir sacré avant 987 // *Annales ESC.* 1988. P. 722-724 ; *Sot M.* Les élévations royales de 888 à 987 dans l'historiographie du Xe siècle // *Religion et culture autour de l'an mil : royaume capétien et Lotharingie* / sous la dir. de D. Iogna-Prat, J.-C. Picard. Paris, 1990. P. 145-150 ; *Lecouteux S.* Le contexte de rédaction des Annales de Flodoard de Reims (919-966). Partie 1 : une relecture critique du début des Annales à la lumière de travaux récents // *Le Moyen Age.* 2010. T. CXVI, n° 1. P. 51-121 ; *Lecouteux S.* Le contexte de rédaction des Annales de Flodoard de Reims (919-966). Partie 2 : présentation des résultats de la relecture critique du début des Annales // *Le Moyen Âge.* 2010. T. 116, n° 2. P. 283-317.

⁶*Zimmermann H.* Zu Flodoards Historiographie und Regestentechnik // *Festschrift für Helmut Beumann zum 65. Geburtstag* / hrsg. von K. U. Jäschke, R. Wenskus. Sigmaringen, 1977. S. 206-210 ; *Stratmann M.* Schriftlichkeit in der Verwaltung von Bistümern und Klöstern // *Schriftkultur und Reichsverwaltung unter den Karolingern. Referate de Kolloquiums der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften am 17./18. Februar 1994 in Bonn* / hrsg. von R. Schieffer. Wiesbaden. S. 100 ; *Lake J.* Richer of Saint-Remi: The Methods and Mentality of a Tenth-Century Historian. Washington, DC, 2013. P. 16.

⁷*Bachrach B., Fanning S.* Flodoard of Reims // *The 'Annals' of Flodoard of Reims, 919-966.* Book 2004 / ed. by B. S. Bachrach, S. Fanning. Toronto. (Readings in medieval civilizations and cultures ; 9).

⁸*Lake J.* Richer. P. 16.

⁹*Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. P. 189.

¹⁰*Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. P. 110 ; *Lake J.* Richer. P. 17.

¹¹*Lake J.* Richer. P. 17.

¹²*Richer von Saint-Remi.* *Historiae.* IV, 50 ; *Lake J.* Richer. P. 19-20.

¹³*Bezzola G.* Das Ottonische Kaisertum in der französischen Geschichtsschreibung des 10. und beginnenden 11. Jahrhunderts // *Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung.* Graz – Köln, 1956. Nr. 18. S. 131 ; *Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. P. 126.

¹⁴*Bezzola G.* Das Ottonische Kaisertum. S. 144.

¹⁵*Lewis A. R.* The dukes in the regnum Francorum // *Speculum*. 1976. Vol. 51, issue 3. P. 404 ; *Felten F.* Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im früheren Mittelalter. Stuttgart, 1980. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters ; 20) ; *Innes M.* State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400-1000. Cambridge, 2000. P. 198 ; *Hummer H. J.* Politics and Power in Early Medieval Europe: Alsace and the Frankish Realm, 600–1000. Cambridge, 2005. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series) ; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian World. Cambridge, 2011. (Cambridge Medieval Textbooks).

¹⁶*Schneidmüller B.* Die «Einfältigkeit» Karls III. von Westfranken als frühmittelalterliche Herrschertugend // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1978. Jg. 28. S. 65.

¹⁷*Leyser K.* Communications and power in medieval Europe: The Carolingian and Ottonian centuries / ed. by T. Reuter. London; Rio Grande, Ohio, 1994. P. 174–179.

¹⁸*Leyser K.* Communications and power in medieval Europe: The Carolingian and Ottonian centuries. P. 179.

¹⁹*Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. P. 126–127.

²⁰*Barthélemy A. de.* Les origines de la maison de France // Revue des questions historiques. Paris, 1873. T. 13. P. 108-144.

²¹*Depoin J.* Les Comtes de Paris sous la Dynastie Carolingienne. Pontoise, 1912.

²²*Doizé J.* Le gouvernement confraternel des fils de Louis le Pieux et l'unité de l'empire (843-855) // Le Moyen âge. 1898. T. 11. P. 253-85.

²³*Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècle). Deel 102. Bruges, 1948. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte) ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9.-10. Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1958. Jg. 18. S. 256–289 ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1959. T. 19, № 4. C. 146–192 ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1960. T. 20, № 4. C. 87–118 ; *Werner K.-F.* La genèse des duchés en France et en Allemagne // Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare. 19-25 aprile 1979. Spoleto, 1981. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo ; 27). P. 220–223.

²⁴*Schmid K.* Zur Problematik von Familié, Sippe und Geschlecht. Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adels // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1958. Jg. 105. S. 1–62 ; *Schmid K.* Über die Struktur des Adels im früheren Mittelalter // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. 1959. Jg. 19. S. 1–23.

²⁵*Innes M., MacLean S., Costambeys M.* Elite society // The Carolingian World. Cambridge, 2011. (Cambridge Medieval Textbooks). P. 320–323.

²⁶*Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. P. 190.

²⁷*Bouchard C.* "Those of my blood": Constructing noble families in medieval Francia. Philadelphia, 2001. P. 181–192.

²⁸*Bouchard C.* "Those of my blood". P. 80.

²⁹«Qui rerum magnitudine motus, quotquot ex Aquitania potuit, edicto regio congregari precepit milites peditesque». *Richer von Saint-Remi. Historiae. I, 7.*

³⁰«Eorum quoque maiores, pene totum orbem debellasse, ipsumque caput orbis Romam immaniter attrivisse». *Richer von Saint-Remi. Historiae. I, 7.*

³¹*Richer von Saint-Remi. Historiae. I, 9.*

³²Grig. Tour. Hist. II, 27.

³³ *Wolfram H.* Gotische Studien I: Das Richtertum Athanarichs // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. 1975. Jg. 83. S. 30–32.

³⁴ *Halphen L.* France, the Last Carolingians and the Accession of Hugh Capet (888-987) // Cambridge Mediaeval History. Vol. 3. Germany and the Western Empire / ed. by J. B. Bury [et al.]. Cambridge, 1922. P. 71.

³⁵ *Cosmographia Iulii Caesaris.* Sammelhandschrift vorwiegend kanonistischen Inhalts (Ansegius Luxoviensis). Bibliotheca Apostolica Vaticana, Pal. lat. 973. *Bischoff B.* Latin palaeography: Antiquity and the Middle Ages. Cambridge, 1989. P. 128 ; *ps.-Caesar.* *Cosmographia* // *Geographi Latini minores* / hrsg. von A. Riese. Heilbronn, 1878. S. 21–44, 49–54.

³⁶ *Wollasch J.* Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9 bis 11 Jahrhunderts // Deutsches Archiv. 1984. Jg. 40. S. 19–20.

³⁷ *Innes M.* «He never even allowed his white teeth to be bared with laughter»: The politics of humour in the Carolingian Renaissance // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / ed. by G. Halsall. Cambridge, 2002. P. 150–156.

³⁸ *Handbook of Church History.* The Church in the Age of Feudalism / F. Kempf [et al.] ; ed. by H. Jedin, J. P. Dolan ; trans. by A. Biggs. 1969. (Handbook of Church History ; 3). P. 127.

³⁹ *Booker C. M.* Past convictions: The penance of Louis the Pious and the decline of the Carolingians. Philadelphia, 2009. P. 138.

⁴⁰ Grig. Tour. Hist. II, 42.

⁴¹ *Werner K. F.* Hludovicus Augustus : Gouverneur de l'empire chrétien - Idées et réalités // Charlemagne's heir : New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / sous la dir. de P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 115-124 ; *Beumann H.* Topos und Gedankengefüge bei Einhard // Archiv für Kulturgeschichte. 1951. Jg. 33. S. 350–351 ; *Löwe H.* Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhards // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1983. Jg. 39. S. 100–103.

⁴² *Einhard.* Vita Karoli Magni / hrsg. von G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae, 1911. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 25).

⁴³ *Lecouteux S.* Le contexte de rédaction des Annales de Flodoard de Reims (919-966). Partie 1 : une relecture critique du début des Annales à la lumière de travaux récents. P. 66-73.

⁴⁴ *Dumas A.* L'Église de Reims au temps des luttes entre Carolingiens et Robertiens. P. 13.

⁴⁵ *Richer von Saint-Remi.* Historiae. Lib. 1, cap. 15–16.

⁴⁶ *Richer von Saint-Remi.* Historiae. Lib. I, cap. 21.

⁴⁷ *Capitulare Carisiacense* // *Capitularia regum francorum.* Bd. 2 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. S. 355–361. (MGH Legum sectio II ; 2). Cap. 15, S. 359 ; *Richer von Saint-Remi.* Historiae. Lib. I, cap. 34.

⁴⁸ *Reimitz H.* Viri illustres und omnes Franci: Zur Gestaltung der feinen Unterschiede in historiographischen und diplomatischen Quellen der frühen Karolingerzeit // Urkunden – Schriften – Lebensordnungen. Neue Beiträge zur Mediävistik / hrsg. von A. Schwarcz, K. Kaska. Wien, 2014. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 63). S. 148–150.

⁴⁹ *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne, and the origins of Europe: Archeology and the Pirenne thesis. Ithaca, NY, 1983 ; *McCormick M.* Origins of the European economy: Communications and commerce, A.D. 300-900. Cambridge, 2001.

⁵⁰ *Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 43–44.

⁵¹ ... ex alto humilem, ex amplo artissimum. *Richer von Saint-Remi.* Historiae. Lib. I, cap. 34.

⁵² Grig. Tour. Hist. Praefatio.

⁵³Booker C. M. Past convictions: The penance of Louis the Pious and the decline of the Carolingians. P. 183–213.

⁵⁴MacLean S. Kingship and politics in the late ninth century. Cambridge, 2003 ; Costambeys M., Innes M., MacLean S. The Carolingian World ; Davis J. R. Charlemagne's practice of empire. Cambridge, 2015. P. 100–115.

⁵⁵Richer von Saint-Remi. Historiae. I, 35.

⁵⁶«... in nimiam pre insolentia temeritatem preceps ferebatur, in disciplina militari ex audatia nimius, adeo ut quodcumque invincibile, appetere non metueret, corpore mediocri et denso, duroque membrorum robore, cervice inflexibili, oculis infestis atque inquietis sicque mobilibus ut eorum color nemini ad plenum innotuerit, pedibus omnino impatientibus mente levi». Richer von Saint-Remi. Historiae. I, 35.

⁵⁷«Corpore prestanti, ingenio bono simplicique». Richer von Saint-Remi. Historiae. I, 14.

⁵⁸Felten F. Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im früheren Mittelalter.

⁵⁹Wollasch J. Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9 bis 11 Jahrhunderts.

⁶⁰Boshof E. Untersuchungen zur Kirchenvogtei in Lothringen im 10 und 11 Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fuer Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1979. Jg. 65. S. 115–119.

⁶¹Tellenbach G., Fleckenstein J., Schmid K. Adel und Kirche: Gerd Tellenbach zum 65. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Freiburg, 1968 ; Tellenbach G. Church, state and Christian society at the time of the investiture contest. Oxford, 1938.

⁶²Miller W. I. Bloodtaking and peacemaking: feud, law, and society in Saga Iceland. Chicago, 1990 ; Airlie S. Emotion, violence, vengeance and law in the Middle Ages: essays in honour of William Ian Miller // / ed. by K. Gilbert, S. D. White. Leiden, 2018. P. 296–314.

⁶³Jahn J. Hausmeier und Herzöge: Bemerkungen zur agilolfingisch-karolingischen Rivalität bis zum Tode Karl Martells // Karl Martell in seiner Zeit. T. 37 / под ред. J. Jarnut, U. Nonn, M. Richter. Sigmaringen, 1994. (Beihefte der Francia). C. 340–344 ; Jahn J. Tradere ad sanctum: Politische und gesellschaftliche Aspekte der Traditionspraxis im agilolfingischen Bayern // Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80 Geburtstag. Bd. 1 / hrsg. von F. Seibt. München, 1988. S. 415 ; Lacher R. P. Die Anfänge der Reichenau und agilolfingische Familienbeziehungen // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees und seiner Umgebung. 1974. Jg. 92. S. 129 ; Hammer C. I. From Ducatus to Regnum. Ruling Bavaria under the Merovingians and early Carolingians. Turnhout, 2007. (Haut Moyen Age ; 2) ; Kägler B. „Sage mir, wie du heißt ...“. Spätantik-frühmittelalterliche Eliten in den Schriftquellen. Das Beispiel der frühen Agilolfinger // Von Raetien und Noricum zur frühmittelalterlichen Baiuvaria / hrsg. von I. H. Hubert Fehr. St. Ottilien, 2012. S. 183–196.

⁶⁴Grig. Tour. Hist. III, 1-2.

⁶⁵Amm. Marc. Rer. gest. Lib. XVI, . cap 1-4. Grig. Tour. Hist. Lib. II, cap. 18.

Глава 5

Адемар Шабаннский и значимость каролингского наследия

«Хроника» Адемара Шабаннского и ее возникновение

Издание Хроники Адемара Шабаннского, одного из важнейших источников по периоду т. н. «Темных веков» (X–XI вв.), является значительным событием в отечественной медиевистике. У этого исторического сочинения сложная судьба. Несмотря на то, что в XIX в. ученые добились высоких результатов в публикации средневековых манускриптов, Хронике Адемара Шабаннского повезло меньше. В процессе написания она претерпела несколько редакций, а когда историки XIX - начала XX вв. предприняли попытку ее издания, к ним руки в первую очередь попали менее интересные редакции Хроники. Только в конце XX в. набралась критическая масса исследований, которая позволила сделать в 1999 г. высококачественное издание в серии *Corpus Christianorum*.¹ Публикация Хроники Адемара Шабаннского на русском языке, таким образом, выражает актуальные тенденции в европейской медиевистике.

Адемар родился в 989 г. в местечке Шабан, недалеко от Рансона. В письме, написанном в 1029 г., Адемар пишет о себе как о человеке сорока лет.² Его семья принадлежала к местной знати. Двое из трех его дядей по материнской линии были рыцарями (*miles*), а бабушка по отцовской линии была племянницей епископа Лиможа Турпиона (905-944).³ Как и его дяди по отцовской линии, Адемар стал монахом в монастыре св. Сибарда в Ангулеме, а образование получил в монастыре св. Марциала в Лиможе. Он не стал

профессиональным переписчиком, но, возможно, именно поэтому он смог уделить больше внимания широте своего образования.

Его занятия историей были лишь частью его интересов. В 1024-1025 гг. он скопировал для себя «Анналы Ангулема» и «Аквитанскую хронику».⁴ В 1026 г. он составил первую редакцию «Хроники». В 1029 г. он добавил к этой редакции материалы по истории королевства франков, что составило вторую редакцию. В этом же году он составил и последнюю, третью редакцию.

В этот момент в жизни Адемара произошло важное событие. 3 августа 1029 г. он провел в кафедральном соборе Лиможа литургию св. Марциала для того, чтобы укрепить культ этого святого и подчеркнуть его равноапостольский статус. Это было сделано по просьбе монахов из Лиможа. Но Бенедикт, аббат монастыря Сен-Мишель де Клуз, по просьбе папства легко разбил все доводы Адемара, доказав выдуманность всех претензий на особый статус этого святого. Это был удар для Адемара, который был вынужден вернуться в Ангулем. Там, в одиночестве, брошенной друзьями и окруженный врагами, он оставил труд историка и посвятил все силы доказательству апостольского статуса св. Марциала.⁵ Таким образом, «Хроника» осталась единственным историческим трудом талантливого, но не реализованного историка.

Рассматривая любой исторический труд, современный историк традиционно ставит вопрос о его характере и цели создания. Исследование этого текста, выполненное на основе наиболее полной авторской редакции, выявило, что Адемар вложил немало усилий в написание «Хроники» и что по структуре и организации она превосходит многие современные ей сочинения.¹

Медиевисты в первую очередь задают вопрос о том, к какому именно средневековому историческому жанру принадлежит труд Адемара - к хроникам, анналам или к историям.⁶ Грани между этими жанрами весьма размыты, однако этот вопрос уместно задать, чтобы понять основную идею и цель Адемара. В частности, проводя подобные разграничения, историки отмечают, что анналы (погодные записи) редко являлись попыткой исторического синтеза и могли составляться людьми, не склонными к

¹ Речь идет о редакции С по системе издателя Адемара П. Бургэн.

размышлению и объяснению исторических событий. Хроники требовали больше работы и содержали отдельные главы, в которых их авторы пытались не просто передать события в хронологическом порядке, а проследить взаимосвязь отдельных исторических событий и попытаться дать им оценку. На вершине этой пирамиды стоял жанр собственно истории, отличавшийся от уже упомянутых переработкой автором исторического материала и значимым историческим синтезом, выражавшим точку зрения автора или той социальной и культурной среды, к которой он принадлежал.

Изучив «Хронику», исследователи заметили, что несмотря на то, что Адемар использовал «Анналы королевства франков», он, тем не менее, попытался полностью избавиться от любого сходства между своим трудом и анналами как жанром. В частности, он переработал информацию из анналов, пожертвовав точностью датировок ради создания хорошо изложенной общей картины событий.⁷ Более того, в некоторых главах своего труда (например, III, 19; III, 22) Адемар объединил разнородные сюжеты таким образом, чтобы передать читателю единую тенденцию их развития. Таким образом, можно рассматривать его сочинение не просто как анналы или хронику в традиционном понимании, а как осознанный исторический труд, в котором была предпринята попытка на основе доступной ему информации создать свою авторскую трактовку исторических событий.⁸ Данное обстоятельство позволяет не только анализировать содержащиеся в «Хронике» факты и сопоставлять их с сообщениями из других источников. Оно дает возможность поставить вопрос о целях написания работы Адемаром, о его исторической концепции, а также о том, насколько его история королевства франков и Франции соответствовала реальной картине описываемого им исторического периода.

Приступая к решению этой задачи, историки обычно вначале выясняют, насколько заглавие соответствует затронутым темам и насколько автор смог реализовать задуманный план. В случае средневековых исторических сочинений эта задача достаточно сложна, потому что в силу особенностей передачи рукописной традиции в Средние века современные историки часто не могут быть уверены в точности передачи авторских заглавий. Сочинение

Адемара Шабаннского - именно такой случай. Название, которое дошло до нас, считается авторским не всеми современными исследователями. Уже в Средние века труд Адемара Шабаннского был известен как *Chronicon Aquitanicum et Francicum* и *Historia francorum*.⁹ Под этими двумя заглавиями историческое сочинение Адемара известно и сейчас, но в целях осторожности издатели, как правило, сокращают название до «Хроники».¹⁰

Вне зависимости от результатов исследования рукописной традиции, можно заключить, что для средневековых историков и переписчиков основными темами сочинения Адемара являлись история королевства франков и история Аквитании. Что было главным для самого Адемара Шабаннского, каким образом в его труде соотносятся обще-франкские и специфические, аквитанские сюжеты? Попытаемся разобраться в этих вопросах.

При внимательном разборе текста «Хроники» Адемара, историкам становится очевидно, что большая ее часть представляет собой компиляцию из раннесредневековых источников. В первых двух и в третьей книге (главы 1-15), Адемар не является оригинальным автором, так как он опирается на более ранние хроники. Что из себя представляла подборка источников, доступная для Адемара, мы можем восстановить на основании другой, известной подборки, которой пользовался его современник, Эмуэн из Флёри, автор *Historia francorum*.¹¹ Последний использовал для описания истории королевства франков в период правления меровингской и каролингской династий раннесредневековые истории, такие как продолжение Хроники Фредегара, а именно главы 107-110 в издании *MGH Scriptorum*¹², *Liber historiae francorum*,¹³ а также *Annales regni francorum*.¹⁴ Текстологическое исследование показывает ряд различий между текстами исторических сочинений, известных Адемару и теми, которыми пользовался его современник из Флёри. Адемар, следовательно, не имел доступа именно к этой подборке, но скорее всего, в его распоряжении оказалась схожая рукопись.¹⁵ В период между написанием первой и третьей редакции в руки Адемара попало Житие Людовига Благочестивого, написанное Астрономом, которое он использовал в своем труде.¹⁶

Только с книги III, гл. 16. текст «Хроники» становится оригинальным. Адемар использовал в качестве источника анналы, составленные в Ангулеме и Лиможе. Ондако он предпочитал не просто пересказывать события, а менял их местами и перегруппировывал. Так, в одной главе он мог соединить исторические сюжеты, разделенные большими промежутками времени.¹⁷ В другой главе Адемар объединил события, которые происходили в совершенно разных регионах.¹⁸ Информацию, относящуюся к истории Лиможа, он взял из архивов монастыря св. Сибарда.¹⁹ Кроме того, в его изложении присутствуют интересные ошибки, которые показывают, что он не просто придумал недостающие ему факты, а, скорее всего, взял их из устной традиции монастыря св. Марциала в Лиможе. Например, Адемар повествует о коронации Карла Дитя в аббастве св. Марциала в 855 г., перепутав ее с коронацией Карла Лысого. Данное обстоятельство вполне могло объясняться тем, что в этом монастыре находилась конная статуя Карла Лысого.²⁰

Нерешенной проблемой остается тот факт, что большая часть информации, которую исследователи Адемара считают оригинальной, содержится в чудесах св. Генульфа.²¹ Правда, в житии она представлена в намного более сжатом виде. Можно предположить, что либо Адемар взял эту информацию из жития, либо наоборот, автор жития взял ее из сочинения Адемара, либо же, у них был общий источник. Осложняет ситуацию то обстоятельство, что Житие св. Генульфа заканчивается на 990 г., что делает вопрос об авторстве еще более сложным. Следовательно, «Хронику» Адемара нельзя признать полностью оригинальным источником по истории франкского королевства времен Меровингов и Каролингов.

Тем не менее, это не принижает значения сочинения монаха из Ангулема. Достаточно просто не рассматривать Адемара как автора, представившего нам новые и оригинальные сведения по истории западно-франкского королевства, Франции и Аквитании. Действительно, его труд является в первую очередь превосходной компиляцией, но это не означает, что у него не было своего видения истории, которое нужно искать не в оригинальных фактах, а в перегруппировке, трактовке, выборе или опущении Адемаром уже известных событий. Представляется, что Адемара нужно рассматривать как историка,

предложившего нам свой вариант истории западно-франкского королевства в VI-X вв.

Исторический метод Адемара и история королевства франков

Для того, чтобы оценить авторский вклад Адемара в историю королевства франков, стоит обратиться к конкретным сюжетам. В отличие от других средневековых историков (таких, например, как Григорий Турский), ангулемский монах не стремился к хронологической точности в последовательном изложении событий. Наоборот, он объединял подчас очень отдаленные по времени факты, чтобы добиться тематической ясности своего изложения. Нам представляется поэтому, что для изучения сочинения Адемара нужно прибегнуть к тому же подходу. Основными темами станут история Аквитании, структуры власти в королевстве Франция, история взаимоотношений светской власти и церкви, история церковной реформы в Аквитании и средневековая религиозность.

Меровингская история в изображении Адемара

В XIX - начале XX вв. работа Адемара в области передачи раннесредневековой истории королевства франков оценивалась всего лишь как неудачное копирование. Но в конце XX в. среди исследователей стало укореняться мнение, что даже в процессе компиляции Адемар привносил в текст свое видение отдельных событий франкской истории V-IX вв. Оно явственно присутствует в нескольких пассажах и в разбиении текста на книги. Однако даже эта фрагментарная информация важна для понимания его исторической концепции и метода. Кроме того, личность и интересы Адемара как историка отразились в тех событиях из истории франкского королевства, которые он упоминает. Например, он описывает сражение 842 г. при Фонтенуа в деталях, которые заставляют подозревать, что он мог взять информацию не только из используемых им анналов (*Annales regni francorum*), но и из других источников.²² Адемар также весьма интересно описывает смерть императора Лотаря в 855 г. и последовавшие за ней события.²³ У него есть свой взгляд на историю основания монастыря Клюни и кельи этого монастыря в Деуле.²⁴ Он также по-своему описал борьбу Каролингов и Робертинов и приход к власти Гуго Капета.²⁵ В его

труде нестандартно подана информация о борьбе герцогов Аквитании с будущими Капетингами.²⁶ Данные факты заставляют нас пристальнее рассмотреть историческую концепцию Адемара и его представления об истории западно-франкского королевства, королевства Капетингов, а также остальной Европы.

В таких, казалось бы, избитых сюжетах, как приход Хлодвига к власти и его правление, в сочинении Адемара можно найти оценки, не совпадавшие со взглядами других раннесредневековых историков, например, Григория Турского. Епископ Тура считал, например, что готы в Галлии были инородным элементом. Он мало интересовался их нахождением там после 466 г., когда Эврих создал визиготское королевство в Испании. Одним из важнейших эпизодов истории королевства франков для Григория Турского является победа Хлодвига в 506 г. над готами Алариха II и возвращение земель к югу от Луары королевству франков.²⁷ Важно понимать, что Григорий Турский воспринимает данное событие именно как возвращение земель принадлежавших франкам по праву победы Хильдерика и Хлодвига над последним римским военачальником к северу от Луары, Сиагрием в 486 г.

Адемар, в отличие от Григория Турского, не затушевывал готское наследие Аквитании и тот факт, что этот регион в V в. принадлежал готским федератам по распоряжению римского императора. Например, в отличие от Григория Турского Адемар полагает, что до прихода франков между Рейном и Луарой жили «римляне», а к югу от Луары готы.²⁸ Напрашивается вывод, что Адемар, в отличие от своего предшественника на историческом поприще, уже не придавал такого значения сохранению римских порядков на всей территории современной Франции. Всю жизнь живя к югу от Луары, Адемар, в отличие от епископа Тура, понимал особенности этого региона и не настаивал, как его предшественник, на идее чисто римской Галлии. Для Адемара в XI в. идея преемственности римской власти в Галлии была менее актуальна, чем для Григория Турского в VI в.

Говоря о франкской истории, Адемар иногда смещает акценты. В частности, он называет правителя рипуарских франков Рагнахара близким

родственником Хлодвига (parent).²⁹ На этот интересный факт стоит обратить внимание, когда пойдет разговор о видении Адемаром исторического процесса в целом. Сейчас отметим, что Адемар постарался подчеркнуть родственные связи между различными правителями франков. Это интересно в первую очередь потому, что в отличие от Григория Турского, в главных событиях создания и становления королевства франков он видел родственное согласие, а не кровавый конфликт.

Несмотря на то, что Адемар в I и II книгах многое скопировал из раннесредневековых исторических сочинений, в них также можно обнаружить отдельные оригинальные фрагменты, анализ которых показывает, что Адемар выделял в истории Аквитании события, тесно связывавшие ее с историей Меровингской династии. В частности, он пишет, что в 507 г. Хлодвиг назначил своего духовника по имени Аптомус епископом Ангулема.³⁰ Это является фактической неточностью, потому что священник с таким именем появляется только в актах Орлеанского собора 548 или 568 г.³¹ В данном случае Адемар искажал факты, чтобы утвердить читателя во мнении, что епископ Ангулема был назначен самим Хлодвигом, что давало епископской кафедре этого города существенные преимущества и особое место среди городов франкского королевства. В этом историк XI в. значительно отличался от Григория Турского, который крайне отрицательно относился к назначениям епископов королями и подчеркивал, что их пребывание в качестве прелатов всегда заканчивалось плохо. Но для Адемара назначение епископа Ангулема первым королем франков делало эту епископскую кафедру одной из важнейших во франкском королевстве.

В тексте присутствует еще одна связь между франкской королевской династией и Ангулемом. Адемар пишет, что в тот год, когда Хлодвиг женился, родился св. Сибард, отцом которого был граф Перигора Феликс.³² В терминах средневекового христианского миропонимания это сообщение имело значительный смысл. Св. Сибард становился своего рода духовным сыном Хлодвига, а епископская кафедра Ангулема получала особое, духовное родство с первой франкской королевской династией. Эти два эпизода, внесенные Адемаром в переписанный им текст *Liber historiae francorum*

говорят о том, что он стремился найти в истории королевства франков основу для поднятия престижа епископской кафедры Агулема в XI в.

Адемар искал в истории Аквитании следы великих правителей королевства франков. В первой главе второй книги Адемар привел практически без изменений текст королевского диплома, даровавшего собственность и права монастырю св. Сибарда. Хотя он и внес определенные изменения в текст, они не меняли самой сути диплома.³³ Показательно, в чем состояла главная неточность Адемара. Он приписал этот диплом, изданный в 852 г. Карлом Лысым, его деду Карлу Великому, что говорит об определенных тенденциях в историческом видении Адемара. В частности, неправильная датировка показывает, что автор из Ангулема стремился тесно увязать историю монастыря св. Сибарда с наиболее сильными правителями франкского королевства, являвшимися символами стабильности власти франков в Европе. Адемар выбрал именно Карла Великого как создателя королевства франков и пренебрег Карлом Лысым, образ и деяния которого он явно ценил меньше, чем деяния первого франкского императора.

Другой эпизод иллюстрирует стремление Адемара через обращение к франкской истории укрепить положение аквитанской церкви. В книге III, главе 16, он рассказывает о том, что в 830 г. император Людовик Благочестивый (778-840) проехал через Лимож, где посвятил новую церковь местному святому, Марциалу. Во время этого же визита, как считает Адемар, в эту церковь были перенесены и мощи святого. Известно, что Людовик Благочестивый посещал Лимож, но это было в 832 г.³⁴ Современные историки считают, что помещение мощей св. Марциала не могло произойти в IX в., потому что его церковь на тот момент была достаточно мала и крипта не вместила бы новое захоронение. Возможно Адемар сознательно путал факты, касающиеся визита Людовика Благочестивого и помещения мощей св. Марциала в крипту в его присутствии, поскольку далее он описывает историю лиможской церкви и аббатства св. Марциала так, что подтверждает наши предположения. Адемар пишет, что события 830 г. были только началом непрерывного потока дарений со стороны императора этой церкви и вновь упоминает, что в последующем в ней были помещены мощи святого. Значит, дарение 830 г. не было окончательным или

не состоялось вовсе, а помещения мощей вообще не имело места. Путанница, созданная историком весьма показательна. Можно заключить, что Адемар обратился к описанию визита императора Людовика Благочестивого в 830 г. не для того, чтобы рассказать нам твердо установленный факт, а привести свое личное мнение. Как это часто случалось в Средние века, Адемар, выступая в данном случае не как историк, а как проповедник, стремился доказать древность лиможской церкви и особое положение аббатства св. Марциала.

Адемар интересовался историей королевства франков прежде всего через призму современной ему аквитанской истории. В записи за 845 г. в одной из аквитанских хроник можно прочесть, что в этом году граф Сента Сегуин был захвачен норманнами, а город Сент (Saintes) сожжен.³⁵ В своей Хронике Адемар излагает те же события, но называет Сегуина не только графом Сента, но и Бордо, что является фактической ошибкой, поскольку в ту эпоху эти города принадлежали разным сеньорам.³⁶ Однако заблуждение Адемара легко объясняется тем, что в *Annales regni francorum*, которые он использовал, Сегин был назван герцогом Гаскони, а в X – XI вв. герцогами Гаскони, как правило, были графы Бордо.³⁷ Ошибка Адемара показывает, что он мыслил в терминах современной ему Аквитании, не вдаваясь в детали раннесредневековых событий.

Здесь стоит отметить одну интересную особенность текста Адемара, которая делает его видение истории королевства франков отличным от видения многих других историков. Например, в XII в. Гугон из Флёри, наоборот, начинал свою историю с событий, связанных с Карлом Лысым.³⁸ Для историка XII в. Карл Лысый был более удачным кандидатом для начала истории королевства франков, потому что он был первым королем западно-франкского королевства, будущей Франции, а не императором всего франкского королевства и Италии. Адемар, будучи ближе к каролингским событиям, чем Гугон из Флёри, с большим интересом и пиететом стремился привязать историю Аквитании и ангулемской церкви именно к королю и императору франков. Таким образом, Адемар еще жил в мире, в котором идея о создании общеевропейской империи на основе королевства франков,

возникшая в правление Карла Великого и Людовика Благочестивого, играла основополагающую роль в восприятии как современности, так и истории.

Представленные выше примеры свидетельствуют, что интерес Адемара к истории франкского королевства всегда был обусловлен его аквитанской принадлежностью. Становится ясно, почему по крайней мере ряд средневековых переписчиков считали полным названием сочинения Адемара «Хроника Аквитании и Франции» (*Chronicon aquitanicum et francicum*). Если вопрос, является ли прилагательное «*francicum*» топонимом или эпонимом остается спорным, то сомнений относительно того, что одним из предметов этой хроники с точки зрения многих средневековых переписчиков была история Аквитании, географического региона в центре современной Франции, быть не может. И даже если это название придумал не сам Адемар Шабаннский, можно с уверенностью сказать, что именно описание аквитанских событий составляло в книге III его важнейшую задачу. Адемар гордился «аквитанцем» Гербертом Орильякским (папой Сильвестром II), а также много раз заинтересованно говорил об аквитанских делах. Исследуя процесс создания Хроники от первой (альфа) редакции до последней (гамма), историки согласны в том, что Адемар дополнял краткую редакцию своей хроники, содержащую в первую очередь важнейшие события истории королевства франков, своего рода местным колоритом, т. е. событиями аквитанского значения.³⁹ Обращаясь к Хронике Адемара Шабаннского, в первую очередь необходимо выяснить, что представляла из себя Аквитания в рассматриваемую эпоху и какое место она занимала в системе власти королевства франков и в ментальном пространстве образованных людей X-XI вв.

История Аквитании при Меровингах и Каролингах до Верденского раздела
843 г.

Наши представления об истории европейских регионов в IX-XI вв. складываются, как правило, на основе фрагментарных сведений о военных походах правителей, князей и графов, а также об основаниях монастырей и епископств. Для того, чтобы проследить изменения в структурах власти,

появление новых королевских и графских династий, историкам приходится ограничиваться отрывочной информацией и при этом часто делать догадки относительно значения тех или иных событий. Историю Средних веков, и в особенности рассматриваемого нами периода IX-XI вв., нельзя писать сугубо событийно, потому что значимые события, как правило, отделены друг от друга десятилетиями. Соответственно, задачей исследователей этого исторического периода является осмысление того, на что источники только намекают, т. е. поиск глубинных процессов, протекавших во власти, социуме, ментальности. История Аквитании в данном контексте представляет собой интересный пример, потому что в прошлом этого региона переплелись и общие процессы, характерные для всей Европы, и специфически региональные черты.

Аквитания сочетала в своей истории особенности как реального политического образования, так и воображаемого, не получившего окончательного территориального оформления, региона. В меровингскую эпоху ее границы не были точно определены, однако к VII в. возникло представление об исторической цельности этой области. Своего рода столицей Аквитании в это время был г. Тулуза. Данное обстоятельство говорит о том, что меровингские правители попытались поддержать политическую традицию тулузского королевства визиготов. В частности, в правление короля Дагоберта Аквитанию взял под свою власть его младший брат Хариберт. Историки отмечают, что хотя в VII в. этот регион имел собственный суверенитет, меровингские правители тем не менее видели его глубокую связь с франкским королевством. Так Хариберт постоянно обращался к своему старшему брату за помощью, если ему нужны были военные отряды для защиты от народов, прощивающих на границе с Пиренеями. Однако после смерти Дагоберта I последовал новый раздел, в рамках которого Аквитания потеряла свою независимость. Франкское королевство было поделено на три части, Нейстрию, Бургундию и Австразию, и Аквитания по умолчанию стала частью первой. Тем не менее, поддержание местных традиций власти продолжалось до тех пор, пока были живы сыновья Хариберта, т. е. до 670-х гг.

В 781 г. Карл Великий предпринял попытку упрочить управление югом своего королевства, определив границы Аквитании и передав ее своему старшему сыну Людовику, будущему королю Людовику Благочестивому. Аквитания Карла Великого была задумана как южная пограничная часть королевства франков, которая должна была ограждать Север от Испании. Она простиралась от Роны на запад до побережья Атлантического океана, и включала в себя, кроме собственно Аквитании, также и Септиманию.⁴⁰ Историки по-разному оценивают это событие. Некоторые считают, что Карл Великий таким образом признал за Аквитанией самостоятельную значимость, и этот регион перестал существовать только в сознании местной знати и стал цельным властным образованием и одновременно частью королевства франков. Существует распространенное мнение, что к данным действиям короля франков подтолкнуло самосознание аквитанской элиты, которая воспринимала себя прежде всего как носителей давних традиций, а не как часть общекоролевской организации. Однако есть и другие точки зрения на этот вопрос. В частности, предполагается, что решение выделить Аквитанию в отдельную область и расширить ее границы могло быть связано с желанием Карла Великого научить своего старшего сына практике управления большими регионами.⁴¹

После смерти Карла Великого капитулярий под названием *Ordinatio imperii* (817 г.) («Об устройстве империи») описал принципы раздела власти между Людовиком Благочестивым и его сыновьями.⁴² Документ зафиксировал размеры и границы Аквитании. Она состояла из собственно исторической (готской) Аквитании со столицей в Тулузе, из Гаскони, графства Каркассон и трех графств между реками Луара и Саона — Невер, Отэн и Авалон. Но в рамках этого раздела Аквитания потеряла Септиманию, которая была частью этой области по разделу 781 г., а также испанскую марку, т. е. Каталонию. Септимания была передана Лотарю, старшему сыну и соправителю Людовика Благочестивого, носившему имперский титул и бывшему королем Италии, которому принадлежал ряд ключевых областей в самом центре Европы (таких как средне-франкское королевство, т. е. будущая Лотарингия, и Бургундия). Таким образом, место Аквитании в системе власти франкского королевства

изменилось. Если по разделу 784 г. ее функция состояла в первую очередь в том, чтобы быть пограничным регионом между франкским королевством и Испанией, то в 817 г. она разделила эти функции с Септиманией и в большей степени стала внутренней областью франкского королевства.

Взгляды современников на власть правителя Аквитании были весьма различны. Если верить историку Астроному, он обладал значительными полномочиями и воспринимался как король, обладавший всей полнотой власти. Поэт Эрмольд Нигер (т. е. Черный) считал, что Карл Великий поделил Францию так, чтобы все его сыновья получили равную долю, если бы Пипин и Карл Малый пережили его, а вот королевство Аквитанию подарил именно Людовику Благочестивому. Людовик по смерти отца получил все названные королевства. Интересно, что с точки зрения поэта, Людовик имел право как на часть Франции, так и на Аквитанию. При этом Аквитания рассматривалась Эрмольдом как состоящая из нескольких королевств.⁴³

С другой стороны, обращение к грамотам показывает, что представления Эрмольда Нигера о самостоятельности королевства Аквитания были преувеличены. Ни при жизни Карла Великого, ни в первое десятилетие после его смерти, Людовик Благочестивый и его сын Пипин I (797-838) не обладали какой-либо автономией и не могли принимать самостоятельные решения. В частности, Карл Великий сам возглавлял походы на юг и принимал большинство административных решений в отношении назначения или смещения графов отдельных областей Аквитании.⁴⁴ При Людовике Благочестивом до 827 г. его сын Пипин был значительно ограничен в своих полномочиях в *Ordinatio imperii*.⁴⁵ Он обладал прерогативами использовать королевский фиск, он мог защищать Аквитанию военными средствами, а также осуществлять дарения и давать должности.⁴⁶ Однако он не был полноправным правителем, и Аквитания считалась частью владений императора Людовика Благочестивого. Более того, до 827 г. Пипин I не пользовался даже той властью, которая была для него оговорена. В частности, еще в 826 г. Людовик Благочестивый призвал в Аахен знать пограничного региона, *custodios limitibus Hispaniae*, что говорит о том, что именно император и король обладал всей полнотой власти на юге.⁴⁷

Парадоксальным образом, это собрание знати свидетельствует, что еще в 826 г. император воспринимал юг Франции в терминах 781 г., а не в терминах 817 г. Он видел его как единый пограничный регион в духе Карла Великого. На самом деле, этот регион состоял из Аквитании, Септимании и испанской марки (Каталонии), то есть, на тот момент административное деление не отражало реальной ситуации. Таким образом, Аквитания Пепина I была образованием, соответствовавшим династическим целям, а не частью королевства, подчиненной единой военной или административной функции в рамках франкской системы власти. Напрашивается вывод, что в период правления Каролингов к Аквитании было двойственное отношение. С одной стороны, Карл Великий и Людовик Благочестивый видели необходимость восприятия юга Франции как единого региона, функция которого в рамках королевства франков состояла в защите его южных рубежей от сарацин. С другой стороны, Аквитания рассматривалась ими как исторический регион, напомиравший о позднеримском и раннесредневековом территориальном делении Европы и отличавшимся определенным своеобразием. Владение Аквитанией давало возможность королевским сыновьям носить титул аквитанского короля, но что значил на тот момент этот титул? Можно предположить, что он имел сакральное значение, которое придавало его обладателю определенный ореол, но не предполагало независимой власти. Король Аквитании в каролингскую эпоху до Верденского раздела 843 г. был в первую очередь Каролингом и этот титул даровался ему ввиду его династической принадлежности, а не в силу обладания реальной властью благодаря поддержке местной знати. Примечательно, что императоры Карл Великий и Людовик Благочестивый стремились вести дела с южной и в особенности аквитанской знатью напрямую, оставляя своим сыновьям решение частных вопросов.

В период Верденского раздела династические интересы Каролингов перестали требовать сохранения Аквитании в качестве независимого региона, дававшего возможность носить титул короля одному из членов семьи. Дело в том, что интересы династии на этом этапе изменились. В частности, каролингские правители больше прониклись идеями *Divisio regnorum* 806 г.,

принятого по инициативе Карла Великого, и стали заботиться о территориальной целостности своих владений и об укоренении принципа прямого наследования от отца к сыну. Когда в 827 г. Пипин I (797-838), средний сын Людовика Благочестивого, начал издавать королевские грамоты от своего собственного имени, его конфликт с отцом и братьями начал разрастаться.⁴⁸ Причина спора в королевской семье, однако, была не только в этом. У Людовика Благочестивого, кроме Пипина I, Лотаря (795-855) и Людовика (805-875), был еще сын от второго брака Карл (823-877). Поскольку младший Карл, в будущем прозванный Лысым, имел мало шансов на то, чтобы получить самостоятельное владение от своих старших братьев, Людовик Благочестивый озаботился тем, чтобы закрепить за ним западно-франкское королевство. О новой политике создания новых территориальных королевств свидетельствует тот факт, что после смерти своего сына Пипина I, правителя Аквитании, Людовик Благочестивый стал постепенно прибирать к рукам юг Франции, освободив его от влияния своих сыновей Людовика Немецкого (805-875) и Лотаря (795-855), королей восточно-франкского королевства и Лотарингии.

В 820-840-е гг. Аквитания приобрела особую значимость для правителей западно-франкского королевства, потому что именно там Людовик Благочестивый планировал создать опору своей империи на юге, а Карл Лысый увидел основу для создания сильного королевства, будущей Франции. Рассматривая конфликт, развернувшийся еще при жизни Людовика Благочестивого между его старшими сыновьями и младшим сыном от второго брака, Карлом Лысым, и закончившийся Верденским разделом 843 г., Адемар описывает эту ситуацию весьма нестандартным образом. Попробуем разобраться в его представлениях о месте Аквитании в системе власти королевства франков. Адемар совершенно верно сообщает, что Лотарь был императором Италии, Людовик Немецкий королем Германии, а Карл Лысый в это время стал королем Франции и Бургундии. Но дальше историк дает свою трактовку этой раскладке сил, поскольку считает, что война между братьями, разгорелась из-за Аквитании и Франции. Более того, именно Аквитанию как причину конфликта он ставит на первое место.⁴⁹ Адемар,

таким образом, полностью исключал наследные притязания сына Людовика Благочестивого Пипина I и его внука Пипина II, и видел судьбу Аквитании связанной только с Карлом Лысым и Францией. О Пипине II, сыне Пипина I, как о равном участнике внутридинастических отношений он ничего не говорит, хотя тот на момент битвы при Фонтенуа 842 г. считался наследником своего отца и, соответственно, правителем Аквитании.⁵⁰

Более того, говоря об условиях Верденского раздела, Адемар так рисует ситуацию, что это показалось бы странным и средневековым историкам, и современным исследователям. Он пишет, что Карл Лысый и Людовик Немецкий поделили королевство таким образом, что их силы оказались примерно равны, но при этом Карл Лысый взял покровительство над своим племянником Пипином II, чтобы воспитать его и дать ему образование.⁵¹ Следовательно, Адемар представляет Верденский раздел так, как будто Аквитания сразу стала частью западно-франкского королевства, хотя на самом деле это произошло только по результатам встреч в Кобленце в 848 г., в Меерзене в 851 г. и в Айтиньи в 854 г. К тому моменту Пипин II уже успел отрицательно зарекомендовать себя тем, что поддержал викинга Ярла Оскара, и привлек на свою сторону епископа Бордо Сегуина, который отрекся от императора, дав ему звание герцога Гаскони. Ни о чем из вышесказанного Адемар не упоминает. Верденский раздел в изображении Адемара Шабаннского выглядит так, как будто он был тождественен разделу 870 г. по договору в Меерзене. Тогда Карл Лысый и Людовик Немецкий поровну поделили наследство Лотаря, т. е. Лотарингию, Бургундию и Прованс, что привело к окончательному оформлению границ королевств Франция и Германия.

Подобное положение дел легко объяснялось бы тем, что Адемар Шабаннский просто не знал основных исторических фактов IX в. Однако заметим, что если бы он ставил своей целью только защиту аквитанских интересов и независимости Аквитании, он обязан был бы больше написать о притязаниях Пипина II и Верденском договоре. Возможно, причиной такого отношения к франкской истории IX в. было то, что единство франкского королевства ценилось Адемаром выше любых попыток региональной

независимости. Вскоре после описания этих событий Адемар упоминает, что в результате ситуации, сложившейся после верденского раздела, в 846 г. франки и аквитанцы вместе выступили против бретонцев.⁵² Знаменательно, что кампанию Карла Лысого 846 г. он представляет в первую очередь как символ дружеских отношений и тесного взаимодействия магнатов Нейстрии и Аквитании в борьбе против внешнего врага. Более того, Адемар рассказывает об этой кампании как о закончившейся победой Карла Лысого, хотя на самом деле Карл Лысый окончил ее переговорами с герцогом бретонцев Номиное. И в ряде последующих глав Адемар говорит об успешных военных действиях Карла Лысого против бретонцев, подчас идя против исторической истины.⁵³ Он также подчеркивает принципиальное сходство интересов магнатов Нейстрии (Франции) и Аквитании, указывая на происхождение важнейших графских родов Аквитании от каролингских вассалов.⁵⁴ Таким образом, Адемар подчеркивает принципиальное сходство интересов Франции в узком смысле этого слова (Нейстрии) и Аквитании и говорит о совместной победе магнатов и войск двух этих регионов над внешним врагом, бретонцами, под руководством Карла Лысого. Адемар подчеркивает особую роль Аквитании в делах франкского королевства, когда рассказывает о том, что в 855 г. Карл Лысый был коронован и помазан на царство, став королем Франции, Аквитании и Бургундии.⁵⁵ Таким образом, его интересовала не независимая Аквитания, а Аквитания равная по статусу Франции (Нейстрии), объединенная с последней под властью Карла Лысого.

История графских династий на юге Франции в первой половине IX в.

Период IX - начала X вв., которые Адемар сравнительно кратко описывает в III книге, является временем формирования знатных династий в Европе. Именно тогда под сенью последних Каролингов сформировались роды, часть из которых добилась королевского статуса, а другие стали знатью, формировавшей структуры власти в Европе на протяжении всего Средневековья. Капетинги, Бозониды (правители Прованса), Рудольфинги (правители имперской Бургундии) являются наиболее яркими представителями знатного сословия, но специалистам известны и другие династии, которые сформировались в это время и добились значительной власти. Однако в результате исследований этого процесса в европейской историографии сформировались несколько взглядов на взаимоотношения королевской династии и магнатов. В XIX в. историки предполагали, что интересы королевской династии и знати были прямо противоположны и рассматривали Кьёрсийский капитулярий (Quierzy, 877 г.), разрешивший графам передавать свои должности по наследству, как победу знати над королевской властью. Важным аспектом этой концепции являлось представление, что вся средневековая европейская знать возникла в борьбе с распадавшейся каролингской властью и что благодаря этому большинство знатных родов высокого Средневековья не имело связи с каролингскими чиновниками. Иначе говоря, история конца IX - XI вв. рассматривалась как время своеобразной «ротации кадров», давшей возможность придти к власти совершенно новым лицам, не связанным с каролингским наследием. Исследователи XX в. считали, что в результате этого процесса к 900 г. в Европе сформировались первые территориальные графства и власть перешла от Каролингов в руки новой территориальной знати.⁵⁶ Историки Аквитании считают период с 866 по 877 г. временем формирования графских династий.⁵⁷

Во второй половине XX в. историки стали по-новому рассматривать взаимоотношения между королевской властью и знатью. Во-первых, дальнейшие исследования этой темы дали возможность утверждать, что процесс формирования территориальных княжеств начался еще при Карле

Лысом.⁵⁸ Это свидетельствует о том, что усиление территориальной власти представителей местной знати сосуществовало с верной службой королю.⁵⁹ Ряд дальнейших публикаций показали, что большинство представителей местной знати не имели принципиальных противоречий с последними каролингскими правителями.⁶⁰ Тем интереснее исследовать взгляд Адемара Шабаннского на эти процессы, поскольку ему пришлось жить в эпоху, когда процесс формирования территориальных княжеств пришел к логическому завершению.

В Аквитании в середине IX в. сложились свои графские роды, которые в X в. выступили с притязаниями на титул герцога Аквитании. «Хроника» Адемара является одним из важнейших источников, освещающих эти события, правда процесс формирования графских династий в видении Адемара отличается следующей особенностью, вызвавшей дискуссию в среде современных специалистов. Из этого сочинения мы можем узнать, что основателями династии графов Пуату (ставших впоследствии герцогами Аквитании) являлись два брата, Герард Оверньский (ум. 841) и Гильом Овернский (841-846). От Герарда пошла ветвь, состоящая из Ранульфа I (852-866), Ранульфа II (866-890), Ранульфа III (ум. 901) и Эбла Манцера (890-893, 927-935). От Гильома Оверньского пошла линия Бернарда Оверньского (846-858), Бернарда II «Мохнатое растение» (864-886) и Гильома Благочестивого (875-918), который был графом Оверни с 886 г. и герцогом Аквитании с 893 г.⁶¹ Адемар считал, таким образом, что Бернард Оверньский был родственником Ранульфа I, а Гильом Благочестивый - дядей Ранульфа II. Правда, сам историк не употребил термин близкого родства, ограничившись сравнительно расплывчатым словом «родственник» (*consanguineus*).

Сначала разберемся в династических хитросплетениях. Одна из династий графов Пуату - это братья Эменон и Турпион. Первый был графом Пуату (828-839), графом Перигора (863-866) и графом Ангулема (863-866). Второй - графом Ангулема (ум. 863). История этой графской семьи сопряжена с рядом драматических эпизодов. В 838 г. Эменон, граф Пуату, попытался после смерти Пипина I в 838 г. поставить королем Аквитании его

сына Пипина II против воли Людовика Благочестивого. В ответ Людовик Благочестивый изгнал Эменона и назначил графом Пуату Ранульфа I (838-866).⁶² Судьба Турпиона остается под вопросом. Адемар в вышеупомянутом пассаже считал, что несмотря на попытку его брата Эменона поставить королем Пипина II, Людовик Благочестивый все-таки сделал его графом Ангулема. Однако современник событий Люпус из Феррье писал в письме одному из своих адресатов, что графом Пуату в это время был назначен некто Райнальд, и намекал, что Турпион принял сторону Пипина II и Эменона.⁶³ Несмотря на опалу, Эменон не потерял влияния на юге, потому что стал графом Перигора.⁶⁴ В 839/840 г. Людовик Благочестивый сделал королем Аквитании своего младшего сына Карла Лысого.⁶⁵ Семья и наследники Эменона сохранили власть до конца IX в., потому что потомок Эменона Адемар был графом Пуату и влиял на дела в Лимузэне в 890-902 гг., пока не скончался, не оставив потомства, в 920-е гг.⁶⁶ Смещение Эменона и назначение Ранульфа I в 838 г. дало начало той самой династии графов Пуату, которая потом приобрела титул герцогов Аквитании и продолжила править в эпоху Адемара Шабаннского.

Обратим внимание на еще одну тупиковую ветвь графов Пуату. В период раздора между Каролингами независимую политику на юге стал вести представитель еще одной графской династии, герцог Септимании Бернард (795-844). Он был сыном графа Гильома Геллонского (755-812/814), игравшего важную роль на юго-западе Франции при Карле Великом, и одним из ближайших советников Людовика Благочестивого. Однако та позиция, которую Бернард занял в конфликте Каролингов, оказалась для него роковой. Он не участвовал в битве при Фонтенэ в 842 г. В результате победы над братьями Карл Лысый начал кампанию, целью которой было навести порядок в принадлежавшей ранее Пипину I Аквитании.⁶⁷ Одновременно, он использовал Аквитанию в качестве базы для распространения своего влияния на юге Франции, опираясь на герцога Прованса Варина. В 842 г. Карл Лысый лишил Бернарда Септиманского титула графа Тулузы и передал этот город Эгкфриду. Бернард перешел на сторону Пипина II и изгнал Эгкфрида из Тулузы. Тогда Карл Лысый снова

обратился к герцогу Прованса, чтобы восстановить свою власть. В 844 г., т. е. после того, как раздел королевства между Каролингами был завершен, а Карл Лысый уверился в поддержке своих вассалов на западной границе в результате договора в Кулэне в 843 г., он повел активную политику на юге. Он вернулся в Аквитанию, чтобы заставить Пипина II (823-864) подчиниться. Бернард был захвачен и казнен.⁶⁸ Его сын Гильом (826-850) попытался поддержать Пипина II и в течение нескольких лет каролинг и мятежный потомок графского рода создавали проблемы для Карла Лысого.⁶⁹

Однако история графской династии на этом не закончилась. Сын Бернарда Септиманского сражался против Карла Лысого, пытаясь отстоять свой статус. Брат Бернарда Септиманского, Варин, сохранил свое положение и ряд важных титулов в период после Верденского раздела.⁷⁰ Дальнейшую судьбу этой династии сложно проследить, потому что однозначных свидетельств нет. Однако современные историки считают в результате ряда исследований, что наследником и сыном Бернарда Септиманского и его жены Дуоды был его второй сын Бернард «Мохнатое растение» (ст.-франц. *Plantevelu*, лат. *Plantapilosa*).⁷¹ Он стал сначала графом Отэна, а затем объединил в своих руках множество южных графств.⁷² Считается, что именно Бернард «Мохнатое растение», благодаря своему положению, стал первым *de facto* герцогом Аквитании.

Хотя Адемар считает, что Бернар Оверньский был родственником Ранульфа I, а Гильом Благочестивый - дядей (*consanguineus*) Ранульфа II, современные историки показали, что это не соответствовало действительности. Опираясь на «Хронику», историки перепутали Бернарда I Оверньского с Бернардом Септиманским (795-844).⁷³ Современные данные о происхождении и развитии этих двух графских династий говорят о том, что они не были прямыми родственниками.⁷⁴ Думается, что в неточности Адемара отразилась интересная тенденция в рассмотрении истории графских родов Аквитании. Как и многие другие историки X в., Адемар не склонен был подчеркивать противоречия между графскими и герцогскими семьями. Не будучи уверенным в точном родстве двух графских династий, он посчитал необходимым объединить их в одну родственную группу для того, чтобы

подчеркнуть не только географическое, но и династическое единство той Аквитании, в которой ему довелось жить в начале XI в.

Аквитания - герцогство или графство?

В источниках по истории Аквитании существует еще одно интересное разночтение, которое помогает понять взгляды Адемара Шабаннского на каролингскую историю своего региона. Большинство исследователей, опираясь на Регинона Прюмского, говорят о том, что в 852 г. был назначен герцог Аквитании, которым стал Ранульф I (852-866), являвшийся графом Пуатье.⁷⁵ Правда, это сообщение несколько необычно, потому что оно было явно вставлено позже. Абзац текста с описанием событий 852 г. находится рядом с записью за 867 г. Данный факт, возможно, свидетельствует о том, что информация о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании могла появиться при редактировании хроники самим Региноном или одним из переписчиков. Схожим образом сообщает об этом событии одна из редакций хроники монастыря св. Максенция в Пуатье. В частности, запись за 852 г. не содержит никакой информации о Ранульфе I. О его назначении существует запись за 868 г., в которой упоминается, что св. Герард, вернувшись от двора Карла Лысого, взял на воспитание Гильома, сына Ранульфа I, герцога Аквитании и графа Оверни.⁷⁶ Таким образом, структура двух хроник в описании назначения Ранульфа I герцогом Аквитании сходна, что говорит о том, что «Хроника» Регинона Прюмского, скорее всего, зависит от хроники монастыря св. Максенция.

Сообщения хроник о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании, с одной стороны, иллюстрируют усиление территориальных княжеств и возрастающий интерес знати к тому, чтобы повысить свой статус в рамках каролингской иерархии. С другой стороны, вполне вероятно, что присвоение герцогского титула графам Пуату означало, что Карл Лысый видел Аквитанию не как отдельное королевство, а только как герцогство. В период назревающего династического спора в 860-е гг., когда император и король Среднего королевства (Лотарингии) Лотарь был уже стар и готовился к переходу в иной мир, Карл Лысый мог попытаться предотвратить любую

попытку расколоть западно-франкское королевство путем претензий на титул «короля Аквитании».

Однако стоит отметить, что не все современники и историки обратили внимание на это событие. Например, другая редакция хроники монастыря св. Максенция в Пуатье ничего о нем не говорит, хотя оно имело для графов Пуатье большое значение.⁷⁷ О нем также ничего не написано в Бертэнских анналах.

Интересно, что в других местах хроники монастыря св. Максенция термин *dux* употреблялся, чтобы обозначать всех графов городов и территорий, входивших в Аквитанию, а не только одного верховного правителя Аквитании.⁷⁸ Следовательно, в середине IX в. в среде историков еще не сложилось единого представления о строгой иерархии власти в Аквитании.

В каролингскую эпоху любая официальная должность давалась не просто путем передачи титула посредством грамоты, удостоверяющей факт дарения. Она отражала положение человека при дворе и в среде местной знати. В частности, можно привести в пример графа Нейстрии Роберта IV Сильного (*missus dominicus* Карла Лысого), отца королей Франции Одона и Роберта I, реальное положение которого не соответствовало его титулу. Как сообщают сен-бертэнские анналы, в 858 г. ряд графов во Франции (т. е. Нейстрии) сформировали коалицию с аквитанской знатью и выступили против Карла Лысого. Они сделали ставку на короля Германии Людовика, которого хотели призвать в качестве правителя. Об этом же пишет и Регинон Прюмский. Он рассказывает в записи за 866 г. о событиях 858 г. и сообщает, что ряд значимых людей западно-франкского королевства пригласили Людовика захватить Нейстрию и Аквитанию.⁷⁹ Современные историки предположили, что в качестве инициатора этого заговора выступал Роберт IV, граф Парижа, получивший большое влияние в результате приобретения им титула герцога Нейстрии и Бретонской марки в 852 г.⁸⁰ Хотя ни один из раннесредневековых источников не сообщает о назначении Роберта Сильного герцогом, его истинное положение было таково, что он вполне мог претендовать на этот титул. Следовательно, напрашивается вывод о том, что

должности, о которых сообщают раннесредневековые историки, не всегда имели историческое значение, и что истинное положение того или иного магната определялось только его реальной властью.

Обратимся снова к «Хронике» Адемара Шабаннского и посмотрим, как он трактует этот период в истории Аквитании. От событий, непосредственно предшествовавших Верденскому разделу, он сразу переходит к 855 г., когда Карл Лысый был помазан на царство и стал королем Франции, Аквитании и Бургундии.⁸¹ Таким образом, Адемар не считал, что в Аквитании был в это время назначен герцог. Назначение Ранульфа I герцогом Аквитании в 852 г. можно считать зависящим только от одного источника, Регинона Прюмского (или же хроники св. Максенция). Более того, Адемар ничего не пишет о союзе аквитанской и нейстрийской знати, объединившейся в стремлении сместить Карла Лысого в 858 г.

Данные разночтения в истории Аквитании заслуживают особого внимания. Как объяснить позицию Адемара? Вполне вероятно, что он не читал хронику св. Максенция и Регинона Прюмского, и поэтому просто ничего не знал о назначении Ранульфа I герцогом Аквитании. Вероятно также, что он не читал Сен-бертэнские анналы, следовательно не мог знать о заговоре. Напрашивается предположение, что Адемар либо не имел доступа к полной информации, либо мало интересовался ключевыми событиями истории Аквитании в каролингскую эпоху, что выглядит странным, поскольку именно они легли в основу его сочинения. Невозможно не заметить, что в определенных случаях Адемар был активно заинтересован в том, чтобы подчеркнуть раннее возникновение в Аквитании собственных традиций власти и в особенности, ее существование в качестве герцогства. В частности, он назвал Гильома Пакляная Голова (935-963), сына графа Пуату Эбла Манцера, герцогом Аквитании, хотя на самом деле первым графом Пуату, который получил от короля Франции Людовика IV Заморского титул герцога Аквитании в 965 г., был Гильом III Хвастун (963-996).⁸² Таким образом, отношение Адемара к статусу Аквитании как герцогства было неоднозначным. Только когда речь шла о герцогском титуле предков герцога Гильома IV Великого, его современника, Адемар был готов присвоить

магнатам этот титул. Отсутствие интереса к назначению Ранульфа I герцогом в 852 г., скорее всего, обуславливалось исторической концепцией Адемара. В частности, можно предположить, что этот историк был более заинтересован рассматривать Аквитанию в каролингский период как зависимую от влияния правящей королевской династии, чем Регинон Прюмский.

Обратимся вновь к событиям аквитанской истории второй половины IX в. Существование титула герцога Аквитании в эпоху раздробленности власти было достаточно опасным для каролингской династии.⁸³ Положение графа Пуатье Ранульфа I в среде знати было двояким. Он опирался на Эгфрида, который мог быть его родственником или просто клиентом. После Ранульфа именно он стал светским покровителем аббатства св. Илария в Пуатье, чего удалось добиться, как сообщает хронист из Сен-Бертэна, при поддержке Карла Заики, не без помощи денежных приношений этому королю. Более того, Эгфрид также получил должность графа Буржа.⁸⁴ К тому же, он являлся опекуном сыновей Ранульфа.⁸⁵ Возможно, Эгфрид был не единственным из тех, на кого Ранульф мог рассчитывать. Таким образом, граф Пуату стремился ставить на высокие должности в королевстве именно своих людей, и возможно, претендовал на титул герцога Аквитании.

О том, что положение графа Пуату на тот момент было угрозой королю и другим магнатам, говорят следующие факты. В 866 г. граф Ранульф погиб в битве при Бриссарте, пытаясь совместно с графом Робертом IV Сильным не допустить появления на Луаре соединенного войска викингов и бретонцев. Тогда высшую власть в Аквитании получил король Карл Заика. Вскоре после этого Эгфрид стал графом Буржа, однако граф Герард захватил Эгфрида на одной из вилл и подверг мучительной смерти.⁸⁶ Хотя имя Герард являлось довольно частым, можно предположить, что этим человеком был именно граф Буржа, который стремился оградить себя от появления опасного соперника со связями в Пуатье.⁸⁷ Король западно-франкского королевства Карл Заика обещал, как свидетельствует хронист из Сен-Бертэна, вторгнуться в Берри (где находится Бурж) и навести порядок, однако на самом деле ничего сделано не было.⁸⁸ Более того в 868 г. Карл Заика лишил права наследования графской

должности трех сыновей Ранульфа I.⁸⁹ В результате оказалось, что граф Пуату имел много врагов, и что после его смерти его доверенный человек, Эгфрид, был лишен жизни. Тот факт, что Эгфрид был опекуном сыновей Ранульфа II свидетельствует о том, что Ранульф видел в нем надежного вассала, а то, что сыновья были лишены наследования графского и герцогского титулов говорит о том, что король Карл Заика и магнаты видели в них возможную угрозу. Это обстоятельство наводит на мысль, что такую негативную реакцию короля западно-франкского королевства и его верных слуг вызвали не просто титул графа Пуату, а, скорее всего, именно его попытки расширить свое влияние, поставить на важные должности своих людей, и, возможно, притязания на титул герцога Аквитании.

Подводя итог освещению Адемаром событий середины IX в., можно сказать, что он выказывал большой интерес к истории королевства франков в каролингский период и стремился представить ее как своего рода отправную точку и даже в некотором смысле идеал всей истории Франции и Аквитании. Описание этого периода не было простой компиляцией. Историк старался подчеркнуть стабильность и преемственность власти в каролингский период и, в отличие от других своих коллег, избегал упоминать о любых конфликтных ситуациях. В частности, он сгладил как внутрдинастические раздоры, так и соперничество династии с местными магнатами. Более того, он в большей степени, чем другие историки, стремился затушевать любые события, которые могли бы показать недовольство знати каролингскими правителями и которые могли бы дать определенные надежды на независимость Аквитании.

1000 год от Р. Х. в изображении Адемара Шабаннского

Формирование графской династии в конце IX - начале X в.

С 877 по 885 г. развитие Аквитании проходило под эгидой Бернарда II «Мохнатое растение». Не стремясь стать королем, как его современники Бозон или Бернард Готский, он тем не менее добился важного положения на юге Франции, став де факто самым влиятельным магнатом этого региона.⁹⁰ Историки называют период с 886 по 898 гг. временем «эмансипации Аквитании», когда графу Пуату Ранульфу II и графу Оверни Гильому I Благочестивому, наследнику Бернарда II «Мохнатое растение», удалось добиться самостоятельности от короля западно-франкского королевства Одона (888-898).⁹¹

Картина этой части каролингской эпохи была нарисована Адемаром в позитивных тонах. В его сочинении нельзя найти представлений о кризисе власти, который периодически охватывал королевство франков в конце IX в. Так, всем известно, что с 888 по 898 гг. у власти в западно-франкском королевстве находился Одон, граф Парижский, сын Роберта IV Сильного, который был избран магнатами для отпора внешним угрозам по причине малолетства законного каролингского правителя, Карла III Простоватого. Однако Адемар рассматривает приход Одона в терминах соперничества и сосуществования Нейстрии и Аквитании, а не в терминах ослабления единого западно-франкского королевства. Он приписывает Одону титул герцога Аквитании.⁹² В это время в Лиможе появились монеты, похожие на монеты короля Одона, что может объяснить ошибку Адемара.⁹³ Рихер Реймский сообщает, что после того, как Одон был выбран королем и победил норманнов, он отправился в Аквитанию, где стал разбирать дела этого региона и всей Франции.⁹⁴ Но исторических свидетельств того, что Одон был когда-либо герцогом Аквитании (до своего избрания королем или после), в источниках этой эпохи найти нельзя. Это фактическая ошибка Адемара. Однако зачастую ошибки средневекового историка объясняются его подходом к историческому материалу, и, соответственно, могут раскрыть нам аспекты его исторической концепции. Тот факт, что Адемар считал самого

влиятельного магната Франции, графа Парижа и герцога Нейстрии, герцогом Аквитании, связано с его пониманием места Аквитании в королевстве франков. Изображая Одона герцогом Аквитании, историк стремился показать его правление не просто как узурпацию королевского титула представителем графского рода. Поскольку Аквитания воспринималась как королевство в начале IX в., герцог Аквитании мог *de facto* быть королем Аквитании, и, соответственно, претендовать на титул короля Франции. Изображая Одона герцогом Аквитании, Адемар делал его приход к власти результатом давней династической традиции, и таким образом рассматривал его как легитимного правителя.

Выдвигая идею о стабильности каролингской власти и о том, что она не утратила своей легитимности в IX в., Адемар не был оригинален. В конце X в. среди историков было весьма распространено представление о сохранении каролингскими правителями своей власти IX в. Например, уже упоминавшийся Рихер Реймский, подчеркивал легитимность власти каролингов в IX в. и, в частности, легитимность власти одного из последних представителей этой династии в западно-франкском королевстве Карла III Простоватого несмотря на то, что в течение 10 лет, с 888 по 898 гг. королем был избранный на собрании знати граф Парижа Одон.⁹⁵ Для этого историка правление графа Парижа в качестве короля не подрывало легитимность Каролингов как единственно законной династии и оно было лишь результатом временного династического кризиса, который был легко преодолен со вступлением Карла Простоватого во взрослый возраст. Следовательно, подчеркивая стабильность, легитимность и преемственность власти в своем описании событий во франкском королевстве в IX в., Адемар придерживался одной из весьма распространенных среди историков и образованных людей той эпохи точки зрения.

Вмешательство королей западно-франкского королевства в дела Аквитании в конце IX в. можно назвать несущественным, и графы Пуатье на тот момент были достаточно сильны, чтобы отстаивать свои позиции. Крайне интересным эпизодом являются события 892-894 гг., которые показали, что престиж и влияние этих властителей было сравнимым с властью графа Парижа и герцога Нейстрии Одона и его семьи. В 892 г. сын бывшего графа

Пуату Эменона Адемар захватил власть и отстранил Эбла Манцера от власти. Эбла взял под свое покровительство св. Герард, епископ Ангулема.⁹⁶ В 893 г. король Одон решил передать графство своему брату Роберту, однако он встретил прямое сопротивление Адемара. Поняв, что ему не переломить настрой местной знати, Одон в 894 г. подарил по просьбе своего брата и впоследствии короля Роберта церковь св. Илария в Пуатье епископу Экфриду и графу Адемару.² Данное обстоятельство свидетельствует о том, что возможные трения между королями западно-франкского королевства и графом Пуатье не переросли в открытое соперничество, потому что Адемар решил не идти напролом, а сделать Роберта своего рода покровителем Пуатье. Он попросил Роберта о поддержке, и они вместе обратились к Одону, чтобы тот передал монастырь св. Илария епископу. Адемар был графом до своей смерти в 902 г., и все это время надежно держал бразды правления в своих руках. Однако, после его смерти Эбл Манцер, представитель соперничающей линии графов Пуатье, смог восстановить свою власть.⁹⁷ Историю с передачей церкви св. Илария, скорее всего, можно понимать как своего рода союз между Адемаром, представителем старой каролингской графской династии, и братом короля Робертом для того, чтобы не допустить к власти новую и, видимо, весьма амбициозную династию графов, потомков Ранульфа I и Ранульфа II, представителем которой на тот момент был Эбл Манцер. Таким образом, графский титул, дающий возможность предъявлять права на Аквитанию, на переломе IX и X вв. был предметом серьезных трений. Мы знаем об этом во многом благодаря Адемару, хотя другие источники также важны для создания полной картины. Хотелось бы отметить, что эта история, имеющая прямое отношение к представлениям о легитимности власти в Аквитании, дает нам возможность оценить отношение Адемара Шабаннского к династиям графов Пуатье, но об этом разговор пойдет ниже.

Взгляд Адемара на возникновение и усиление новых графских династий в конце IX - начале X в. позволяет по-новому посмотреть на восприятие этого процесса современниками. Как указывалось выше, в историографии XIX -

² Saint-Hilaire. no. 12.

XX вв. сложилось представление о том, что основным историческим сюжетом конца IX - начала X в. во Франции было противостояние королевской власти и сословия графов, которые стремились создать территориальные княжества и ослабить королевскую династию. Однако взгляд Адемара, жившего через столетие после этих событий, весьма отличается от концепций историков XIX - XX вв. Ангулемский монах показывает нам, что очень важным для франкского королевства была борьба между различными графскими династиями, которая подчас достигала высокого накала и вынуждала отдельных представителей этих династий прибегать к церковному покровительству для защиты от своих противников. Королевская власть выступала в этой борьбе как пусть и заинтересованная, но третья сила. А это говорит нам о том, что концепция противостояния знатного сословия и королевской власти в конце IX - начале X в. должна быть значительно модифицирована, поскольку кризисные явления во власти были связаны в первую очередь с трениями между различными группами знати.

В X в. понятие Аквитания превращается в весьма расплывчатый термин. На политической карте западно-франкского королевства на месте каролингской Аквитании 781 г. в это время присутствуют графства Пуату, Овернь, Лимож, Перигор и некоторые другие. Представление об этом регионе как о политической общности изредка возникает в источниках, но его точные границы не определены.

Проверкой обоснованности исторической концепции Адемара о стабильности каролингской власти могут служить события X в. Это был сложный период в истории Европы, и особенно Аквитании. В это время все королевство франков оказалось поражено внезапным кризисом власти. В восточно-франкском королевстве после недолгого правления Арнульфа Каринтийского в 911 г., отдаленного родственника последнего короля Германии Людовика Немецкого, к власти пришел избранный магнатами Конрад, герцог Франконии. Западно-франкский король Карл III Простоватый воспользовался этой возможностью, чтобы расширить территорию своих владений за счет Лотарингии. Однако приход к власти в Германии представителя саксонской знати и основателя саксонской династии

Генриха I Птицелова в 911 г. привел к наступлению восточно-франкского королевства на земли западно-франкского королевства. После смерти Карла III Простоватого во Франции наступает кризис, так как к вакууму центральной власти добавляется вакуум власти на местах, где идет смена графских династий в результате борьбы между ними. В Аквитании настоящий кризис власти наступает во второй четверти X в. В частности, Адемар пишет о том, что в 926 г. умирает его тезка Адемар, граф Пуату, и одновременно уходит из жизни Гильом, герцог Оверни. В результате графом Оверни и Пуату становится сын Ранульфа II Эбл Манцер, которого, как мы помним, Адемар считал своим соперником. Описанные события можно было бы назвать весьма существенной сменой власти. В Ангулеме идет тот же процесс, однако менее болезненно, поскольку после смерти Вулгрин графом становится его сын Эдуэн, который проправил тридцать лет. Другой сын Вулгрин, Бернар, становится графом Перигора. Сын же Эдуэна Гильом Железный Клинок становится графом Ангулема. Будучи двоюродными братьями, они мирно правят этими двумя соседними регионами.⁹⁸ Заметим, что смену власти в Аквитании Адемар описывает в довольно мирных терминах, хотя по крайней мере в Пуату она была достаточно драматической.

Как результат ослабления власти каролингской династии и формирования территориальных княжеств Аквитания становится герцогством, а держателем этого титула - графы Оверни, наследники Бернарда II «Мохнатое растение». С 893 по 918 г. герцогом Аквитании был представитель графов Оверни, Гильом I, которого сменил его племянник, Гильом II (918-926).⁹⁹ Несмотря на попытки Одона в 892 г. и Родульфа в период 924-926 гг., эта графская династия твердо держала Аквитанию в своей власти. Однако Адемар не уделяет внимания правлению этой графской династии, выпуская этот эпизод истории независимой Аквитании.

Эбл Манцер, умерший в 934 г., оставил после себя двух сыновей. Один, Эбл, стал епископом Лиможа с согласия Людовика IV Заморского. Другой, Гильом по прозвищу Пакляная Голова, был сделан графом Велэ, Оверни, Лимузина и Пуатье. Одновременно, по мнению Адемара Шабаннского, он стал герцогом Аквитании (что не является исторической правдой).¹⁰⁰ Однако

по одной из редакций рукописи Адемара Шабаннского, Гильом III Пакляная голова получил свою должность при поддержке Людовика IV Заморского. Заметим, что если мы обратимся к латинскому тексту, то увидим следующую интересную деталь. Гильом был назначен графом вышеупомянутых городов, но когда Адемар говорит о том, что он стал герцогом Аквитании, он использует нейтральный латинский глагол *exho*. Вполне вероятно, что Адемар Шабаннский понимал, что ему никак не удастся доказать, что именно Людовик Заморский назначил Гильома герцогом, и поэтому он употребил более слабый латинский глагол. И действительно, этот факт не верифицируется. Однако мы знаем, что титул герцога Аквитании появился в этой графской династии позже. Полноправным носителем этого титула был Гильом III Гордая рука (963-996). Правда, его отец получил от королевской канцелярии признание в качестве герцога Аквитании в 962 г., за год до смерти, а сам он стал герцогом Аквитании в 965 г.¹⁰¹ В этом пассаже Адемар стремился показать древность герцогского титула Гильома Великого.

В 893 г. Рудольф (890-936), в последующем зять короля Франции Роберта I (922-923), король Бургундии и король Франции (923-936), по просьбе Одона, захватывает для него Лимузин и становится «защитником Франции».¹⁰² Интересно, что с точки зрения Адемара восстановление власти Карла III Простоватого во Франции в борьбе с Робертом I в 922 г. также начинается с Аквитании и конкретно с Лиможа. Он сообщает, что каролингский король захватил этот город со своими воинами, и в то время, когда граф Роберт был избран королем, усердно молился у мощей св. Марциала. После этого Карл III Простоватый собрал войско в Германии, Аквитании и Франции и пошел против Роберта, в результате чего ему удалось разбить войско последнего. Но сын Роберта, Гугон Великий, настиг его с отрядом в тысячу всадников и Карл Простоватый вынужден был просить о пощаде. После этого Карл III, по мнению Адемара, сделал Гуго герцогом, хотя на самом деле тот получил свой титул из рук Людовика IV в 936 г. Интересно, что Адемар называет Гугона Великого «Гуго Капетом», хотя это просвище укоренилось за его сыном и первым королем Франции из новой династии. Вероятно, это связано с тем, что *сognoмен* передавался по

наследству, так как он означал головной убор аббата. Возможно, Гугон Великий обладал этим прозвищем потому, что был светским покровителем (т. е. «светским аббатом») многих монастырей.

На этот эпизод следует обратить особое внимание. Мы не знаем, насколько эти события являются исторически достоверными, в особенности в том, что касается кавалерийской атаки Гугона Великого на войско Карла III Простоватого. На наш взгляд, этот эпизод представляет собой своего рода метафору перехода власти от последних Каролингов к Капетингам, своего рода историю Франции X в. в миниатюре, причем действие этой метафоры если не разворачивается, то по крайней мере начинается в Лиможе и в Аквитании. В этом рассказе Адемара на примере одного сражения представлено и то, что Карл III Простоватый смог восстановить легитимность каролингской династии и подчинить магнатов франкского королевства своей власти, и то, что он и его сын Людовик IV Заморский и его внук Лотарь оказались зависимыми от важнейших из этих магнатов, семьи графов Орлеана. Более того, упоминая тысячу всадников, которая помогла Гугону Великому в этой истории переломить ход событий в свою пользу, Адемар осознавал сам и стремился показать читателю, что ослабление Каролингов и приход к власти Капетингов были связаны со сменой социальной опоры династии и военной тактики.

История Аквитании в середине X в.

В начале X в. правители и их представители на местах практически перестали воспринимать многие исторически сложившиеся регионы раннего Средневековья как единое целое. Например, на середину X в. пришлось резкое ослабление власти наследников Роберта Парижского. В частности, после смерти Гугона Великого в 956 г. Лотарь на четыре года изгнал Гуго Капета из отцовских владений. Когда же он передал ему права на Нейстрию, то время уже было упущено и ряд мелких графов превратились в значимых правителей центральной части Франции. Именно они составили основную конкуренцию Гуго Капету.¹⁰³ В это время из Нейстрии выделилось, например, графство Мэн.¹⁰⁴

В Аквитании ситуация усугубилась, потому что она как политическая общность не существовала с каролингской эпохи. Во время правления каролингов это был почетный титул, который использовался для поддержания образа династии, так как правителями Аквитании, как правило, становились братья или другие родственники правящего короля. С ослаблением династии титул стал не нужен, и регион распался на ряд графств. В середине X в. вмешательство королей западно-франкского королевства в дела Аквитании отмечено несколькими эпизодами. Идея о единой Аквитании, как самостоятельной политической единицы, так и части королевства Франция, стала актуальной с усилением власти майордомов, Капетингов. С возвышением Гугона Великого, отца Гуго Капета, ситуация меняется. Интерес к титулу герцога Аквитании или к тому, чтобы отобрать этот титул возник потому, что майордомы, герцоги Франции (*dux Franciae*), были недовольны существованием равных себе по статусу герцогов Аквитании, а аквитанская знать была возмущена усилением майордомов, которых она считала себе ровней. Консолидация власти на севере Франции, произошедшая благодаря действиям майордомов, вызвала ответную реакцию консолидации власти на юге, где снова началась борьба за титул герцога Аквитании.

В хронике Адемара содержится мало информации о тех событиях, которые определяли ход истории в северной Франции. Это неудивительно, потому что этот историк в первую очередь интересовался тем, что происходило в центральной и южной Франции, в частности, в Аквитании. Но заслуживает внимания тот факт, что даже те события из истории северной Франции, которые имели прямое отношение к Аквитании, тоже не нашли своего места в его «Хронике». Например, средневековые историки много пишут о борьбе Людовика IV против Гугона Великого в 949 г., которая имела непосредственное отношение к истории этого региона.¹⁰⁵ Рихер Реймский сообщает о том, что после примирения Людовика IV и Гугона Великого в 951 г. король приказал герцогу готовить войско для похода в Аквитанию. Дальше же он пишет о том, что с этим войском король отправился в Бургундию для решения неотложных дел. Рихер сообщает, что Карл Константин, граф

Вьенна и незаконный сын короля Прованса и Валенсии Людовика Слепого (880-928), принес клятву верности королю.¹⁰⁶

В свою очередь, историк XII в. Гугон из Флёри сообщает в своих «Деяниях современных королей франков», что в 951 г. Людовик IV, собрав войско, совершил быстрый рейд в Аквитанию на фоне борьбы за Нормандию с Гугоном Великим. В результате этого рейда, как сообщает историк, аквитанские магнаты Карл Константин, граф Вьеннский (926-928, ум. 962), и Стефан II Клермонский, епископ Оверни, (945-976) не стали противостоять королю, а мгновенно явились к нему, чтобы принести клятву верности. К Людовику IV Заморскому прибыл также и граф Пуатье Гильом III Пакляная голова.¹⁰⁷

Список магнатов, принесших клятву верности Людовику IV, у Гугона Флёрийского больше, чем у Рихера, поскольку последний считал, что граф Пуату и герцог Аквитании Гильом Пакляная голова не приносил клятву верности одновременно с графом Вьенна. Если Рихер знал только о походе в Бургундию, Гугон из Флёри рассказал другой сценарий событий, потому что он, в большей степени, чем первый, рассматривал этот поход как удачную попытку Людовика IV подчинить себе весь юг Франции. Вполне вероятно, что фактическая сторона дела была лучше описана именно Рихером, так как он рассказывает о тяжелой болезни короля, которая вряд ли делала дополнительный поход в Аквитанию возможным. Но одновременно мы вполне можем понять, почему Гугон Флёрийский искажил историю Аквитании. Он явно стремился показать значимость и силу Людовика IV и тем самым подчеркнуть единство Франции в X в.

В свою очередь, Рихер Реймский, рассказывая о событиях в Аквитании, сообщает об ее объезде королем западно-франкского королевства Лотарем IV (954-986). Вместе с Гугоном Великим, который стал помощником и другом последних каролингов после того как примирился с Людовиком IV, король призвал к себе в 955 г. Гильома II Пакляная Голова. Тот отказался явиться и тем самым выступил против Лотаря и Гугона Великого. Рихер рассказывает, что Пуатье был осажден, но держался хорошо, так что войско вынуждено было снять осаду. Однако герцог, скрывавшийся в другом месте, посчитал для

себя невозможным отсидеться и вывел войска из крепостей, чтобы сразиться с королем и герцогом. В результате он был разбит, Пуатье захвачен, и ему пришлось скрываться в горах.¹⁰⁸

Адемар в своем сочинении ничего не пишет об этих событиях. Он сообщает только о правлении графов Пуатье и передаче титула герцога Аквитании в X в. внутри их семьи, причем то, что он рассказывает, не говорит о внезапном росте их значимости. Адемар пишет, что после правления в Аквитании графа Пуатье Гильома Пакляная Голова графом Пуатье и герцогом Аквитании стал его сын Гильом III Гордая рука (963-996). Одновременно из Хроники Адемара мы узнаем также о реальной расстановке сил в Аквитании в X в., и видим, что династия графов Пуатье, несмотря на свой титул, имела мало влияния в Аквитании. В частности, в той же главе чуть ранее он сообщает, что после смерти Гильома II Пакляная голова (945-962) самым значимым магнатом в Аквитании в течение 30 лет (т. е. до 992 г.) был не его сын Гильом Гордая рука, а граф Перигора Бернар, а потом его сыновья Арнальд, Гильом III Талейран, граф Ангулема (952/964-973), Рауль Бомпар и затем Ричард Простой, граф Перигора. Вероятно, что текст этой главы был дописан, и таким образом Адемар изначально сообщил нам реальное положение дел, а затем описал формальный статус власти в Аквитании. Но нам интересно в первую очередь то, что с точки зрения Адемара, графы Пуатье и герцоги Аквитании во второй половине X в. не обладали всей полнотой власти, так как реальная власть явно перешла в руки графов Перигора.¹⁰⁹

Несмотря на то, что Адемар уделяет много внимания аквитанским делам и признает зависимость этого региона от каролингских королей Франции, в его хронике нет информации о событиях, связанных с переделом власти в Нейстрии, и тем более о противостоянии Людовика IV и Гугона Великого. Он ничего не пишет также и о переходе титула герцога Аквитании из рук графов Оверни в руки графов Пуату. Таким образом, становится понятна его позиция в отношении истории Аквитании. Адемар выпустил из рассмотрения целый исторический период, когда этот регион находился вне сферы влияния слабого короля западно-франкского королевства и принадлежал графам

Оверни. Он также опустил в своем повествовании эпизод выхода Аквитании из-под власти Лотаря IV, произошедший в правление Гильома II Пакляная голова. Несмотря на то, что это историк в целом очень благожелательно относился к представителям династии графов Пуату и герцогов Аквитании, он не одобрял те эпизоды из истории их семьи, которые описывали их попытки добиться самостоятельности от короля Франции.

Аквитания и история королевства франков в конце X в.

Эпоха, которую описывает Адемар Шабаннский, была переломным этапом в том, что касается формирования новых властных династий. В частности, существенные трансформации произошли в среде находившейся у власти знати. Наследники каролингских графов, которые в конце IX - начале X вв. были всего лишь зависимыми от каролингских королей людьми, к началу XI в. стали полноправными правителями своих областей и их дворы затмевали по пышности двор короля Франции. Например, Гильом V Великий был известен как весьма образованный человек и покровитель искусств, ежегодно совершавший паломничество в Рим, и ко двору которого постоянно прибывали посольства от других знатных герцогов и графов Франции, в том числе и от его сюзерена, короля Гуго Капета.¹¹⁰

Вторая половина X в. в аквитанской истории была интересна, прежде всего, соперничеством, развернувшимся между графом Пуату Гильомом Железная рука и графом Анжу Жоффруа Серая мантия (Гризгонелле) (960-987). Епископ Пуатье Петр был духовным поручителем Жоффруа, когда тот стал светским покровителем и распорядителем земель монастыря св. Креста в г. Пуатье, несмотря на тот факт, что он являлся соперником графов Пуату. Епископ присутствовал, когда граф Анжу поцеловал обломок св. Креста, давая свою клятву. Таким образом, епископ решил поддержать не герцога Аквитании Гильома Железная рука, а графа Анжу Жоффруа.¹¹¹ Адемар в деталях описывает противостояние этих двух крупных политических фигур. Но главным для него во всей этой истории было то, что Жоффруа Анжуйский все-таки признал свою вассальную зависимость от Гильома Великого, получив в качестве держания крепость Лудон неподалеку

от аббатства Клюни, равно как и ряд важных крепостей в Пуатье. Заметим, что даже это держание Жоффруа Анжуйского ограничивало его светские полномочия, потому что замок Лудон тесно привязывал его к делу монашеской и церковной реформы, то есть к пространству и интересам Божьего мира. Можно предположить, что в этом эпизоде Адемар подчеркнул первенство Гильома Великого именно как христианского правителя, тесным образом связанного с церковной иерархией и ее идеалами.

История юга Франции в эту эпоху сопровождалась частой сменой власти и непрекращающейся борьбой между различными группами знати. В частности, титул герцога Аквитании переходил от потомков Ранульфа к графам Оверни, графам Руэрга, даже к отцу Гуго Капета Гугону Великому. Только затем этот титул надежно обосновался в руках графов Пуатье. Но Адемар Шабаннский не особенно вдаётся в эти детали, и его интересует лишь та династия, которая была у власти в момент написания его Хроники. Фактически, Адемар выпускает значительные событийные куски. При этом нельзя сказать, что его интересует лишь династическая история. Из всех представителей графских династий в поле его зрения попадали, как правило, те, которые были покровителями церквей.

В конце X - начале XI вв. Аквитания вновь набрала политический вес. Если посмотреть на географические рамки той Аквитании, историю которой стремился написать Адемар, мы увидим, что в первую очередь его интересовали Лимузин и Ангулем. Лимузин - это провинция, где находились, в частности, Лимож и аббатство св. Марциала, именно здесь наш историк учился письму и занимался переписыванием рукописей. Ангулем же - это город, в котором находилось аббатство св. Сибарда, монахом которого был Адемар. Но на тот момент в состав Аквитании, находившейся под властью герцога Аквитании, графа Пуату Гильома IV Великого (996-1030), также входили графства Пуату, Сэнтонж, Перигор. Однако, взгляд Адемара не простирался дальше Блэ (Blaye).¹¹² Он практически ничего не пишет о ситуации в Гаскони, ему были известны только имена ее правителей и принцесс. Тулуза интересовала Адемара только как место, где снова стала распространяться манихейская ересь. И хотя власть Гильома Благочестивого

простирались до Роны и на графства Овернь и Велз, про эти регионы Адемар ничего не упоминает. Однако его интересует история крепости Лурдон в Бургундии, видимо, по причине ее связи с монастырем Клюни.¹¹³ Парадоксальным образом, ангулемский историк знает о нападении сарацин с моря на Нарбонну.¹¹⁴ Важно также подчеркнуть, что для Адемара единство Аквитании выражалось не только в существовании единой династии герцогов Аквитании, но и в постигшей ее общей беде, когда после нападения норманнов в 1003 или 1013 г., она оказалась вся разорена.¹¹⁵

Остановимся на особенностях видения Адемаром Шабаннским иерархии власти в Аквитании в этот период. Несмотря на то, что главным представителем верховной светской власти в это время являлся граф Пуатье и герцог Аквитании, Адемар рисует более сложную картину структуры власти. Конечно, он по необходимости уделял много внимания Гильому Великому, которого считал примером «христианского правителя». Однако можно заметить парадоксальную особенность мировоззрения ангулемского историка. Интерес Адемара к Ангулему и Лиможу превосходит его интерес к графу Пуатье и герцогу Аквитании. Например, глава 41 книги III, которая посвящена описанию величия герцога Аквитании, его богоугодных дел и его значения для истории всей Европы, Адемар начинает и заканчивает описанием женитьбы графа Ангулема. Именно этот магнат интересует его больше всего и он стремится подчеркнуть значимость сеньора того города, в котором находился его монастырь, в делах Аквитании, упоминая о нем наряду с Гильомом Великим.¹¹⁶

К концу X в. в Европе сложились новые королевства и территориальные княжества, которых не было в каролингскую эпоху. Для знати это был период возможности внезапного взлета, когда можно было получить новый титул и повысить социальный статус. Как правило, это происходило за счет распада старой, каролингской структуры власти и выделения из нее новых политических единиц. Адемар ощущал эти возможности, и уделил внимание стремлению аквитанской знати играть более важную роль в делах средневековой Европы. В частности, он в деталях рассказывает о попытке герцога Гильома Великого и графа Ангулема Гильома стать императорами и

присоединить к своим владениям Италию. Это стало возможно после смерти императора Конрада II, вслед за которой последовал период безвластия в Священной Римской империи. Интересно отметить, что Адемар, равно как и эти магнаты, понимал реальные возможности региональной аристократии, даже такой влиятельной, как аквитанская. И сами эти магнаты и Адемар осознавали все сложности итальянской политики и ограниченность аквитанских ресурсов, и поэтому спокойно отнеслись к провалу всех планов в Италии.¹¹⁷ Однако европейское значение аквитанских событий, которое подчеркивает Адемар, не должно нас обманывать. В частности, он сообщает, что в 982/983 г. последний каролингский правитель Лотарь был в Лиможе и несколько раз проезжал через Аквитанию.¹¹⁸ Интересуясь делами своего региона и стараясь продемонстрировать их значимость, историк в первую очередь стремился подчеркнуть неразрывную связь Аквитании с делами королевства франков, «Франции». Таким образом, описывая период конца X - начала XI вв., отмеченный рядом важных событий и пертурбаций в системе власти европейских королевств и княжеств, Адемар выступает как приверженец традиций иерархии власти и государственно-церковных отношений каролингского периода.

Структуры и иерархия власти

Время жизни Адемара - это эпоха развития той иерархической системы социальных связей, которую историки называют сеньориально-вассальной. Однако заметим, что в представлении ангулемского историка мы видим картину, которая не совсем соответствует классической концепции формирования вассальной зависимости. Несмотря на то, что представление о вассальных связях в каком-то смысле развилось еще в каролингскую эпоху, и начало оформляться в X в., мы не находим в сознании Адемара того мировоззрения, которое соответствует теории феодализма. В частности, этот историк не знает терминов «вассал» (*vassus*) или «человек» (*homo*), которые были известны его современникам. Например, они активно использовались в договоре 1030 г.¹¹⁹ Только трижды Адемар упоминает термин *se commendare manibus*, что является выражением, сформировавшемся еще в каролингскую

эпоху. В этом случае речь шла о графе Фульке Нерра, который таким образом стал вассалом Гильома Великого из Пуату за замок Луден.³ Это же выражение историк употребил, когда сказал о дарении бенефиция Гильомом Великим аббату Клюни Одилону.⁴ В другом случае Адемар говорит о том, что виконт Лиможа и граф Лиможской марки сделали себя зависимыми от Адемара, аббата монастыря св. Марциала в Лиможе.⁵

Во многих других случаях, когда Адемар рассуждает о дарениях бенефициев, он не употребляет никаких правовых терминов. В 922 г. магнаты Франции, разочаровавшись в Карле III Простоватом, решили выбрать более сильного правителя. Именно тогда королем Франции был провозглашен Роберт I (922-923), брат Одона Парижского (король Франции 888-898), а Карл III Простоватый собрал войско в Германии, Аквитании и Франции, и захватил Лимож, с чего началось восстановление его авторитета и власти. Но до того, как ситуация превратилась в прямое противостояние, заговорщики обратились к Гугону Великому, графу Орлеана и Парижа и отцу будущего короля Франции Гуго Капета. Адемар называет его «другом короля», что заставило историков и комментаторов оценить данное сообщение Адемара как недостоверное.⁶ Однако нужно понимать, что в данном случае Адемар имел в виду только то, что Гугон Великий был вассалом короля Франции, так как его владения располагались в Иль-де-Франсе и в Нейстрии.

В пользу высказанного предположения говорит тот факт, что в другом случае, когда Адемар описывает передачу бенефициев Гильомом, графом Ангулема, он обозначает связь, возникшую в результате этих передач, как «дружбу».¹²⁰ Очень показательны события 1025 г. Когда граф Ангулема Гильом скончался, замок Блэ (Blaye) был отобран у Эдуэна, старшего сына, его младшим братом Жоффруа. Эдуэн попытался захватить замок, однако обнаружил там отряд рыцарей, которые не собирались его отдавать. Тогда он отправился в Ангулем, чтобы отпраздновать Пасху. По его возвращении его брат возвел рядом с замком другой замок. Судя по тексту, он пристроил к

³ Ademar. III. 41.

⁴ Ademar. III. 41.

⁵ Ademar. III. 29.

⁶ Ademar de Chabannes. Chronique. P. 223. N. 207.

замку ряд укреплений, чтобы в него было сложно попасть. Эдуэн отпраздновал Пасху, и через три дня после праздника, собрав войско, осадил замок. После восьми дней осады Жоффруа понял, что его борьба проиграна, примирился с братом, и стал его «другом». В результате Эдуэн передал брату в виде бенефиция три четверти доходов замка.¹²¹ В данном случае мы можем с уверенностью утверждать, что термин «друг» обозначал именно вассальную зависимость, потому что употребление термина «дружба» в прямом смысле в отношениях между братьями кажется натянутым и излишним.

Неработанность вассально-ленной терминологии в сочинении историка начала XI в. еще раз заставляет нас задуматься о скорости социальных преобразований и о соотношении в ментальности людей, живших в ту эпоху, традиционных идеализированных представлений и исторических реалий. Стоит вспомнить, что «дружба» (*amicitia*) была одним из основополагающих понятий римского общества, которым обозначались отношения зависимости между знатными людьми. За этим весьма обыденным термином стоял целый ряд условностей и обязательств, которые способствовали созданию сложных социальных отношений в среде римских граждан. Представляется, что в эпоху римской империи дружба воспринималась как своего рода аналогия взаимоотношений патрона и клиента в среде знатных людей, которые не могли вступать в отношения прямой зависимости по причине своего свободного и равного статуса. Употребление Адемаром термина «дружба» касательно того, что историки XIX–XX вв. назвали бы «вассальным обязательством» говорит о том, что римские представления о социальных отношениях сохранялись достаточно долго и имели широкое хождение еще в начале XI в. Это подтверждается не только на примере «дружбы» знатных людей, кастелланов, графов и епископов, но и на некоторых других примерах социальных отношений и практик. Таким образом, представления Адемара об образе власти уходили корнями в галло-римские традиции в том, что касалось светской власти, а в том, что относилось к взаимодействию церкви и государства, его воззрения происходили из каролингской эпохи.

Образ власти в значительной степени зависит от этой особенности мировоззрения Адемара. В своем панегирике он описывает влияние Гильома Великого в качестве герцога Аквитании, однако сохранившиеся документы показывают, что на самом деле этот правитель вынужден был постоянно подтверждать свои прерогативы на территории Аквитании и что у него были значительные проблемы с графами разных городов. Например, сохранился договор о прекращении его долгого конфликта с Гуго де Лузиньяном, графом одноименного замка.¹²² Конфликт тянулся достаточно долго и был решен только с привлечением церковных властей и с опорой на принципы Божьего мира. Располагая только властью герцога Аквитании, Гильом Великий не мог заставить графа и кастеллана повиноваться своей воле. Таким образом, Адемар считал церковную иерархию и принципы Божьего мира основой светской иерархии власти.

Сочинение Адемара содержит еще ряд историй, которые показывают, что нужно особенно внимательно читать его текст, особенно где речь идет о власти аквитанского герцога. Например, кампания Гильома против норманнов, ради которой он созвал большое войско, окончилась ничем.¹²³ Однако этот эпизод показывает особенности власти герцогов Аквитании и глубокое понимание ими объема своих прерогатив. Кампания против норманнов не только не принесла Гильому Великому никаких территориальных присоединений или же окончательной защиты от варваров, но даже не способствовала созданию его образа «доблестного воина» или «победителя норманнов». Однако можно отметить, что Гильом Великий смог извлечь для себя другие плюсы. Чтобы понять, как это получилось, нужно отвлечься от институциональной или военной точки зрения. В этом противостоянии норманнам Гильом Великий обратился к идеям Божьего мира, созвав церковный собор, что сделало его одним из сторонников этого движения и его активным участником. Само по себе обращение светского правителя к церкви и епископату за поддержкой не было новым. Однако поистине новаторским аспектом политики Гильома было то, что он обратил идею Божьего мира вовне, используя ее против внешнего врага. Тем самым он стал не просто исполнителем воли епископов, а, наоборот, активным распространителем «Божьего мира». Для Гильома

Великого главным аспектом его власти были не его место в светской иерархии и не военная сила, а право развивать и адаптировать к нуждам исторической реальности идеи церковной реформы.

Показателен еще один эпизод, который иллюстрирует запутанность структур власти в Аквитании. В 994/997 г. Адельберт (924-995), сын графа Перигора Бозона II Старшего (975-97?), предпринял военный поход против городов на Луаре. Он осадил Пуатье и победил, в результате чего многие жители этого города погибли. После этого Адельберт сильно ослабил Тур, подвергнув его осаде. После этого он передал город Фульку III Анжуйскому (972-1040), однако тот не смог его удержать, и Тур отошел Одону II, графу Шампани (983-1037). После этого Адельберт разрушил замок Женсэ. Все это происходило тогда, когда Гильом Великий был герцогом Аквитании, однако он ничего не мог сделать со своим вассалом. Он только приложил усилия к тому, чтобы восстановить разрушенный замок. Как только герцог заключил брак с Эмодой (Aumoda), бывшей женой Адельберта, он попытался ограничить власть своего мятежного вассала. Гильом Великий пригласил короля Франции Робера I занять замок Беллак, который традиционно принадлежал Бозону Старшему и, соответственно, должен был относиться к наследным владениям Адельберта. Все рыцари Франции и Аквитании собрались воевать за этот замок с графом Перигора, однако не имели никакого успеха, и быстро вернулись с кампании вместе с королем. Тогда же герцог Аквитании вместе с четырьмя другими графами попытался захватить замок Броссе, тоже относившийся к сфере влияния Адельберта, но виконт Лимузина Ги отбил эту атаку. Таким образом, власть Гильома Великого и даже короля Франции над графом Перигора оказалась чисто номинальной.¹²⁴ Этот эпизод в наибольшей степени показывает, что в Аквитании на тот момент отсутствовала четкая структура власти, что было связано со смертью Лотаря, последнего короля каролингской династии и с приходом к власти Капетингов.

Все неудобства, которые эти представители династии перигорских графов причиняли герцогам Аквитании, пришлось на сложную эпоху в истории Франции, на время смены Каролингов Капетингами. Скоро, однако,

усилия уже устоявшейся знати по возвращению своего могущества достигли результата и графы Перигора попали под влияние герцогов Аквитании. После смерти графа Бозона Гильом Великий стал себя чувствовать в Перигоре намного увереннее, поскольку он стал покровителем и учителем сына и племянника Бозона Эли. В частности, он передал ему сам город Перигор (который принадлежал Эли по наследству), а его племяннику, сыну Адальберта, он передал перигорскую марку.¹²⁵

Сохранился еще один эпизод, который показывает, что власть Гильома Великого была ограничена могуществом графов различных областей Аквитании, которые не всегда хотели подчиняться ему. Например, в Хронике сохранился интересный эпизод. В 1024 г. Адемар, сеньор замка и местности Ранкон, построил во время Пасхи замок Fractabotum в Сэнтонже. Он сделал это для того, чтобы иметь возможность, как говорит Адемар, противостоять и защищать свою власть от Гильома Железный клинок, графа Ангулема. Это стало возможным потому, что Гильом в это время находился в Риме в паломничестве. Адемар замечает, что это было нарушением клятвы верности, которую Адемар Ранконский принес на мощах святых Гильому Ангулемскому. Через несколько дней, повстречавшись с Жоффрау, сыном графа, он получил от него удар шпагой и вскоре испустил дух.⁷ Граф Ангулема Гильом по возвращении предпринял долгую осаду замка вместе со своим сыном Эдуэном.⁸ Ему удалось благодаря удачной атаке взять его. Замок, по-видимому, не был разрушен, потому что через какое-то время он был снова воссоздан в прежнем виде и передан младшему сыну Жоффрау. Заметим, что все эти события происходили без какого-либо вмешательства герцога Аквитании, и проблема была решена как внутреннее дело графа Ангулема.¹²⁶ Таким образом, герцоги не имели возможности противостоять важным графским и кастелланским семьям и многие конфликты между их вассалами проходили без их участия.

Этот эпизод стоит сравнить с другим, который Адемар описывает в этой же главе. В это время разгорелся другой конфликт, между Гильомом,

⁷ Жоффрау II, младший сын Гильома Железный клинок, граф Ангулема (1031/32–1047).

⁸ Эдуэн II, старший сын Гильома Железный клинок, граф Ангулема (6 апреля 1028 – май 1030/1032)

виконтом Марсильяка, его братом Одольриком, и третьим братом Эдуэном по поводу замка Руффек. Именно по этой причине граф Ангулема Гильом Железный клинок вмешался в конфликт и заставил их поклясться на мощах св. Сибарда, что они не будут ссориться. Однако они нарушили все свои обещания. Во время Пасхи, когда Эдуэн отдыхал после обеда, Гильом Марсильякский и Одольрик схватили его, обрезали ему язык, выкололи глаза, и захватили замок. По возвращении из Рима Гильом Ангулемский решил наказать обоих. Вместе с герцогом Гильомом Великим из Пуатье, герцогом Лотарингии, они осадили замок Марсильяк, захватили его и сожгли дотла.¹²⁷ На основании этого эпизода историки делают однозначный вывод, что власть герцога Аквитании была скорее символической, чем реальной.¹²⁸

Эти эпизоды вроде бы свидетельствуют о том, что графы были практически независимы от герцога и что они могли легко бороться с негодными им кастелланами, не обращаясь при этом к герцогу. Однако можно отметить, что этот вывод выглядит поспешным. Разобранные нами ситуации показывают, что в структуре власти Аквитании и входящих в нее графств существовала четкая иерархия. В частности, отметим, что незаконная с точки зрения графа Ангулема постройка замка человеком, который пообещал ему верность на мощах святого, была немедленно пресечена без какого-либо вмешательства со стороны герцога. С другой стороны, семья из Марсильяка, по-видимому, не была столь зависима от графа Ангулема и не являлась его вассалами. Он вмешался в их конфликт как третья сила, и послужил своего рода гарантом мира в конфликте между братьями. Заметим, что в данном случае обязательство семьи из Марсильяка было другим по сути, чем вассальное обязательство Адемара из Ранкона. Здесь вопрос был о нарушении общественного мира, гарантом которого послужил граф Ангулема. В этом случае санкция высшей власти в Аквитании, власти герцога, была абсолютно необходима. В своем выступлении против виконта Марсильяка Гильом Железный клинок выступал не просто против своего непокорного вассала, а против нарушителя Божьего мира.

Таким образом, не стоит воспринимать рассказы Адемара как однозначное свидетельство слабости герцогской власти. Скорее, мы можем говорить о том, что в структуре власти и представлениях о ней в это время существовала четкая иерархия. У графов были прерогативы, которые относились к вассально-сеньориальным связям и не требовали санкции высшей власти, но одновременно, у них были и функции, которые однозначно требовали одобрения свыше. При этом нужно также заметить, что кардинальным аспектом представлений о власти была идея о ключевой роли церкви в качестве символического гаранта социального порядка.

Приведем еще один эпизод. Историк описывал, что после прихода к власти Гуго Капета сам герцог и многие другие аквитанские магнаты выступили против нового короля Франции, что закончилось сражением между аквитанскими и французскими силами. Правда, это сражение, которое могло бы привести к глобальному военному противостоянию между сторонниками Каролингов и сторонниками новой династии, не превратилось в битву и закончилось без особых потерь. В результате, Гильом примирился с Гуго Капетом и его сыном Робером.⁹ Таким образом, в ситуации, когда региональные французские магнаты вынуждены были выбирать между старой и новой династиями, именно Аквитания стала для Адемара хранительницей каролингских традиций. Эти истории борьбы между региональными властителями не были просто разорванными сюжетами, которые Адемар использовал без какой-либо идеи. На наш взгляд, они показывают, какой историк видел роль Аквитании и ее герцога в делах западно-франкского королевства. Если внимательнее разобрать изложение этого события Адемаром, то получается, что только санкция и согласие герцога Аквитании как последнего носителя каролингской государственности в западно-франкском королевстве после смерти Лотаря и низложения его брата Карла давало Капетингам право на правление во Франции. В глазах этого историка роль аквитанских магнатов в выборе короля накладывала на них обязательство соответствовать традициям каролингской власти и поддерживать единство Аквитании и Нейстрии.

⁹ Ademar. III, 65.

Взгляд Адемара Шабаннского был похож на взгляд Адальберона Ланского в том, что он видел согласие между светской властью и церковью, между королями и магнатами как основу власти.¹²⁹ Герцог Аквитании правил своим королевством вместе с графами, кастелланами, епископами, хотя это не исключало борьбу и конфликты.

Концепция социума у Адемара Шабаннского

Концепция социальной трансформации в конце X - начале XI вв. разрабатывалась представителями французской науки, и в особенности Ж. Дюби и его последователями.¹³⁰ Учение этой исторической школы считали, что период в районе 1000 г. н. э. был настоящей революцией или же мутацией в истории Европы, когда на смену раннесредневековым порядкам пришли новые социальные и политические структуры Высокого Средневековья.

Другие исследователи тем не менее показали, что не везде имело место разрушение каролинской структуры власти. На базе изучения нескольких регионов Франции было показано, что в некоторых случаях следует говорить о завидной преемственности власти. В частности, графские династии Анжу, Блуа, Шампани и ряда других регионов показали завидную способность удерживаться у власти даже в период резкого ослабления королей.¹³¹

Таким образом, в Средние Века на территории современной Франции можно найти полный спектр процессов в структурах власти и в социуме. Было два полярных случая. Во-первых, это случай полной смены структуры власти и появление новой прослойки воинов-рыцарей и, соответственно, новых графских династий, как это было, например, в Масоне. Но в Анжу, например, ситуация была другой, и значительной смены в слое правящих магнатов не произошло. Между двумя этими полярными случаями было большое количество промежуточных регионов, которые показывали как черты трансформации, так и черты преемственности. В рамках этой концепции интересно посмотреть, к какому именно случаю относится тот регион, которые Адемар и его современники воспринимали как Аквитанию.

Адемар не испытывал интереса к исследованию всего спектра социальных отношений. Он нисколько не интересовался жизнью крестьян или горожан,

его интересовали только правители, епископы, монахи. Как отдельную группу людей, выпадающих из социума, он рассматривал еретиков, язычников и сарацин. В первой редакции Хроники два раза упоминается термин *rusticus* чтобы обозначить еретиков Перигора.¹³² Этот же термин употребляется один раз для того, чтобы обозначить восставших крестьян, которые захватили замок Мерль в Коррезе.¹³³ Таким образом, крестьяне для Адемара находились за пределами социума, и разница между ними и другими отверженными такого же рода, еретиками, была небольшой. В этой социальной группе отверженных находились также и рабы. Рабство, как показали историки XX в., сохранялось до конца X в.¹³⁴ Подтверждение этому мы можем найти у Адемара. Например, термин *servus* употребляется в Хронике пять раз.¹³⁵ Схожий с ним термин *servitus* употребляется один раз.¹³⁶ Во всех случаях эти термины обозначают людей рабского состояния.

Светские люди незнатного происхождения, т. е. простые горожане, мелкие свободные крестьяне и т. п. его интересуют только как толпа. В частности, он описывает, как сборище людей устремилось к стенам монастыря св. Марциала в Лиможе, когда засуха и голод привели к ожиданиям чудесного восстановления порядка посредством обращения к христианским святыням.¹³⁷ В целом же народ для него - это плебс. Он присутствует в его сочинении только тогда, когда из-за стихийных бедствий начинает чувствоваться давление на монастыри, куда приходили голодные люди.¹³⁸ Правда, в одном случае он оказался равнодушен к злоупотреблениям светских властителей и к страданиям бедняков, которые были следствием политического хаоса и отсутствия твердой власти.¹³⁹

Термин *знать* в сочинении Адемара употребляется несколько раз. В одном случае он обозначает «благородную и знатную жену графа Ангулема».¹⁴⁰ В другом случае историк назвал этим термином «благородных правителей франков» (т. е. Нейстрии и Франции, отделяя их от Аквитании).¹⁴¹ В третьем случае он говорит о «наиболее благородных из принцев Аквитании, Франции, Италии».¹⁴² В других случаях он говорит в целом о благородном сословии сеньоров.¹⁴³ Таким образом, этот термин был оставлен Адемаром только для высшей знати Франции и Аквитании. Очень интересно употребление

термина *principes*, для понимания и правильного перевода которого нужен внимательный анализ текста. Этим словом Адемар обозначает не знать в целом и не владельцев отдельных замков, а знатные семьи, имевшие в своем распоряжении несколько замков. В своей хронике Адемар пишет только о высшем эшелоне власти. Его интересуют только герцоги Аквитании и Гаскони, графы Ангулема, Перигора, Марки, виконты Лиможа и Марсильяка, знать и *principes*. Таким образом, хроника Адемара - это в первую очередь история знатных семей. Он понимал иерархию власти, и знать была в его сочинении строго стратифицирована. Кастелланы, графы, герцоги - каждую из этих групп Адемар рассматривал с учетом их номинальных привилегий и реальных prerogatives.

Эти примеры показывают, что при чтении Адемара мы ясно видим процесс, который называется исследователями «революцией замков». Однако мы не можем заметить ничего, что говорило бы о том, что этот историк был свидетелем «феодальной революции». Об отсутствии переворота в терминологии говорят также и документы этого времени.¹⁴⁴ Феодалные связи и коммендация нужны были герцогам Аквитании только для того, чтобы распространить свое влияние на север, в Анжу, а также на юг, в Ангулем.¹⁴⁵ В этом смысле можно говорить о том, что мировоззрение Адемара не было мировоззрением человека, который стремился увидеть социальные изменения. Одновременно, он не был историком, который хотел восстановления старого порядка и не пытался архаизировать свои представления. Этим он отличался от таких историков как Рихерий Реймский, Эмуэн или Андрэ Флёрский. Адемар был склонен видеть в своих временах знаки социального распада, а не трансформации. Так, в своей проповеди он писал: «Знай же, мои братья, что несчастья уже пришли и что самое худшее уже случилось. Везде мы видим горести, несчастья, спесь, голод, болезни, страхи и знаки на небе».¹⁴⁶ Таким образом, Адемара Шабаннского нельзя использовать как источник по социальным трансформациям европейского общества X-XI вв.

Адемар и история церкви

Церковная реформа

Одной из важнейших тем в Хронике Адемара является тема взаимодействия, противостояния и сотрудничества епископата, белого духовенства (каноников) и черного духовенства (монахов). Его позицию в этом деле достаточно сложно описать однозначно, потому что несмотря на то, что он сам был монахом, он поддерживал попытки епископов навести порядок и ограничить произвол светских сеньоров. В частности, особенно интересно его сообщение о т. н. Соборе в Лиможе 1031 г., которое он приводит в краткой версии своей истории.¹⁴⁷ Он рассказывает, что в этом году епископ Лиможа поднял вопрос о том, почему аббатство Узерш не прислушивается к мнению епископа, и в частности, почему оно позволяет хоронить на своей земле светских сеньоров, которые были отлучены от церкви за произвол в отношении церковных учреждений и за пренебрежение властью епископов. Тщательно описав события этого собора, Адемар постарался показать, что в результате было достигнуто полное согласие между двумя типами церковных институтов, и что епископы, присутствовавшие на этом соборе, смогли не только договориться о поддержании Божьего мира, но и смогли навязать решения этого собора светским правителям. Насколько мы можем доверять Адемару, остается под сомнением. Но это говорит нам, что для этого историка идеалом общественного развития было согласие между двумя церковными иерархиями (белого и черного духовенства) и светскими сеньорами в духе Божьего мира.

Однако описывая историю церкви в Аквитании, Адемар занимает сторону черного духовенства и именно с ним ассоциирует церковную реформу и попытки обновления церкви в IX–XI вв. Например, рассказывая об аббатстве св. Илария в Пуату, он приводит такой эпизод. Он пишет, что Эбл, граф Пуатье, построил стену вокруг аббатства св. Илария в Пуату, потому что это аббатство было заброшено по причине атак норманнов. Кроме этого, он заселил это аббатство канониками (т. е. обычными священниками). И здесь Адемар пишет, что вначале церковь св. Илария была монашеской обителью. Это пассаж можно понять как явное неодобрение белого

духовенства со стороны монаха монастыря св. Сибарда и, отчасти, как неодобрительное отношение к действиям графа Пуатье.

Его отрицательное отношение к каноникам и положительное отношение к монахам проскакивает также и в других местах. Он упоминает, что Карл Лысый способствовал монашеской реформе тем, что во время своего пребывания в Лиможе, разрешил делегации священников от базилики св. Марциала стать монахами и превратить ее в монастырь. Адемар подчеркивает конфликт между этими священниками и епископом, который выступил против этой попытки создать монашескую общину в Лиможе. Описывая эти события, историк занял сторону монахов.¹⁴⁸ Интересно отметить, что Турпиона Лиможского Адемар описывает как человека, который покровительствовал в значительной степени аббату монастыря Кюни Одону.¹⁴⁹ В другом случае Адемар описывает, как в 938 г. граф Пуатье и герцог Аквитании Гильом Железный клинок поддержал восстановление монашеской общины в монастыре св. Сибарда в Ангулеме и передал этому монастырю большое количество владений в Сэнтонже.¹⁵⁰ Положительную оценку Адемара заслужил также герцог Нормандии Ричард I (942-996), который построил монастыри Монт-Сен-Мишель и Фекам в Нормандии.¹⁵¹ Он также описывал, как в 933 г. каноники церкви св. Мартина в Туре обратились в монашество.¹⁵² Одним из ключевых событий развития монашеской реформы в Аквитании он считает приход в качестве аббата в монастырь св. Марциала в Лиможе Адальбальда в (998 г.), который уважительно относился к монашескому уставу.¹⁵³

Во всех случаях, когда он мог это сделать, он подчеркивал, что в отношении дел церкви императоры и короли в первую очередь стремились способствовать распространению церковной реформы путем поддержки монашества и путем превращений церквей в монашеские обители. Например, в одном месте он пишет о том, что именно император Людовик Благочестивый установил монашеский устав в монастыре св. Сибарда.¹⁵⁴ Но даже если монашеский устав был установлен без вмешательства правителей, Адемар позитивно относился к этому событию и упоминал его с своей хронике. В частности, он положительно отмечает установление монашеского

устава в Эмутье.¹⁵⁵ Есть один пассаж в тексте, где он прямо говорит о «дикости каноников» при рассказе о монастыре Сен-Жан д'Анжели.¹⁵⁶ Он часто упоминает людей, способствовавших распространению монашеской реформы. Например, он сообщает о смерти Эрве, который был одним из тех, кто способствовал восстановлению монашеской дисциплины в монастыре св. Мартина в Туре.¹⁵⁷

Изучение текста Хроники показывает, что аббаства в ситуации, которая сложилась в Аквитании в X в., были не просто религиозными центрами. Они стали также центрами власти. Так, например, в 1010 г. виконтесс Лиможа Эмма была захвачена норманнами, и только средства аббаства помогли ее выкупить. Таким образом монастыри добивались особой роли в политическом устройстве Аквитании.¹⁰

Стоит отметить, что в том, что касается истории церковной реформы, Адемара интересовал в первую очередь диоцез Лиможа.¹⁵⁸ Он мало интересовался историей диоцеза Пуатье. Однако в его Хронике сохранился ряд сюжетов, которые позволяют установить характер связей между светской властью и церковью, а также увидеть отношение Адемара к этим проблемам. В частности, мы узнаем о тех связях, которые создаются между центрами монашеской реформы и отдельными епископствами посредством распространения и развития культа святых. Например, Адемар несколько раз упоминает о том, что мощи св. Марциала путешествовали по Аквитании, и одним из мест остановки являлось, например, Шарру.

Впоследствии между Шарру, Лиможем и Ангулемом создаются тесные связи, подкрепленные святостью. В частности, монахи Шарру чудесным образом добывают одну из перекладин св. креста, на котором был распят Иисус, а аббат общины св. Сибарда в Ангулеме организовывает прием в церкви этого монастыря.¹⁵⁹ 1016 г. был значимым годом для распространения монашеской реформы в Аквитании, потому что в этом году аббат Сен-Жан д'Анжели построил каменную церковь в этом городе. На освящение этой церкви Гильом Великий призвал Роберта, короля Франции, Санчо, короля Наварры и других магнатов. Для усиления святости этого места аббат св.

¹⁰ Ademar. III, 44.

Марциала Жоффруа и епископ Лиможа Геральд привезли в Анжели мощи св. Марциала. На своем пути они проследовали через Шарру, что, по видимому, способствовало увеличению значимости этого города в качестве религиозного центра, связанного с культом св. Марциала.¹⁶⁰ А в 1018 г. герцог Аквитании способствовал установлению монашеского устава в Шарру, который, таким образом, стал одним из филиалов аббатства св. Марциала.¹⁶¹

Адемар уделяет много внимания распространению монашеской реформы и описывает формирование связей между ее центрами, которые возникали, когда монахи и аббаты путешествовали. Например, Адемар описывает, как в 1003/1004 г. через Ангулем проехал Аббон, аббат монастыря св. Бенедикта Нурсийского (Флёри) на Луаре, один из важнейших деятелей монашеской реформы. Адемар уделил много внимания тому, как после смерти Аббона на его могиле произошло много чудес. Таким образом, благодаря визиту Аббона у ангулемских монахов появился новый культ.¹⁶² Мощи стали предметами, который отдельные представители церковной иерархии и их светские покровители могли попытаться захватить, чтобы повысить святость своего монастыря или церкви. В частности, Адемар сообщает о том, что некоторые сеньоры Лимузина незаконно построили в Лиможе церковь св. Вори, что могло подорвать культ св. Марциала. Чтобы не дать им такой возможности, Жоффруа, аббат общины св. Марциала (977-1019) и граф Бозон с вооруженной силой вошли в церковь св. Вори и забрали мощи, таким образом принудив сеньоров признать первенство культа св. Марциала как в городе, так, видимо, и в пределах лимузенской марки.¹⁶³ Таким образом, монашеская реформа была для Адемара не просто процессом реформирования отдельных монастырей, а процессом создания своего рода сети реформированных монашеских общин, связанных общими культами.

Адемар был чуток к проблемам, которые возникали при использовании монашеской реформы различными магнатами. В частности, вскоре после освящения церкви в Сен-Жан-д'Анжели город захватили люди Фулька, графа Анжу, а сам Фульк изгнал монахов и заменил их на каноников.¹⁶⁴ Это событие было безусловно отрицательным в системе ценностей Адемара. Однако интересно отметить, что в этом случае в противостоянии был

задействован граф Анжу, власть которого на тот момент была достаточно значительна и который мог поспорить и с самим герцогом Аквитании. Герцог Гильом Хвастун не смог ничего сделать в этом случае, и Адемар считает главным достоинством его поведения то, что он не стал превращать этот конфликт в вооруженный, а мудро, как настоящий король, воздержался от вмешательства. Однако он восстановил монашеский устав в Шарру в 1018 г.¹⁶⁵ Это говорит о том, что Адемар чувствовал важные изменения в светской иерархии власти и готов был перенести временную победу белого духовенства над монахами в отдельных частях Аквитании, если этот импульс был поддержан высшими магнатами Франции.

Таким образом, Адемар был сторонником монашеской реформы и одобрял только тех правителей и епископов, которые способствовали развитию монашества.

Проблемы христианского культа, культов святых, народной религиозности и эсхатологических ожиданий в Хронике Адемара

В дополнение к институциональным аспектам истории церкви и проблемам взаимоотношения церкви и государства нужно обратиться к сюжетам, которые дают представление о развитии христианского культа и религиозности. Хроника является одним из важнейших источников по истории развития почитания святых, по народной религиозности и по характерным для средневековья ожиданиям конца света и прихода тысячелетнего царства Божия. Адемар уделяет внимание распространению христианского вероучения среди язычников, которые на тот момент остались только за пределами бывших каролингских владений. Он отводит место для описания миссионерской деятельности св. Бруно, который способствовал обращению венгров и ряда славянских земель в христианство.¹⁶⁶ Язычниками были норманны¹⁶⁷ и сарацины.¹⁶⁸ Адемар уделяет много внимания проблеме обращения в христианство языческих правителей, при этом допуская фактические ошибки ради цельности своей концепции. В частности, он пишет о том, что языческий король данов Канут обратился в христианство, после чего завоевание Англии стало для него выполнимой

задачей.¹⁶⁹ Таким образом, историк стремился показать, что конец X - начало XI вв. были периодом активной миссионерской деятельности, которая привела к распространению христианства за границы каролингского мира.

Кроме этого, в его представлении о мире присутствуют «неверные христиане», которые сожгли собор в Сенте, в результате чего город в течение нескольких лет был без церковных служб.¹⁷⁰ Таким образом, и в XI в. Адемар видел христианство как религию, служители которой должны были способствовать ее распространению за границами каролингского мира и бороться за веру в уже христианизированных областях Европы.

Большое место в сочинении Адемара занимает описание важных аспектов культа, которые составляли основу религиозной практики и представлений. Религиозная культура Адемара в некоторых ее аспектах достаточно типична для своей эпохи. Например, он уделяет много внимания видениям монахов, которые служат для усиления значения церквей.¹⁷¹ Для него большое значение имеют мощи, о переносе которых он много пишет. Если учесть, что перенос мощей способствовал повышению интереса со стороны верующих, можно понять, что эта тема была одной из важнейших для монахов и белого духовенства.¹⁷² Адемар уделяет внимание не всем святым, а только тем, которые имели отношение к тем монашеским общинам, членом которых он являлся. Важнейшую роль в его Хронике занимают культ и мощи св. Марциала в Лиможе, развитию культа которого Адемар способствовал своими действиями. Он в деталях описывает прибытие мощей св. Марциала в Лимож.¹⁷³

Кроме этого, из сочинения Адемара мы узнаем о том, что культ святых и их мощи имели большое религиозное и социальное значение и были интересны не только священникам и монахам. Именно благодаря этому историку мы узнаем о том, что в моменты экономического и социального кризиса, когда голод накладывался на злоупотребления магнатов, святые и их мощи были единственной защитой для простого населения. В частности, именно это случилось в 1017 г., когда наложение вышеупомянутых факторов привело к социальному взрыву, который выразился в том, что толпа (*multitudo*) бросилась к мощам св. Марциала, ожидая помощи и поддержки

только от монастыря и от этого святого. Есть основания полагать, что толпа ожидала не только духовного успокоения, но также и экономической поддержки от монастыря, который, как и многие монашеские обители, был одним из центров сосредоточения пищевых ресурсов. Адемар живо описывает сцену, когда страждущая толпа осадила ворота аббатства, что говорит нам о тесном переплетении в народной религиозности культовых аспектов и социальных ожиданий.¹⁷⁴

Намного больше чем обращение язычников, его интересовала борьба с манихейской ересью, которая стала распространяться в Аквитании в начале XI в.¹⁷⁵ Конечно, нельзя говорить о том, что люди, которых он называет «манихеями», на самом деле придерживались религиозной практики этого восточного культа. Начиная с раннего Средневековья этот ярлык навешивали практически на всех, чье мировоззрение отличалось от христианского. В первичной версии истории два раза упоминается термин *rusticus* чтобы обозначить еретиков Перигора.¹⁷⁶ Описание распространения ереси было частью мировоззрения и исторической концепции Адемара, потому что этот процесс всегда означал для христианских историков приближение конца света. Он был одним из нескольких историков, выразивших эсхатологические ожидания в 1000 и 1033 гг., описавшим развитие Божьего мира. Стоит отметить, что такое настроение было не просто повторением шаблона позднеантичного историописания, а результатом личного восприятия действительности. Так, в одной из своих проповедей он писал: «Знайте же, мои братья, что несчастья уже пришли и что самое худшее уже случилось. Везде мы видим горести, несчастья, спесь, голод, болезни, страхи и знаки на небе».¹⁷⁷

Опираясь на его Хронику, историки утверждали, что эсхатологические настроения действительно имели место и были широко распространены не только в среде священников и монахов, но и в широких массах населения. Однако хотелось бы подчеркнуть, что, как нам представляется, эсхатологизм Адемара был не столько отражением окружающих его настроений, сколько интеллектуальной данью эсхатологическому мировосприятию, сформировавшемуся в христианстве благодаря «Комментариям на книгу

пророка Даниила» Иеронима и трудам Августина Блаженного. Эсхатологические концепции истории получили широкое распространение у историков раннего Средневековья. Например, эсхатологическая концепция занимала большое значение у Григория Турского, определяя структуру повествования и логику историй о знамениях, чудесах и божественном воздаянии.¹⁷⁸ Григорий Турский писал в 590-е гг., что навевало на него и его читателей размышления об уже состоявшемся или еще ожидаемом конце шестого тысячелетия человеческой истории и скором наступлении тысячелетнего царства. Не случайно то, что Григорий Турский заканчивал свою «Историю» разного рода природными знамениями, которые для грамотных христиан обозначали в первую очередь знаки приближающегося Апокалипсиса, а также подсчетом лет от сотворения мира, что должно было навести читателей на мысли о конце света.

Подборка событий Адемаром, как нам представляется, соответствует этому шаблону, который сложился задолго до того, как он сел писать «Хронику». Это говорит о том, что опираясь только на это сочинение, нельзя говорить о принципиально эсхатологическом характере народной религиозности в конце X - начале XI в. Исследования всего корпуса источников по истории Божьего мира показали, что со стороны народных масс в этом движении преобладала в первую очередь социальная неудовлетворенность, а эсхатологический аспект социальным брожениям придавался в-основном образованными клириками.

Светская власть и епископы

Начинать описание образа церкви и церковной проблематики в сочинении Адемара следует с тех сюжетов, которые прежде всего дают представление об институциональных аспектах и о взаимодействии церкви и светской власти в классический период религиозного обновления и церковной реформы. Наиболее самостоятельная и оригинальная часть Хроники Адемара Шабанского посвящена событиям конца IX - начала XI вв. Это был период, в течение которого ситуация в Европе претерпела значительную трансформацию, и на остатках каролингской системы власти начали

вырастать новые политические образования. Отношения между светской властью и церковью тоже претерпели в это время ряд существенных изменений. В каролингскую эпоху благодаря усилиям Пипина III, Карла Великого, Людовика Благочестивого и потомков последнего выстроилась сложная система взаимодействия между светской властью и церковью. Влияние светской знати на церковь было значительным, что показывает наличие большого количества аббатов и епископов, которые были произведены в свой сан из светского сословия без соблюдения каких-либо формальностей. Более того, было достаточно много т. н. «светских аббатов», т. е. графов и других представителей знати, которые становились главами монастырей, даже не став частью церковного сословия.¹⁷⁹

Но даже в случае канонического избрания епископы и аббаты имели в каролингском мире совершенно особый статус. Поскольку целью Карла Великого было создание христианской империи, представители церкви стали частью каролингской системы власти. Церковь была поставлена на службу интересам власти. Так, в 789 г. Карл Великий издал *Admonitio generalis*, в котором содержались планы по реформе образования. Церковные и монастырские школы, которые создавались этим декретом, должны были служить двум важным функциям. Они должны были поднять уровень священничества, чтобы каролингская церковь соответствовала притязаниям короля на наследство христианских императоров поздней Античности. С другой стороны, эти школы отвечали государственной необходимости, потому что образованные клирики были нужны для создания административного аппарата. Епископы и аббаты занимали в системе власти особое место, потому что они обладали не только священническими, но и светскими функциями как представители верховной светской власти на местах. В частности, аббаты играли очень важную роль, так как они, фактически, были посредниками между имперскими структурами власти и местной знатью, которая дарила свои земли монастырям в надежде на самое высокое покровительство.

Во второй половине IX в. эта система отношений начинает рушиться, потому что ослабевает королевская власть. Если во времена Карла Великого

и Людовика Благочестивого графы и епископы должны были согласовывать свои действия, то потом графы стали чувствовать меньше уважения к церкви. Это произошло потому, что даже если в конце IX в. епископы и аббаты по-прежнему могли являться представителями королей, сами эти короли были настолько слабы, что их покровительство не всегда требовалось.

Концепция взаимоотношений светской и церковной властей Адемара Шабаннского раскрывается в эпизодах, в которых он повествует о событиях вне королевства франков. Его рассказ о делах в Священной Римской империи позволяет нам выделить два важных аспекта в его исторической концепции. Во-первых, империю германских императоров он считает прямым продолжением того идеального церковно-государственного образования, истории которого он посвятил вторую и отчасти третью книги своего труда, т. е. империи Карла Великого. Точкой отсчета для Адемара в его оценке современного ему положения дел в королевствах и княжествах была империя франков в правление каролингской династии. Во-вторых, сами по себе традиции светской власти и в этой главе его мало интересуют. Акт перезахоронения Карла Великого в Аахене императором Генрихом III мог бы и не стать для него показателем преемственности власти между каролингской и германской империями. Однако доказательством преемственности власти между Каролингами и Империей для него является то, что император Генрих III вел активную политику поддержки церкви, строил соборы и монастыри, а также способствовал распространению христианства на восток, в русские земли.¹⁸⁰ Генрих IV тоже заслуживает внимания Адемара в первую очередь потому, что он восстановил и заново отстроил город Бамберг, который получил епископскую кафедру по решению папы Иоанна XVIII.¹⁸¹ Здесь Адемар делает фактическую ошибку, которая не несет никакого смыслового подтекста. Он считает, что город был посвящен культу св. Богородицы, хотя на самом деле, он стал местом поклонения св. Петру. В дополнение к этому, Адемар полагает, что это произошло в понтификат Бенедикта VIII (1012-1024). Адемар интересовался деяниями Генриха IV в том числе по той причине, что император поддерживал клюнийскую реформу, а не потому, что тот был для него главой всей светской власти в Европе. Таким образом,

главным для ангулемского монаха было следование каролингским идеалам, но не всем, а только тем, которые касались согласия между светской властью и церковью и распространения церковной реформы.

Описывая деяния императоров и франкских королей, а затем и германских императоров, Адемар подчеркивает их положительное отношение к церкви и заинтересованность в делах церковной реформы. Например, он повествует, как император Лотарь, серьезно заболев, ушел в монастырь Прюм. Адемар описывает видение монахов этого монастыря, в котором ангелы пришли за Лотарем и взяли в рай ту часть его души, которая была монахом, а черти забрали другую ее часть, которая была императором.¹⁸² Интересно также обратить внимание на то, как Адемар Шабаннский описывает одно из ключевых событий истории западно-франкского королевства, а именно смену последних каролингских правителей новой династией Капетингов. Он рассматривает это событие через призму епископской власти. Он не приветствует приход новой династии, выставив каролинга Лотаря в каком-то смысле как мученика, погибшего в результате дворцового заговора, организованного его женой. Более того, коронация Гуго Капета, как он считает, стала возможна только благодаря предательству одного из епископов, Адальберона Ланского (987-1031), который захватил брата Лотаря Карла, и тем самым передал власть Капетингам. В этом случае Адемар погрешил против исторической истины, поскольку предательство Адальберона Ланского произошло 29/30 марта 991 г., в то время как коронация Гуго Капета случилась на четыре года раньше, 3 июля 987 г.¹⁸³ Это событие упоминается и у других историков этой эпохи, в частности, Рихера Реймского и Герберта Орильякского, которые прямо называют Адальберона Иудой.

Однако в ошибке Адемара можно увидеть отражение его взглядов на процесс смены власти во Франции и роль церкви в этом процессе. То, что он соединил два события в одно, свидетельствует не просто о недостатке информации. У Рихера и у Герберта коронация Гуго Капета рассматривается как самостоятельное событие, и роль епископа Лана состоит только в том, что он делает смену власти необратимой. В изображении же Адемаром

Шабаннским роль епископа в чем-то больше, чем в изображении других историков, потому что именно Адальберон Ланский меняет ход истории. Это можно рассматривать как результат исторической концепции Адемара Шабаннского. В его идее истории первичным двигателем всех событий были именно деятели церкви. Правда, стоит отметить, что если монахи и монастыри были как правило символом положительного начала, то епископы, в зависимости от их происхождения и положения, могли играть в истории как положительную, так и отрицательную роль. И только примирение сына Гуго Капета с церковью позволяет Адемару рассматривать династию как легитимную, а самого Робера I – как христианнейшего короля.¹⁸⁴

Более того, по мнению Адемара, одной из важнейших обязанностей светской власти являлось не просто ее тесное участие в делах церкви, а прямое выражение религиозности ее представителей в доступных для этого формах. В начале XI в. одной из таких форм стало паломничество в Иерусалим. Вершиной правления Гильома Ангулемского, чье положение в Аквитании явно затемняло образ герцога Аквитании Гильома Великого, было его паломничество в Иерусалим в 1026 - 1027 гг. С ним поехали Одон из Берри, Ричард, аббат св. Сибарда в Ангулеме и некоторых других представителей знати. Адемар описывает торжественную встречу Гильома в Ангулеме после возвращения, показывая, насколько важна была личная святость для правителей, чтобы быть поддержанными церковью и общинами верующих.¹⁸⁵

История взаимоотношений между светской и церковной властью в период ослабления Каролингов и создания новых структур власти у Адемара достаточно сложна. Начать нужно с конца IX - начала X в. Описывать отношения между светской властью и епископами, существовавшие в конце IX - начале X вв., достаточно сложно. Они были весьма неоднозначными, и иногда мирное сосуществование могло внезапно перерасти в конфликт. В эту эпоху стали складываться вертикально организованные группы знати, которые объединяли как светскую аристократию, так и представителей церковной иерархии. В условиях слабости верховной власти графы и епископы вступали в тесный контакт. Истории этих конфликтов показывают,

что причиной, как правило, были трения между различными знатными семьями и их клиентами. Графства Аквитании не были исключением.

В период ослабления каролингской династии в конце IX в. отношения между епископами и графами в регионах, составляющих Аквитанию, были достаточно натянутыми. В частности, епископ Экфрид из Пуатье в конце IX в. оказался втянутым в междуусобную борьбу между несколькими претендентами на титул графа Пуатье. В 892 г. сын бывшего графа Пуату Эменона Адемар захватил власть и сам стал графом Пуату после Ранульфа II. В результате этого незаконнорожденный сын последнего Эбл Манцер был отвезен епископом Геральдом в Овернь.¹⁸⁶ Возможные трения между претендентами на графский титул не переросли в открытое соперничество, потому что Адемар при поддержке брата короля Одона Роберта заручился поддержкой епископа Эгкфрида, передав ему монастырь св. Илария. Диплом короля Одона 894 г. передал церковь св. Илария в Пуатье епископу Экфриду, сделав Адемара его светским покровителем.¹¹ Именно таким образом в контексте распада старых каролингских связей в Пуатье были заложены принципы взаимодействия графов и епископов, которые оказали влияние на развитие церковной власти и светских династий в Аквитании.

Адемар держался у власти до 902 г., когда Эбл Манцер смог восстановить свою власть.¹⁸⁷ На тот момент епископ Эгкфрид уже ушел из жизни, но епископское место еще при Адемаре занял Фротарий II. Представляется вероятным, что Эбл сохранил отрицательное отношение к Адемару и к его людям, когда пришел к власти. Этим мы можем объяснить конфликт между ним и Фротарием, который, возможно, стал прелатом при поддержке Адемара. Этот епископ был низложен Эблом, а восстановил его в качестве епископа только сын последнего Гильом Пакляная голова.¹² Таким образом, епископы были активными участниками борьбы за власть и их собственное положение зависело от отношений со светскими магнатами. Начиная с конца IX в. между графом и епископом Пуатье сложились особые отношения, и на тот момент графы обладали более существенной властью и вмешивались в дела церкви.

¹¹ Saint-Hilaire. no. 12.

¹² Saint-Cyprien. No. 126. P. 90.

При попытке объяснить этот конфликт исследователи говорят о том, Эбл Манцер пытался вести себя в отношении епископов не так, как было принято в его эпоху и воспринял более амбициозное поведение, свойственное каролингским правителям и королям.¹⁸⁸ Однако сохранились документы, показывающие, что у графа и епископов не было принципиальных разногласий. Эбл и Фротарий, скорее всего, не конфликтовали постоянно, потому что известны случаи их сотрудничества. В частности, сохранилась грамота, в которой они вместе подарили часть земель в графстве Пуату монастырю и церкви св. Мартина в Туре.¹⁸⁹

Таким образом, на переломе IX-X вв. (время графов Адемара и Эбла Манцера) взаимоотношения между графом Пуатье и епископатом еще только выстраивались, и известны были случаи соперничества. Они еще не стали столь тесными и теплыми, как в эпоху, когда жил Адемар Шабаннский.¹⁹⁰ В частности, наследник Фротария, Альбоин, вообще не фигурирует в грамотах графов Пуатье. Иногда епископы Пуатье вели себя в достаточной степени независимо от графов Пуатье, поддерживая их соперников. Например, еще в третьей четверти X в. епископ Петр поддержал соперника графа Пуатье, графа Жоффруа Анжуйского по прозвищу Гризгонель (Серая мантия) (960-987). Именно граф Анжу, а не граф Пуатье стал при поддержке епископа Петра светским покровителем и распорядителем земель монастыря св. Креста в Пуатье. Епископ присутствовал в качестве духовного поручителя, когда граф Анжу поцеловал обломок св. Креста, давая свою клятву. В этом случае епископ Пуатье явно поддержал соперника герцога Аквитании Гильома Железная рука, что говорит о том, что отношения прелата и графа Пуатье не были теплыми.¹⁹¹

Интересно отметить, что отсутствие теплых отношений между графом Пуатье и епископом этого города не говорит о том, что интересы графской династии были принципиально несовместимы с интересами церкви. Поддержка епископа Пуатье в этот момент не была столь актуальна для графа Пуатье и герцога Аквитании, потому что на тот момент брат графа Пуатье и герцога Аквитании Гильома Пакляная голова и, соответственно, дядя Гильома Железная рука Эбл являлся епископом Лиможа. Таким

образом, семья графов Пуатье стремилась ввести своих представителей в состав церковной иерархии. Эбл вел очень активную политику в монастырях Пуату с того момента, как он был назначен казначеем монастыря св. Илария в 937 г. и до своей смерти в 976/977. Вполне вероятно, что Эбл мог представлять других епископов, в том числе и епископа Пуатье, при дворе герцогов. Таким образом, в этот период герцог Аквитании не нуждался в поддержке епископа своего родного города, потому что его дядя был епископом в каком-то смысле более богатого и престижного города Аквитании, Лиможа.

Это свидетельствует о том, что отсутствие интереса к должности прелата в Пуатье не означало для графов Пуатье пренебрежения поддержкой церкви и епископата. Для поддержания стабильности своей светской власти знать нуждалась в поддержке епископов, и самым надежным вариантом было, если один из родственников являлся прелатом. Получается, что для графов Пуату было неважно, если епископ Пуатье заигрывал с их соперниками, им важно было, что один из членов семьи принадлежал к церковному сословию и занимал должность епископа Лиможа. Можно отметить также, что графы Пуатье и, возможно, другие представители высшей светской власти понимали сложные взаимоотношения внутри епископата и понимали реальное соотношение власти формально равных по статусу прелатов разных диоцезов. Представляется вероятным, что должность епископа Лиможа, находившаяся в богатой и влиятельной церковной провинции, могла иметь больше значения, чем должность графа Пуатье. Более того, действия графов Пуатье показывают, что они не просто понимали истинные отношения в церковной иерархии, но могли умело использовать это знание для продвижения своих интересов и для укрепления своего положения.

Описывая сложные отношения между епископами и графской династией в этот период, Адемар Шабаннский занял следующую позицию. Представляется, что его больше волновала легитимность церковной власти и благодеяния светских властителей по отношению к церкви, чем династические интересы герцогов Аквитании. В частности, несмотря на то,

что он поддерживал Гильома Великого в качестве графа Пуату и герцога Аквитании, он в своей истории хорошо отнесся к графу Пуатье Адемару, который, как было показано, был одним из врагов Ранульфа II и в особенности его сына Эбла Манцера, основателя династии. В своей Хронике Адемар Шабаннский описывает своего тезку как покровителя и строителя церквей.¹⁹²

Ситуация в Пуатье изменилась с 975 г., однако характер этих изменений достаточно сложно осмыслить. В этом году епископом стал Герберт, принадлежавший к семье, чьи владения находились неподалеку от Пуатье. Его служение в качестве прелата положило начало долгому правлению его семьи в качестве епископов, что, как полагают исследователи, обусловило стабильность епископской власти в Пуатье. Но парадоксальным образом, в отличие от ситуации в Лиможе, Ангулеме и других городах Аквитании, в своем родном городе графы Пуатье отдали епископскую должность на откуп местной знатной семье, и не пытались сами занимать эти должности. Обычно исследователи объясняли это тем, что ни у Гильома Железная рука, ни у Гильома Великого не было братьев.¹⁹³ Однако нам представляется, что объяснять такую ситуацию в Пуатье только этим фактом значит не понимать тех тенденций, которые проявили себя в церковной политике графов Пуатье и герцогов Аквитании. В частности, Гильом Великий из Пуатье приложил много усилий для того, чтобы повлиять на выборы епископов в Лиможе и в других городах Аквитании, хотя в своем родном городе он не вел активной церковной политики.¹⁹⁴ По-видимому, графы Пуатье в своей церковной политике стремились распространить свое влияние на юг, в Аквитанию, и именно там они стремились обеспечить себе поддержку со стороны церкви. По-видимому, они считали, что должность епископа Пуатье не имела такого значения в церкви, как положение прелата Лиможа.

Для этого были основания, потому что из Хроники мы узнаем, что в Аквитании сложился своего рода союз епископов, который обеспечивал единство политики церковей этого региона. Об этом свидетельствует следующий эпизод. Адемар сообщает, что после смерти Хильдегара, одного из епископов Лиможа из семьи лиможских виконтов, епископом этого города стал Хильдуин,

его брат. Он был посвящен в епископы в Ангулеме в присутствии архиепископа Бордо Гундобада (989-998), Фротария, епископа Перигора (976-990), Аббона, епископа Сента (980-990), и Гугона Ангулемского (из Муссидона) и поставлен на временную кафедру св. Герарда, которая впоследствии стала епископством св. Марциала.¹⁹⁵ К концу X в. Аквитания сложилась как регион, опиравшийся на тесные связи епископских кафедр. Этот союз епископов значил больше, чем власть отдельных прелатов, и именно поэтому графы Пуатье стремились поставить своего человека в качестве епископа хотя бы в одном из этих городов.

Если судить по Хронике Адемара, тесные дружеские отношения между церковью и светской властью стали складываться в последней четверти X в. Многие из епископов Аквитании и Пуатье в X-XI вв. часто происходили из светского сословия. Так например, Адемар Шабаннский сообщает, что епископ Герард из Лиможа, однажды был сделан из мирянина прелатом.¹⁹⁶ Возможно, что другие прелаты тоже получали свои должности таким же путем.¹⁹⁷ Аквитанские епископы X в. происходили из знатных семей. Например, Турпион из Лиможа был, скорее всего, дядей Райнальда, виконта Обюссона. Адемар сообщает нам также, что этот епископ также приходился дядей другому виконту Обюссона, Роберту, и что он был родственником рассматриваемого нами аквитанского историка.¹⁹⁸ Братом Турпиона был Аймо, аббат монастыря св. Марциала.¹⁹⁹ После Турпиона епископом Лиможа стал Эбл, брат и дядя графов Пуату и герцогов Аквитании. После его смерти три епископа в Лиможе происходили из семьи виконтов Лиможа. Некоторые епископы происходили из семей кастелланов. В частности, можно привести примеры Гугона из Жарнака (973-990) и Гримоарда Муссиданского, которые последовательно стали епископами Ангулема.²⁰⁰ Можно упомянуть также брата Гримоарда, Ислона Сентского, и Иордана Ларонского, который стал епископом Лиможа в 1023/1024 г.²⁰¹

Только один из епископов пришел на этот пост из монахов. Это был Сегуин, архиепископ Бордо (999-1015).²⁰² Альбуин из Пуатье и Эбл из Лиможа были канониками церкви св. Илария в Пуатье до того, как они заняли свои посты.²⁰³ Иордан Лиможский был, по-видимому, светским прево

монастыря св. Леонарда в Нобла.²⁰⁴ Некоторые из епископов вообще могли быть светскими людьми до своего назначения. В частности, Адемар описывает сопротивление других епископов назначению епископом Лиможа Геральда. Вполне вероятно, что это было вызвано именно светским происхождением Геральда.²⁰⁵ Возможно, что таких назначений было больше, и что на самом деле, мы просто не знаем о них.

Начиная с каролингской эпохи, но в особенности в X-XI вв. епископы стали не просто представителями церковной иерархии. Их значение в качестве светских правителей росло, и в этом качестве они стали в каком-то смысле частью светской системы власти.²⁰⁶ В частности, в Провансе многие знатные семьи из поколения в поколение служили основным источником для избрания прелатов.²⁰⁷ Ситуация в Аквитании была в значительной степени похожа на ситуацию в Провансе. Следует оговориться, что в это время влияние светской власти на церковь не означало грубого вмешательства в дела культа. Скорее наоборот. Светская власть активно участвовала в строительстве церквей. Графы и виконты должны были поддерживать свой образ христианских правителей постоянными действиями в пользу церкви. В число этих действий входили дарения церквям и монастырям, основание новых обителей и постройка церквей, паломничества, уходы в монастырь.²⁰⁸ В частности, Арнальд, граф Ангулема, построил небольшой монастырь Сен-Аманд-де-Буа и после этого стал монахом св. Сибарда.²⁰⁹ Гильом Великий был весьма тесно связан с Одилоном, аббатом Клуни, которому он себя отдал под покровительство путем положения рук.²¹⁰

Для поддержания своей святости епископы считали необходимым путешествовать в Святую землю. Мы знаем, например, что Иземберт I из Пуатье и Иордан Лиможский отправились в Святую землю около 1030 г., воспользовавшись примером графа Гильома Ангулемского.²¹¹ Иземберт впоследствии умер в Павии во время паломничества в Рим.²¹² В Иерусалим отправились также Радульф из Перигора (1000/1–1011/12) и Хильдуин из Лиможа, последний вместе со своим братом, виконтом Ги.²¹³ В частности, можно предположить, что епископ Эбл из Лиможа ушел в монастырь, потому что в грамоте 976 г. он называет себя «бывшим епископом

Лиможа».¹³ Гугон, епископ Ангулема отказался от своего епископства перед смертью и удалился в монастырь св. Сибарда. *Historia pontificum*, которая сообщает об этом, приводит в качестве доказательства тот факт, что он был найден в своей могиле в этом монастыре без знаков епископского достоинства, т. е. без кольца и посоха.²¹⁴ Таким образом, занятие церковных должностей требовало от епископов, вне зависимости от их происхождения, соответствия нормам святости. Заметим, что Адемар является одним из важнейших историков, который подчеркнул эту историческую тенденцию.

Значение воли правителей в назначении епископов было достаточно большим.²¹⁵ В частности, Геральд стал епископом благодаря воле герцога Аквитании.²¹⁶ В то же время, короли западно-франкского королевства и впоследствии Франции, по-видимому, оказывали мало влияния на избрание епископов в X - первой четверти XI в. Мы знаем только о двух подобных случаях. В частности, епископ Олиба из Ангулема был назначен Карлом Лысым.²¹⁷ С другой стороны, избрание Иордана Лиможского в качестве епископа вызвало отрицательную реакцию со стороны его архиепископа, Гозлина Буржского, который обратился за поддержкой к королю Франции Роберу Благодетелю.²¹⁸ Особенно сильно влияние графов на назначение епископов было заметно в Пуатье и в Лиможе.

В Лиможе епископом в 937 г. стал Эбл, брат Гильома Пакляная голова. После него епископом стал Хильдегар. Ситуация с епископом стала понятнее, когда Хильдегар ушел из жизни и нужно было назначить преемника. Брат Хильдегара Хильдуин был назначен при поддержке Гильома железная рука.²¹⁹ Избрание Хильдуина произошло с согласия архиепископа Бордо и его подчиненных, епископов Перигора, Сента и Ангулема. Однако в избрании не принимал никакого участия архиепископ провинции, в которую входил Лимож, а именно, архиепископ Дагоберт Буржский.²²⁰ В 1014 г. Гильом Великий решил поставить в качестве епископа Лиможа Геральда, племянника Хильдуина. Стоит обратить внимание на то, что Геральд в течение некоторого времени был казначеем церкви св. Илария в Пуатье, и тем самым был тесно связан с интересами графов Пуатье.²²¹ После смерти

¹³ Saint-Hilaire. No. 43. P. 49-50.

Геральда спор за право назначать епископов Лиможа разгорелся заново. Адемар сообщает, что виконт Ги и другие кастелланы Лиможа стали бороться за это право. Но в результате при вмешательстве Гильома Великого в качестве епископа был избран Иордан Ларонский.²²² Однако против этого выступил Гозлин Буржский, в архидиоцезе которого находился Лимож. На Парижском соборе 1024 г. король Роберт II поддержал архиепископа Буржа и диоцезу Лиможа был объявлен интердикт.²²³ Однако по-видимому, королю Франции на тот момент было невыгодно ссориться с герцогом Аквитании. Он предпринял шаги к примирению, причем посредником был избран Фульберт Шартрский. В письме своему протеже Хильдуину, казначею монастыря св. Илария, он написал, чтобы тот попросил Гозлина Буржского умерит пыл и предпринять шаги к примирению с Гильомом Великим.²²⁴ Правда, после смерти Иордана ситуация вновь обострилась. В результате каноники лиможской церкви написали герцогу Аквитании с тем, чтобы тот назначил им епископа.¹⁴

Адемар также писал, что выбор в качестве архиепископа Бордо Жоффруа II произошел благодаря Гильому Великому, герцогу Аквитании, и герцогу Гаскони Санчо.²²⁵ Вероятно, что светские властители оказали влияние на выборы Арнальда из Перигора (1011/12 – 1037) и Ислона Сентского (1002-1038).²²⁶ На выборы архиепископа Бордо традиционно оказывали влияние герцоги Гаскони, но в течение X в. влияние герцога Аквитании на эти выборы усилилось.²²⁷

Влияние герцога или графа на назначение епископа не обязательно должно было быть прямым. Исследователи показали, что даже если в источниках не сохранилось свидетельств о влиянии светской власти на выборы того или иного прелата, исследование истории его правления показывает, что часто епископы были выгодны тем или иным светским правителям.²²⁸

Но даже когда епископы избирались без влияния герцога, каноническим путем, мы можем заметить, что в церковные дела все равно вмешивалось влияние светской знати. Адемар описывает, в частности, каноническое

¹⁴ Saint-Etienne. No. 121. P. 138-140.

назначение Арнальда епископом Перигора в 1009 г.²²⁹ Он был произведен в епископы вышеупомянутыми монахом Сегинном, архиепископом Бордо, а также епископами Гримоардом и Ислоном. Заметим, что последние были связаны родственными связями и оба, возможно, получили свои должности благодаря влиянию герцогов Аквитании. Таким образом, даже избрание по всем канонам церковного права все равно не избавляло церковь от влияния знати. По сути, в Аквитании произошло тесное сращивание светской знати и церкви и формирование в Аквитании своего рода «семьи» епископов, контролировавших весь диоцез. Это говорит о том, что возникновение Аквитании как герцогства в последние десятилетия X в. строилось не просто на воссоздании структур светской власти каролингской эпохи, а в первую очередь на создании тесных взаимосвязанных групп светской и церковной знати.

Описывая все эти истории, хотелось бы понять отношение Адемара к влиянию светской власти на церковные дела и в особенности, на назначение епископов. Представляется, что Адемар проводил четкое различие в правах светских принцев высшего ранга (графа Пуатье и герцога Аквитании) и виконтов в плане их влияния на выборы епископов и аббатов. Он был более суров к виконтам, одновременно признавая, что светские принцы имели право вмешиваться в дела церкви. Очень хорошим показателем его взглядов является история об избрании Геральда епископом Лиможа с подачи графа Пуатье и герцога Аквитании. Несмотря на то, что многие епископы и виконты выступили против, Адемар однозначно поддержал назначение Геральда только по той причине, что за ним стоял герцог Аквитании.²³⁰

Одновременно, когда влияние на выборы епископов пытались оказывать простые кастелланы и виконты, он сразу обвинял их в симонии. Например, он негативно отнесся к попыткам сеньоров Лимузина повлиять на выборы епископа Лиможа.²³¹ Если Адемар терпимо относился к влиянию графов на выборы епископов, то любое вмешательство в этот процесс со стороны виконтов и кастелланов воспринималось им крайне отрицательно. Это вытекает из его истории о том, как в 1002 г. виконт Лиможа Ги схватил и заточил в своем замке епископа Лиможа Гримоарда, требуя от него, чтобы

тот отдал ему монастырь Брантом.²³² Виконт в этом случае является явно отрицательным персонажем.

Таким образом, отношение Адемара к влиянию светской власти на церковь было весьма неоднозначным. Он терпимо относился к проникновению в ряды епископата представителей светской знати и ничего не имел против того, что в церкви складывались целые графско-епископские или виконто-епископские династии. Более того, он ничего не имел против избрания людей светского статуса, если это избрание поддерживалось другими епископами или светской властью. Однако он допускал это только в том случае, если это сращивание не приводило к полному подчинению церкви светских интересов семей виконтов и кастелланов. В особенности подозрительно он относился к кастелланам лимузинского пограничья. Легитимной властью, которая имела право вмешиваться в дела церкви, он признавал графа Пуатье (т. е герцога Аквитании) и графа Ангулема.

Заключение

Адемара следует рассматривать как идеалиста, который, не имея реальной власти как монах, стремился выстроить в своих сочинениях идеал власти для христианского Запада. Зная все хитросплетения во взаимоотношениях между светскими сеньорами, епископами и монастырями, он стремился показать, что идеальное взаимодействие и согласие возможно. Таким образом, Адемар явно выразил в своих сочинениях идеал Божьего мира.

Однако учитывая отношение Адемара к истории Аквитании, можно сделать и более далеко идущие выводы. В частности, мы можем сравнить идеал Божьего мира с идеалом каролингской политики, нарисованный им в своей Хронике. Эти два идеала были типологически сходны. Идея Божьего мира в понимании Адемара уходила корнями в повседневную практику власти франкского королевства в период правления как династии Меровингов, так и Каролингов. Адемар рисует Аквитанию как место, где сотрудничество между светскими и церковными властями достигло наибольшей гармонии по сравнению с другими областями Франции, и где именно монашество задавало тон реформы. Венцом этого для историка

является эпизод с избранием аквитанца Герберта Орильякского, с детства пребывавшего в монашеском статусе, в качестве папы Сильвестра II в 998 г.¹⁵ Понимание исторического процесса историк переносил на современность, и для него Аквитания XI в. была воплощением тех идеалов, которые были созданы в процессе построения христианской империи Карлом Великим.

¹⁵ Ademar. III, 31.

- ¹Ademar. Chron.
- ²Patrologia latina. Paris, 1835. T. 141. Col. 89.
- ³*Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste // Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest. 3 serie. 1934. T. 10. P. 263 ; Ademar. Chron. III, 25.
- ⁴Annales Engolismenses // MGH Scriptorum. Bd. 16 / hrsg. von G. Pertz. Hannover, 1859. S. 485–487. (MGH Scriptorum) ; Chronicon Aquitanicum a. 830-1025 // MGH Scriptorum. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. 1829. S. 252–253.
- ⁵*Landes R.* Relics, apocalypse, and the deceits of history : Ademar of Chabannes, 989-1034. Cambridge Mass., 1995. P. 228.
- ⁶*Guenée B.* Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1973. T. 28, n° 4. P. 1016 ; *Werner K. F.* L'Historia et les rois // Religion et culture autour de l'an Mil. Royaume capétien et Lotharingie : actes du colloque Hugues Capet 987-1987, la France de l'an mil, Auxerre, 26 et 27 juin 1987, Metz, 11 et 12 septembre 1987 / sous la dir. de D. Iogna-Prat, J.-C. Picard. Paris, 1991. P. 143.
- ⁷«Lorsqu'il utilise les Annales regni francorum, il s'applique à estomper leur caractère tranché et systématique en évitant les indications d'année et il se met à écrire en continu». Ademar. Chron. P. LXXXVI.
- ⁸*Pon G.* Introduction // Chronique / A. de Chabannes ; sous la dir. de G. Pon. Paris, 2005. P. 43-46.
- ⁹*Guillebaud P.* Historiae francorum seu Chronici Ademari Engolismensis epitome. Paris, 1652 ; *Bourgain P.* Etat du dossier // Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. (Corpus Christianorum Continuatio Medievals ; 129). P. XXXVII.
- ¹⁰Ademar. Chron. P. XXXVII.
- ¹¹*Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1960. T. 20, № 4. C. 87–118 ; *Vidier A.* L'historiographie à Saint-Benoit-sur-Loire et les Miracles de Saint Benoit. Paris, 1965. P. 71-75 ; Ademar. Chron. LXIV. N. 90.
- ¹²Monumenta Germaniae Historica. Bd. 1. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1826.
- ¹³Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum). 222ff.
- ¹⁴Annales regni francorum qui dicuntur annales laurissenses maiores et Einhardi / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1895. (MGH Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 6).
- ¹⁵Ademar. Chron. P. LXV.
- ¹⁶Ademar. Chron. III. 16 ; *Astronomus.* Vita Hludowici imperatoris // Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris / hrsg. von E. Tremp. Hannover, 1995. S. 280–555. (MGH Scriptorum rerum germanicarum ; 64).
- ¹⁷Ademar. Chron. III. 19.
- ¹⁸Ademar. Chron. III. 22.
- ¹⁹Ademar. Chron. III. 23.
- ²⁰*Landes R.* Relics. P. 135.
- ²¹Miracula s. Genulfi // MGH Scriptorum. Bd. 15 / hrsg. von O. Holder–Egger. Hannover, 1888. S. 1204–1213. (MGH Scriptorum).
- ²²Ademar. Chron. III, 16.
- ²³Ademar. Chron. III, 19.

²⁴Ademar. Chron. III, 21.

²⁵Ademar. Chron. III, 30.

²⁶*Landes R.* L'accession des Capetiens. Une reconsideration des sources aquitaines // Religion et culture autour de l'an Mil. Royaume capétien et Lotharingie : actes du colloque Hugues Capet 987-1987, la France de l'an mil, Auxerre, 26 et 27 juin 1987, Metz, 11 et 12 septembre 1987 / sous la dir. de D. Iogna-Prat, J.-C. Picard. Paris, 1991. P. 155.

²⁷Grig. Tour. Hist. II. 37.

²⁸Ademar. Chron. I. 5.

²⁹«Anno autem quinto, Clodoveo regnante, Siagrius filius Egidii Suessionis civitate, quam pater ejus tenuerat, residebat, super quem Clodoveus cum Ragnacario, parente suo, cum hoste advenit, conveneruntque ad bellum». Ademar. Chron. I. 8.

³⁰Ademar. Chron. I. 16.

³¹*Pon G.* Introduction. 19, N. 77 ; *Martiniere J. d. l.* Saint Cybard. Etude critique d'hagiographie, VI-XII s. // Bulletins et memoires de la siciete archeologique et historique de la Charente. Memoires et documents. 1906. P. 3-6, 201.

³²Ademar. Chron. I. 11.

³³*Martiniere J. d. l.* Saint Cybard. Etude critique d'hagiographie, VI-XII s. P. 3-6, 207-208.

³⁴Theg. Gesta. Cap. IV.

³⁵Chronicon Aquitanicum a. 830-1025.

³⁶Ademar. Chron. III. 17.

³⁷*Gillingham J.* Ademar of Chabannes and the History of Aquitaine in the reign of Charles the Bald // Charles the Bald: Court and kingdom / ed. by M. Gilson, J. Nelson. Aldershot, 1990. P. 43.

³⁸*Hugo Floriacensis.* Modernorum regum francorum actus // MGH Scriptorum. Bd. 9. 1851. (MGH Scriptorum). 377.

³⁹*Bourgain P.* Etat du dossier.

⁴⁰*Astronomus.* Vita Hludowici imperatoris. S. IV ; Chronicon Moissacense // MGH Scriptorum. Bd. 1 / hrsg. von G. Pertz. Hannover, 1826. S. 280–313. (MGH Scriptorum). a. 781.

⁴¹*Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. Austin, 1965. P. 51.

⁴²Ordinatio imperii // Capitularia regum francorum. Bd. 1 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. 270–273. No. 136. (MGH Legum sectio II).

⁴³«Tempore francorum Caroli dum sceptrum vigeant, Quem celebrat totus orbis nohonore patrem, Francia dum latos sparsisset ubique fragores, Atque suum celebre nomen in orbe foret, Tum Carolus sapiens sceptrorum insignia proli Divisit, procerum conciliante choro: Scilicet aequivoco cessisset Francia sorte, successor tandem si valet esse patris; Italiae regnum Pippino cessit amato; At, Ludovice, tibi regna Aquitania dedit. Partibus aequatis crebrescit fama per orbem, Et Hludovicus ovans credita regna petit» *Ermoldus Nigellus.* In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen // Poetae latini aevi carolini / hrsg. von E. Dümmler. Berlin, 1884. (MGH Poetarum latinorum medii aevi ; 2). S. 6.

⁴⁴*Défourneaux M.* Charlemagne et la monarchie Asturienne // Mélanges d'histoire du Moyen Age : dédiés à la mémoire de Louis Halphen / sous la dir. de C.-E. Perrin. Paris, 1951. P. 179-184 ; *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. 53, N. 10.

⁴⁵Ordinatio imperii. S. 4–5, 7–8, 10, 12–16, 18 ; *Ganshof F.* Observations sur l'Ordinatio Imperii de 817 // Festschrift Guido Kisch. Stuttgart, 1955. P. 24.

⁴⁶Ordinatio imperii. S. 3, 7, 12.

⁴⁷*Astronomus*. Vita Hludowici imperatoris. S. XL ; Annales regni francorum qui dicuntur annales laurissenses maiores et Einhardi. a. 826.

⁴⁸См. грамоту монастырю Лаграс (Lagrasse) 827 г. *Prou M., Levillain L.* Recueil des actes de Pépin Ier et de Pépin II, rois d'Aquitaine (814-848). Paris, 1926. No. 23 ; См. также грамоту 828 г. монастырю Монтолье (Montolieu) Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administratif de Carcassonne. T. 1 / sous la dir. d'A. J. Mahul. Paris, 1857. P. 70.

⁴⁹«Qui pro regno Aquitainie et Francie inter se discordantes, bellum committunt». Ademar. Chron. III. 16.

⁵⁰Ademar. Chron.

⁵¹Ademar. Chron. III. 17.

⁵²Ademar. Chron.

⁵³Ademar. Chron. III. 18.

⁵⁴Ademar. Chron. III. 19.

⁵⁵Ademar. Chron.

⁵⁶*Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècle). Deel 102. Bruges, 1948. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte). P. 169–229.

⁵⁷*Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. Toulouse, 1937. P. 360-383.

⁵⁸*Werner K.-F.* La genèse des duchés en France et en Allemagne // *Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare*. 19-25 aprile 1979. Spoleto, 1981. P. 175–223. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo ; 27) ; *Werner K. F.* Die Ursprünge Frankreichs bis zum Jahr 1000. Stuttgart, 1989. (Geschichte Frankreichs).

⁵⁹*Nelson J. L.* Charles the Bald. London, 1992. (The Medieval World). P. 6.

⁶⁰*Werner K.-F.* La genèse des duchés en France et en Allemagne. P. 74–97.

⁶¹Ademar. Chron. III. 16 ; *Mabille E.* Royaume d'Aquitaine et ses marches sous les Carolingiens. Toulouse, 1879. P. 19.

⁶²Адемар Шабаннский говорит, что он был сыном графа Оверни Герарда. Ademar. Chron. III. 16.

⁶³*Lupus Ferrariensis*. Correspondance, 829-847. T. 1 / sous la dir. de L. Levillain. Paris, 1927. (Classiques de l'histoire de France au Moyen Âge ; 10). Ep. 17. Col. 1 ; *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 97 ; The annals of St-Bertin / ed. by J. L. Nelson. Manchester, 1991. (Ninth-century histories ; 1). 58. N. 9.

⁶⁴Ademar. Chron. III. 21 ; *Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste. P. 246-248.

⁶⁵«Imperator quoque filium suum Carolum Calvum in Aquitania regnare fecit». Ademar. Chron. III. 16.

⁶⁶Ademar. Chron. III. 21 ; Адемар указывает дату 923 г. *Chronicon Aquitanicum* a. 830-1025. a. 930.

⁶⁷*Annales Bertiniani* / hrsg. von G. Waitz. Hannover, 1883. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 5). a. 843.

⁶⁸Хотя некоторые историки считают, что, возможно, Бернард Септиманский погиб при его захвате графом Прованса. *Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 107.

⁶⁹*Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 98.

⁷⁰*Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. P. 107.

⁷¹*Calmette J.* De Bernardo, sancti Guilhemi filio These latine : thèse de doctorat / Calmette J. Tolosae : Université de Toulouse, 1902. P. 18-19 ; *Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // *Annales du Midi*. 1906. T. 18, n° 70. P. 165 ; *Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // *Annales du Midi*. 1928. T. 40, n° 157/158. P. 244 ; *Auzias L.* Bernard le Veau et Bernard

Plantevelue comtes de Toulouse? // *Annales du Midi*. 1932. T. 44. P. 257 ; *Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. 410. N 67.

⁷²*Auzias L.* Recherches d'histoire carolingienne, II : Le personnel comtal et l'autorité comtale en Septimanie méridionale (872-878) // *Annales du Midi*. 1933. T. 45. P. 147 ; *Auzias L.* Les relations de Bernard Plantevelue avec les princes carolingiens de 880 à 885 // *Le Moyen Age*. 1935. T. 31. C. 25 ; *Auzias L.* Les relations de Bernard Plantevelue avec les princes carolingiens de 880 à 885. C. 107.

⁷³*Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste. P. 248.

⁷⁴*Bouchard C.* "Those of my blood": Constructing noble families in medieval Francia. Philadelphia, 2001. P. 181–191.

⁷⁵«Nortmanni ora Ligeris fluminis occupantes Namnetensem, Andegavensem, Pictavensem atque Turonicam provinciam iterato crudeliter depopulari coeperunt. Contra quos Ruotbertus, qui marcam tenebat, et Ramnulfus, dux Aquitaniae collecta multitudine aciem dirigunt». *Reg. Chron.* C. 92.

⁷⁶«Regressusque a palatio sanctus Geraudus clam subductum filium Rannulfi Willelmo, Aquitaniae Duci Comiti Arvernensis credidit nutriendum, cui propinquus erat». *Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense. Ad orbe condito ad annum Christi MXLI* // *Novae Bibliothecae Mss. Librorum* / sous la dir. de P. Labbe. Paris, 1657. a. 868.

⁷⁷*Chronicon sancti Maxentii Pictavensis* // *Chroniques des Eglises d'Anjou* / sous la dir. de P. Marchegay, E. Mabille. Paris, 1869. P. 366.

⁷⁸Стоит обратить внимание на запись, которая говорит о разорении Аквитании в момент раздора между ее правителями. Одна из редакций относит это событие к 845 г., а другая редакция - к 858 г. «His temporibus Normanni diffusi sunt per Aquitaniam, quia duces ejus inter se bello deciderant nec erat qui eis resisteret; et concrematae sunt ab eis Hero insula et monasterium Deas, Burdegala, Santonas, Engolisma, Lemovicis, Parisius, Turonis, Belvagus, Noviomagum, Aurelianis, Pictavis, et innumera monasteria et castella destructa post mortem Ludovici imperatoris». *Chronicon sancti Maxentii Pictavensis*. a. 845. P. 365 ; «His temporibus Normanni diffusi sunt per Aquitaniam, quia Duces ejus inter se bello desidebant, nec erat qui eis resisteret; et concremata est ab eis Hero insula (846 mense Julio) et Monasterium Deas, Burdegala, Santonis, Engolisma, Lemovicis, Parisius, Turonis, Belvagus, Noviomagum, Aurelianis, Pictavis, et innumera Monasteria et castella destructa post mortem Ludovici Imperatoris». *Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense. Ad orbe condito ad annum Christi MXLI*. a. 868.

⁷⁹«Ceteri formidantes, ne similia paterentur, Ludovicum regem trans Rhenum commemorantem sollicitant...» *Reg. Chron.* C. 90.

⁸⁰*Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // *Welt als Geschichte*. 1959. T. 19, № 4. C. 146–192. C. 166. N. 83 ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 113–115.

⁸¹Ademar. *Chron.* III. 16; III. 18.

⁸²Ademar. *Chron.* III. 25.

⁸³The annals of St-Bertin. a. 868. P. 144. N. 2 ; *Dhondt J.* Études. Deel 102. P. 203 ; *Martindale J.* Charles the Bald and the government of the kingdom of Aquitaine // *Status, authority and regional power: Aquitaine and France, 9th to 12th centuries*. T. 488 / под ред. J. Martindale. Brookfield, 1997. C. 115–138. (Collected studies series). C. 130. N. 77, 78.

⁸⁴The annals of St-Bertin. a. 867. P. 143.

⁸⁵The annals of St-Bertin. a. 868, p. 143. N. 17 ; *Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert). C. 167. N. 86.

⁸⁶The annals of St-Bertin. a. 868. P. 143. N. 18.

⁸⁷Этот граф Буржа отмечался в грамотах с 855 г. по 860-е гг. The annals of St-Bertin. a. 868. P. 143. N. 17.

⁸⁸The annals of St-Bertin. a. 868. P. 143.

⁸⁹The annals of St-Bertin. a. 868. P. 144.

⁹⁰*Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. P. 361-423.

⁹¹*Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. P. 424-448.

⁹²«Tunc franci, conjurantes contra Carolum insipientem, eiciunt eum de regno, et Odonem ducem Aquitanie in regno elevaverunt» Ademar. Chron. III. 20 ; *Lot F.* Le roi Eudes, duc d'Aquitaine et Ademar de Chabannes // Annales du Midi. 1904. T. 16. P. 514.

⁹³*Pon G.* Introduction. P. 25. N. 96.

⁹⁴*Richer von Saint-Remi.* Historiae / hrsg. von H. Hoffmann. Hanover, 2000. (MGH Scriptores ; 28). S. 12.

⁹⁵*Richer von Saint-Remi.* Historiae. S. 4-6, 12-14.

⁹⁶Ademar. Chron. III. 21.

⁹⁷*Favreau R.* Carolingiens et Robertiens // Pays de Loire et Aquitaine de Robert le Fort aux premiers Capétiens : actes du colloque scientifique international tenu à Angers en septembre 1997 / sous la dir. d'O. Guillot, R. Favreau. Poitiers, 1997. P. 163.

⁹⁸Ademar. Chron. III. 23.

⁹⁹«... pro anima Willelmi ducis atque nepotem ejus, Willelmi et Acrefedi ...» *Doniol H.* Cartulaire de Brioude. Liber de honoribus Sto Juliano collatis. Clermont-Ferrand ; Paris, 1863. No. 337. P. 343 ; «... Willelmus, dux Aquitanorum ...» Flod. Hist. a. 923 ; *Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. P. 448-460 ; *Lauranson-Rosaz C.* L'Auvergne et ses marges (Velay, Gévaudan) du VIIIe au XIe siècle : la fin du monde antique ? Le Puy, 1987. P. 66-86.

¹⁰⁰«Willelmus vero cognomento Caput stuppe a rege supradicto Arvernus, Vallatis, Lemovice et Pictavis comes proventus, dux Aquitaniae extitit». Ademar. Chron. III. 25.

¹⁰¹*Pon G.* Introduction. P. 23.

¹⁰²Ademar. Chron. III. 20.

¹⁰³Flod. Hist. a. 960 ; *Guillot O.* Formes, fondements et limites de l'organisation politique en France au Xe siècle // Il secolo di ferro, mito e realtà del secolo. Spoleto, 1991. (Settimane di studio ; 38). P. 109-111 ; *Werner K. F.* L'acquisition par la maison de Blois des comtes de Chartres et de Chateaudun // Melanges de numismatique, d'archéologie et d'histoire offerts à Jean Lafaurie / sous la dir. de P. Bastien. Paris, 1980. P. 272.

¹⁰⁴*Werner K. F.* L'acquisition par la maison de Blois des comtes de Chartres et de Chateaudun. P. 120.

¹⁰⁵*Hugo Floriacensis.* Modernorum regum francorum actus. 5.

¹⁰⁶*Richer von Saint-Remi.* Historiae. S. II. 98.

¹⁰⁷*Hugo Floriacensis.* Modernorum regum francorum actus. 5.

¹⁰⁸*Richer von Saint-Remi.* Historiae. S. III. 3. III. 4.

¹⁰⁹Ademar. Chron. III. 28.

¹¹⁰*Jones A. T.* Noble lord, good shepherd Episcopal power and piety in Aquitaine, 877-1050. Boston, 2009. P. 69.

¹¹¹*Monsabert P. de.* Documents inédits pour servir à l'histoire de l'abbaye de Sainte-Croix de Poitiers // Revue Mabillon. 1913. T. 9, n° 1. P. 57-58 ; *Bachrach B.* Geoffrey Grey mantle, count of the Angevins (960-987): A study in French politics // Studies in medieval and Renaissance history. 1985. Vol. 7. P. 3-67 ; *Bachrach B.* A study in feudal politics: Relations between Fulk Nerra and William the Great, 995-1030 // Viator. 1976. Vol. 7.

P. 111–121. P. 114. N. 11 ; *Guillot O.* Le Comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle. T. 1. Paris, 1972. P. 6 ; *Head T.* The development of the Peace of God in Aquitaine (970-1005) // *Speculum*. 1999. Vol. 74. P. 660.

¹¹²Ademar. Chron. III. 41. III. 67.

¹¹³Ademar. Chron. III. 52.

¹¹⁴Ademar. Chron.

¹¹⁵Ademar. Chron. III. 53.

¹¹⁶Ademar. Chron. III. 41.

¹¹⁷Ademar. Chron. III. 62.

¹¹⁸Ademar. Chron. III. 30.

¹¹⁹*Beech G., Chauvin Y.* Le Conventum : (vers 1030) : un précurseur aquitain des premières épopées. Genève, 1995.

¹²⁰Ademar. Chron. III. 41.

¹²¹Ademar. Chron. III. 67.

¹²²*Beech G., Chauvin Y.* Le Conventum : (vers 1030) : un précurseur aquitain des premières épopées ; *Beech G.* The lord/dependant (vassal) relationship: A case study from Aquitaine c. 1030 // *Journal of Medieval History*. 1998. Vol. 24, no. 1. P. 30 ; *Poly J.-P., Bournazel E.* La mutation féodale : Xe-XIIe siècle. Paris, 1991. P. 138 ; *Bachrach B.* Toward a reappraisal of William the Great of Aquitaine // *Journal of medieval history*. 1979. Vol. 5. P. 21 ; *Beech G. T.* A feudal document of early XIth century Poitou // *Mélanges offerts à René Crozet*. T. 1. Poitiers, 1966. P. 213.

¹²³Ademar. Chron. III. 53.

¹²⁴Ademar. Chron. III. 34.

¹²⁵Ademar. Chron. III. 45.

¹²⁶Ademar. Chron. III. 60.

¹²⁷Ademar. Chron.

¹²⁸*Pon G.* Introduction. P. 28.

¹²⁹*Adalbero.* Poème au roi Robert / sous la dir. de C. Carozzi. Paris, 1979.

¹³⁰*Duby G.* La société aux XI et XII siècles dans la région Mâconnaise. Paris, 1953 ; *Poly J.-P., Bournazel E.* La mutation féodale : Xe-XIIe siècle.

¹³¹*Debord A.* La société laïque dans les pays de la Charente : Xe-XIIe siècles. Paris, 1984 ; *Guillot O.* Le Comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle. T. 1.

¹³²Ademar. Chron. III. 59.

¹³³В этом случае он употребляет термин *rusticis infernalibus*, что обозначает его резко негативное отношение к ним. Ademar. Chron. III. 48.

¹³⁴*Verlinden C.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 119. Brugge, 1955. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte) ; *Bois G.* The transformation of the year one thousand: The village of Lournand from antiquity to feudalism. Manchester, 1992.

¹³⁵Ademar. Chron. III. 22, 41, 52, 55, 58.

¹³⁶Ademar. Chron. III. 52.

¹³⁷В данном случае был употреблен термин *multitudo*. Ademar. Chron. III. 49.

¹³⁸Ademar. Chron. III, 46, 56, II, 2.

¹³⁹Ademar. Chron. III. 35.

¹⁴⁰Ademar. Chron. III. 68.

- ¹⁴¹Ademar. Chron. III. 39.
- ¹⁴²Ademar. Chron. III. 49.
- ¹⁴³Ademar. Chron. iii. 65.
- ¹⁴⁴*Debord A.* La société laïque dans les pays de la Charente : Xe-XIIIe siècles. P. 254.
- ¹⁴⁵Ademar. Chron. III. 31 ; III. 41.
- ¹⁴⁶*Callahan D.* Adémar of Chabannes, Apocalypticism and the Peace Council of Limoges of 1031 // *Revue Bénédictine.* 1991. Vol. 101. P. 32–49. 45, N. 38.
- ¹⁴⁷Mansi Sac. conc. P. 507–548 ; *Jones A. T.* Discovering the Aquitanian church in the Corpus of Ademar of Chabannes // *The Haskings society journal.* 2007. Vol. 19. P. 98.
- ¹⁴⁸Ademar. Chron. III, 18.
- ¹⁴⁹Ademar. Chron. III, 25.
- ¹⁵⁰Ademar. Chron. III. 24.
- ¹⁵¹Ademar. Chron. III. 27.
- ¹⁵²Ademar. Chron. III. 26.
- ¹⁵³Ademar. Chron. III. 40.
- ¹⁵⁴Ademar. Chron. III, 16.
- ¹⁵⁵Ademar. Chron. III, 35.
- ¹⁵⁶Ademar. Chron. III, 55.
- ¹⁵⁷Ademar. Chron. III, 63.
- ¹⁵⁸*Aubrun M.* L'ancien diocèse de Limoges : Des origines au milieu du XIe siècle. T. 21. Clermont-Ferrand, 1981. (Publication de l'Institut d'Etudes du Massif Central). P. 134 ; *Treffort C.* Le comte de Poitiers, duc d'Aquitaine, et l'Église aux alentours de l'an mil (970-1030) // *Cahiers de civilisation médiévale.* 2000. T. 43, n° 172 : Regards croisés sur l'An Mil. P. 441.
- ¹⁵⁹Ademar. Chron. III, 40.
- ¹⁶⁰Ademar. Chron. III, 56.
- ¹⁶¹Ademar. Chron. III, 58.
- ¹⁶²Ademar. Chron. III, 39.
- ¹⁶³Ademar. Chron. III. 43.
- ¹⁶⁴Ademar. Chron. III, 56.
- ¹⁶⁵Ademar. Chron. III, 58.
- ¹⁶⁶Ademar. Chron. III, 31.
- ¹⁶⁷Ademar. Chron. III, 53, 55.
- ¹⁶⁸Ademar. Chron. III. 47, 70.
- ¹⁶⁹Ademar. Chron. III, 55.
- ¹⁷⁰Ademar. Chron. III, 66.
- ¹⁷¹Ademar. Chron. III, 61.
- ¹⁷²Ademar. Chron. III. 40, 42.
- ¹⁷³Ademar. Chron. III. 56.
- ¹⁷⁴Ademar. Chron. III. 49.
- ¹⁷⁵Ademar. Chron. III, 69.
- ¹⁷⁶Ademar. Chron. III, 59.

- ¹⁷⁷ *Callahan D.* Adémar of Chabannes, Apocalypticism and the Peace Council of Limoges of 1031. P. 45.
- ¹⁷⁸ *Heinzelmann M.* Gregor von Tours (538-594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6 Jahrhundert. Darmstadt, 1994.
- ¹⁷⁹ *Felten F.* Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im früheren Mittelalter. Stuttgart, 1980. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters ; 20).
- ¹⁸⁰ Ademar. Chron. III, 31.
- ¹⁸¹ Ademar. Chron. III, 37 ; Adalberti vita Henrici II imperatoris // MGH Scriptores / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1841. (MGH Scriptores ; 4). 10, 11.
- ¹⁸² Ademar. Chron. III, 19.
- ¹⁸³ Ademar. Chron. III, 30.
- ¹⁸⁴ Ademar. Chron. III, 31.
- ¹⁸⁵ Ademar. Chron. III, 65.
- ¹⁸⁶ Ademar. Chron. III, 21.
- ¹⁸⁷ *Favreau R.* Carolingiens et Robertiens. P. 163.
- ¹⁸⁸ *Richard A.* Histoire des comtes de Poitou : 788 – 1204. T. 1. Paris, 1903. P. 72, 83-84 ; *Garaud M.* Observations sur les vicissitudes de la propriété ecclésiastique dans le diocèse de Poitiers du IXe au XIIIe siècle // Bulletin de la Société des antiquaires de l'Ouest. 1960. T. 5. P. 364.
- ¹⁸⁹ Эта грамота сохранилась только в картулярии этого монастыря (т. н. pancarte noire), который погиб в огне в 1793 г. Грамота сохранилась только в перепечатке *Besly J.* Histoire des comtes de Poitou et ducs de Guyenne contenant ce qui se passe de plus memorable en France depuis l'an 811 jusques au Roy louis le Jeune. Paris, 1647. P. 218-220 ; См. также более новую публикацию в *Mabille E.* La pancarte noire de Saint-Martin de Tours, brulee en 1793 et restitue d'apres les textes imprimes et manuscrits // Memoires de la societe archeologique de Touraine. 1865. T. 17. P. 319-542. No. 116. P. 446-447.
- ¹⁹⁰ *Treffort C.* Le comte de Poitiers, duc d'Aquitaine, et l'Église aux alentours de l'an mil (970-1030). P. 432 ; *Jones A. T.* Noble lord, good shepherd Episcopal power and piety in Aquitaine, 877-1050. P. 70.
- ¹⁹¹ *Monsabert P. de.* Documents inedits pour servir a l'histoire de l'abbaye de Sainte-Croix de Poitiers. P. 57-58.
- ¹⁹² Ademar. Chron.
- ¹⁹³ *Jones A. T.* Noble lord, good shepherd Episcopal power and piety in Aquitaine, 877-1050. P. 71.
- ¹⁹⁴ Ademar. Chron. III, 49.
- ¹⁹⁵ Ademar. Chron. III, 35.
- ¹⁹⁶ Ademar. Chron. III, 49.
- ¹⁹⁷ *Jones A. T.* Noble lord, good shepherd Episcopal power and piety in Aquitaine, 877-1050.
- ¹⁹⁸ Ademar. Chron. III, 25 ; III, 45.
- ¹⁹⁹ *Bernard Itier.* Chronique / sous la dir. de J.-L. Lemaître. Paris, 1998. P. 8. a. 936.
- ²⁰⁰ Гуго из Жарнака: Ademar. Chron. III, 35 ; Семьи Гугона и Гримоарда описаны в *Historia pontificum et comitum Engolismensium* // Nova bibliotheca manuscriptorum. T. 2 / sous la dir. de P. Labbe. Paris, 1657. P. 249-264. Cap. 22. P. 14, Cap. 23. P. 15-16 ; См. обсуждение в *Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. Bonn, 1981. (Pariser Historische Studien ; 17). S. 207 ; Родословную можно посмотреть в *Settipani C.* La noblesse du Midi carolingien : études sur quelques grandes familles d'Aquitaine et du Languedoc du IXe au XIe siècles : Toulousian, Périgord, Limousin, Poitou, Auvergne. Oxford, 2004. P. 175.
- ²⁰¹ О родственных связях Ислона и Гримоарда см. Ademar. Chron. III, 51.
- ²⁰² Ademar. Chron. III, 48.

- ²⁰³Ademar. Chron. III, 25.
- ²⁰⁴Ademar. Chron. III, 57.
- ²⁰⁵Ademar. Chron. III, 49.
- ²⁰⁶*Parisse M.* Princes laïques et/ou moines : Les évêques du X siècle // Il secolo di ferro : mito et realita del secolo X. T. 38. Spoleto, 1991. 1 :449-516. (Settimane di studio de Centro Italiano di studi sull'alto medioevo) ; *Head T.* Postscript: The ambiguous bishop // The bishop reformed: studies of episcopal power and culture in the central Middle Ages / ed. by J. S. Ott, A. T. Jones. Aldershot, 2007.
- ²⁰⁷*Mazel F.* La noblesse et l'Eglise en Provence, XIe-XIVe siècle : l'exemple des familles d'Agoult-Simiane, de Baux et de Marseille : thèse de doctorat / Mazel Florian. Aix-Marseille : Université de Provence, 2000. P. 65-83.
- ²⁰⁸*Treffort C.* Le comte de Poitiers, duc d'Aquitaine, et l'Église aux alentours de l'an mil (970-1030). P. 403-417.
- ²⁰⁹Ademar. Chron. III. 35.
- ²¹⁰Ademar. Chron. III, 41.
- ²¹¹Historia pontificum et comitum Engolismensium. Cap. 27. P. 24.
- ²¹²*Verdon J.* La chronique de Saint-Maixent : 751-1140. Paris, 1979. P. 116-117.
- ²¹³Ademar. Chron. III, 48 ; III, 40.
- ²¹⁴Historia pontificum et comitum Engolismensium. Cap. 22. P. 14.
- ²¹⁵*Garaud M.* Observations sur les vicissitudes de la propriété ecclésiastique dans le diocèse de Poitiers du IXe au XIIIe siècle. P. 364.
- ²¹⁶Ademar. Chron. III, 49.
- ²¹⁷Ademar. Chron. III, 19.
- ²¹⁸Ademar. Chron. III. 49 ; III. 50.
- ²¹⁹Ademar. Chron. III. 35.
- ²²⁰*Jones A. T.* Noble lord, good shepherd Episcopal power and piety in Aquitaine, 877-1050. P. 72.
- ²²¹Ademar. Chron. III. 49 ; III. 50.
- ²²²Ademar. Chron. III. 57.
- ²²³Ademar. Chron.
- ²²⁴«Dic karissimo nobis principi Guillelmo ... monuisse quoque Bituricensem archiepiscopum per quendam monachum suum ut sese pacare non negligat cum ipso domno Guillelmo et episcopis eius, priusquam sibi exinde scandalum oriatur». *Fulbert.* The letters and poems of Fulbert of Chartres / ed. by F. Behrends. Oxford, 2002. No. 92. P. 164-165.
- ²²⁵Ademar. Chron. III, 69.
- ²²⁶О выборах Арнальда см. Ademar. Chron. III. 48 ; Выборы ислона не описаны ни в одном из первичных источников. См. *Martindale J.* Peace and war in early eleventh-century Aquitaine // Medieval knighthood 4: Papers from the fifth Strawberry Hill conference, 1990 / ed. by C. Harper-Bill, R. Harvey. Woodbridge, 1992. P. 147-176. P. 160-161. N. 39.
- ²²⁷*Mussot-Goulard R.* Les princes de Gascogne. Marsolan, 1982. P. 169-186.
- ²²⁸*Brisset F.* Guillaume le Grand et l'Eglise // Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest. 4 serie. 1972. T. 12. P. 444 ; *Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. S. 202. N. 481 ; *Richard A.* Histoire des comtes de Poitou : 788 – 1204. T. 1. P. 205 ; *Imbart de la Tour P.* Les elections episcopales dans l'Eglise de France du IX au XII siècle : Etude sur la decadence du principe electif, 814-1150. Paris, 1891. P. 50-53.
- ²²⁹Ademar. Chron. III, 48.
- ²³⁰Ademar. Chron. III. 61.

²³¹Ademar. Chron. III. 57.

²³²Ademar. Chron. III. 36.

Глава 6

Заключение

Сформулируем выводы:

1. При рассмотрении вопроса о переходе от периода варварских королевств ко времени распространения власти королевства франков на всю Европы в период правления Каролингов общая преемственность структур власти состояла в первую очередь в сохранении трехчастной системы представлений о королях, избираемых по знатности, предводителях, избираемых по доблести, и судьях, сохранивших в своем статусе черты мировых посредников.
2. Изменения в структурах власти, как показано, были связаны с существенным нарушением баланса между этими тремя функциями в период, когда наследники Карла Мартелла, в силу своей сомнительной легитимности были вынуждены обращаться к базовым дихотомиям варварского общества и искать основу своего состояния в том, чтобы подтвердив свой статус военных предводителей кампаниями Карла Великого, утвердить знатность своей семьи путем создания прецедента однозначной передачи власти по мужской линии.
3. Приход к власти правителей из династии Каролингов привел к широкому распространению давно намечавшегося мировоззренческого переворота и радикальной смене практики и представлений о власти. Поиск легитимности в позднеантичных отношениях между Римской империей и предводителями франков отошел на второй план, чувство

разрыва с Римской империей стало преобладать в исторических воззрениях (Фрекульф из Лизьё), а среди историков и образованных людей появилось понимание необходимости строить систему представлений о мире, об истории и о месте королевства франков в историческом процессе заново. Это отразилось не только в сочинениях по истории и календарями, но также и в практике власти.

4. Обращение к нетрадиционным для историков источникам, таким как трактаты о составлении календарей, показывает, что в каролингскую эпоху среди образованных людей стало появляться и постепенно укрепилось чувство новой эпохи и разрыва не только с периодом варварских королевств, но даже и с периодом позднеантичной истории Римской империи. Более того, важнейшим выводом является установление соотношений между мировоззрением историков и образованных людей, чьим предметом интереса были натурфилософские науки, и изучение относительности исторического мировоззрения на роль королевства франков в истории этого периода по сравнению с общими представлениями тех, кто интересовался также и вопросами естественных наук.

Список сокращений

- Abbo Cernuus *Abbo Cernuus*. Siège de Paris par les Normands, poème d'Abbon // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. T. 6 / sous la dir. de M. Guizot. Paris, 1824. P. 1-66.
- Ademar. Chron. Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. 388 p. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis ; 129).
- Ademar. Chron. *Bourgain P.* Introduction // Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis ; 129).
- Amm. Marc. Rer. gest. *Ammianus Marcellinus*. Rerum gestarum libri qui supersunt : In 2 Bde. / hrsg. von W. Seyfarth. Leipzig : Teubner, 1978.
- Ann. Bert. Annales Bertiniani / hrsg. von G. Waitz. Hannoverae : Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. 173 S. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi).
- Ann. S. Col. Sen. Annales Sanctae Columbae Senonensis // / под ред. G. H. Pertz. Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1828. C. 102—109. (MGH Scriptores ; 1).
- Ann. Xant. Annales Xantenses // MGH Scriptores. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover. S. 217–235.
- BM Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern, 751-918. Bd. 1 / J. F. Böhmer [u. a.]. [2. Aufl.] Hildesheim : G. Olms, 1966. cxxii, 987. (Regesta Imperii).
- Chronica Magni Presb. Chronica collecta a Magno Presbytero // MGH Scriptores. Bd. 17 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1861. S. 476–523. (MGH Scriptores).
- Clausula Clausula de unctione Pippini //. Hannover : Hahn, 1887. 574a. (MGH Scriptores ; 15:1).
- Flod. Hist. *Flodoardus Remensis*. Die Geschichte der Reimser Kirche / ed. by M. Stratmann. Hanover : Hahnsche Buchhandlung, 1998. 544 p. (MGH Scriptores ; 36).

- Fred. cont. *Fredegarii*. *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus* // MGH *Scriptores Rerum Merovingicarum*. Bd. 2. *Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum* / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1–193.
- Grig. Tour. Hist. *Gregorius Turonensis*. *Libri Historiarum X* // *Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X*. Bd. 1. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover : Hahn, 1951. (MGH *Scriptores Rerum Merovingicarum*).
- Hinc. Ad Lud. *Hincmarus*. *Hincmari rhemensis archiepiscopi epistolae : Ad Ludovicum III regem, Balbum filium* // PL. C. 110–117.
- Hinc. De ord. *Hincmar von Reims*. *De ordine palatii* / hrsg. von T. Gross, R. Schieffer. Hannover : Hansche, 1980. 119 S. (MGH *Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum separatim editi* ; 3).
- Hinc. Ep. *Hinkmar Remensis*. *Hincmari archiepiscopi Remensis epistolae*. T. 6. Berlin : Weidmann, 1939. 228 c. (MGH *Epistolae* ; 8, 1).
- Hist. Franc. Sen. *Historia Francorum Senoniensis a. 688 – 1034* // MGH *Scriptores*. Bd. 9. *Scriptorum* / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1851. S. 364–369.
- Mansi Sacr. conc. *Mansi G. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. in quo etiam res a Joanne Dominico Mansi gestae describuntur. Vol. 19. Venetiis : Zatta, 1774. 1080 pp.
- Reg. Chron. *Regino Prumiensis*. *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi* / под ред. F. Kurze. Hanover : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1890. 196 c. (MGH *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi* ; 50).
- Theg. Gesta *Theganus*. *Gesta Hludowici imperatoris* // *Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris* / hrsg. von E. Tremp. Hannover : Hahnsche Buchhandlung, 1995. S. 168–277. (MGH *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum separatim editi* ; 64). MGH *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum separatim editi*.
- Ев. Луки Евангелие от Луки .

Источники

- Эйнхард*. Жизнеописание Карла Великого / под ред. М. Петрова, А. Сидоров ; пер. А. Сидоров. М., 1999. 276 с.
- Abbo Cernuus*. Siège de Paris par les Normands, poème d'Abbon // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. T. 6 / sous la dir. de M. Guizot. Paris, 1824. P. 1-66.
- Adalbero*. Poème au roi Robert / sous la dir. de C. Carozzi. Paris : Les Belles lettres, 1979. 50 p.
- Adalberti vita Henrici II imperatoris* // MGH Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1841. (MGH Scriptorum ; 4).
- Ademari Cabanensis Chronicon* / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. 388 p. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis ; 129).
- Ammianus Marcellinus*. Rerum gestarum libri qui supersunt : In 2 Bde. / hrsg. von W. Seyfarth. Leipzig : Teubner, 1978.
- Annales Bertiniani* / hrsg. von G. Waitz. Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. 173 S. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 5).
- Annales Bertiniani* / hrsg. von G. Waitz. Hannoverae : Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. 173 S. (MGH Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusum).
- Annales Engolismenses* // MGH Scriptorum. Bd. 16 / hrsg. von G. Pertz. Hannover, 1859. S. 485–487. (MGH Scriptorum).
- Annales Laurissenses minores* // MGH SS. Bd. 1. 1826. S. 112–123.
- Annales Nazariani* // MGH Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover : Hahn, 1829. S. 23–45.
- Annales regni francorum* // *Annales regni francorum et annales qui dicitur Einhardi*. Hannover : Hahn, 1895. (MGH Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum).
- Annales regni francorum qui dicuntur annales laurissenses maiores et Einhardi* / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1895. 204 S. (MGH Scriptorum rerum germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 6).
- Annales Sanctae Columbae Senonensis* // / под ред. G. H. Pertz. Hannover : Impensis bibliopolii Hahniani, 1828. C. 102–109. (MGH Scriptorum ; 1).
- Annales Xantenses* // MGH Scriptorum. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover. S. 217–235.
- Astronomus*. Vita Hludowici imperatoris // *Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris* / hrsg. von E. Tresp. Hannover : Hahn, 1995. S. 280–555. (MGH Scriptorum rerum germanicarum ; 64).

- Bourgain P.* Introduction // Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis ; 129).
- Capitulare Carisiacense // Capitularia regum francorum. Bd. 2 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. S. 355–361. (MGH Legum sectio II ; 2).
- Capitulare missorum Silvacense // MGH Capitularia. Bd. 2 / hrsg. von A. Boretius, V. Krause. Hanover, 1897. S. 270–276.
- Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administratif de Carcassonne. T. 1 / sous la dir. d'A. J. Mahul. Paris, 1857.
- Chronica collecta a Magno Presbytero // MGH Scriptorum. Bd. 17 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1861. S. 476–523. (MGH Scriptorum).
- Chronicon Aquitanicum a. 830-1025 // MGH Scriptorum. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. 1829. S. 252–253.
- Chronicon Moissacense // MGH Scriptorum. Bd. 1 / hrsg. von G. Pertz. Hannover, 1826. S. 280–313. (MGH Scriptorum).
- Chronicon Moissiacense a saeculo quarto usque ad a. 818 et 840 // / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover : Hahn, 1829. S. 280–313. (MGH Scriptorum ; 1).
- Chronicon sancti Maxentii Pictavensis // Chroniques des Eglises d'Anjou / sous la dir. de P. Marchegay, E. Mabille. Paris, 1869. P. 349-433.
- De ascensione lunae. In: Liber de computo // Schriften zur Komputistik im Frankenreich von 721 bis 818 / hrsg. von A. Borst. Hannover : Hahn, 2006.
- Divisio regnorum // MGH Capitularia regum francorum. Bd. 1 / hrsg. von A. Boretius. Hannover : Hahn, 1883. S. 126–130.
- Einhard.* Vita Karoli Magni / hrsg. von G. H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1911. (MGH Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 25).
- Ercanberti Breviarium // MGH Scriptorum. Bd. 2 / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1829. S. 327–329.
- Ermoldus Nigellus.* In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen // Poetae latini aevi carolini / hrsg. von E. Dümmler. Berlin : Hahn, 1884. S. 6. (MGH Poetae ; 2).
- Ermoldus Nigellus.* In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen // Poetae latini aevi carolini / hrsg. von E. Dümmler. Berlin, 1884. S. 1–91. (MGH Poetarum latinorum medii aevi ; 2).
- Ex miraculis Quintini, Sermo in tumulatione Ss. Quintini, Victorici, Cassiani // / под ред. O. Holder-Egger. Hannover : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1887. (MGH Scriptorum ; 15, 1).
- Flodoardus Remensis.* Die Geschichte der Reimser Kirche / ed. by M. Stratmann. Hanover : Hahnsche Buchhandlung, 1998. 544 p. (MGH Scriptorum ; 36).
- Fredegarii.* Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 2. Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 1–193.

- Fulbert*. The letters and poems of Fulbert of Chartres / ed. by F. Behrends. Oxford : Clarendon Press, 2002. 297 p.
- Gregorius Turonensis*. Libri Historiarum X // Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X. Bd. 1. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover : Hahn, 1951. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).
- Hincmar von Reims*. De ordine palatii / hrsg. von T. Gross, R. Schieffer. Hannover : Hansche, 1980. 119 S. (MGH Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum separatim editi ; 3).
- Hincmarus*. Hincmari rhemensis archiepiscopi epistolae : Ad Ludovicum III regem, Balbum filium // PL. C. 110–117.
- Hinkmar Remensis*. Hincmari archiepiscopi Remensis epistolae. T. 6. Berlin : Weidmann, 1939. 228 c. (MGH Epistolae ; 8, 1).
- Historia Francorum Senoniensis a. 688 – 1034 // MGH Scriptores. Bd. 9. Scriptorum / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover, 1851. S. 364–369.
- Historia pontificum et comitum Engolismensium // Nova bibliotheca manuscriptorum. T. 2 / sous la dir. de P. Labbe. Paris, 1657. P. 249–264.
- Hugo Floriacensis*. Modernorum regum francorum actus // MGH Scriptores. Bd. 9. 1851. S. 376–395. (MGH Scriptores).
- Les miracles de Saint Benoît / sous la dir. d'E. Certain. Paris : J. Renouard, 1858. 390 p.
- Liber historiae francorum // Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum. Bd. 2 / hrsg. von B. Krusch. Hannover, 1888. S. 215–328. (MGH Scriptores Rerum Merovingicarum).
- Mansi G. D.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. in quo etiam res a Joanne Dominico Mansi gestae describuntur. Vol. 19. Venetiis : Zatta, 1774. 1080 pp.
- Miracula s. Genulfi // MGH Scriptores. Bd. 15 / hrsg. von O. Holder–Egger. Hannover, 1888. S. 1204–1213. (MGH Sscriptores).
- Nithard*. Historiarum libri / hrsg. von E. Müller. Hannover : Hahn, 1907. 61 S. (MGH Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ; 44).
- Ordinatio imperii // Capitularia regum francorum. Bd. 1 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. S. 270–273. (MGH. Legum sectio II ; 136).
- Ordinatio imperii // Capitularia regum francorum. Bd. 1 / hrsg. von A. Boretius. Hannover, 1883. 270–273. No. 136. (MGH Legum sectio II).
- Prou M., Levillain L.* Recueil des actes de Pépin Ier et de Pépin II, rois d'Aquitaine (814–848). Paris, 1926. 353 p.
- ps.-Caesar*. Cosmographia // Geographi Latini minores / hrsg. von A. Riese. Heilbronn, 1878. S. 21–54.
- Recueil des Historiens des Gaules et de la France. T. 8 / sous la dir. de D. M. Bouquet, L. Delisle. Paris : Palmé, 1871. 788 p.
- Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50 / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1890. S. 1–196. 196 S. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi).

- Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi / под ред. F. Kurze. Hanover : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1890. 196 c. (MGH Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi ; 50).
- Regino Prumiensis*. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50 / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1890. S. 1–196. 196 S. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi).
- Rodulfus Glaber*. Ex Rodulfi Glabri historiarum libris usque ad a. 1044 // MGH Scriptores. Bd. 7 / hrsg. von G. Waitz, P. Kilon. Hannover, 1846. S. 48–72.
- Sancti Maxentii in Pictonibus Chronicon quod vulgo dicitur Malleacense. Ad orbe condito ad annum Christi MXLI // Novae Bibliothecae Mss. Librorum / sous la dir. de P. Labbe. Paris, 1657.
- The annals of St-Bertin / ed. by J. L. Nelson. Manchester : Manchester University Press, 1991. 267 p. (Ninth-century histories ; 1).
- Verdon J.* La chronique de Saint-Maixent : 751-1140. Paris : Société d'édition "Les Belles Lettres", 1979. 229 p.

Список литературы

- Васильевский В. Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб. : Алетейя, 2008.
- Гуревич А. Я.* Богатство и дарение у скандинавов раннего средневековья // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 180—198.
- Евангелие от Луки.
- Кузенков П. В.* Христианские хронологические системы: История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М. : Русский издательский центр имени св. Василия Великого, 2014. 992 с.
- Левандовский А. П.* Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья. Москва : Алгоритм, 2013. 286 с.
- Сидоров А. И.* Взлет и падение Каролингов // Историки эпохи Каролингов / под ред. А. И. Сидоров. М. : РОССПЭН, 1999.
- Сидоров А. И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб. : Гуманитарная академия, 2006. 349 с. (Studia classica).
- Сидоров А. И.* Сочинения античных, раннехристианских и «варварских» историков в культурном пространстве каролингской эпохи // Средние века. 2008. Т. 69, № 3. С. 46—80.
- Сидоров А.* В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. СПб. : Наука, 2018. 223 с.
- Старостин Д. Н.* Regnum и stirps regia: Проблемы власти и правящей династии в королевстве франков VI - первой половины VII вв. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Т. 8. 2010. С. 104—123.
- Старостин Д. Н., Гайворонский И. Д.* Разделы власти в королевстве франков эпохи Каролингов от Пипина III до Верденского раздела (751-843) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Т. 1.
- Тейс Л.* История Франции. Наследие каролингов IX—X вв. / пер. Т. А. Чесноковой. М. : «Скарабей», 1993. 271 с.
- Тюленев В. М.* К вопросу о восприятии времени в раннем христианстве // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 3. «Филология. История. Философия». 2008. С. 81—87.
- 2 Послание Петра.
- Airlie S.* Semper Fideles? Loyauté envers les Carolingiens comme constituant de l'identité aristocratique // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne (début IXe siècle aux

- environs de 920). T. 17 / sous la dir. de R. Le Jan. Villeneuve d'Ascq, 1998. P. 129-43. (Centre d'histoire l'Europe du Nord-Ouest).
- Airlie S.* Emotion, violence, vengeance and law in the Middle Ages: essays in honour of William Ian Miller // / ed. by K. Gilbert, S. D. White. Leiden : Brill, 2018. P. 296-314.
- Airlie S.* After empire: Recent work on the emergence of post-Carolingian kingdoms // Early medieval Europe. 1993. Vol. 2. P. 153-61.
- Airlie S.* Bonds of power and bonds of association in the court circle of Louis the Pious // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford : Clarendon Press, 1990. P. 191-204.
- Airlie S.* The aristocracy // New Cambridge Medieval History. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 431-50.
- Airlie S.* The aristocracy in the service of the state in the Carolingian period // Staat im frühen Mittelalter / hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006. S. 93-112.
- Airlie S.* The nearly men: Boso of Vienne and Arnulf of Bavaria // Nobles and nobility in medieval Europe / ed. by A. Duggan. Woodbridge, 2000. P. 25-41.
- Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt : Primus, 1997.
- Althoff G.* Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation für das Verständnis des Mittelalters // Frühmittelalterliche Studien. 1998. Jg. 31. S. 370-389.
- Annales Sancti Petri Coloniensis // MGH Scriptorum. Bd. 16 / hrsg. von Hahn. Hannover, 1859. S. 730.
- Aubrun M.* L'ancien diocèse de Limoges : Des origines au milieu du XIe siècle. T. 21. Clermont-Ferrand : Institut d'Etudes du Massif Central, 1981. 468 p. (Publication de l'Institut d'Etudes du Massif Central).
- Auzias L.* Bernard le Veau et Bernard Plantevelue comtes de Toulouse ? // Annales du Midi. 1932. T. 44. P. 258-295.
- Auzias L.* Recherches d'histoire carolingienne, II : Le personnel comtal et l'autorité comtale en Septimanie méridionale (872-878) // Annales du Midi. 1933. T. 45.
- Auzias L.* L'Aquitaine Carolingienne. Toulouse : Privat, 1937. 587 p.
- Auzias L.* Les relations de Bernard Plantevelue avec les princes carolingiens de 880 à 885 // Le Moyen Age. 1935. T. 31. C. 5-25.
- Bachrach B.* A study in feudal politics: Relations between Fulk Nerra and William the Great, 995-1030 // Viator. 1976. Vol. 7. P. 111-121.
- Bachrach B.* Geoffrey Grey mantle, count of the Angevins (960-987): A study in French politics // Studies in medieval and Renaissance history. 1985. Vol. 7. P. 3-67.
- Bachrach B.* Toward a reappraisal of William the Great of Aquitaine // Journal of medieval history. 1979. Vol. 5. P. 11-21.
- Bachrach B., Fanning S.* Flodoard of Reims // The 'Annals' of Flodoard of Reims, 919-966. Book 2004 / ed. by B. S. Bachrach, S. Fanning. Toronto : University of Toronto Press. (Readings in medieval civilizations and cultures ; 9).

- Barnwell P. S.* Kings, courtiers and imperium: The barbarian West, 565-725. London : Duckworth, 1997.
- Barnwell P. S.* Einhard, Louis the Pious and Childeric III // *Historical Research*. 2005. Vol. 78:200. P. 129–139.
- Barthélemy A. de.* Les origines de la maison de France // *Revue des questions historiques*. Paris, 1873. T. 13. P. 108-144.
- Barton R. E.* Lordship in the County of Maine, c. 890-1160. Woodbridge, Suffolk, UK; Rochester, N.Y. : Boydell Press, 2004. 255 p.
- Bauer T.* Die Ordinatio imperii von 817, der Vertrag von Verdun 843 und Herausbildung Lotharingens // *Rheinische Vierteljahrbblätter*. 1994. Jg. 58. S. 1–24.
- Becher M.* Drogo und die Königserhebung Pippins // *Frühmittelalterliche Studien*. 1989. Jg. 23. S. 131–53.
- Becher M.* Karl der Grosse. München : Beck, 2007. 127 S.
- Beech G. T.* A feudal document of early XIth century Poitou // *Melanges offerts à René Crozet*. T. 1. Poitiers, 1966. P. 203-213.
- Beech G.* The lord/dependant (vassal) relationship: A case study from Aquitaine c. 1030 // *Journal of Medieval History*. 1998. Vol. 24, no. 1. P. 1–30.
- Beech G., Chauvin Y.* Le Conventum : (vers 1030) : un précurseur aquitain des premières épopées. Genève : Droz, 1995. 190 p.
- Bernard Itier.* Chronique / sous la dir. de J.-L. Lemaître. Paris : Belles Lettres, 1998. 310 p.
- Besly J.* Histoire des comtes de Poitou et ducs de Guyenne contenant ce qui se passe de plus memorable en France depuis l'an 811 jusques au Roy louis le Jeune. Paris, 1647.
- Beumann H.* Topos und Gedankengefüge bei Einhard // *Archiv für Kulturgeschichte*. 1951. Jg. 33. S. 337–350.
- Bezzola G.* Das Ottonische Kaisertum in der französischen Geschichtsschreibung des 10. und beginnenden 11. Jahrhunderts // *Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. Graz – Köln, 1956. Nr. 18. S. 20–54.
- Bischoff B.* Latin palaeography: Antiquity and the Middle Ages. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 291.
- Blaudeau P.* Calculs chronologiques en crise : autour des modalités linéaires et circulaires de datations sous le règne de Justinien // *Cycles de la Nature, Cycles de l'Histoire De la découverte des météores à la fin de l'âge d'or*. Actes des Journées d'étude du Mans (9 Novembre 2012 & 8 Novembre 2013) / sous la dir. d'E. Bertrand, R. Compatangelo-Soussignan. Bordeaux : Ausonius, 2015. P. 233-245. (*Scripta Antiqua* ; 76).
- Bloch M.* The historian's craft / trans. by P. Putnam. Manchester : Manchester University Press, 1992.
- Bois G.* The transformation of the year one thousand: The village of Lournand from antiquity to feudalism. Manchester : Manchester University Press, 1992. 177 p.
- Booker C. M.* Past convictions: The penance of Louis the Pious and the decline of the Carolingians. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2009. 420 p.

- Borgolte M.* Die Grafen Alemanniens in merowingischer und karolingischer Zeit: Eine Prosopografie. Sigmaringen : Thorbecke, 1986. 341 S. (Archeologie und Geschichte ; 2).
- Borst A.* Die karolingische Kalenderreform. Hannover, 1998. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 46).
- Boshof E.* Untersuchungen zur Kirchenvogtei in Lothringen im 10 und 11 Jahrhundert // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fuer Rechtsgeschichte, Kanonistische Abteilung. 1979. Jg. 65. S. 55–119.
- Bouchard C.* "Those of my blood": Constructing noble families in medieval Francia. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2001. 248 p.
- Bouchard C.* The Bosonids or the rising to power in the late Carolingian age // French historical studies. 1988. Vol. 15. P. 407–31.
- Bourdieu P.* Esquisse d'une theorie de la pratique. Geneve : Droz, 1972. 269 p.
- Bourgain P.* Etat du dossier // Ademari Cabanensis Chronicon / sous la dir. de P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. (Corpus Christianorum Continuatio Medievals ; 129).
- Bourgeois É.* L'assemblée de Quierzy sur Oise (877) // Etudes d'histoire du Moyen-âge dédiées à Gabriel Monod. Paris, 1896. P. 137-52.
- Bourgeois É.* Le capitulaire de Kierzy sur Oise (877) : Etude sur l'état et le régime politique de la société carolingienne à la fin du IXe siècle d'après la législation de Charles le Chauve. Paris : Slatkine : Megariotis Reprints, 1974.
- Boyle E.* Biblical Kings and Kingship Theory in Medieval Ireland and Norway // Speculum Septentrionale: Konungs skuggsjá and the European Encyclopedia of the Middle Ages / ed. by K. G. Johansson, E. Kleivane. Oslo : Novus Forlag, 2018. P. 173–199.
- Boyle E.* Eschatology and reform in early Irish law: the evidence of Sunday legislation // Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages / ed. by M. Gabriele, J. T. Palmer. Abingdon, Oxon : Routledge, 2018. P. 121–138.
- Braudel F., Reynolds S.* The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II : in 2 vols. London : William Collins, 1976.
- Brewer J.* Microhistory and the histories of everyday Life // Cultural and social history. 2010. Vol. 7, no. 1. P. 87–109.
- Brincken A.-D. von den.* Studien zur lateinischen Weltchronistik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf : M. Triltsch, 1957. 249 S.
- Brisset F.* Guillaume le Grand et l'Eglise // Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest. 4 serie. 1972. T. 12. P. 441-460.
- Brown W.* Unjust seizure: Conflict, interest, and authority in an early medieval society. Ithaca : Cornell University Press, 2001.
- Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. 2. Die Zwischenzeit vom Ausgang des karolingischen Zeitalters bis zur Mitte des elften Jahrhunderts. München : Fink, 1975. 672 S.
- Brunner K.* Auf die Spuren verlorener Traditionen // Peritia. 1983. Jg. 2. S. 1–22.

- Brunner K.* Oppositionelle Gruppen im Karolingerreich. Wien : Böhlau, 1979. 224 S. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 25).
- Bullough D.* Alcuin and the Kingdom of Heaven: Liturgy, theology and the Carolingian age // Carolingian essays: Andrew W. Mellon lectures in early Christian studies / под ред. U.-R. Blumenthal. Washington DC, 1983. С. 161—240.
- Bullough D.* Alcuino e la tradizione culturale insulare // . Vol. 20. 1973. P. 571—600. (Settimani di studio).
- Bullough D.* Europae pater: Charlemagne and his achievement in the light of recent scholarship // English historical review. 1970. Vol. 85. P. 59—105.
- Bullough D.* The age of Charlemagne. London, 1965.
- Burke P.* The Renaissance sense of the past. London : Edward Arnold, 1969.
- C.B. B.* The Carolingian Creation of a Model of Patrilineage // Paradigms and Methods in Early Medieval Studies / под ред. C. Chazelle, F. Lifshitz. New York : Palgrave Macmillan, 2007. С. 135—151. (The New Middle Ages).
- Callahan D.* Adémar of Chabannes, Apocalypticism and the Peace Council of Limoges of 1031 // Revue Bénédictine. 1991. Vol. 101. P. 32—49.
- Calmette J.* De Bernardo, sancti Guilhemi filio These latine : thèse de doctorat / Calmette J. Tolosae : Université de Toulouse, 1902.
- Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // Annales du Midi. 1906. T. 18, n° 70. P. 145-165.
- Calmette J.* La famille de saint Guilhem et l'ascendance de Robert le Fort // Annales du Midi. 1928. T. 40, n° 157/158. P. 225-244.
- Calmette J.* La diplomatie carolingienne du Traité de Verdun à la mort de Charles le Chauve (843-877). Paris, 1901. 223 p.
- Calmette J.* Observations sur la « montée féodale » à l'époque carolingienne // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1941. T. 85, n° 4. P. 334-343.
- Carozzi C.* Eginard et les trois fonctions de la royauté // Le pouvoir au Moyen Age. Ideologies, pratiques, représentations / sous la dir. de C. Carozzi, H. Taviani-Carozzi. Aix-en Provence : Publications de l'Université de Provence, 2005. P. 237-256.
- Cerutti S.* Giustizia sommaria. Pratiche e ideali di giustizia in una società di Ancien Régime (Torino, XVIII secolo). Milan : Feltrinelli, 2003. 228 c. (Campi del sapere ; 1).
- Cerutti S.* Normes et pratiques, ou de la légitimité de leur opposition // Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale / sous la dir. de B. Lepetit. Paris, 1995. P. 127-149.
- Chatillon F.* La double sincérité de Flodoard // Revue du Moyen Âge latin. 1980. T. 36. P. 88-94.
- Chaume M.* Les origines du duche de Bourgogne. T. 1. Dijon : Jobard, 1925. 600 p.
- Classen P.* Die Verträge von Verdun und von Coulaines 843 als politische Grundlagen des westfränkischen Reiches // Historische Zeitschrift. 1963. Jg. 196. S. 1—34.
- Classen P.* Karl der Grosse und der Thronfolge im Frankenreich // Festschrift für Hermann Heimpel. Göttingen, 1972. S. 109—134. (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte ; 3).

- Clausula de unctione Pippini // . Hannover : Hahn, 1887. 574a. (MGH Scriptores ; 15:1).
- Collins R.* Pippin I and the kingdom of Aquitaine // Charlemagne's heir: New approaches to the reign of Louis the Pious / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford : Clarendon Press, 1990. P. 363–389.
- Comites in regno Hludouici regis constituti. Prosopographie des détenteurs d'offices séculiers en Francie orientale, de Louis le Germanique à Charles le Gros 826–887 / sous la dir. de S. Glansdorff. Ostfildern : Thorbecke, 2011. 326 p. (Instrumenta ; 20).
- Conant J.* Staying Roman: Conquest and identity in Africa and the Mediterranean, 439–700. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 1–438. 438 p. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series).
- Contreni J. J.* The Irish in the Western Carolingian Empire (According to James F. Kenney and Bern, Bürgerbibliothek 363 // Die Iren und Europa im früheren Mittelalter : In 2 Bde. Bd. 2 / hrsg. von H. Löwe. Stuttgart : Klett-Cotta, 1982. S. 758–798.
- Corradini R.* Die Ankunft der Zukunft. Babylon, Jerusalem und Rom als Modelle von Aneignung und Entfremdung bei Augustinus // Strategies of Identification: Ethnicity and Religion in early Medieval Europe / ed. by W. Pohl, G. Heydemann. Turnhout, 2013. P. 65–142. (Cultural Encounters in Late Antiquity and the Middle Ages ; 13).
- Corradini R.* Langzeitperspektiven in der Krise. Das Zeitarchiv des Walahfrid Strabo // La productivité d'une crise : Le règne de Louis le Pieux (814–840) et la transformation de l'Empire carolingien. T. 2 / sous la dir. de P. Depreux, S. Esders. 2014.
- Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian World. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. (Cambridge Medieval Textbooks).
- Curta F.* Merovingian and Carolingian Gift Giving // *Speculum*. 2006. Vol. 81, no. 3. P. 671–699.
- Czock M.* Creating futures through the lens of revelation in the Rhetoric of the Carolingian Reform, ca. 750 to ca. 900 // Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages / ed. by M. Gabriele, J. T. Palmer. Abingdon, Oxon : Routledge, 2018. P. 101–119.
- Czock M.* Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft – Konstruktionen von Zeit zwischen Heilsgeschichte und Offenbarung // *ZeitenWelten Zur Verschränkung von Weltdeutung und Zeitwahrnehmung, 750-1350* / hrsg. von M. Czock, A. Rathmann-Lutz. Köln : Bohlau, 2016. S. 113–134.
- Dailey E.* Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden : Brill, 2015. 202 p. (Mnemosyne, Supplements, Late Antique Literature).
- Davis J. R.* Charlemagne's practice of empire. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 531 p.
- Debord A.* La société laïque dans les pays de la Charente : Xe-XIIe siècles. Paris : Picard, 1984. 585 p.
- Défourneaux M.* Charlemagne et la monarchie Asturienne // *Mélanges d'histoire du Moyen Age : dédiés à la mémoire de Louis Halphen* / sous la dir. de C.-E. Perrin. Paris, 1951. P. 179-184.
- Depoin J.* Les Comtes de Paris sous la Dynastie Carolingienne. Pontoise : Société historique de Pontoise, 1912. 35 p.

- Depreux P.* Empereur, empereur associé et pape au temps de Louis le Pieux // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1992. T. 70. P. 893-906.
- Depreux P.* Le comte Matfrid d'Orléans (av. 815-836). // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1994. T. 152, n° 2. P. 331-374.
- Depreux P.* Prosopographie de l'entourage de Louis de Pieux (781-840). Sigmaringen, 1997. (Instrumenta).
- Der Weg zum Königtum in historiographischen Kompendien der Karolingerzeit // *Der Dynastiewechsel von 751. Vorgeschichte, Legitimationsstrategien und Erinnerung* / hrsg. von M. Becher, J. Jarnut. Münster : Scriptorium, 2004. S. 283-326.
- Devroye J.-P.* Catastrophe, crise et changement social : à propos des paradigmes d'interprétation du développement médiéval (500-1100) // *Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne* / sous la dir. de L. Buchet, I. Ségué. Antibes : Editions APDCA, 2008. P. 67-89.
- Devroye J.-P.* Elaboration et usage des polyptyques: Quelques éléments de réflexion à partir de l'exemple des descriptions de l'Église de Marseille // *Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter* / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 436-72.
- Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe-Xe siècle). Deel 102. Bruges : De Tempel, 1948. 344 p. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte).
- Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern, 751-918. Bd. 1 / J. F. Böhrer [u. a.]. [2. Aufl.] Hildesheim : G. Olms, 1966. cxxii, 987. (Regesta Imperii).
- Doizé J.* Le gouvernement confraternel des fils de Louis le Pieux et l'unité de l'empire (843-855) // *Le Moyen âge*. 1898. T. 11. P. 253-85.
- Doniol H.* Cartulaire de Brioude. Liber de honoribus Sto Juliano collatis. Clermont-Ferrand ; Paris : F. Thibaud ; C. Dumoulin, 1863. 384 p.
- Dopsch A.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. Wien : L.W. Seidel, 1923.
- Duby G.* La société aux XI et XII siècles dans la région Mâconnaise. Paris, 1953.
- Dumas A.* L'Église de Reims au temps des luttes entre Carolingiens et Robertiens // *Revue Histoire Eglise de France*. 1944. T. 30. P. 5-38.
- Durliat J.* Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284-889). T. 21. Sigmaringen : Jan Thorbecke, 1990. 368 p. (Beihefte zu Francia).
- Dutton P. E.* The Politics of Dreaming in the Carolingian Empire. Lincoln : University of Nebraska Press, 1994. 337 p.
- Dutton P. E.* Beyond the Topos of Senescence: The Political Problems of Aged Carolingian Rulers // *Aging and the Aged in Medieval Europe* / ed. by M. M. A. Sheehan. Toronto : Pontifical Institute of Medieval Studies, 1990. P. 75-94.

- Englisch B.* Karolingische Reformkalender und die Fixierung der christlichen Zeitrechnung // Computus and its cultural context in the Latin West AD 300-1200. Vol. 5 / ed. by I. Warntjes, D. Ó Cróinín. Turnhout : Brepols, 2010. P. 238–258. (Studia traditionis theologiae).
- Erkens F.-R.* Divisio legitima und unitas imperii. Teilungspraxis und Einheitsstreben bei der Thronfolge im Frankenreich // Deutsches Archiv. 1996. Jg. 52. S. 423–485.
- Ermisch H.* Die Chronik des Regino bis 813: eine Quellenuntersuchung. Göttingen : Rente, 1872. 86 S.
- Ewig E.* Beobachtungen zur Entwicklung der fränkischen Reichskirche unter Chrodegang von Metz // Frühmittelalterliche Studien. 1968. Jg. 2. S. 67–77.
- Ewig E.* Saint-Chrodegang et la reforme de l'église franque // Saint Chrodegang : Communications presentes au colloque tenu a Metz a l'occasion du douzieme centenaire de sa mort. Metz, 1967. P. 25-53.
- Favre E.* La famille d'Évrard, marquis de Frioul, dans le royaume franc de l'ouest // Études h'histoire du Moyen Âge dédiées à G. Monod. Paris, 1896. P. 155-162.
- Favreau R.* Carolingiens et Robertiens // Pays de Loire et Aquitaine de Robert le Fort aux premiers Capétiens : actes du colloque scientifique international tenu à Angers en septembre 1997 / sous la dir. d'O. Guillot, R. Favreau. Poitiers, 1997.
- Felten F.* Äbte und Laienäbte im Frankenreich: Studie zum Verhältnis von Staat und Kirche im frueheren Mittelalter. Stuttgart : Hiersemann, 1980. 368 S. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters ; 20).
- Fentress J., Wickham C.* Social memory. Oxford : Blackwell, 1992.
- Fichtenau H.* Das karolingische Imperium: Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches. Zürich : Fretz & Wasmuth, 1949. 335 S.
- Flint V. I. J.* Thoughts about the context of some early medieval treatises De natura rerum // Ideas in the medieval West: Texts and their contexts / ed. by V. I. J. Flint. London, 1988. P. 1–31.
- Folz R.* Le couronnement impérial de Charlemagne. Paris : Gallimard, 1964. 322 p.
- Fouracre P.* 'Placita' and the settlement of disputes in later Merovingian Francia // The settlement of disputes in early medieval Europe / ed. by W. Davies, P. Fouracre. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. P. 23–43.
- Fouracre P., Gerberding R. A.* Late Merovingian France: History and hagiography, 640-720. Manchester : Manchester University Press, 1996. 397 p. (Manchester Medieval Sources).
- Frechulf.* Frechulfi Lexoviensis episcopi opera omnia / sous la dir. de M. I. Allen. Turnhout : Brepols, 2002. (Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis ; 169-169A).
- Friese E.* Studien zur Einzugsbereich des Kloster von Fulda // Die Klostersgemeinschaft von Fulda im früheren Mittelalter. 2:3 / hrsg. von K. Schmid, G. Althoff. München, 1978. S. 1003–1269. (Münstersche Mittelalter-Schriften).
- Furry T.* Allegorizing History: The Venerable Bede, Figural Exegesis and Historical Theory. Eugene, Oregon : James Clarke & Company, 2014. (Distinguished dissertations in Christian theology).

- Gabriele M.* The last Carolingian exegete: Pope Urban II, the weight of tradition, and Christian reconquest // *Church History*.. Vol. 81, no. 4. P. 796–814.
- Gabriele M.* An empire of memory: the legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. Oxford; New York : Oxford University Press, 2011. 202 p.
- Ganshof F.* Observations sur l'Ordinatio Imperii de 817 // *Festschrift Guido Kisch*. Stuttgart, 1955. P. 15-31.
- Ganshof F. L.* Charlemagne's failure // F. L. Ganshof, *The Carolingians and the Frankish monarchy*. Ithaca, 1971. P. 256–59.
- Ganshof F. L.* The last period of Charlemagne's reign: A study in decomposition // F. L. Ganshof, *The Carolingians and the Frankish monarchy*. Ithaca, 1971. P. 240–54.
- Ganshof F. L.* Zur Entstehungsgeschichte und Bedeutung des Vertrages von Verdun // *Deutsches Archiv zur Erforschung des Mittelalters*. 1956. Jg. 12. S. 313–30.
- Ganshof F. L.* La fin du règne de Charlemagne, une décomposition // *Revue suisse d'histoire*. 1948. P. 433-51.
- Garaud M.* Observations sur les vicissitudes de la propriété ecclésiastique dans le diocèse de Poitiers du IXe au XIIIe siècle // *Bulletin de la Société des antiquaires de l'Ouest*. 1960. T. 5. P. 357-377.
- Garver V.* Old Age and Women in the Carolingian World // *Old age in the Middle Ages and the Renaissance : interdisciplinary approaches to a neglected topic / ed. by A. Classen*. Berlin : Walter de Gruyter, 2007. P. 121–143. (Fundamentals of medieval and early modern culture ; 2).
- Gauert A.* Noch einmal Einhard und die letzten Merowinger // *Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter: Festschrift für Josef Fleckenstein zu seinem 65 Geburtstag / hrsg. von L. Fenske, W. Rosener, T. L. Zotz*. Sigmaringen : Jan Thorbecke, 1984. S. 59–72.
- Giese W.* Genus und Virtus. Studien zum Geschichtswerk des Richer von St. Remi. Augsburg, 1969. 134 S.
- Giese W.* Die designativen Nachfolgeregelungen der Karolinger 714-979 // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 2008. Jg. 64, Nr. 2. S. 437–512.
- Gillingham J.* Ademar of Chabannes and the History of Aquitaine in the reign of Charles the Bald // *Charles the Bald: Court and kingdom / ed. by M. Gilson, J. Nelson*. Aldershot, 1990. P. 41–51.
- Gillingham J. B.* Fontenoy and after: pursuing enemies to death in France between the ninth and the eleventh centuries // *Frankland: the Franks and the World of the early Middle Ages. Essays in Honour of Dame Jinty Nelson / ed. by P. J. Fouracre, D. Ganz*. Manchester : Manchester University Press, 2008. P. 242–265.
- Ginzburg C.* The cheese and the worms: the cosmos of a sixteenth-century miller. Baltimore : John Hopkins University Press, 2013. 180 p.
- Glenn J. K.* Politics and history in the tenth century. The work and world of Richer of Reims. Vol. 4, 60. Cambridge, 2004. 330 p. (Cambridge studies in medieval life and thought).

- Goetz H.-W. *Regnum: Zum politischen Denken der Karolingerzeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung*. 1987. Jg. 104. S. 110–89.
- Goldberg E. J. *Struggle for Empire: Kingship and Conflict Under Louis the German, 817–876*. Ithaca : Cornell University Press, 2006. 388 p. (Conjunctions of Religion and Power in the Medieval Past).
- Goosmann E. *Politics and penance: transformations in the Carolingian perception of the conversion of Carloman (747) // The Resources of the Past in Early Medieval Europe / ed. by C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder*. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 51–67.
- Grundmann H. *Geschichtsschreibung im Mittelalter: Gattungen, Epochen, Eigenart*. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1978. 91 S.
- Guenée B. *Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval*. Paris : Aubier Montaigne, 1980. 439 p.
- Guenée B. *Histoires, annales, chroniques. Essai sur les genres historiques au Moyen Âge // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1973. T. 28, n° 4. P. 997-1016.
- Guillebaud P. *Historiae francorum seu Chronici Ademari Engolismensis epitome*. Paris : L. Chamhoudry, 1652. 300 p.
- Guillot O. *Formes, fondements et limites de l'organisation politique en France au Xe siècle // Il secolo di ferro, mito e realtà del secolo*. Spoleto, 1991. P. 57–116. (Settimane di studio ; 38).
- Guillot O. *Le Comte d'Anjou et son entourage au XIe siècle*. T. 1. Paris : A. et J. Picard, 1972.
- Gurevich A. I. *Saga and History: The Historical Conception of Snorri Sturluson // Mediaeval Scandinavia*. 1971. Vol. 4.
- Hägermann D. *Divisio imperii von 817 und Divisio regni von 831: Überlegungen und Anmerkungen zu "Hausgesetzen" Karls des Grossen und Ludwigs des Frommen // Herrscher- und Fürstentestamente im westeuropäischen Mittelalter / hrsg. von B. Kasten*. Köln, 2008. S. 291–299. (Norm und Struktur ; 29).
- Hägermann D. *Reichseinheit und Reichsteilung: Bemerkungen zur 'Divisio regnorum' von 806 und zur 'Ordinatio imperii' von 817 // Historische Jahrbuch*. 1975. Jg. 95. S. 278–306.
- Halbwachs M. *Les cadres mémoire de la mémoire*. Paris : Albin Michel, 1925.
- Halphen L. *A propos du capitulaire de Quierzy // Revue historique*. 1911. T. 106. P. 186-93.
- Halphen L. *Charlemagne and the Carolingian empire*. Amsterdam : North-Holland, 1977. 366 p. (Europe in the Middle Ages ; 3).
- Halphen L. *Charlemagne et l'empire carolingien*. Paris, 1947. 531 p.
- Halphen L. *Études critiques sur l'histoire de Charlemagne; les sources de l'histoire de Charlemagne, la conquête de la Saxe, le couronnement impérial, l'agriculture et la propriété rurale, l'industrie et le commerce*. Paris, 1921. 314 p.
- Halphen L. *France, the Last Carolingians and the Accession of Hugh Capet (888-987) // Cambridge Mediaeval History. Vol. 3. Germany and the Western Empire / ed. by J. B. Bury [et al.]*. Cambridge, 1922. P. 71–99.
- Halphen L. *L'idée d'état sous les Carolingiens // Revue historique*. 1939. T. 185. P. 59-69.

- Hammer C. I.* From Ducatus to Regnum. Ruling Bavaria under the Merovingians and early Carolingians. Turnhout : Brepols, 2007. 384 p. (Haut Moyen Age ; 2).
Handbook of Church History. The Church in the Age of Feudalism / F. Kempf [et al.] ; ed. by H. Jedin, J. P. Dolan ; trans. by A. Biggs. Burns & Oates, 1969. 574 p. (Handbook of Church History ; 3).
- Hartmann W.* Karl der Grosse. Stuttgart : Kohlhammer, 2010. 333 S.
- Haselbach I.* Aufstieg und Herrschaft der Karlinger in der Darstellung der sogenannten Annales Mettenses priores: ein Beitrag zur Geschichte der politischen Ideen im Reiche Karls des Grossen. Lübeck; Hamburg : Matthiesen Verlag, 1970. 208 S.
- Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Jg. 1. S. 3–93.
- Head T.* Postscript: The ambiguous bishop // The bishop reformed: studies of episcopal power and culture in the central Middle Ages / ed. by J. S. Ott, A. T. Jones. Aldershot, 2007.
- Head T.* The development of the Peace of God in Aquitaine (970-1005) // Speculum. 1999. Vol. 74. P. 656–686.
- Heil J.* *Nos nescientes de hoc velle manere* - "We wish to remain ignorant about this": Timeless end, or: Approaches to reconceptualizing eschatology after A.D. 800 (AM 6000) // Traditio. 2000. Vol. 55. P. 73–103.
- Heinzelmann M.* Gregor von Tours (538-594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6 Jahrhundert. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. 275 S.
- Hen Y.* The annals of Metz and the Merovingian past // The uses of the past in the early Middle Ages / под ред. Y. Hen, M. Innes. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2000. C. 175–190.
- Higham N. J.* An English empire: Bede and the early Anglo-Saxon kings. Manchester : Manchester University Press, 1995.
- Hlawitschka E.* Die Königsherrschaft der burgundischen Rudolfinger // Historische Jahrbuch. 1980. Jg. 100. S. 444–456.
- Hlawitschka E.* Regino von Prüm // Rheinische Lebensbilder / hrsg. von B. Poll. Köln : Rheinland-Verlag, 1975. S. 7–27.
- Hodges R.* Dark Age economics: the origins of towns and trade A.D. 600-1000. New York : St. Martin's Press, 1989.
- Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne, and the origins of Europe: Archeology and the Pirenne thesis. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983.
- Hummer H. J.* Politics and Power in Early Medieval Europe: Alsace and the Frankish Realm, 600–1000. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 299 p. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series).
- Hummer H. J.* Monastic property, family continuity and central authority in early medieval Alsace and Southern Lotharingia : Thesis / Hummer Hans Josef. Los Angeles : University of California, 1997.

- Imbart de la Tour P.* Les elections episcopales dans l'Eglise de France du IX au XII siecle : Etude sur la decadence du principe electif, 814-1150. Paris : Hachette & Cie., 1891. 554 p.
- Innes M., MacLean S., Costambeys M.* Elite society // The Carolingian World. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 271–323. (Cambridge Medieval Textbooks).
- Innes M.* «He never even allowed his white teeth to be bared with laughter»: The politics of humour in the Carolingian Renaissance // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / ed. by G. Halsall. Cambridge, 2002. P. 131–156.
- Innes M.* State and society in the early Middle Ages: The middle Rhine valley, 400-1000. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 316 p.
- Innes M.* Teutons or Trojans? The Carolingian and the Germanic past // The uses of the past in the early Middle Ages / ed. by Y. Hen, M. Innes. Cambridge, 2000. P. 227–249.
- Irsigler F.* Untersuchungen zur Geschichte des frühfränkischen Adels : Dissertation / Irsigler Franz. Saarbrücken : Universität des Saarlandes, 1968.
- Jahn J.* Tradere ad sanctum: Politische und gesellschaftliche Aspekte der Traditionspraxis im agilolfingischen Bayern // Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80 Geburtstag. Bd. 1 / hrsg. von F. Seibt. München, 1988. S. 400–15.
- Jahn J.* Hausmeier und Herzöge: Bemerkungen zur agilolfingisch-karolingischen Rivalität bis zum Tode Karl Martells // Karl Martell in seiner Zeit. T. 37 / под ред. J. Jarnut, U. Nonn, M. Richter. Sigmaringen : Jan Thorbecke, 1994. C. 317–44. (Beihefte der Francia).
- Jarnut J.* Ein Bruderkampf und seine Folgen: Die Krise des Frankenreiches (768-771) // Herrschaft, Kirche, Kultur: Beiträge zur Geschichte des Mittelalters. Festschrift für Friedrich Prinz zu seinem 65 Geburtstag / hrsg. von G. Jenal, S. Haarländer. Stuttgart, 1993. S. 165–76.
- Jarnut J.* Ludwig der Fromme, Lothar I und das Regnum Italiae // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford : Clarendon Press, 1990. P. 349–62.
- Joch W.* Karl Martell - ein mindberechtigter Erbe Pippins // Karl Martell in seiner Zeit / hrsg. von J. Jarnut, U. Nonn, M. Richter. Sigmaringen, 1994. S. 149–169. (Beihefte der Francia ; 37).
- Jones A. T.* Discovering the Aquitanian church in the Corpus of Ademar of Chabannes // The Haskings society journal. 2007. Vol. 19. P. 82–98.
- Jones A. T.* Noble lord, good shepherd Episcopal power and piety in Aquitaine, 877-1050. Boston : Brill, 2009.
- Jong M. de.* The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814–840. New York : Cambridge University Press, 2009. 317 p.
- Joye S.* Family order and kingship according to Hincmar // Hincmar of Rheims: Life and Works / ed. by R. Stone, C. West. Manchester, 2015. P. 190–221.
- Kägler B.* „Sage mir, wie du heißt . . .“. Spätantik-frühmittelalterliche Eliten in den Schriftquellen. Das Beispiel der frühen Agilolfinger // Von Raetien und Noricum zur frühmittelalterlichen Baiuvaria / hrsg. von I. H. Hubert Fehr. St. Ottilien : EOS, 2012. S. 183–196.

- Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht: Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter. Bonn : Röhrscheid, 1981. 710 S. (Pariser Historische Studien ; 17).
- Kasten B.* Königsgöhne und Königsherrschaft. Untersuchungen zur Teilhabe am Reich in der Merowinger- und Karolingerzeit. Hannover : Monumenta Germaniae Historica, 1997. 648 S. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 44).
- Kasten B.* Stepmothers in Frankish legal life // Law, Laity and Solidarities: Essays in honour of Susan Reynolds / ed. by S. Reynolds. Manchester : Manchester University Press, 2001. P. 47–68. (Manchester Medieval Texts).
- Kortüm H. H.* Weltgeschichte am Ausgang der Karolingerzeit: Regino von Prüm // Historiographie im frühen Mittelalter / hrsg. von A. Scharer, G. Scheibelreiter. München : Oldenbourg, 1994. S. 499–513.
- Krah A.* Die Entstehung der potestas regia im Westfrankenreich während der ersten Regierungsjahre Kaiser Karls II. : (840 - 877). Berlin : Akad.-Verl., 2000. 346 S.
- Kramer R.* «...Quia cor regis in manu dei est... » : The Pharaoh in Carolingian monastic narratives. 2015.
- Kurze F.* Handschriftliche Ueberlieferung und Quellen der Chronik Reginos und seines Fortsetzers // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1890. Jg. 15. S. 293–330.
- Lacher R. P.* Die Anfänge der Reichenau und agilolfingische Familienbeziehungen // Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees und seiner Umgebung. 1974. Jg. 92. S. 95–129.
- Lake J.* Richer of Saint-Remi: The Methods and Mentality of a Tenth-Century Historian. Washington, DC : The Catholic University of America Press, 2013.
- Landes R.* L'accession des Capétiens. Une reconsideration des sources aquitaines // Religion et culture autour de l'an Mil. Royaume capétien et Lotharingie : actes du colloque Hugues Capet 987-1987, la France de l'an mil, Auxerre, 26 et 27 juin 1987, Metz, 11 et 12 septembre 1987 / sous la dir. de D. Iogna-Prat, J.-C. Picard. Paris, 1991. P. 151-155.
- Landes R.* Sur la traces du Millenium : la «via negativa» // Le Moyen Age. 1993. T. 99, n° 1. P. 5-26.
- Landes R.* «Millenarismus absconditus» : L'historiographie augustinienne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu'à l'an Mil // Le Moyen Age. 1992. T. 98, n° 3/4. P. 355-377.
- Landes R.* Relics, apocalypse, and the deceits of history : Ademar of Chabannes, 989-1034. Cambridge Mass. : Harvard University Press, 1995. P. 404.
- Lauranson-Rosaz C.* L'Auvergne et ses marges (Velay, Gévaudan) du VIIIe au XIe siècle : la fin du monde antique? Le Puy : Les Cahiers de la Haute-Loire, 1987. 494 p.
- Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale. T. 33. Paris : Publications de la Sorbonne, 1995. 571 p. (Histoire ancienne et medievale).
- Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-Xe siècle) : Essai d'anthropologie sociale. Paris : Publications de la Sorbonne, 1995. 571 p. (Histoire ancienne et medievale ; 33).
- Lecointe C.* Annales ecclesiastici francorum. T. 8. Parisiis : E Typographia Regia, 1683. 758 p.

- Lecouteux S.* Le contexte de rédaction des Annales de Flodoard de Reims (919-966). Partie 1 : une relecture critique du début des Annales à la lumière de travaux récents // *Le Moyen Age*. 2010. T. CXVI, n° 1. P. 51-121.
- Lecouteux S.* Le contexte de rédaction des Annales de Flodoard de Reims (919-966). Partie 2 : présentation des résultats de la relecture critique du début des Annales // *Le Moyen Âge*. 2010. T. 116, n° 2. P. 283-317.
- Lehman K., Eckhardt K. A.* MGH Legum sectio I. Leges nationum germanicarum. Bd. 1. Leges alamannorum. 2. Aufl. Hannover, 1966.
- Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste // *Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest*. 3 serie. 1934. T. 10. P. 237-263.
- Levillain L.* Les Nibelungen historiques // *Annales du Midi*. 1937. T. 49. C. 337—408.
- Levillain L.* L'avenement de la dynastie carolingienne et les origines de l'état pontifical 745-757 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1933. T. 94. P. 225-95.
- Levillain L.* Le couronnement impérial de Charlemagne // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1932. T. 18, n° 78. P. 5-19.
- Lewis A. R.* The development of Southern French and Catalan society, 718-1050. Austin : University of Texas Press, 1965. 471 p.
- Lewis A. R.* The dukes in the regnum Francorum // *Speculum*. 1976. Vol. 51, issue 3. P. 381—410.
- Leyser K.* Communications and power in medieval Europe: The Carolingian and Ottonian centuries / ed. by T. Reuter. London; Rio Grande, Ohio : Hambledon Press, 1994. 244 p.
- Lot F.* Le roi Eudes, duc d'Aquitaine et Ademar de Chabannes // *Annales du Midi*. 1904. T. 16. P. 509-514.
- Lot F., Pfister C., Ganshof F. L.* Histoire du Moyen Âge. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris : Presses Universitaires de France, 1928. 832 p.
- Lot F.* Études carolingiennes // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1941. T. 102. P. 282-291.
- Lot F.* Recueil des actes de Lothaire et de Louis V, rois de France, 954-987. Paris, 1908.
- Löwe H.* Die Entstehungszeit der Vita Karoli Einhards // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1983. Jg. 39. S. 85—103.
- Lupus Ferrariensis.* Correspondance, 829-847. T. 1 / sous la dir. de L. Levillain. Paris, 1927. 259 p. (Classiques de l'histoire de France au Moyen Âge ; 10).
- Mabille E.* La pancarte noire de Saint-Martin de Tours, brulée en 1793 et restituée d'après les textes imprimés et manuscrits // *Mémoires de la société archéologique de Touraine*. 1865. T. 17. P. 319-542.
- Mabille E.* Les invasions normandes dans la Loire et les pérégrinations du corps de saint Martin // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1869. T. 30. P. 149-194.
- Mabille E.* Royaume d'Aquitaine et ses marches sous les Carlovingiens. Toulouse : Privat, 1879. 59 p.
- MacLean S.* History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe: the Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg. Manchester : Manchester University Press, 2009. 306 p. (Manchester medieval sources series).

- MacLean S.* Kingship and politics in the late ninth century. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
- Martindale J.* Peace and war in early eleventh-century Aquitaine // Medieval knighthood 4: Papers from the fifth Strawberry Hill conference, 1990 / ed. by C. Harper-Bill, R. Harvey. Woodbridge, 1992. P. 147–176.
- Martindale J.* Charles the Bald and the government of the kingdom of Aquitaine // Status, authority and regional power: Aquitaine and France, 9th to 12th centuries. T. 488 / под ред. J. Martindale. Brookfield : Variorum, 1997. C. 115–138. (Collected studies series).
- Martiniere J. d. l.* Saint Cybard. Etude critique d'hagiographie, VI-XII s. // Bulletins et memoires de la siciete archeologique et historique de la Charente. Memoires et documents. 1906. P. 1-292.
- Mathisen R. W.* The first Franco-Visigothic war and the prelude to the battle of Vouillé // The battle of Vouille, 507 CE: where France began / ed. by R. W. Mathisen, D. Shanzer. Boston : Walter de Gruyter, 2012. P. 3–9. (Millennium studies ; 37).
- Mauss M.* Essai sur le don : forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // Sociologie et anthropologie.. P. 143-279.
- Mayr-Harting H.* *Charlemagne, the Saxons, and the Imperial Coronation of 800 // The English Historical Review. 1996. T. 111, № 444. C. 1113–1133.
- Mayr-Harting H.* Handschriften der Kölner Dombibliothek in der Zeit Erzbischof Hildebalds und die karolingische Renaissance // Mittelalterliche Handschriften der Kölner Dombibliothek: viertes Symposion der Diözesan- und Dombibliothek Köln zu den Dom-Manuskripten (26. bis 27. November 2010). Bd. 38 / hrsg. von H. Finger, H. Horst. Köln, 2012. (Libelli Rhenani).
- Mazel F.* La noblesse et l'Eglise en Provence, XIe-XIVe siècle : l'exemple des familles d'Agoult-Simiane, de Baux et de Marseille : thèse de doctorat / Mazel Florian. Aix-Marseille : Université de Provence, 2000.
- McCarthy D. P., Ó Cróinín D.* The 'lost' Irish 84-year Easter table rediscovered // Peritia. 1987. Vol. 6/7. P. 227–42.
- McCormick M.* Origins of the European economy: Communications and commerce, A.D. 300-900. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
- McKitterick R.* The Frankish Kingdoms under the Carolingians. London : Longman, 1999. 414 p.
- McKitterick R.* Akkulturation and the writing of history in the early Middle Ages // Akkulturation: Probleme einer germanisch-romanischen Kultursynthese in Spätantike und frühem Mittelalter / hrsg. von D. Hägermann, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin, 2004. S. 381–395.
- McKitterick R.* Charlemagne: the formation of a European identity. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 460 p.
- McKitterick R.* History and memory in the Carolingian world. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 337 p.

- McKitterick R.* Political ideology in Carolingian historiography // The uses of the past in the early Middle Ages / ed. by Y. Hen, M. Innes. Cambridge, 2000. P. 162–174.
- McKitterick R.* The audience for Latin historiography in the early middle ages: text transmission and manuscript dissemination // *Geschichtsschreibung im Frühmittelalter* / ed. by A. Scharer, G. Scheibelreiter. Vienna, 1994. P. 96–114.
- McKitterick R.* The illusion of royal power in the Carolingian annals // *English Historical Review*. 2000. T. 115:460. C. 1–20.
- Merlet R.* Origine de Robert le Fort // *Mélanges Julien Havet*. Paris, 1895. P. 97-109.
- Meyvaert P.* Discovering the Calendar (Annalis Libellus) Attached to Bede's own Copy of *De temporun ratione* // *Analecta Bollandiana*. 2002. Vol. 120. P. 1–159.
- Miller W. I.* Bloodtaking and peacemaking: feud, law, and society in Saga Iceland. Chicago : University of Chicago Press, 1990.
- Mittelalterliche Handschriften der Kölner Dombibliothek: viertes Symposium der Diözesan- und Dombibliothek Köln zu den Dom-Manuskripten (26. bis 27. November 2010). Bd. 38 / hrsg. von H. Finger, H. Horst. 2012. (Libelli Rhenani).
- Monsabert P. de.* Documents inédits pour servir a l'histoire de l'abbaye de Sainte-Croix de Poitiers // *Revue Mabillon*. 1913. T. 9, n° 1. P. 57-58.
- Monumenta Germaniae Historica*. Bd. 1. *Scriptores* / hrsg. von G. H. Pertz. Hannover : Hahn, 1826.
- Moreton J.* Doubts about the Calendar: Bede and the Eclipse of 664 // *Isis*. 1998. Vol. 89, no. 1. P. 50–65.
- Mosshammer A. A.* The Easter computus and the origins of the Christian era. Oxford : Oxford University Press, 2008. 474 p. (Oxford early Christian studies).
- Mussot-Goulard R.* Les princes de Gascogne. Marsolan : CTR Ed., 1982. 263 p.
- Nelson J.* Hincmar of Reims on king-making: The evidence of the Annals of St-Bertin // *Coronaitons* / ed. by J. M. Bak. Berkeley, 1990. P. 16–34.
- Nelson J.* The Frankish world, 750-900. London : Hambledon Press, 1996. 256 p.
- Nelson J. L.* Charles the Bald. London : Longman, 1992. (The Medieval World).
- Nelson J. L.* Kingship and royal government // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 383–430.
- Nelson J. L.* La mort de Charles le Chauve // *Médiévales : Langue, textes, histoire*. 1996. T. 31. P. 53-66.
- Nelson J. L.* Peers in the early Middle Ages // *Law, Laity and Solidarities: Essays in honour of Susan Reynolds* / ed. by S. Reynolds. Manchester : Manchester University Press, 2001. P. 27–46. (Manchester Medieval Texts).
- Nelson J. L.* Public histories and private history in the work of Nithard // *Speculum*. 1985. Vol. 60, no. 2. P. 251–293.
- Nelson J. L.* The Frankish kingdoms, 814-898: The West // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2 / ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 110–41.

- Nelson J. L.* Violence in the Carolingian world and the ritualization of ninth-century warfare // *Violence and Society in the Early Medieval West* / ed. by G. Halsall. Woodbridge, 1998. P. 90–107.
- New approaches to medieval Communication* / под ред. М. Mostert. Turnhout, 1999. (Utrecht studies in medieval literacy).
- Nothhaft C.* Scandalous Error: Calendar Reform and Calendrical Astronomy in Medieval Europe. Oxford : Oxford University Press, 2018.
- Ó Cróinín D.* Early Medieval Ireland, 400-1200. London, 1995. 396 p.
- Ó Cróinín D.* The 'lost' Irish 84-Year Easter Table rediscovered // *Peritia*. 1988. Vol. 6/7. P. 227–242.
- Ó Cróinín D.* The continuity of the Irish computistical tradition // *Computus and its cultural context in the Latin West AD 300-1200*. Vol. 5 / ed. by I. Warntjes, D. Ó. Cróinín. Turnhout : Brepols, 2010. P. 324–347. (*Studia traditionis theologiae*).
- Ondracek C.* Die lateinische Weltchronistik bis in das 12 Jahrhundert // *Weltbild und Realität: Einführung in die mittelalterliche Geschichtsschreibung* / hrsg. von U. Knefelkamp. Pfaffenweiler : Centaurus, 1992. S. 1–14.
- Palmer J.* The Apocalypse in the early Middle Ages. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
- Parisse M.* Princes laïques et/ou moines : Les évêques du X siècle // *Il secolo di ferro : mito et realita del secolo X*. T. 38. Spoleto, 1991. 1 :449-516. (*Settimane di studio de Centro Italiano di studi sull'alto medioevo*).
- Patrologia latina*. Paris, 1835.
- Penndorf U.* Das Problem der Reichseinheitsidee nach der Teilung von Verdun (843). Untersuchungen zu den späten Karolingern. München : Arbo-Gesellschaft, 1974. 204 S.
- Pennendorf U.* Das Problem der 'Reichseinheitsidee' nach der Teilung von Verdun. München, 1975. 204 S.
- Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2e éd. Paris : Felix Alcan, 1937.
- Pirenne H.* Mohammad and Charlemagne. London : George Allen, Unwin, 1939. 293 p.
- Poly J.-P., Bournazel E.* La mutation feodale : Xe-XIIe siècle. Paris : Presses universitaires de France, 1991. 511 p.
- Pon G.* Introduction // *Chronique* / A. de Chabannes ; sous la dir. de G. Pon. Paris, 2005.
- Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien, den Rheinlanden und Bayern am Beispiel der monastischen Entwicklung (4 bis 8 Jahrhundert). Wien : Oldenbourg, 1965. 633 S.
- Prou M.* Preface // *De ordine palatii*. T. 58 / sous la dir. de M. Prou. Paris : F. Vieweg, 1883. (*Bibliothèque de l'école des Hautes Études*).
- Reimitz H.* Die Konkurrenz der Ursprünge in der fränkischen Historiographie // *Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters* / hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 191–210. (*Osterreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse: Denkschriften*, 322; *Forschungen zur Geschichte des Mittelalters*, 8).

- Reimitz H. Nomen Francorum obscuratum. Zur Krise der fränkischen Identität zwischen der kurzen und langen Geschichte der Annales regni Francorum // Völker, Reiche, Namen im Mittelalter / hrsg. von M. Becher, S. Dick. Paderborn : Wilhelm Fink, 2011. S. 279–296. (MittelalterStudien ; 22).*
- Reimitz H. The Providential Past: Visions of Frankish Identity in the Transmission of Gregory of Tours' Historiae (Sixth to Ninth Century) // Visions of community: Ethnicity, religion and power in the early medieval West, Byzantium and the Islamic world / под ред. R. P. Clemens Gantner, W. Pohl. Farnham : Ashgate, 2012. C. 109–36.*
- Reimitz H. Viri illustres und omnes Franci: Zur Gestaltung der feinen Unterschiede in historiographischen und diplomatischen Quellen der frühen Karolingerzeit // Urkunden – Schriften – Lebensordnungen. Neue Beiträge zur Mediävistik / hrsg. von A. Schwarcz, K. Kaska. Wien, 2014. S. 123–150. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung ; 63).*
- Reuter T. Germany in the Early Middle Ages C. 800-1056. London : Routledge, 2013. 349 p.*
- Reuter T. The end of the Carolingian military expansion // Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / под ред. P. Godman, R. Collins. Oxford : Clarendon, 1990. C. 391–405.*
- Richard A. Histoire des comtes de Poitou : 788 – 1204. T. 1. Paris : Picard, 1903. 506 p.*
- Riché P. Carolingiens : une famille qui fit l'Europe. Paris : Hachette, 1983. 438 p.*
- Richer von Saint-Remi. Historiae / hrsg. von H. Hoffmann. Hanover, 2000. 433 S. (MGH Scriptores ; 28).*
- Rosenwein B. Emotional communities in the early Middle Ages. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2007. 228 p.*
- Rosenwein B. Identity and emotions in the early middle ages // Die Suche nach Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / hrsg. von W. Pohl. Wien, 2004. S. 129–38. (Österreichische Akademie der Wissenschaften Philosophisch-Historische Klasse: Denkschriften, 322; Forschungen zur Geschichte des Mittelalters, 8).*
- Rouche M. Histoire du Moyen âge. T. 1. VIIe-Xe siècle. Bruxelles : Éd. Complexe, 2005. 261 p.*
- Saint Phalle É. de. Comtes de Troyes et de Poitiers au IXe siècle : histoire d'un double échec // Onomastique et Parenté dans l'Occident médiéval. T. 1 / sous la dir. de C. Settapani, K. S. B. Keats-Rohan. Oxford : Unit for Prosopographical Research, Lincoln College, 2000. P. 154-170.*
- Schieffer R. Die Karolinger. Stuttgart : W. Kohlhammer, 1992. 260 S.*
- Schieffer R. Väter und Söhne im Karolingerhause // Beiträge zur Geschichte des Regnum Francorum. Bd. 22 / hrsg. von R. Schieffer. Paris, 1990. S. 149–64. (Beihefte der Francia).*
- Schieffer T. Die Krise des karolingischen Imperiums // Aus Mittelalter und Neuzeit: Gerhard Kallen zum 70 Geburtstag / hrsg. von J. Engel, H. M. Klinkenberg. Bonn : Hanstein, 1957. S. 1–16.*
- Schlesinger W. Karolingische Königswahlen // Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. 1. Göttingen, 1963. S. 88–138.*

- Schlesinger W.* Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // Historische Zeitschrift. 1953. Jg. 176.
- Schmid K.* Über die Struktur des Adels im früheren Mittelalter // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. 1959. Jg. 19. S. 1–23.
- Schmid K.* Zur Problematik von Familié, Sippe und Geschlecht. Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adels // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. 1958. Jg. 105. S. 1–62.
- Schneider R.* Die Einheit des Frankenreiches und das Teilungsprinzip // Lotharingen: Eine europäische Kernlandschaft um das Jahr 1000 (= Une region au centre de l'Europe autour de l'an mil). Saarbrücken, 1995. C. 15–30. (Veröffentlichungen der Kommission für Saarländische Landesgeschichte und Volksforschung).
- Schneidmüller B.* Die Welfen: Herrschaft und Erinnerung (819-1252). Stuttgart : Kohlhammer, 2000. 378 S. (Kohlhammer Urban-Taschenbücher ; 465).
- Schneidmüller B.* Karolingische Tradition und frühes französisches Königtum: Untersuchungen zur Herrschaftslegitimation der westfränkischen-französischen Monarchie im 10. Jh. Wiesbaden : Steiner, 1979. 241 S.
- Schneidmüller B.* Die «Einfältigkeit» Karls III. von Westfranken als frühmittelalterliche Herrschertugend // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1978. Jg. 28. S. 62–66.
- Schneidmüller B.* Investitur- und Krönungsrituale. Mediaevistische Ein- und Ausblicke // Investitur- und Krönungsrituale. Herrschaftseinsetzungen im kulturellen Vergleich / hrsg. von M. Steinicke, S. Weinfurter. Köln : Böhlau Verlag, 2005. S. 475–488.
- Schulz P.* Die Chronik des Regino vom Jahre 813 an : Dissertation / Schulz P. Halle : Friedrichs-Universität Halle-Wittenberg, 1888. 74 S.
- Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln: Stammtafeln zur Geschichte der Europäischen Staaten, Neue Folge. Bd. 2. Die ausserdeutschen Staaten: die regierenden Häuser der übrigen Staaten Europas. Marburg : J. A. Stargardt, 1984. 1 S.
- Scott J. C.* Domination and the arts of resistance: hidden transcripts. New Haven : Yale University Press, 1990. 251 p.
- Scott J. C.* Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven : Yale University Press, 2008. 392 p.
- Semmler J.* Der Dynastiewechsel von 751 und die frankische Königssalbung. Düsseldorf : Droste Verlag, 2003.
- Settipani C.* La noblesse du Midi carolingien : études sur quelques grandes familles d'Aquitaine et du Languedoc du IXe au XIe siècles : Toulousian, Périgord, Limousin, Poitou, Auvergne. Oxford : Unit for prosopographical research, 2004. 388 p.
- Settipani C.* La Préhistoire des Capétiens : 481-987. T. 1. Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens. Villeneuve d'Ascq : Patrick van Kerrebrouck, 1993. 545 p. (Nouvelle histoire généalogique de l'auguste maison de France ; 1).
- Sigurdsson J. V.* Chieftains and power in the Icelandic commonwealth. Odense : Odense University Press, 1999. 255 p. (The Viking collection ; 12).

- Sot M.* Hérédité et pouvoir sacré avant 987 // *Annales ÉSC.* 1988. P. 722-724.
- Sot M.* Les élévations royales de 888 à 987 dans l'historiographie du Xe siècle // *Religion et culture autour de l'an mil : royaume capétien et Lotharingie /* sous la dir. de D. Iogna-Prat, J.-C. Picard. Paris, 1990. P. 145-150.
- Staubach N.* 'Des grossen Kaisers kleiner Sohn': Zum Bild Ludwigs der Frommen in der älteren deutschen Geschichtsforschung // *Charlemagne's heir: New perspectives on the reign of Louis the Pious /* ed. by P. Godman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 701–22.
- Stengel E. E.* Urkundenbuch des Klosters Fulda: 1,1, Die Zeit des Abtes Sturmi. Marburg : Elwert, 1913. 200 S. (Historische Kommission für Hessen und Waldeck ; 10, 1).
- Stone R.* *Morality and Masculinity in the Carolingian Empire.* Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 351 p.
- Stone R., West C.* *Hincmar of Rheims: Life and Work.* Oxford : Oxford University Press, 2015. 309 p.
- Stratmann M.* Schriftlichkeit in der Verwaltung von Bistümern und Klöstern // *Schriftkultur und Reichsverwaltung unter den Karolingern. Referate de Kolloquiums der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften am 17./18. Februar 1994 in Bonn /* hrsg. von R. Schieffer. Wiesbaden : Springer. S. 85–109.
- Tacitus.* *Cornelii Taciti libri qui supersunt.* Bd. 2. *De origine et situ Germanorum liber /* hrsg. von A. Önnersfors. Stuttgart : Teubner, 1983. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana ; 2).
- Tellenbach G.* *Church, state and Christian society at the time of the investiture contest.* Oxford : Oxford University Press, 1938. 196 p.
- Tellenbach G.* Die geistigen und politischen Grundlagen der karolingischen Thronfolge // *Frühmittelalterliche Studien.* 1979. Jg. 13. S. 184–302.
- Tellenbach G.* *Studien und Vorarbeiten zur Geschichte des grossfränkischen und frühdeutschen Adels.* Bd. 4. Freiburg im Breisgau : E. Albert, 1957. 370 S. (Forschungen zur oberrheinischen Landesgeschichte).
- Tellenbach G.* *Von karolingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters /* под ред. Т. Mayer. Leipzig, 1943.
- Tellenbach G., Fleckenstein J., Schmid K.* *Adel und Kirche: Gerd Tellenbach zum 65. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern.* Freiburg : Herder, 1968. 587 S.
- The uses of the past in the early Middle Ages /* ed. by M. Innes, Y. Hen. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 283 p.
- Theganus.* *Gesta Hludowici imperatoris // Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris /* hrsg. von E. Tremp. Hannover : Hahnsche Buchhandlung, 1995. S. 168–277. (MGH *Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum separatim editi* ; 64).
- Tischler M. M.* *Einharts "Vita Karoli": Studien zur Entstehung, Überlieferung und Rezeption.* Bd. 1. Hannover : Hahnsche, 2001. 1828 S. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica ; 48).

- Treffort C.* Le comte de Poitiers, duc d'Aquitaine, et l'Église aux alentours de l'an mil (970-1030) // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2000. T. 43, n° 172 : Regards croisés sur l'An Mil. P. 395-445.
- Ullmann W.* The Carolingian renaissance and the idea of kingship. London : Methuen, 1969. 201 p.
- Van Dam R.* The Pirenne thesis and fifth-century Gaul // *Fifth-century Gaul: A crisis of identity?* / ed. by J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 321-34.
- Verbist P.* Duelling with the Past: Medieval Authors and the Problem of the Christian Era, C. 990-1135. Leiden : Brill, 2010. 366 p. (*Studies in the early Middle Ages* ; 21).
- Verlinden C.* L'esclavage dans l'Europe medievale. T. 119. Brugge : De Tempel, 1955. 930 p. (Werken uitgegeven door de Faculteit van de Letteren en Wijsbegeerte).
- Vidier A.* L'historiographie à Saint-Benoit-sur-Loire et les Miracles de Saint Benoit. Paris : A. et J. Picard, 1965. 313 p.
- Ward G.* Lessons in leadership: Constantine and Theodosius in Frechulf of Lisieux's Histories // *The Resources of the Past in Early Medieval Europe* / ed. by C. Gantner, R. McKitterick, S. Meeder. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 68-86.
- Warntjes I.* Irische Komputistik zwischen Isidor von Sevilla und Beda Venerabilis: Ursprung, karolingische Rezeption und Forschungsperspektiven // *Viator*. 2011. Vol. 42. P. 1-32.
- Warntjes I.* Köln als naturwissenschaftliches Zentrum in der Karolingerzeit: Die frühmittelalterliche Kölner Schule und der Beginn der fränkischen Komputistik // *Mittelalterliche Handschriften der Kölner Dombibliothek*. Bd. 38 / hrsg. von H. Finger, H. Horst. Köln, 2012. S. 41-96. (*Libelli Rhenani*).
- Warntjes I.* Seventh-century Ireland: the cradle of medieval science? // *Music and the stars. Mathematics in medieval Ireland* / ed. by M. Kelly, C. Doherty. (Dublin, 2013. P. 44-72.
- Warntjes I.* The Final Countdown and the Reform of the Liturgical Calendar in the early Middle Ages // *Apocalypse and Reform from Late Antiquity to the Middle Ages* / ed. by M. Gabriele, J. T. Palmer. Abingdon, Oxon, 2018. P. 51-75.
- Warntjes I.* The Munich Computus and the 84 (14)-year Easter reckoning // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 2007. Vol. 107C. P. 31-85.
- Warntjes I.* Victorius vs. Dionysius: the Irish Easter controversy of AD 689 // *Early medieval Ireland and Europe: chronology, contacts, scholarship* / ed. by P. Moran, I. Warntjes. Turnhout, 2015. P. 40-96.
- Wattenbach W., Levison W., Löwe H.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Vorzeit und Karolinger. Bd. 6. Die Karolinger vom Vertrag von Verdun bis zum Herrschaftsantritt der Herrscher aus dem Sächsischen Hause: Italien und dem Papsttum. Weimar : H. Bohlau Nachfolger, 1990.
- Weinfurter S.* Karl der Grosse: der heilige Barbar. München : Piper, 2013. 352 S.
- Werner K. F.* L'acquisition par la maison de Blois des comtes de Chartres et de Chateaudun // *Melanges de numismatique, d'archeologie et d'histoire offerts a Jean Lafaurie* / sous la dir. de P. Bastien. Paris, 1980. P. 265-272.

- Werner K. F.* L'Historia et les rois // Religion et culture autour de l'an Mil. Royaume capétien et Lotharingie : actes du colloque Hugues Capet 987-1987, la France de l'an mil, Auxerre, 26 et 27 juin 1987, Metz, 11 et 12 septembre 1987 / sous la dir. de D. Iogna-Prat, J.-C. Picard. Paris, 1991. P. 135-143.
- Werner K. F.* Missus-Marchio-Comes: Entre l'administration centrale et l'administration locale de l'Empire carolingien // Histoire comparee de l'administration (IV-XVIII siecles) / hrsg. von K. F. Werner, W. Paravicini. München : Artemis, 1980. S. 191–239.
- Werner K.-F.* Il y a mille ans, les Carolingiens. Fin d'une dynastie début d'un mythe // Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France. Années 1991-1993. 1993. P. 17-89.
- Werner K.-F.* La genèse des duchés en France et en Allemagne // Nascita dell'Europa ed Europa carolingia: un'equazione da verificare. 19-25 aprile 1979. Spoleto : Presso la sede del Centro, 1981. P. 175–223. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo ; 27).
- Werner K. F.* Bedeutende Adelsfamilien im Reich Karls des Grossen: Ein personengeschichtlicher Beitrag zum Verhältnis von Königtum und Adel im frühen Mittelalter // Karl der Grosse: Lebenswerk und Nachleben. 1: Persönlichkeit und Geschichte / hrsg. von H. Beumann. Duesseldorf : L. Schwann, 1965. S. 83–142.
- Werner K. F.* Die Ursprünge Frankreichs bis zum Jahr 1000. Stuttgart : Deutsche Taschenbuch-Verlag, 1989. 660 S. (Geschichte Frankreichs).
- Werner K. F.* Hludovicus Augustus : Gouverneur de l'empire chrétien - Idées et réalités // Charlemagne's heir : New perspectives on the reign of Louis the Pious (814-840) / sous la dir. de P. Godman, R. Collins. Oxford : Clarendon Press, 1990. P. 3-124.
- Werner K. F.* Naissance de la noblesse : l'essor des élites politiques en Europe. Paris : Fayard, 1998. 587 p.
- Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1959. T. 19, № 4. C. 146–192.
- Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9-10 Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1960. T. 20, № 4. C. 87–118.
- Werner K. F.* Untersuchungen zur Frühzeit des französischen Fürstentums (9.-10. Jahrhundert) // Welt als Geschichte. 1958. Jg. 18. S. 256–289.
- Werner K.-F.* Zur Arbeitsweise Des Regino von Prüm // Die Welt als Geschichte. 1959. Jg. 19. S. 96–116.
- White L.* Medieval technology and social change. Oxford : Oxford University Press, 1962. 213 p.
- Wolfram H.* Atanarich the Visigoth: Monarchy or judgeship? A study in comparative history // Journal of medieval history. 1975. Vol. 1. P. 259–278.
- Wolfram H.* Gotische Studien I: Das Richtertum Athanarichs // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. 1975. Jg. 83. S. 1–32.
- Wollasch J.* Kaiser und Könige als Brüder der Mönche: Zum Herrscherbild in liturgischen Handschriften des 9 bis 11 jahrhunderts // Deutsches Archiv. 1984. Jg. 40. S. 1–20.
- Wood I. N.* The missionary life : saints and the evangelisation of Europe, 400-1050. Harlow, England; New York : Longman, 2001.

Wood I. Deconstructing the Merovingian family // The Construction of Communities in the Early Middle Ages: Texts, Resources and Artefacts. Vol. 12 / ed. by R. Corradini, M. Diesenberger, H. Reinitz. Leiden : Brill, 2003. P. 149–171. (The Transformation of the Roman World).

Zimmermann H. Zu Flodoards Historiographie und Regestentechnik // Im Bann des Mittelalters. Ausgewählte Beiträge zur Kirchen- und Rechtsgeschichte. Festgabe zu seinem 60. Geburtstag / под ред. I. Eberl, H.-H. Kortüm. Sigmaringen, 1986. С. 81–95.

Zimmermann H. Zu Flodoards Historiographie und Regestentechnik // Festschrift für Helmut Beumann zum 65. Geburtstag / hrsg. von K. U. Jäschke, R. Wenskus. Sigmaringen, 1977. S. 200–214.

Откровение Иоанна.